Фуг. Старина

№ 5.

1903.

КАЯ
РИНА

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Совета
Профессиональных Союзов.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIV-й. МАЙ. 1903 годъ.

Книга на ком не выдается.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Виталій Николаевичъ Троцкій. (Біографич. очеркъ). В. Т. Судейкина... 241—259
II. Пять писемъ И. А. Аксакова къ К. Ѳ. Головину. 261—266
III. Записки Н. Г. Залѣсова. Сообщила Н. Длусская. 267—289
IV. Изъ прошлаго. Затишье. П. Д. Паренсова... 291—302
V. Письмо П. Пирлинга о Маринѣ ..... 303—305
VI. Записки Э. И. Стогова.. 307—330
VII. Священникъ Н. А. Мурзакевичъ, обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 г. И. И. Орловскаго..... 331—349
VIII. Посылка Тадеуша Вылежинскаго въ Петербургъ. въ 1830—1831 гг. Г. А. Воробьева..... 351—361
IX. Празднованіе столѣтія Петербурга. Сообщилъ В. Срезневскій.... 363—378
X. Цензура въ царствованіе императора Николая I-го. 379—396
XI. Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ. Сообщ. И. А. Бычковъ. 397—415
XII. Княгиня Д. Х. Ливенъ и ея переписка съ разными лицами..... 417—442
XIII. Россія и папскій престолъ. 1580—1601 гг. Извлеченіе изъ сочиненія П. Пирлинга. (Окончан.). В. В. Тимощукъ... 443—466
XIV. Изъ дневника П. Г. Дивова..... 467—478
XV. Записная книжка „Русской Старины“: Замѣчаніе Сенату. Высочайшій указъ министру юстиціи. 29-го іюля 1821 г. (стр. 260).— П. А. Валуевъ о Петрѣ Великомъ. Письмо П. А. Валуева къ А. Г. Тройницкому. 10-го марта 1864 г. Сообщилъ Г. А. Тройницкій (290). — Изъ старинныхъ обычаевъ въ гор. Саратовѣ. Сообщ. А. Н. Минхъ (306).— Маршрутъ для путешествія М. М. Сперанскаго. Письмо графа М. С. Воронцова М. М. Сперанскому. 28-го мая 1823 г. (350).—Послѣдствія посѣщенія столицы для двухъ евреевъ. Сообщилъ Алексѣй Мердеръ (362). — Плоцкая Русская публичная библіотека (416).—Современное стихотвореніе на кончину императрицы Маріи Ѳеодоровны (479—480).
XVI. Библіографич. листокъ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Виталія Николаевича Троцкаго.**

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1903.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1903 года.

Библіографическій листокъ.

Главное Инженерное Управленіе. Ч. 1. Царствованіе Императора Александра I. Вып. I-й. Инженерное управленіе и его средства. Историческій очеркъ (въ томѣ VII „Столѣтіе Военнаго Министерства“, 1802—1902). Спб. 1902 г. in 4⁰ д., 4+LXXXIV+314+163+6+2 и 54 иллюстраціи, портреты, рисунки, чертежи).

Составителемъ книги является воен. инж. ген.-м. И. Г. Фабриціусъ. Изданіе это юбилейное—роскошное, въ типографскомъ и художественномъ отношеніяхъ. Въ «введеніи» уложилась исторія инж. вѣдомства, за XVII в., отъ Петра I до Александра I; въ кн. I—III разсмотрѣна исторія образованія центральнаго (главнаго) инж. управленія, съ вопросами его ученой, учебной, техническо-хозяйственной и дѣлопроизводственной частей въ царствованіе императора Александра I.

Въ приложеніяхъ приводятся документы и, между ними, рескрипты императора Павла инж.-ген. фонъ-Сухтелену.

Кромѣ уже извѣстныхъ матеріаловъ, составитель пользовался и преимущественно первоисточниками, извлекая ихъ изъ правительственныхъ и частныхъ архивовъ; какъ нѣкоторые документы, такъ и многіе гравюры и чертежи впервые появляются изъ нѣдръ малодоступныхъ и цѣнныхъ коллекцій (напр. П. Я. Дашкова). При широкой программѣ и краткомъ времени (менѣе 2-хъ лѣтъ) ген. Фабриціусу съ помощниками подполк. Е. О. Поповымъ и пор. Г. С. Габаевымъ пришлось много, неутомимо поработать, дабы обязательно кончить работу къ концу прошлаго года; весь трудъ—два выпуска и на-дняхъ ожидается второй выпускъ этой книги.

Къ сожалѣнію, спѣшность работы сказалась въ нѣкоторыхъ недочетахъ и просмотрахъ книги, въ научномъ и литературномъ отношеніяхъ. Однако, трудъ ген. Фабриціуса безусловно интересенъ и не для военнаго читателя и долженъ быть отнесенъ къ историческимъ изслѣдованіямъ и отмѣчается нами, помимо его оффиціальнаго значенія.

Благодаря живому изложенію «Очеркъ» читается легко. Дѣятельность лицъ, поработавшихъ на пользу администраціи, ученаго и учебнаго инженернаго дѣла, а въ томъ числѣ и перваго генералъ-инспектора по инженерной части его императорскаго высочества великаго князя Николая Павловича—представлена полно, на основаніи многихъ новыхъ данныхъ.

Л. В. Евдокимовъ.

Тюмень въ XVII столѣтіи. Собраніе матеріаловъ для исторіи города съ „введеніемъ“ и заключительной статьею прив.-доц. П. М. Головачева: „Экономическій бытъ Тюмени въ XVII в.“, съ приложеніемъ плана старинной Тюмени и 2 видовъ Благовѣщенскаго собора начала XVII в. Александровскимъ тюменскимъ реальнымъ училищемъ удостоено преміи имени Н. М. Чукмалдина. Изд. А. И. Чукмалдиной. Весь сборъ съ изданія поступитъ на просвѣтительныя и благотворительныя цѣли. Москва. 1903 г.

Исторія Сибири, какъ извѣстно, не отличается богатствомъ и разнообразіемъ внѣшнихъ проявленій, драматизмомъ событій, вытекающимъ изъ столкновенія какихъ-либо равносильныхъ идейныхъ началъ, почему и представляетъ малую внѣшнюю занимательность. Какъ исторія области, не преслѣдовавшей задачъ внѣшней политики и сталкивавшейся только съ разрозненными и слабыми инородцами, какъ исторія страны крайне молодой, безъ запутанныхъ вопросовъ, завѣщанныхъ прошлымъ, — вся исторія эта заключается, главнымъ образомъ, въ изложеніи того, въ какихъ направленіяхъ разселялись въ Сибири новые пришельцы и откуда они являлись, какъ приспособлялись къ новымъ условіямъ жизни, въ какой мѣрѣ и въ какихъ формахъ подчинялись общему экономическому и государственному строю Московской Руси XVII в. [1]).

Исторія Тюмени, какъ и всѣхъ безъ исключенія сибирскихъ городовъ, совершенно не разработана до настоящаго времени; немногія историческія данныя, разбросанныя въ нѣкоторыхъ томахъ «Дополненій къ Актамъ Историческимъ», II и VIII т.т. «Русской Исторической Библіотеки», I т. «Памятниковъ сибирской исторіи XVIII в.», въ Полномъ Собраніи Законовъ,—до такой степени скудны и неполны, что не могутъ быть положены въ основу историческаго изслѣдованія. Свѣдѣнія о Тюмени XVII в. въ общихъ

[1]) Г. Словцовъ во «введеніи» къ своему «Историческому обозрѣнію Сибири» такъ характеризуетъ исторію этой окраины: «Исторія страны невеселой, зимуя среди пестрыхъ нравовъ и обычаевъ, безъ мечтаній славы, безъ проявленій генія, безъ побѣдъ, безъ политики; исторія, не видавшая у себя великихъ міра, кромѣ великихъ изгнанниковъ его, наслѣдовавшая вмѣсто Эллорскихъ храмовъ одни курганы или непрочитанные на утесахъ писанцы».

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
при Московском Совѣтѣ
Профессіональныхъ Союзовъ.

Виталій Николаевичъ Троцкій.

(Біографическій очеркъ).

Девятаго мая 1901 года скончался въ Вильнѣ командующій войсками Виленскаго военнаго округа и генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края, генералъ-адъютантъ Виталій Николаевичъ Троцкій.

По характеру, по дѣйствіямъ, по выработанной и примѣненной къ Сѣверо-Западному краю системѣ управленія, онъ заслуживаетъ бо́льшаго вниманія, чѣмъ обыкновенно удѣляется печатью дѣятелямъ провинціальной администраціи.

Разумѣется, кругъ дѣятельности провинціальнаго администратора менѣе обширенъ, не такъ увлекателенъ, какъ лицъ, занимающихъ мѣста въ центрѣ, такъ какъ преслѣдуемые ими интересы строго областнаго характера, и поэтому нѣтъ достаточныхъ основаній, чтобы выдвинуться, особенно когда такія лица дѣйствуютъ въ спокойное, тихое время, когда самая работа носитъ свой мало замѣтный характеръ. Не такова, однако, дѣятельность въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Надо знать немного край, чтобы убѣдиться въ особенностяхъ его строя и оцѣнить сопряженныя съ его управленіемъ трудности. При подобныхъ условіяхъ работа такихъ дѣятелей, какъ Виталій Николаевичъ Троцкій, говоритъ за себя; онъ только вошелъ въ дѣло и сталъ шире ставить и разрабатывать вопросы, какъ смерть пресѣкла дѣятельность этого выдающагося представителя русской администраціи.

Сѣверо-Западный край въ силу историческихъ и этнографическихъ условій представляетъ много особенностей, рѣзко его выдѣляющихъ отъ другихъ частей Россіи. И до сихъ поръ въ этомъ краѣ не забыли

прошлаго: его напоминаютъ названія, костелы, рѣзко-выдѣляющіеся архитектурною формою, одежда и весь бытовый складъ жизни населенія. Этнографическій характеръ населенія пестрый, и среди него русскіе не успѣли пріобрѣсти экономическаго и культурнаго преобладанія, и на этой окраинѣ въ настоящее время ведутъ борьбу за самостоятельность русскіе, поляки, литовцы, нѣмцы, евреи.

Каждая изъ этихъ національностей стремится усилиться на счетъ другихъ, и со стороны лицъ, стоящихъ во главѣ управленія, помимо другихъ качествъ, требуется много такта, знанія, чтобы, не раздражая пустыми и безцѣльными мѣрами, съумѣть объединить всѣ національности на почвѣ одного преобладающаго интереса. Здѣсь борьба идетъ и будетъ длиться долго. Вопросъ идетъ не о порабощеніи одной національности другою, а о созданіи общаго благополучія и объединенія не только на политической, но и на культурно-экономической почвѣ, могущей сильнѣе сплотить сознаніемъ общности интересовъ разновѣрное и разноплеменное населеніе края.

Вся, почти полувѣковая, служба Виталія Николаевича (13-го августа 1901 г. исполнилось 48 лѣтъ службы) протекла на окраинахъ: въ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ онъ достигъ положенія военнаго губернатора и командующаго войсками Сыръ-Дарьинской области, на Кавказѣ въ качествѣ начальника окружнаго штаба и, наконецъ, завершилась въ Сѣверо-Западномъ краѣ. На этихъ окраинахъ и выработался глубоко симпатичный типъ русскаго администратора, спокойнаго, доброжелательнаго, гуманнаго ко всѣмъ безъ различія національностямъ и, что особенно важно, русскаго человѣка [1]).

Послѣднее свойство кладетъ рѣзкій отпечатокъ на всю его дѣятельность въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Будучи человѣченъ, благожелателенъ ко всѣмъ [2]), Виталій Николаевичъ компромиссовъ не допускалъ и твердо,

---

[1]) Окраины бѣдны русскими людьми, и поэтому тамъ въ борьбѣ за національное преобладаніе несравненно сильнѣе развивается національное чувство, что̀, между прочимъ, сказывается даже въ такихъ мелочахъ, какъ пожертвованія на русское дѣло. На окраинѣ русскій человѣкъ гораздо отзывчивѣе, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ совершенно не чувствуется гнетъ инородца.

[2]) Происходили и курьезы. Къ Виталію Николаевичу обратился старикъ-еврей, знавшій его болѣе сорока лѣтъ назадъ, когда онъ стоялъ въ Гродненской губерніи съ полкомъ, съ просьбою походатайствовать о пріемѣ его единственнаго внука въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Виталій Николаевичъ направилъ его ко мнѣ. Ввалился въ кабинетъ еврей съ воплями. Разспросивъ въ чемъ дѣло и сдѣлавъ необходимыя справки, я сказалъ еврею, что разъ генералъ-губернаторъ выразилъ желаніе помочь ему, то все будетъ сдѣлано.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріема внука въ одно изъ высшихъ

не уклоняясь, велъ линію, что именно въ этомъ краѣ необходимо. По сознанію самихъ поляковъ, ничто для нихъ такъ не гибельно, какъ отсутствіе опредѣленности и твердости лицъ, стоящихъ во главѣ управленія.

Виталій Николаевичъ родился 19-го декабря 1835 г. въ принадлежащемъ его отцу хуторѣ близъ села Волосковцы, Сосницкаго уѣзда, Черниговской губерніи, гдѣ дѣды и прадѣды его, въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ, владѣли землею и одинъ изъ его предковъ былъ полковникомъ Запорожскаго войска въ 1710 г. «Я казакъ», впослѣдствіи не разъ говорилъ мнѣ Виталій Николаевичъ.

Отецъ его участвовалъ въ отечественной войнѣ и, тяжело раненый въ сраженіи подъ Дрезденомъ, выйдя въ отставку, поселился на родномъ хуторѣ. Тамъ же впослѣдствіи и женился. Въ степяхъ благодатнаго юга родился Виталій Николаевичъ. Южная, степная, ровная природа, съ ея прозрачнымъ воздухомъ и ароматомъ степей, оказывала на него большое вліяніе, и Виталій Николаевичъ на всю свою жизнь сохранилъ любовь къ хутору; смотрѣлъ на него, какъ на святыню, и, при малѣйшей возможности, наѣзжалъ туда или же отсылалъ семью изъ Туркестана, Кавказа... Не разъ мнѣ приходилось слышать отъ него, что ему достаточно пробыть два-три дня на хуторѣ, и всякое нездоровье исчезнетъ. Сюда манила природа и простота малороссійской жизни. Я живо припоминаю, съ какимъ умиленіемъ онъ передавалъ мнѣ о простотѣ жизни хуторянина.

— По смерти моего отца, разсказывалъ мнѣ Виталій Николаевичъ, разбирая оставленныя имъ бумаги, нашелъ его дневникъ, гдѣ значилось слѣдующее: «сегодня сынъ мой Виталій, генералъ-маіоръ свиты его величества, кавалеръ ордена Св. Георгія 3-й степени и начальникъ штаба, увидавъ свиней въ саду, схватилъ колъ, побѣжалъ за ними и выгналъ ихъ вонъ». Старикъ, ветеранъ отечественной войны, видимо, былъ очень пораженъ, что такой важный человѣкъ, какъ его сынъ, не постѣснился самъ схватить колъ и выгнать свиней изъ сада.

На девятомъ году маленькаго Троцкаго отдали въ первый Московскій кадетскій корпусъ, откуда вышло не мало видныхъ дѣятелей нашего времени. Здѣсь Виталій Николаевичъ пробылъ до полученія офицерскаго чина, почти никуда не выходя, и здѣсь-то, въ обстановкѣ корпуса, онъ усвоилъ товарищескій духъ. При условіяхъ воспитанія того

учебныхъ заведеній, старикъ-еврей приходитъ ко мнѣ въ канцелярію благодарить и, понизивъ голосъ, спрашиваетъ, не можетъ ли онъ быть и мнѣ полезнымъ, не имѣю ли я какой просьбы къ нему. И даже большую, отвѣтилъ я. Видимо старика это заинтересовало и, придвинувшись ближе, онъ вопросительно и пытливо сталъ на меня смотрѣть.

— Прошу и васъ относиться къ моимъ единовѣрцамъ такъ же благожелательно, какъ и мы къ вамъ; больше просить мнѣ васъ не о чемъ. Послѣ этого неожиданнаго отвѣта еврей такъ и отпрянулъ.

*

времени, родители не баловали своихъ дѣтей письмами; родители Троцкаго въ этомъ отношеніи исключенія не составляли и, видимо, далеко не всегда сообщали ему новости домашней жизни.

— Какая рѣзкая разница въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми и въ системѣ воспитанія, въ мое время и теперь,—не разъ говорилъ мнѣ Виталій Николаевичъ. Въ присылаемыхъ письмахъ разъ, два въ годъ мнѣ не сообщали, что дѣлается дома, между тѣмъ какъ-то отецъ приписалъ въ письмѣ: ты все шлешь поцѣлуи сестрѣ, а она умерла два года тому назадъ.

Въ корпусѣ Виталій Николаевичъ учился хорошо, но, по окончаніи курса, за молодостью былъ оставленъ еще на годъ въ томъ же классѣ.

«Тяжело было отстать отъ товарищей», передавалъ мнѣ Виталій Николаевичъ. Директоръ корпуса, почтенный В. П. Желтухинъ, принялъ во мнѣ горячее участіе и просилъ начальника штаба военно-учебныхъ заведеній генералъ-адъютанта Я. И. Ростовцева посодѣйствовать моему выпуску въ офицеры. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я былъ представленъ Я. И. Ростовцеву, а за тѣмъ начальнику военно-учебныхъ заведеній, государю наслѣднику цесаревичу, впослѣдствіи императору Александру II, и онъ, посмотрѣвъ на меня, сказалъ: «Да какой же онъ офицеръ, это совсѣмъ мальчикъ».

Судьба Троцкаго опредѣлилась, и онъ остался еще на годъ въ корпусѣ.

Московскій кадетскій корпусъ, какъ и всѣ вообще учебныя заведенія Москвы, оставилъ пріятныя воспоминанія въ бывшемъ питомцѣ. Что же касается до товарищей, Виталій Николаевичъ до конца жизни сохранилъ дружескія, теплыя отношенія съ большинствомъ своихъ однокашниковъ, неизмѣнно пользуясь ихъ расположеніемъ и уваженіемъ. Онъ сохранилъ благоговѣйное уваженіе и къ памяти бывшаго директора корпуса В.П. Желтухина, вдову котораго, недавно скончавшуюся ветхую старушку, считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ посѣщать каждый пріѣздъ въ Петербургъ. Вообще Виталій Николаевичъ помнилъ хорошо всѣхъ, кто ему оказалъ какое-нибудь вниманіе, и старался въ свою очередь отплатить, помогая имъ или ихъ дѣтямъ, внукамъ и т. д. Разъ, дѣло касалось необходимости оказать кому-либо добро, онъ не смотрѣлъ на національность, старался сдѣлать все, что только могъ.

По успѣхамъ [1]) молодой Троцкій, по выходѣ изъ корпуса, могъ получить назначеніе въ гвардію, но, за неимѣніемъ вакансіи, былъ на-

---

[1]) Изъ письма извѣстнаго туркестанскаго генералъ-губернатора К. П. Кауфмана къ Троцкому 1876 г. 23-го іюня: «отвыкъ писать по-нѣмецки, да и вы, я думаю, въ корпусѣ болѣе 3 баловъ не заслуживали изъ этого труднаго, хотя и хорошаго языка». В. Н. былъ въ корпусѣ фельдфебелемъ.

значенъ (13-го августа 1853 г.) поручикомъ въ Егерскій, нынѣ пѣхотный его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича Казанскій полкъ, стоявшій въ то время въ Москвѣ.

Какъ передавалъ Виталій Николаевичъ, ему нравилась стоянка въ Москвѣ, гдѣ онъ уже провелъ 8 лѣтъ въ корпусѣ; но вскорѣ открылись военныя дѣйствія въ Турціи, и 11-го января, при лютыхъ морозахъ, онъ выступилъ съ полкомъ въ походъ сначала въ Крымъ, а въ дорогѣ настигло распоряженіе полкъ направить въ Молдавію и Валахію къ Бендерамъ, а оттуда опять въ Крымъ. Повидимому, въ полку молодой поручикъ Троцкій вскорѣ съумѣлъ себя зарекомендовать съ хорошей стороны, такъ какъ на походѣ былъ назначенъ командующимъ ротою. Вскорѣ молодому Троцкому пришлось испытать не только походную жизнь, но и побывать въ огнѣ. Казанскій полкъ участвовалъ въ неудачномъ для насъ Альминскомъ сраженіи 8-го сентября 1854 г. Командиръ полка, баталіонные командиры и большинство офицеровъ были убиты или ранены

— Ваше благородіе!—сказалъ ему барабанщикъ, всѣ офицеры убиты, ранены; вы старшой.

— Ну, такъ стань за мной и барабань—соберемъ батальонъ, и такимъ образомъ восемнадцати-лѣтній Троцкій вывелъ изъ огня батальонъ, что доставило ему первую боевую награду.

Много лѣтъ прошло и въ 1900 г., при празднованіи двухсотлѣтняго юбилея Казанскаго полка, вспомнили объ этомъ боевомъ эпизодѣ В. Н. и государю императору было угодно зачислить Троцкаго въ Казанскій полкъ, о чемъ его величество лично сообщилъ офицерамъ, присутствовавшимъ въ Бѣлостокѣ, на вокзалѣ, при его проѣздѣ. Вниманіе государя страшно обрадовало стараго казанца, и онъ говорилъ объ этой милости съ величайшимъ умиленіемъ.

Казанскій полкъ послѣ Альминскаго сраженія оставался въ Крыму на Инкерманскихъ высотахъ и въ окрестностяхъ Севастополя до 8-го марта 1855 года, когда перешелъ въ Севастопольскій гарнизонъ. Какъ передавалъ В. Н., онъ вполнѣ втянулся въ походную жизнь. Лишенное удобствъ пребываніе въ Крыму, соединенное съ постояннымъ ожиданіемъ призыва въ Севастополь, видимо, нисколько не тяготило молодаго поручика; къ тому же счастье ему благопріятствовало, такъ какъ онъ, не смотря на участіе въ дѣлѣ, не былъ ни раненъ, ни контуженъ.

«Какъ-то, разсказывалъ онъ, сидѣлъ я въ банѣ на полкѣ; что это была за баня въ землянкѣ, можете себѣ представить—какъ появился ординарецъ командира полка и сообщилъ, что онъ меня требуетъ къ себѣ. Тогда командовалъ полкомъ полковникъ Гастфордъ, а я былъ полковымъ адъютантомъ. Я сейчасъ же направился къ нему, и онъ мнѣ передалъ содержаніе полученной изъ Петербурга бумаги, въ которой

сообщалось о моемъ переводѣ въ Л. Гв. Егерскій полкъ, и спросилъ меня, какъ я думаю поступить. Я отвѣчалъ, что теперь не такое время, чтобы военные могли уходить и я хочу остаться. Онъ вполнѣ одобрилъ рѣшеніе и, съ своей стороны, высказалъ намѣреніе помочь мнѣ устроить это, прикомандировавъ къ полку. Но на другой день рано утромъ меня вновь потребовалъ къ себѣ и сказалъ: «изъ-за васъ, молодой человѣкъ, я не спалъ цѣлую ночь. Меня мучила мысль, что, содѣйствуя вамъ остаться въ полку, я, быть можетъ, буду причиной вашей смерти. Посмотрите, что дѣлается вокругъ. Уѣзжайте». Я сталъ было возражать, но полковникъ и слушать не хотѣлъ и настойчиво потребовалъ моего отъѣзда, что̀ я сдѣлалъ въ мартѣ 1855 года».

По пріѣздѣ въ Петербургъ, молодому Троцкому не долго пришлось пользоваться удовольствіями столичной жизни: Л. Гв. Егерскій полкъ, въ составѣ офицеровъ котораго онъ находился, былъ придвинутъ къ границѣ и расположился сначала въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, а затѣмъ передвинутъ въ Сувалкскую губернію.

Пребываніе въ ранней молодости въ Сѣверо-Западномъ краѣ, рѣзко отличающемся отъ остальной Россіи по этнографическому и религіозному составу населенія, въ составѣ котораго преобладаютъ поляки и литовцы, познакомило молодаго поручика съ бытовыми особенностями края, гдѣ впослѣдствіи ему пришлось быть генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками. По заключеніи мира полкъ, въ 1856 г., двинулся въ Москву на коронацію. Такія путешествія не проходятъ безслѣдно для способныхъ людей: они знакомятъ ихъ съ бытовыми условіями жизни населенія, сближаютъ съ солдатами и развиваютъ пытливость и наблюдательность.

Въ этотъ періодъ своей жизни, молодой Троцкій поѣхалъ къ отцу на хуторъ, и эта поѣздка имѣла важныя послѣдствія. Его старшій братъ, тоже военный, указывая на пустоту жизни офицеровъ того времени, рекомендовалъ ему для расширенія образованія поступить въ Академію генеральнаго штаба, и молодой поручикъ покинулъ родныхъ съ твердымъ намѣреніемъ послѣдовать совѣту старшаго брата. «Направляясь въ Петербургъ, я, говорилъ В. Н., встрѣтилъ однополчанина и, разговаривая съ нимъ, узналъ, что и онъ ѣдетъ съ такою же мыслью, какъ и я— и это еще болѣе укрѣпило меня въ моемъ намѣреніи. И мы въ одинъ и тотъ же годъ поступили въ Академію». Здѣсь Троцкому пришлось познакомиться съ двумя молодыми полковниками, съ которыми онъ сохранилъ добрыя отношенія на всю жизнь и къ которымъ питалъ чувство уваженія,—Н. Н. Обручевымъ и М. И. Драгомировымъ.

Академію онъ окончилъ въ 1860 г., что совпало съ эпохою реформъ, рѣзко измѣнившихъ вѣками сложившійся строй.

Будучи по убѣжденіямъ націоналистомъ, онъ навсегда сохранилъ гуманность къ лицамъ низшихъ классовъ населенія, и эта черта сказы-

валась въ его дѣйствіяхъ по управленію. Будучи строгимъ законникомъ и, въ необходимыхъ случаяхъ, сторонникомъ крутыхъ мѣръ, онъ въ то же время участливо относился къ крестьянамъ.

По окончаніи Академіи, ему пришлось нести службу офицера генеральнаго штаба, а съ 1863 по 1866 г. онъ былъ помощникомъ редактора «Русскаго Инвалида». «Русскій Инвалидъ» въ то время былъ газетою литературною и политическою, имѣвшею обширный кругъ читателей. Здѣсь помѣщали живыя, бойкія статьи, и Троцкому пришлось не мало писать ихъ по польскому вопросу, что облегчалось нѣкоторымъ знакомствомъ съ Западною окраиною. В. Н. съ удовольствіемъ вспоминаетъ о томъ времени, когда ему пришлось въ редакціи встрѣчаться съ многими молодыми литераторами. Трехлѣтняя работа въ редакціи также не прошла безслѣдно для развитія В. Н.: онъ втянулся въ литературные и политическіе интересы и на всю жизнь сохранилъ большое уваженіе къ наукѣ и знанію, на что вполнѣ указываетъ его, въ бытность генералъ-губернаторомъ, настойчивая переписка съ министромъ народнаго просвѣщенія о необходимости развитія школъ и вообще культурныхъ условій въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ наиболѣе важныхъ факторовъ политическаго объединенія этой окраины съ внутренними губерніями. А какую борьбу пришлось выносить изъ-за школы съ католическими епископами, высказавшими готовность выйти на помощь школѣ при одномъ условіи, если она будетъ передана имъ! О значеніи народной школы въ жизни крестьянства очень рельефно онъ высказалъ дворянству Ковенской губерніи на данномъ послѣ объѣзда Ковенской губерніи въ честь его обѣдѣ губернскимъ предводителемъ дворянства П. А. Столыпинымъ.

Посѣщая всѣ встрѣчавшіяся на пути школы, Виталій Николаевичъ не могъ не убѣдиться, какъ ихъ мало сравнительно съ потребностями населенія, и какъ мало сдѣлано нашею администраціею въ этомъ отношеніи именно въ той губерніи, гдѣ русской рѣчи почти не слышно и гдѣ русскіе едва-ли составляютъ 2% всего населенія. Между тѣмъ школа имѣетъ для литовцевъ практическое значеніе для прохожденія военной службы; знакомство дѣтей съ русскимъ языкомъ служитъ наилучшимъ проводникомъ русской культуры.

На-ряду съ этимъ Виталія Николаевича поразилъ и другой фактъ: отвѣты арестантовъ при посѣщеніи тюремъ. При опросахъ, за что сидятъ, нерѣдко приходилось слышать: убилъ отца, брата, и т. д. Въ извѣстной мѣрѣ смягчить нравы можетъ конечно школа, и В. Н., дѣлясь своими впечатлѣніями, вынесенными изъ двухъ-недѣльнаго объѣзда губерніи на лошадяхъ, обратился къ присутствующимъ съ горячею рѣчью, прося придти на помощь просвѣщенію народа.

Въ 1866 г. произошла перемѣна въ служебной дѣятельности Виталія Николаевича. Онъ рѣшился покинуть Петербургъ и ѣхать въ Турке-

станскій край, какъ кажется, по предложенію генерала Романовскаго. И теперь, послѣ многихъ лѣтъ водворенія въ Туркестанскомъ краѣ русской гражданственности, проведенія желѣзныхъ дорогъ и т. п., въ русскомъ обществѣ имѣется мало свѣдѣній объ этой, въ высшей степени, интересной окраинѣ, а въ то время почти ничего не имѣлось. Служившіе же въ краѣ разсказывали прямо нѣчто невѣроятное.

— Предполагая ѣхать въ Туркестанскій край, передавалъ Виталій Николаевичъ, я пошелъ къ одному полковнику генеральнаго штаба, ранѣе служившему въ краѣ, разспросить его объ условіяхъ тамошней жизни, и тотъ наговорилъ большихъ страховъ и между прочимъ указалъ на скорпіоновъ, фалангъ, ядовитыхъ змѣй, кишащихъ въ домахъ и т. п. Представьте же себѣ, смѣясь говорилъ мнѣ В. Н., за 17 лѣтъ жизни въ краѣ я, при частыхъ походахъ, поѣздкахъ по краю, только и видѣлъ двухъ скорпіоновъ—изъ нихъ подъ подушкою одного!

Невѣдомый край, тяжелыя, слишкомъ рѣзко отличающіяся отъ европейскихъ условія жизни, видимо, смущали В. Н., и онъ, не рѣшаясь ѣхать, пошелъ посовѣтываться къ Н. Н. Обручеву, а тотъ въ отвѣтъ перекрестилъ его, повернулъ лицомъ къ двери и сказалъ:—«Съ Богомъ».—Такого сердечнаго участія В. Н. не забылъ до послѣднихъ дней.

Нѣкоторые изъ петербургскихъ товарищей сожалѣли о Троцкомъ; но судьба была въ его пользу: именно здѣсь, въ Туркестанскомъ краѣ, Виталій Николаевичъ составилъ себѣ и боевое имя, окончательно сформировалъ свой характеръ и здѣсь же нашелъ свое семейное счастіе...

Виталій Николаевичъ прибылъ въ Туркестанскій край въ тотъ періодъ, когда русскіе должны были, во избѣжаніе грабежей хивинцевъ, кокандцевъ и др., принять мѣры къ упроченію своего вліянія. Вся эта, раскинутая на огромномъ пространствѣ, окраина управлялась въ военномъ и гражданскомъ отношеніяхъ изъ Оренбурга, гдѣ находилось управленіе генералъ-губернатора. До сихъ поръ эта окраина не получила достаточной оцѣнки, между тѣмъ несомнѣнно, что это одна изъ богатыхъ и наиболѣе интересныхъ частей Россіи съ совершенно своеобразнымъ населеніемъ, скорѣе и легче всего могущимъ подвергаться нашему вліянію. Незадолго до пріѣзда въ край В. Н. Троцкаго, М. Г. Черняевъ взялъ Ташкентъ. Поводомъ къ дальнѣйшимъ нашимъ завоеваніямъ было стремленіе обезпечить спокойное развитіе гражданственности отъ набѣговъ хивинцевъ. По прибытіи къ мѣсту новаго служенія, Виталій Николаевичъ былъ назначенъ исполняющимъ должность начальника штаба въ Туркестанской (части Сыръ-Дарьинской) области и вскорѣ принялъ участіе во взятіи штурмомъ Ура-Тюбе и Джизака.

Между тѣмъ, съ образованіемъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства въ 1867 г., былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ генералъ-

адъютантъ К. П. Кауфманъ, не долго бывшій послѣ М. Н. Мураръева генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края.

Мѣстные служащіе предсказывали В. Н., что, съ пріѣздомъ новаго начальника послѣдній его выживетъ, поводомъ къ чему служила произведенная имъ ревизія дѣйствій одного изъ полковыхъ командировъ, имѣвшаго значительныя связи. Случилось совершенно обратное,—К. П. Кауфманъ, на первыхъ порахъ по пріѣздѣ, относившійся къ Троцкому съ предубѣжденіемъ и недовѣрчиво, поручилъ ему сдѣлать работу о Туркестанскомъ краѣ и Виталій Николаевичъ, какъ уже успѣвшій ознакомиться съ краемъ, представилъ ее въ теченіе краткаго времени. Повидимому, представленная имъ работа въ значительной степени опредѣлила его отношеніе къ Кауфману, хорошо понимавшему, что безъ привлеченія способныхъ и честныхъ людей управлять краемъ нельзя.

Вскорѣ у В. Н. сложились наилучшія отношенія съ Кауфманомъ, и онъ быстро совершалъ свою служебную карьеру. Послѣдовательно онъ занималъ должность начальника областнаго штаба, а въ 1869 г. былъ назначенъ и. д. помощника командующаго войсками Сыръ-Дарьинской области. Вскорѣ, по распоряженію командующаго войсками, былъ назначенъ начальникомъ штаба экспедиціоннаго отряда въ Шехризябскую экспедицію и участвовалъ въ штурмѣ и взятіи съ боя г. Китабы. Принималъ участіе и въ покореніи Кульджинскаго ханства.

Вмѣстѣ съ этимъ онъ серьезно изучалъ край и принималъ дѣятельное участіе въ мѣстномъ отдѣленіи географическаго общества.

В. Н. работалъ быстро; прочитанное и изложенное усваивалъ скоро и вообще работалъ легко, и это осталось за нимъ до самаго послѣдняго дня его жизни и, что болѣе важно въ человѣкѣ, занимающемъ высокій постъ, онъ какъ бы не обращалъ вниманія на мелочи, а схватывалъ суть вопроса. Не могу при этомъ не остановить вниманія на высказываемомъ — въ нѣкоторыхъ кругахъ — мнѣніи весьма почтенными людьми, будто онъ былъ человѣкомъ лѣнивымъ. Не говоря уже о личныхъ впечатлѣніяхъ, основанныхъ на ежедневномъ служебномъ общеніи съ В. Н., вотъ что передавалъ мнѣ бывшій его помощникъ, генералъ-отъ-инфантеріи П. Т. Перликъ, занявшій послѣ него мѣсто начальника штаба Кавказскаго военнаго округа: «я принялъ штабъ послѣ В. Н. и дѣла нашелъ въ большомъ порядкѣ. В. Н. не только самъ работалъ, но—что самое главное въ начальникѣ—умѣлъ подбирать себѣ выдающихся сотрудниковъ и поэтому дѣла у него шли хорошо».

Въ 1872 г. Виталій Николаевичъ былъ командированъ въ Москву для редакціи сборника «Русскій Туркестанъ» и представленія государю императору военнаго отдѣленія на выставкѣ Туркестанскаго отдѣла. Въ то время это была крупная и интересная новость для русскихъ. Здѣсь на выставкѣ съ нимъ произошелъ такой эпизодъ: государь Але-

ксандръ II, обозрѣвая выставку, нашелъ, что манекенъ туркестанскаго солдата одѣтъ не по формѣ, и выразилъ неудовольствіе на незнаніе формъ. Выраженіе неудовольствія государемъ императоромъ подѣйствовало на В. Н. угнетающимъ образомъ. Присутствовавшій при этомъ наслѣдникъ цесаревичъ, впослѣдствіи императоръ Александръ III, такъ передавалъ мнѣ В. Н., что-то шепнулъ московскому генералъ-губернатору князю Долгорукову и затѣмъ, проходя мимо меня, крѣпко пожалъ мнѣ руку, а генералъ-губернаторъ, кн. В. А. Долгоруковъ, подошелъ и пригласилъ меня на бывшій у него вечеръ, гдѣ весь этотъ непріятный случай разъяснился.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года (1872) В. Н. уже велъ на рекогносцировку отрядъ къ г. Токмаку; зима же прошла въ подготовительныхъ работахъ къ знаменитому хивинскому походу.

Въ этомъ походѣ В. Н. явился въ отвѣтственной роли начальника полеваго штаба отряда, дѣйствовавшаго противъ Хивы, во главѣ котораго стоялъ генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ. Хивинскій походъ, по справедливому замѣчанію В. Н., представляетъ блестящую страницу въ исторіи русскихъ войскъ по тѣмъ трудностямъ, которыя были соединены съ нимъ; здѣсь приходилось бороться съ самымъ сильнымъ врагомъ—среднеазіатскою природою, безконечными песками и безводіемъ. Всѣ ранѣе предпринимавшіеся степные походы кончались неудачно, и, разумѣется, опытъ ихъ долженъ былъ послужить исходной точкой при обсужденіи и выработкѣ плана похода. Этому походу посвящено цѣлое сочиненіе, изданное подъ редакціей Виталія Николаевича. Впослѣдствіи онъ передавалъ мнѣ, что у насъ вообще мало знали о Хивинскомъ походѣ. Между тѣмъ когда кто-то изъ его знакомыхъ, въ бытность въ Берлинѣ, сдѣлалъ визитъ одному изъ принцевъ, то оказалось, что тамъ военные по картамъ слѣдили за всѣми движеніями нашего отряда. Въ виду неудачъ, постигнувшихъ ранѣе русскія войска, приходилось быть очень осторожнымъ, особенно въ снаряженіи и въ обезпеченіи отряда водою [1]). Въ походѣ все шло гладко, хорошо, но потомъ произошелъ такой эпизодъ: при движеніи отряда къ Халата (переходъ 60—70 в.) не было воды и не предвидѣлось возможности удовлетворить потребности отряда, и такъ слагалось неудачно, что былъ моментъ, когда начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ, опасаясь полной неудачи, былъ въ отчаяніи. Троцкій, какъ начальникъ штаба, предложилъ ему планъ, съ указаніемъ способовъ выйти изъ затрудненій, при чемъ указывалъ на необходимость высказать съ большою твердостью начальникамъ отдѣльныхъ частей о неуклонномъ выполненіи плана во всѣхъ подробностяхъ.

— Насъ—передавалъ мнѣ Виталій Николаевичъ—созвали на совѣтъ

[1]) Воды было немного, такъ что при перевалахъ у командующаго отрядомъ „былъ клубъ съ чаемъ“.

въ палатку среди голой, мертвой пустыни, гдѣ на единственномъ стулѣ сидѣлъ начальникъ отряда, командующій войсками. Онъ началъ было читать, но отъ волненія не могъ и поручилъ мнѣ, и я, тогда молодой, полный силы, высказалъ непремѣнную и твердую волю генералъ-адъютанта Кауфмана, и дѣло было спасено. Даромъ для меня походъ не прошелъ, и о многихъ сторонахъ моей дѣятельности во время похода узнали въ Петербургѣ, разумѣется, не отъ меня, и я за этотъ походъ былъ осыпанъ милостями.

По возвращеніи въ Россію К. П. Кауфмана очень торжественно встрѣчали, особенно же въ Москвѣ. Видимо, торговый классъ или, вѣрнѣе, «всероссійское купечество» съумѣло взвѣсить и оцѣнить будущность сдѣланныхъ пріобрѣтеній въ Азіи. Въ 1873 г., предъ выступленіемъ въ походъ, В. Н. былъ назначенъ начальникомъ штаба Туркестанскаго округа и уже въ качествѣ таковаго получилъ знакъ отличія военнаго ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія 3-го класса, 26-го ноября 1875 года «въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ свиты нашей генералъ-маіоромъ генеральнаго штаба-начальникомъ штаба Туркестанскаго военнаго округа, Виталіемъ Троцкимъ при взятіи 1-го октября сего года нашими войсками, подъ личнымъ его предводительствомъ, города Андижана». Въ Кокандской экспедиціи 1875—76 года слабый отрядъ въ 1.400 человѣкъ взялъ штурмомъ подъ начальствомъ генерала Троцкаго г. Андижанъ, защищаемый 70 т. непріятелемъ, не считая 15 т. кара-киргизовъ, расположенныхъ внѣ города.

Продолжительное пребываніе въ Туркестанскомъ краѣ, видимо, стало тяготить Виталія Николаевича и побудило его ѣхать въ Петербургъ и искать другаго назначенія внѣ Туркестана. Въ это время у него были нелады съ К. П. Кауфманомъ. Дѣло дошло до того, что Виталій Николаевичъ рѣшилъ покинуть службу. Съ этою цѣлью въ 1876 г. Виталій Николаевичъ значительный періодъ времени провелъ въ Петербургѣ и былъ занятъ составленіемъ исторіи Хивинскаго похода. Повидимому, отношенія между командующимъ Туркестанскимъ округомъ и начальникомъ его штаба значительно измѣнились. Переписка между ними не носила оживленнаго характера, и на письмо Троцкаго отъ 23-го іюня 1876 г. послѣдовалъ отвѣтъ 14-го ноября, въ которомъ Кауфманъ совѣтовалъ придать описанію похода бо́льшую живость и занимательность; считалъ это даже необходимымъ.

Не смотря, однако, на натянутыя отношенія, К. П. дѣлился со своимъ начальникомъ штаба новостями края и въ одномъ изъ писемъ сообщаетъ ему свои впечатлѣнія о поѣздкѣ въ Фергану. Фергана произвела на него самое хорошее впечатлѣніе. «Михаилъ Дмитріевичъ (Скобелевъ)—пишетъ онъ—занимается серьезно своимъ дѣломъ; вникаетъ во все, учится, трудится, но любитъ только одно военное дѣло.

Онъ любитъ страшно—онъ ничего больше не любитъ, какъ только военное дѣло».

«Скобелевъ сдѣлалъ молодецкую экспедицію въ Алайскія горы. Онъ обошелся безъ драки—это была военная прогулка»... «Войска славныя съ прекраснымъ духомъ».

«Еще забылъ сказать вамъ, что Скобелевъ высказалъ мнѣ желаніе быть начальникомъ штаба. Вы знаете, что это и моя была мысль, если обстоятельства такъ сложатся, что вамъ нельзя будетъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. Я не далъ ему положительнаго отвѣта, но сказалъ ему, что радъ буду такому начальнику штаба, какъ онъ, если В. Н. не возвратится.

«До свиданія. И Богъ знаетъ, когда увидимся».

Изъ этого письма ясно видно, что Троцкій рѣшилъ уйти и поставилъ объ этомъ въ извѣстность своего ближайшаго начальника. Но, видимо, это не такъ легко было сдѣлать.

Виталій Николаевичъ продолжалъ жить въ Петербургѣ, занимаясь описаніемъ Хивинскаго похода.

«На-дняхъ я получилъ телеграмму отъ военнаго министра,—писалъ ему К. П. Кауфманъ, что Скобелевъ по высочайшему повелѣнію долженъ ѣхать въ Петербургъ немедленно для отправленія въ дѣйствующую армію».

«Войны вѣдь не будетъ!»—прибавляетъ Кауфманъ [1]).

Вскорѣ послѣ полученія этого письма, судьба Виталія Николаевича была рѣшена, но не такъ, какъ ему хотѣлось — ему пришлось вернуться въ Туркестанъ. Произошло все это, по словамъ Виталія Николаевича, такъ: его вызвалъ военный министръ Д. А. Милютинъ и предложилъ ѣхать въ Туркестанъ; видя нежеланіе В. Н., онъ прибавилъ: «Впрочемъ, вамъ будетъ дана аудіенція государемъ, и вы узнаете отъ него».

При представленіи государю Виталія Николаевича онъ сказалъ ему слѣдующее:

— Мнѣ Милютинъ передалъ, что ты не хочешь ѣхать въ Туркестанъ, но ты это долженъ сдѣлать. Я тебѣ приказываю. Такимъ образомъ Виталію Николаевичу вновь пришлось вернуться въ край, но уже военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками Сыръ-Дарьинской области. Этотъ послѣдній періодъ его жизни прошелъ исключительно въ работахъ административнаго характера, и Виталію Николаевичу приходилось совершать поѣздки верхомъ по тысячѣ верстъ въ Казалинскъ и другія мѣста стоянки войскъ.

Въ періодъ службы и при постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ младшими офицерами и солдатами сложилось у Виталія Николаевича то доброжелательное сердечное отношеніе, которое онъ проявлялъ къ

---

[1]) Письмо Кауфмана отъ 6-го февраля 1877 г. изъ Ташкента.

нимъ и впослѣдствіи. Не разъ онъ мнѣ разсказывалъ о тяжелыхъ условіяхъ жизни армейскаго офицера.

— Ѣду я верхомъ въ Казалинскъ тысячу верстъ съ начальникомъ штаба и денщикомъ. Вдали виднѣется точка; подъѣзжаемъ—смотрю офицеръ съ молодою женою на верблюдѣ за 1.000 верстъ ѣдетъ на мѣсто стоянки. Надо испытать такой способъ передвиженія, чтобы понять тяжелую жизненную обстановку.

И основанная на знакомствѣ съ бытомъ и духомъ туркестанскимъ заботливость и участливость къ меньшимъ людямъ осталась у Виталія Николаевича до конца жизни. Такое же отношеніе проявлялъ къ нимъ и М. Д. Скобелевъ, признавая за Туркестаномъ хорошую боевую школу.

«Немного осталось въ строѣ туркестанцевъ, писалъ Скобелевъ В. Н. Троцкому [1]) и, говорю вамъ это смѣло, не ударило лицомъ въ грязь.

«Когда мы прибыли въ Кишеневъ, на всѣхъ насъ смотрѣли какъ-то вопросительно. Теперь все измѣнилось: и свыше, и въ массѣ начинаютъ интересоваться Туркестаномъ въ смыслѣ боевой школы для офицеровъ.

«Въ бою, на переправѣ масса убитыхъ солдатъ съ туркестанскими Георгіевскими крестами и хивинскими медалями въ особенности, поразили всѣхъ участвовавшихъ; въ полкахъ, теперь, на войнѣ нашими солдатами не нахвалятся. Какъ я счастливъ, что могу вамъ все это сообщить.....

«Представьте себѣ, какъ я счастливъ: А. Н. Куропаткинъ у меня начальникомъ штаба».

Въ 1883 году В. Н. Троцкій былъ назначенъ начальникомъ штаба Кавказскаго военнаго округа.—Пробывъ на Кавказѣ 6 лѣтъ, В. Н. всегда съ большимъ удовольствіемъ вспоминалъ службу съ княземъ Дундуковымъ-Корсаковымъ.

Съ мѣста начальника штаба Виталій Николаевичъ получилъ назначеніе корпуснымъ командиромъ въ Витебскъ; здѣсь онъ былъ недолго, такъ какъ вскорѣ былъ переведенъ помощникомъ командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа.

Въ матеріальномъ, однако, отношеніи послѣ Кавказа, какъ мнѣ приходилось слышать отъ Виталія Николаевича, въ Кіевѣ ему приходилось тяжело, и онъ не разъ говорилъ, что Кіевъ, при дороговизнѣ жизни, совершенно подточилъ его матеріальныя средства.

Въ 1895 г. Виталій Николаевичъ былъ назначенъ командующимъ войсками Виленскаго военнаго округа, и здѣсь при объѣздахъ войскъ ему пришлось больше познакомиться съ особенностями мѣстной жизни.

Вильна городъ своеобразный: и до сихъ поръ носитъ обликъ нерусскаго города, не смотря на величественные православные храмы,

---

[1]) Письмо Скобелева 14-го августа 1877 г., дни Шипки, къ В. Н.

какъ Св. Духовъ монастырь, Свято-Троицкій, Николаевскій соборъ и другіе, и постановку двухъ памятниковъ М. Н. Муравьеву и бюста Пушкина въ скверѣ.

Русское общество здѣсь состоитъ изъ пришлыхъ, постоянно мѣняющихся чиновниковъ; польское же держится особнякомъ. Евреи, какъ и повсемѣстно, живутъ обособленною жизнью.

Какъ командующій войсками округа, охватывающаго девять губерній, Виталій Николаевичъ обратилъ вниманіе на ихъ боевую подготовку. Дѣятельно объѣзжалъ войска, производилъ смотры и особенное вниманіе обратилъ на довольство солдатъ и медицинскую часть. Если солдатъ сытъ и находится въ хорошихъ гигіеническихъ условіяхъ,—отъ него и требовать можно.

Мнѣ не разъ, при поѣздкахъ, приходилось слышать отъ В. Н., что въ продолженіе сорока лѣтъ службы и постояннаго общенія съ войсками у него сложился опредѣленный взглядъ на необходимость привѣтливаго, доброжелательнаго отношенія ко всѣмъ служащимъ,—и это лежало въ основаніи его дѣйствій.

— Когда командующій ругаетъ войска,—говаривалъ мнѣ Виталій Николаевичъ,—это послѣднее дѣло. У насъ такъ много начальствъ, стремящихся къ проявленію своей энергіи, что высшему начальству слѣдуетъ прибѣгать къ такимъ средствамъ въ крайнихъ случаяхъ.

За подготовкою войскъ слѣдили особенно сосѣди нѣмцы и нерѣдко указывали на успѣхи, достигнутые обученіемъ войскъ въ краѣ. Работа была провѣрена на Бѣлостокскихъ маневрахъ 1897 г., гдѣ были сосредоточены двѣ арміи: одна оборонялась, другая изъ Варшавы наступала. При этомъ, какъ передавалъ мнѣ Виталій Николаевичъ, «когда государь обращался ко мнѣ во время маневровъ, я ему разсказывалъ все вполнѣ откровенно и указывалъ на нѣкоторыя упущенія и погрѣшности моей арміи».

Послѣ маневровъ—это было 27-го августа 1897 г., государь благодарилъ Троцкаго за прекрасный порядокъ и пожаловалъ ему званіе генералъ-адъютанта.

Осенью этого года Виталій Николаевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ въ это время ходило много слуховъ о предстоящемъ назначеніи его на разные высокіе административные посты. Слухи оправдались—онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края. При представленіи государь спросилъ, знакомится ли онъ съ краемъ. Виталій Николаевичъ отвѣтилъ, что, помимо разныхъ сочиненій, онъ знакомится съ бывшими дѣятелями Сѣверо-Западнаго края И. П. Корниловымъ и друг., отъ которыхъ получаетъ полезныя указанія и т. п.

Вступая въ управленіе этою своеобразною окраиною, Виталій Николаевичъ многаго не зналъ; какъ честная натура, онъ не претендовалъ на это, сознавая, что при занятіяхъ это придетъ само собою.

Свою программу онъ ясно выразилъ въ простыхъ, вылившихся у него словахъ при пріемѣ чиновъ въ Вильнѣ.

Способъ же осуществленія программы выработался при дальнѣйшемъ изученіи края и его особенностей, не только путемъ докладовъ и бумагъ, но разговоровъ и совѣщаній съ помѣщиками, посылкою по краю чиновниковъ особыхъ порученій для разслѣдованія по разнымъ дѣламъ и, наконецъ, личныхъ объѣздовъ края. За періодъ, протекшій со времени смерти г. губернатора Оржевскаго произошелъ эпизодъ, вызванный ксензомъ Рымейко въ Шавляхъ, послужившій толчкомъ ко многимъ правонарушеніямъ со стороны католическаго духовенства и доставившій не мало непріятныхъ дней Виталію Николаевичу.

Если вообще трудно представить очеркъ дѣятельности мѣстнаго дѣятеля, какъ охватывающій массу мелочныхъ будничныхъ случаевъ и явленій, то тѣмъ труднѣе сдѣлать это мнѣ, какъ ближайшему сотруднику по гражданской части покойнаго Виталія Николаевича, и при томъ говорить о томъ, что было такъ недавно. Поэтому я ограничусь исключительно краткимъ указаніемъ началъ, которыми руководился генералъ-губернаторъ.

Вскорѣ послѣ назначенія Виталія Николаевича генералъ-губернаторомъ, я задалъ ему вопросъ—о программѣ.

Какъ человѣкъ честный и умный, никогда не стыдившійся признаться въ томъ, чего онъ не знаетъ, Виталій Николаевичъ отвѣтилъ: «когда я откланялся государю, ему было угодно мнѣ сказать: «Я желаю чтобы въ краѣ было хорошо», и въ настоящее время знакомясь съ краемъ и его исторіей; необходимо выработать, какъ подойти къ осуществленію этой мысли.—Это дѣло наше».

Сѣверо-Западный край издревле край русскій, на что указываетъ и этнографическій его составъ, его населеніе: бѣлоруссы, малоруссы составляютъ значительный процентъ мѣстнаго населенія. Высшее сословіе нынѣ католической вѣры, было православное, и оно созидало въ краѣ храмы, монастыри (напр. Супрасльскую обитель).

Съ введеніемъ уніи, постепенно совершился процессъ перехода родовитыхъ семействъ въ католичество. Быть можетъ, отчасти въ этомъ кроется причина той религіозной страстности и нетерпимости, которую обнаруживаютъ мѣстные католики. Среди низшихъ слоевъ, благодаря преобладанію среди нихъ религіозныхъ интересовъ, и до сихъ поръ идетъ борьба о преимуществѣ православной и католической вѣры, нерѣдко обостряемая нетерпимымъ по его требованіямъ католическимъ духовенствомъ.

Дворянство и духовенство проходятъ одну и ту же школу, а костелъ объединяетъ всѣхъ, и сама религія пріобрѣтаетъ политическій характеръ. Несомнѣнно, это кладетъ особый отпечатокъ на всѣ отношенія мѣстнаго населенія къ русской власти въ краѣ. Отсюда стрем-

леніе католиковъ поддержать престижъ костела, какъ внѣшняго символа Польши, и характерною чертою населенія являются нерѣдко крупные взносы католиковъ на постройку костеловъ, перестраиваемыхъ отчасти подъ сильнымъ воздѣйствіемъ ксендзовъ.

Въ духовно-религіозной области преобладаетъ католическое духовенство и, вѣрное католическимъ традиціямъ, не упускаетъ власти изъ своихъ рукъ и принимаетъ всѣ мѣры къ удержанію вліянія на народъ и, разумѣется, при религіозности населенія, оно оказываетъ сильное вліяніе на крестьянъ католическаго вѣроисповѣданія.

Независимо отъ польской, въ послѣднія пятнадцать лѣтъ выросла новая политическая партія, во главѣ которой идутъ молодые литовцы, добивающіеся мирнымъ путемъ укрѣпленія литовскаго національнаго самосознанія. Сила и значеніе этой партіи заключается въ стремленіи къ упроченію литовскаго языка. Евреи занимаютъ въ краѣ свое особое положеніе; какъ извѣстно, они, по ихъ симпатіямъ, склоняются къ русскимъ, и это понятно; при преобладаніи русской власти они несравненно легче чувствуютъ себя съ русскими, чѣмъ съ другими національностями, и этимъ объясняется охотное усвоеніе ими внѣшней русской культуры и языка.

Этимъ основнымъ группамъ населенія Сѣверо-Западнаго края, изъ коихъ каждая имѣетъ свою исторію, національность, религію и съумѣла за потерей политической самостоятельности захватить соотвѣтствующее мѣсто въ области экономической жизни, мы долгое время противупоставляли наше чиновничество и только начиная съ гр. М. Н. Муравьева русскую школу, какъ вносящую русскую культуру, и затѣмъ, пока небольшую, группу русскихъ землевладѣльцевъ.

Замѣчательно, послѣ сильнаго подъема польскаго національнаго самосознанія, благодаря дѣятельности попечителя Виленскаго округа, бывшаго въ то же время товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ князя Адама Чартырыйскаго, съумѣвшаго дать Виленскому университету выдающихся руководителей, какъ Янъ Снядецкій и др., до эпохи гр. Муравьева мы боролись въ этомъ краѣ исключительно узко-полицейскими мѣрами. Предполагая упрочить русское земледѣліе, съ 1830 по 1863 г. создали два маіората и этимъ ограничили мѣры по водворенію русскаго землевладѣнія! Полезности экономическо-культурныхъ мѣръ въ то время не сознавали — послѣдствія непримѣненія ихъ сказываются во всемъ складѣ жизни и по настоящее время.

Не смотря на медленный неувѣренный ходъ краевой политики, не смотря на постоянныя колебанія и отклоненія отъ принятыхъ началъ, въ краѣ достигнуты нѣкоторые успѣхи, въ смыслѣ упроченія русскаго вліянія. Увлекаться этимъ нельзя—на-ряду упрочивается и противуположное вліяніе другихъ національностей.

Вотъ тѣ условія, при которыхъ приходится дѣйствовать въ краѣ.

Несомнѣнно, за протекшій съ 1863 г. періодъ успѣхи, въ смыслѣ укрѣпленія въ краѣ русской народности, сдѣланы, хотя и не соотвѣтственны затраченнымъ усиліямъ. Какъ и во всѣхъ отрасляхъ управленія, нѣтъ традицій, и потому каждому дѣятелю приходится вырабатывать на установившейся основѣ свою программу, упуская изъ виду дѣятельность его предшественниковъ.

Задача каждаго государственнаго дѣятеля заключается въ стремленіи къ объединенію, сближенію національностей на культурно-экономической почвѣ населенія, тѣсно прикрѣпленнаго къ Россіи политически. И, разумѣется, та система и можетъ достигнуть прочныхъ успѣховъ, въ основѣ которой положена такая здоровая, нормальная мысль.

Средствомъ достиженія—улучшеніе экономическаго положенія мѣстнаго населенія и проведеніе улучшеній въ мѣстную администрацію; содѣйствіе къ упроченію учрежденій, связывающихъ русскихъ, и облегченія къ упроченію русскаго элемента въ экономической области. Русская школа, русскій языкъ и культура, — вотъ основанія нашей политики, при условіи соблюденія строжайшей законности и справедливости по отношенію къ мѣстному населенію.

Въ этихъ видахъ генералъ-губернаторомъ было обращено вниманіе на дѣятельность мировыхъ посредниковъ, какъ должностныхъ лицъ, наиболѣе близко стоящихъ къ крестьянскому дѣлу. Такое вниманіе къ ихъ дѣятельности имѣло тѣмъ болѣе основаній, что по доходившимъ свѣдѣніямъ ихъ дѣятельность особою настойчивостью и усердіемъ не отличалась. Высказавъ свои взгляды въ циркулярахъ, генералъ-губернаторъ, по прошествіи нѣкотораго времени, сталъ посылать по краю чиновниковъ особыхъ порученій для знакомства на мѣстѣ съ разными сторонами ихъ дѣятельности и для выясненія, въ какой степени и какъ проводятся высказанныя имъ правила въ его циркулярахъ. Съ этого началась большая внутренняя мало замѣтная для постороннихъ работа, безпрерывно тянувшаяся до его смерти, и она осталась не безполезною для мѣстнаго населенія и была отмѣчена польскою заграничною печатью. Особенное вниманіе обращалось на аграрныя отношенія крестьянъ.

Другое больное мѣсто края, мѣщанскія управы, — доставили много работы. Онѣ нуждаются въ большомъ надзорѣ, и едва-ли этотъ видъ самоуправляющаго общества не подлежитъ серьезной реформѣ. Въ видахъ обнаруживаемыхъ безпорядковъ въ управленіи ихъ генералъ-губернаторъ постоянно посылалъ на ревизію и если не много было сдѣлано, то не его вина—причины лежатъ глубже.

Петръ Великій сказалъ: полиція душа гражданственности. И дѣйствительно задачи администраціи, съ усложненіемъ современной жизни, сдѣлались гораздо шире и ея дѣйствія направляются къ подъему народнаго

25-907.

благосостоянія, которое зависитъ не только отъ личныхъ условій каждаго, но и отъ общественныхъ условій, въ извѣстной степени, создаваемыхъ мѣстною администраціею. Съ этою цѣлью было обращено вниманіе на борьбу съ конокрадствомъ, сильно подтачивающимъ благосостояніе крестьянъ, и на устройство и улучшеніе крестьянскихъ кредитныхъ учрежденій. Въ волостныхъ кассахъ находилось около $^1/_2$ милл. р. частью разобранныхъ, частью помѣщенныхъ въ $^0/_0$ бумаги, слѣдовательно, совершенно не выполнившихъ той роли, ради которой были основаны кассы; между тѣмъ населеніе нуждается въ кредитѣ, потому было обращено вниманіе на приведеніе ихъ въ должный видъ; приняты мѣры къ огражденію населенія отъ поборовъ, и т. д.

Не касаясь другихъ мѣръ, имѣющихъ узко мѣстное значеніе, необходимо указать, что намѣченныя цѣли могутъ быть наилучше осуществлены при подборѣ не только честныхъ, но и образованныхъ лицъ, и при упроченіи ихъ положенія путемъ уничтоженія фаворитизма въ назначеніяхъ.

Если подборъ хорошаго состава служащихъ и выполненіе при ихъ содѣйствіи мѣръ, направляемыхъ къ народному благу, составляетъ задачу правительственной политики въ краѣ, то другую сторону составляетъ проведеніе культурныхъ мѣръ, направленное къ мирному, спокойному воспитанію народа въ школѣ, и привлеченіе мѣстныхъ дѣятелей къ объединенію на почвѣ культуры. На эту сторону В. Н. было обращено особенное вниманіе. Были принимаемы всевозможныя мѣры путемъ посѣщеній школъ, сношеній съ попечителемъ учебнаго округа, съ католическимъ духовенствомъ и т. п., къ постановкѣ русской школы на подобающую высоту. Высказывалось стремленіе воспользоваться тою культурною силою, которую представляетъ нашъ педагогическій персоналъ и т. д.

Вообще Виталій Николаевичъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы съ достоинствомъ безъ насилія сдѣлать все, что клонится къ культурному преуспѣянію русскихъ въ краѣ. Всецѣло ему принадлежитъ починъ постановки памятникъ великому Пушкину въ Вильнѣ [1]), устройство Муравьевскаго музея. На обѣдѣ по поводу открытія памятника М. Н. Муравьеву, онъ оффиціально поднялъ вопросъ о постановкѣ въ Вильнѣ памятника Екатеринѣ Великой, какъ виновницѣ возвращенія русскихъ областей и, послѣ доклада государю, пригласилъ извѣстнаго художника Антокольскаго (виленскаго уроженца) составить проектъ, и это была послѣдняя крупная работа Антокольскаго. Ею, какъ онъ и предчувствовалъ, завершилось его художественное творчество.

Заслуга Виталія Николаевича заключается въ мирномъ, спокойномъ веденіи необходимыхъ мѣръ, не прибѣгая къ рѣзкимъ ограниченіямъ,

[1]) Дѣдъ А. С. Пушкина, арабъ Ганнибалъ, былъ крещенъ въ Вильнѣ въ Пятницкой церкви.

а стоя на почвѣ закона. Въ настоящее время о многихъ мѣрахъ не удобно говорить—это было такъ недавно. По мѣрѣ силъ Виталій Николаевичъ горячо преслѣдовалъ достиженіе культурно-экономическихъ задачъ — эта почва, на которой только и мыслимо объединеніе разнородныхъ элементовъ, политически крѣпко связанныхъ съ общимъ нашимъ отечествомъ; неумолимая смерть пресѣкла его дѣятельность именно въ тотъ моментъ, когда болѣе опредѣленно выяснились цѣли, выработаны средства и были намѣчены болѣе широко задачи для будущаго.

Работать съ Виталіемъ Николаевичемъ было очень пріятно. Не ограничиваясь установленнымъ для докладовъ временемъ, онъ не стѣснялъ и принималъ по дѣламъ во всякое время. Нерѣдко приходилось приносить массу докладовъ по вечерамъ, по возвращеніи его изъ поѣздокъ по военному округу, и онъ никогда не выказывалъ ни малѣйшаго неудовольствія, хотя чувствовалъ страшную усталость. Находясь въ общеніи съ такими людьми, какъ К. П. фонъ Кауфманъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ и др., онъ научился отличать мишуру и не разъ мнѣ говорилъ:

— Я всегда готовъ уйти. У меня на глазахъ былъ примѣръ К. П. Кауфмана, передававшаго, какъ и почему его убрали изъ Вильны.

Въ управленіи держался строго опредѣленныхъ началъ, которыя могутъ быть сведены къ слѣдующей формулѣ: успѣхъ русскаго дѣла достижимъ, когда администрація будетъ держаться законности въ дѣйствіяхъ и при проведеніи въ жизнь культурно-экономическихъ началъ.

Доброта Троцкаго была большая; онъ готовъ былъ просить и хлопотать за людей даже мало знакомыхъ. Ему не разъ приходилось писать письма къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, особенно С. Ю. Витте, всегда съ глубокимъ вниманіемъ относившемуся къ его просьбамъ. Помощь оказывалъ онъ и изъ экстраординарныхъ суммъ, но разумно: давалъ на образованіе и затѣмъ на предпріятія русскаго характера (братства, церкви, благотворительныя общества и пр.).

Виталій Николаевичъ былъ цѣльный характеръ, выработанный въ суровой школѣ стараго корпуса, а затѣмъ жизнь, проведенная въ провинціи, гдѣ гораздо легче прослѣдить достоинство и недостатки каждаго, развила въ немъ осторожность, наблюдательность и распознаваніе людей, и ту простоту въ обращеніи, которая плѣняла всѣхъ сталкивавшихся съ нимъ. Онъ былъ одинаковъ и съ высшими и съ низшими.

Отвѣтственная работа, добросовѣстное отношеніе къ исполненію лежащихъ обязательствъ подорвала крѣпкій организмъ Виталія Николаевича. Не думалось, что смерть такъ близка, когда онъ въ апрѣлѣ 1901 г. поѣхалъ дѣлать смотры войскъ въ Сувалкскую и осмотрѣть учрежденія въ Гродненской губерніи. Онъ—неутомимый, жаловался на какую-то усталость. По возвращеніи въ Вильну, онъ заболѣлъ, а 9-го мая умеръ этотъ умный, спокойный, доброжелательный и полезный государственный дѣятель.

В. Т. Судейкинъ.

Замѣчаніе Сенату.

Высочайшій указъ министру юстиціи.

29-го іюля 1821 г.

«Усмотрѣвъ изъ доклада вашего о произшедшихъ въ Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената безпорядкахъ, по дѣлу о бывшемъ вице-губернаторѣ Крыжановскомъ, что нѣкоторые сенаторы дозволяютъ себѣ въ мнѣніяхъ своихъ оговаривать предложенія оберъ-прокуроровъ и министра юстиціи тогда, когда судьямъ закономъ воспрещено и между собою заходить другъ противъ друга въ недѣльные голоса, Я поручаю вамъ объявить сенаторамъ Мою волю, что естьли Я желаю, чтобы они при рѣшеніи дѣлъ излагали свои мнѣнія свободно, не стѣсняясь ничѣмъ и основывая сужденія свои единственно на существѣ дѣла и на прямомъ разумѣ законовъ, то не могу допустить, чтобы они оговаривали предложенія оберъ-прокуроровъ и министра юстиціи. Таковыя дѣйствія, не имѣя никакой существенной цѣли, противны порядку и не вмѣстны съ достоинствомъ верховнаго судилища, а потому каждый сенаторъ, по выслушаніи дѣла, изложивши свое мнѣніе, когда при несогласіи оберъ-прокурора, или министра юстиціи, дано будетъ предложеніе,—обязанъ объявить только, что онъ согласенъ съ тѣмъ предложеніемъ, или остается при своемъ мнѣніи.—Дѣло же о Крыжановскомъ перевести къ разсмотрѣнію въ Общее Собраніе Правительствующаго Сената Санктпетербургскихъ Департаментовъ и рѣшить тамъ безъ очереди и немедленно».

Пять писемъ И. А. Аксакова къ К. Ѳ. Головину [1]).

1.

17-го января 1884 г. Москва.

Я сдалъ ваше первое «письмо» [2]) въ типографію, съ тѣмъ, чтобы уже въ корректурѣ сдѣлать мои исправленія и примѣчанія, и въ этомъ видѣ послать корректуру къ вамъ, такъ какъ Д. И. Воейковъ [3]) извѣстилъ меня, что вы желаете ее видѣть. Думаю, что первое письмо сократить удобно: вы *два раза* возвращаетесь къ оцѣнкѣ и анализу писателей, изъ коихъ о нѣкоторыхъ, право, достаточно упомянуть и одинъ разъ. Мнѣ казалось бы также, что нужно бы ограничиться суммарною оцѣнкою, не входя въ подробности произведенія. Иное дѣло, еслибъ вы передавали вполнѣ содержаніе романа и, такъ сказать, знакомили съ нимъ незнакомаго читателя. Это имѣло бы свое значеніе и на будущій разъ, при разборѣ текущей литературы это, можетъ быть, полезно было бы и сдѣлать: это избавляетъ читателя отъ труда читать самому плохое произведеніе,—возбуждая въ то же время желаніе съ произведеніемъ хорошимъ познакомиться лично и поближе. Но вы въ вашемъ письмѣ содержанія не передаете, а предполагая въ читателѣ *полное знакомство* съ произведеніемъ, говорите, такъ сказать, намеками, упоминаете о частностяхъ мало понятныхъ тому, кто сочиненія

[1]) Печатаемыя здѣсь письма И. А. Аксакова къ Константину Ѳедоровичу Головину, съ которымъ онъ никогда не встрѣчался, были вызваны тѣмъ, что послѣдній въ 1884 году велъ въ журналѣ „Русь“ литературно-критическій отдѣлъ. Потомъ за отъѣздомъ К. Головина за границу сотрудничество его въ „Руси“ прекратилось. Ред.

[2]) Критическія статьи К. Ѳ. Головина печатались подъ заглавіемъ „Письма изъ Петербурга о современной литературѣ“.

[3]) Покойникъ Д. И. Воейковъ, братъ извѣстнаго ученаго А. И. Воейкова, послужилъ посредствующимъ звеномъ между И. А. Аксаковымъ и К. Ѳ. Головинымъ, и переписка завязалась, благодаря ему.

самъ не читалъ. А таковыхъ—легіонъ. Я самъ, грѣшный человѣкъ, Гаршина никогда не читалъ, «народниковъ» не читаю вовсе—тошнитъ, но «Волконскую барышню» Эртеля прочелъ случайно, двѣ части. «Найденыша» [1]) прочли пока очень не многіе (я не читалъ).

Возводить «Гуттаперчеваго мальчика» и «Клару и Миличъ» [2]) въ «жемчужины»—охъ! не слишкомъ ли это много? Это бездѣлушки работы мастера. Но въ первой есть при томъ нѣчто пронзительно фальшивое, диссонансъ съ точки зрѣнія искусства. Въ Тургеневской «Пѣсни торжествующей любви» есть также что-то противное въ томъ, что женщина нравственная, добродѣтельная, любящая мужа, подвергается противъ воли и безъ сознанія изнасилованію (c'est le mot), и дѣлается беременною,—и это называется «торжествомъ любви!» Еще проще можно было бы дать усыпительный порошокъ!.. Въ «Кларѣ Миличъ» фантастическое въ томъ, что умершая сходитъ и совершаетъ соитіе съ влюбленнымъ. Все это въ сущности очень грубо, хотя и въ золотой оправѣ.

Мнѣ кажется, вы вообще мало принимаете во вниманіе дѣйствительно переходное состояніе нашего общества, и именно послѣ соціальнаго переворота 19-го февраля 1861 г. и другихъ реформъ. Старый бытъ потрясенъ, новый еще не сложился. Типы не успѣваютъ образоваться и слагаться: только-что вы занесли на него руку,—глядь! онъ уже измѣнился,—отчего и происходитъ, что быто-описательный романъ нашихъ дней похожъ на полицейскую реляцію и также кратковѣченъ. Таковы романы Маркевича и К° со всѣми ихъ нигилистами. У Достоевскаго, по крайней мѣрѣ, это психологическій этюдъ.—Новые элементы вторгаются въ общество, и именно честолюбивый элементъ разночинническій,—это отражается и въ литературѣ,—это та соціальная борьба, при которой искусство не въ авантажѣ.

Мнѣ кажется также, вы слишкомъ много даете значенія французскому роману и отождествляете съ его судьбой судьбу русскаго реализма. У насъ онъ имѣетъ совсѣмъ самостоятельное бытіе. Съ конца 40-хъ годовъ французское вліяніе въ искусствѣ у насъ почти совсѣмъ исчезаетъ. Вы не упоминаете о Гоголѣ, рѣзкою гранью раздѣлившемъ въ литературѣ двѣ эпохи, и внесшемъ къ намъ потребность правды въ искусствѣ, той правды, потребность въ которой нѣмецъ не ощущаетъ и до сихъ поръ,—но которая понятна соотечественникамъ Шекспира, Диккенса и Теккерея... Конечно, правда въ искусствѣ это не одно и

---

[1]) Неоконченный романъ графа Е. А. Саліаса, по первымъ своимъ главамъ обѣщавшій стать выдающимся произведеніемъ.

[2]) Гуттаперчевый мальчикъ — повѣсть Григоровича, напечатана въ „Нивѣ“, а Клара Миличъ—послѣдняя повѣсть Тургенева, появившаяся въ „Вѣстн. Евр.“ въ самый годъ смерти автора.

то же, что̀ грубый реализмъ нашихъ дней, особенно реализмъ французскій. Истинный реализмъ не мыслимъ безъ идеалистической подкладки. Затѣмъ вы не принимаете въ соображеніе историческую роковую законность отрицательнаго направленія въ интеллигенціи нашего отечества. Наша литература начинается сатирами Кантемира. Это именно потому, что положительно-реальными идеалами мы бѣдны, а отрицать есть что̀: фальшь нашей культуры, фасадность нашего существованія, тепличность нашего развитія, отчужденность нашего просвѣщенія отъ національной основы. Мы въ поискахъ за самими собою. У насъ искривлено самое орудіе сознанія.

Письма ваши не только умны, но и остроумны, и я охотно даю имъ мѣсто, но сожалѣю только, что они поверхностны, какъ будто не замѣчаютъ болѣе глубокихъ, историческихъ мѣстныхъ причинъ, обусловливающихъ ходъ нашей литературы. Высшее произведеніе искусства общечеловѣчно, но оно всегда есть созданіе національнаго генія. Шекспиръ—прежде всего англичанинъ, Гёте—нѣмецъ. А намъ необходима еще эмансипація національнаго духа... По вашимъ же письмамъ судя, выходитъ, будто мы находимся въ совершенно нормальномъ состояніи, и все обстоитъ благополучно въ нашемъ внутреннемъ народномъ духовномъ мірѣ. Простите за откровенность, васъ глубокоуважающій Ив. Аксаковъ.

2.

20-го января 1884 г.

Посылаю вамъ, многоуважаемый Константинъ Ѳедоровичъ, корректуру съ моими сокращеніями и измѣненіями, а на всякій случай и оригиналъ. Если вы, какъ мнѣ сдается, не согласитесь на такое искаженіе вашего подлинника, то дайте мнѣ знать, я тогда возвращу и второе письмо. Предметъ—литература—отраженіе общественной мысли, направленіе умовъ и сердецъ величайшей важности, соприкасается съ существеннѣйшими убѣжденіями редакціи, а мнѣ кажется, вы его трактуете слишкомъ поверхностно и не объясняете надлежащимъ образомъ причину разлада литературнаго оркестра. Этотъ разладъ имѣетъ свой законный raison d'être, и именно въ русской жизни, которой весь строй не нормаленъ. Вашъ Ив. Аксаковъ.

3.

30-го января 1884 г.

Ваша статья въ томъ видѣ, въ какомъ вы ее видѣли, но съ возстановленіемъ строкъ (возстановленіе которыхъ вы желали, хотя съ очень небольшимъ сокращеніемъ)—тискается въ составѣ всего № 3 и къ 1-му февралю выйдетъ. Я, признаться сказать, не ожидалъ вашего

согласія на мои измѣненія и сокращенія,—этимъ и объясняется мое письмо, которое, повидимому, васъ смутило. Я сдалъ теперь набирать ваше второе письмо, которое въ корректурѣ со своими замѣчаніями также пришлю вамъ. Вопросъ о литературѣ и литературныхъ направленіяхъ—это вѣдь не то, что̀ вопросъ о золотой рентѣ, или о достоинствѣ картинъ Верещагина, или Маковскаго. Тутъ (т. е. въ области литературныхъ направленій) вопросъ соприкасается съ вопросомъ о существеннѣйшихъ принципахъ, и согласитесь—тутъ не можетъ редакція предоставить сотруднику полную свободу. Если сотрудникъ станетъ, напримѣръ, отрицать христіанство, а я его признаю, зачѣмъ же я своимъ изданіемъ буду служить его отрицательной проповѣди? Такова отчасти и область литературной критики. Публика не станетъ говорить: «К. Ѳ. Головинъ то-то утверждаетъ», а скажетъ: «критикъ газеты или «Русь» проводитъ такую-то мысль, утверждаетъ то-то»... Этимъ я только хочу объяснить вамъ мою ревнивость, какъ редактора, къ чистотѣ и опредѣленности направленія моего изданія въ существеннѣйшихъ вопросахъ. Надѣюсь, впрочемъ, что у насъ до такого разлада не дойдетъ.

Я не полагаю, чтобы было удобно напирать на происхожденіе авторовъ и указывать, что они-де разночинцы. Это можно лишь въ такомъ случаѣ, когда они сами становятся на сословную точку зрѣнія... Вѣдь и отецъ русской литературы—Ломоносовъ, былъ мужикъ, а не дворянинъ. Объяснять тенденціозность въ искусствѣ только этимъ—не вѣрно. Позвольте замѣтить вамъ это по опыту, и потому, что̀ я видѣлъ и пережилъ.

Отрицательное направленіе взяло верхъ и должно было взять, по недостатку, по бѣдности положительныхъ идеаловъ въ самомъ русскомъ обществѣ, въ русской жизни... Вѣдь въ наше время языческое отношеніе къ искусству не возможно.

Da mals war nichts heilig als das Schöne, но вѣдь для грека Schön былъ и плутъ Одиссей («хитроумный»), и многое такое, что̀ со временемъ человѣкъ назоветъ гнуснымъ порокомъ. Въ мірѣ христіанскомъ искусство уже не можетъ быть тою «свѣтлою классическою богинею», о которой вы говорите въ концѣ втораго письма. Данъ идеалъ нравственный, вѣчно достигаемый, но не достижимый, и человѣчество не успокоится въ вѣчномъ стремленіи, кончено:

Meine Ruh' ist hin!

Вашъ Ив. Аксаковъ.

4.

5-го февраля 1884 г.

Посылаю вамъ, многоуважаемый Константинъ Ѳедоровичъ, корректуру, прошу васъ, въ случаѣ согласія на мои измѣненія и мои редак-

торскія примѣчанія, немедленно мнѣ ее возвратить. Измѣненій въ сущности очень мало... Бросать людямъ въ глаза слово «разночинецъ» какъ бы въ укоръ я признаю неудобнымъ, да и несправедливымъ, хотя и не отрицаю разночинническихъ вожделѣній, въ сущности фальшивыхъ, такъ какъ дворянство теперь въ жизни не подаетъ къ нимъ повода. Но то, что теперь,—не то, что было встарь, и что я самъ еще помню изъ временъ моего дѣтства. Вашъ Ив. Аксаковъ.

5.

2-го марта 1884 г. Москва.

Многоуважаемый Константинъ Ѳедоровичъ.

Думаю, что вы даже не удивились отсутствію въ 5 № вашей статьи. Я и получилъ ее сравнительно поздно, да и она столь объемиста, что не только о помѣщеніи ея въ 5 № нечего было и думать, но и самое чтеніе ея должно было отложить. Я и прочелъ ее лишь выпуская №. Я затрудняюсь помѣстить ее въ этомъ видѣ. Почти двѣ-трети ея посвящены Тургеневу,—первая треть трактуетъ о произведеніяхъ, вовсе не стоющихъ упоминанія и которыя слѣдуетъ «замолчать», какъ теперь стали выражаться. Но остальныя двѣ-трети хотя и толкуютъ только о Тургеневѣ, однако же не представляютъ какого-либо спеціальнаго критическаго о немъ этюда, а носятъ какой-то случайный характеръ.

Вы втянулись въ полемику съ Григорьевымъ. Говоря откровенно, эта полемическая часть довольно слаба. Мало того, вашъ конецъ вовсе не сходится съ началомъ. По поводу полемики о Тургеневѣ вы начинаете за здравіе и сводите за упокой. Эта заупокойная часть самая лучшая и самая вѣрная, на мой взглядъ, во всей вашей статьѣ, и такъ какъ она есть финальный аккордъ, то этотъ аккордъ мигомъ заглушаетъ всѣ ваши предшествовавшія защитительныя мелодіи и варіаціи на тему о великомъ и необычайномъ значеніи Тургенева, какъ художника. Это великое и необычайное значеніе, иначе—художественная стихія въ Тургеневѣ обречена была узкости и ограниченію вслѣдствіе его личнаго отрицательнаго отношенія къ Россіи. Человѣкъ, которымъ вы его характеризуете въ концѣ вашей статьи, не способенъ былъ глубоко пахать въ русской почвѣ. Ему доступны были по преимуществу явленія русскаго общества, именно того, которое само есть постоянно образующееся или преходящее историческое явленіе русской жизни и само чуждо родной землѣ.

Поэтому типы Тургенева дѣйствительно схвачены мѣтко, но, какъ говоритъ Григорьевъ, души въ нихъ нѣтъ, но не по винѣ Тургенева,

а потому, что типы эти не индивидуальные. Базаровъ—типъ общественной аномаліи, имѣющій свое историческое raison d'être, но черезъ 25 лѣтъ имѣющій стать почти совсѣмъ непонятнымъ. Если бы однако-же Тургеневъ не былъ своего рода узкій доктринеръ, западникъ, для котораго Россія только сфинксъ и пр., то онъ могъ бы этотъ же самый типъ захватить глубже, или, какъ Достоевскій, показать тотъ процессъ искаженія, которому подвергается живая индивидуальная душа въ тискахъ напяленнаго ею на себя типа нигилиста или инаго типа общественнаго характера.

Что касается вообще до отрицательности и положительности въ искусствѣ, то послѣдняя ужъ никакъ не выражается ни Штольцомъ, ни Троекуровымъ. Эти Штольцы и Троекуровы не многимъ лучше фонъ-Визинскаго Стародумова или Здравомыслова. Положительныхъ типовъ въ жизни русскаго общества почти и не существуетъ. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, чтобъ въ душѣ самого автора были положительные идеалы. Хоть бы идеалы только. А у русскаго западника-либерала таковыхъ по отношенію къ Россіи не имѣется. И потому Тургеневъ поражаетъ бѣдностью идеаловъ. Религія ему совершенно чужда, всѣ принципы нравственности низведены на степень неосмысленныхъ побужденій (Triebe),—въ міровое призваніе Россіи онъ не вѣритъ, все его credo крайне тоще, мысли творческой въ немъ не было, горизонты тѣсны; въ своей родной странѣ онъ не видалъ даже того, что̀ открыто глазу француза де-Вогюэ, котораго разсказы въ переводѣ, помѣщенномъ въ «Руси», вамъ рекомендую.

Итакъ въ вашей статьѣ о Тургеневѣ я сочувствую только финалу и финалу готовъ дать мѣсто, но отдѣлить его трудно. Вотъ почему я и возвращаю вамъ ваши тетради. Этотъ мой поступокъ, надѣюсь, не лишитъ меня вашего сотрудничества на будущее время. Я слышалъ, что вы уѣзжаете за границу. Чужіе края подлежатъ русской ревизіи, ея до сихъ поръ не было. Вашъ Ив. Аксаковъ.

Записки Н. Г. Залѣсова.

IV [1]).

Холера 1848 года. — Исчезновеніе начальства. — Майдель и Содальскій. — Служба во время холеры.

Весна 1848 года началась рано, и сразу пошли жары, если не ошибаюсь, уже въ маѣ мѣсяцѣ достигавшіе 30°. Духота въ стѣнахъ крѣпости была неимовѣрная, но мы ходили и учились, затянутые въ сукно и съ неизмѣнной каской на головѣ, о другомъ костюмѣ и думать было нечего, такъ какъ тогда малѣйшее отступленіе отъ формы влекло жестокое наказаніе. Такъ жили мы потихоньку, когда начали доходить до Оренбурга неясные слухи о появленіи въ Россіи холеры, говорю неясные по той причинѣ, что въ то благословенное время единственными органами печати для насъ служили «Русскій Инвалидъ» и «Сѣверная Пчела», сообщавшія самыя краткія новости и часто безъ точнаго указанія мѣста дѣйствія, но и эти печальныя газеты доходили въ Оренбургъ черезъ 16 дней по выходѣ, а весной въ распутицу черезъ мѣсяцъ и болѣе.

Въ настоящее время эпидеміи въ родѣ холеры утратили уже отчасти свой острый характеръ, и паника, производимая ими, далеко не достигаетъ тѣхъ размѣровъ, какъ бывало въ старые годы. Желѣзныя дороги, телеграфы задолго еще до появленія болѣзни въ извѣстномъ мѣстѣ

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1903 г.

успѣютъ не только познакомить жителей съ ея характеромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и даютъ имъ время свыкнуться съ мыслью о приближающейся опасности, а слѣдовательно и встрѣтить ее съ бо́льшимъ хладнокровіемъ; наконецъ, сама медицина, все болѣе и болѣе знакомясь съ эпидеміями, не теряется уже, какъ прежде, при появленіи болѣзни, и почти сразу принимаетъ радикальныя противу ея мѣры. Не то было въ 1848 г., когда эпидемія упадала среди какого-нибудь населенія, какъ снѣгъ на голову и когда многіе медики не только не оказывали надлежащей помощи страждущимъ, но нерѣдко сами прятались отъ болѣзни, не зная, какъ справиться съ нею.

Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ мысль о близкой опасности намъ вовсе не приходила въ голову, когда разъ въ концѣ мая или началѣ іюня, не помню хорошенько, принесли мнѣ приказъ немедленно явиться въ казармы, гдѣ я узналъ, что баталіонъ чрезъ полчаса выступаетъ въ лагерь за 3 версты отъ города, въ бараки бывшаго Уфимскаго казачьяго полка, на Маячной горѣ; причиной такого спѣшнаго выхода была появившаяся въ городѣ холера. Черезъ полчаса мы дѣйствительно выступили въ томъ, въ чемъ были; баталіонъ шелъ какъ-то разбродѣ, начальство казалось растеряннымъ, на улицахъ встрѣчались вытянутыя лица—словомъ, ясно было, что холера застала всѣхъ врасплохъ и всѣ сразу перепугались. Придя въ лагерь, мы вступили въ деревянные старые бараки, которые не были даже порядочно отремонтированы, и потому часть солдатъ должна была расположиться на землѣ, а мы, молодые офицеры, вовсе не получили помѣщенія, проведя первую ночь безъ ѣды и сна, и только спустя сутки наняли на собственный счетъ у киргизъ кибитки, въ которыхъ и расположились по нѣскольку человѣкъ. На другой день прихода насъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вывели въ 6 часовъ утра на шереножное ученіе. Солнце пекло уже сильно, и мы принялись за ружейные пріемы, когда вдругъ стала разыгрываться эпидемія между солдатами. То въ той, то въ другой шеренгѣ почти внезапно блѣднѣлъ человѣкъ, черезъ минуту ружье валилось изъ рукъ, и затѣмъ онъ падалъ въ страшныхъ конвульсіяхъ съ почернѣвшимъ уже лицомъ. Эти первыя жертвы холеры были поражены ею такъ сильно, что ихъ едва успѣвали доносить до бараковъ, какъ они умирали. Ученье принуждены были прервать и донесли объ этомъ начальству, которому однако же до такой степени было тяжело помириться съ мыслью о совершенномъ отдыхѣ войскъ, что только на третій день, когда число жертвъ холеры страшно увеличилось—разрѣшено прекратить всѣ строевыя занятія.

Батальоны, находясь въ лагерѣ, и безъ ученій несли тяжелую службу. При жарѣ, достигавшей 40 и болѣе градусовъ, помѣщаясь на горѣ, лишенной всякой зелени и тѣни, вдали отъ воды, войска должны

были черезъ двое сутокъ, а иногда и черезъ однѣ, ходить въ городъ для карауловъ, что составляло взадъ и впередъ около 7 верстъ, а на мѣновой дворъ—до 10, конвоировать арестантовъ, назначавшихся для рытья могилъ, и помогать лазаретной прислугѣ при уходѣ за больными и уборкѣ мертвыхъ.

Къ концу іюня эпидемія достигла ужасающихъ размѣровъ. Не только военный госпиталь на 300 человѣкъ, градскія больницы, но и большая часть огромнаго зданія караванъ-сарая, отведеннаго подъ заболѣвающихъ, были переполнены холерными. Кроватей, бѣлья и другихъ госпитальныхъ вещей на такое число, разумѣется, взять было неоткуда, и потому большая часть страждущихъ валялась на полу, въ корридорахъ, сѣняхъ, сараяхъ, въ той одеждѣ, въ которой была доставлена въ госпиталь, а какъ одежда эта мгновенно пачкалась и перемѣнить ее было нечѣмъ, то больной даже съ легкими приступами холеры, въ самомъ скоромъ времени, переходилъ въ безнадежное состояніе. Вообще на удаленіе нечистотъ и освѣженіе воздуха не было средствъ.

Съ развитіемъ холеры Оренбургъ постигли и другія несчастія; исчезло вдругъ высшее начальство, сократились доктора, пропало духовенство. Корпусный командиръ повезъ свое семейство въ лѣтнюю свою резиденцію, на такъ называемую кочевку въ Башкирію за 120 верстъ отъ города, откуда, кажется, ѣздилъ еще въ Уфу, и потому первое время, холеры его въ Оренбургѣ не было; начальникъ дивизіи отправился инспектировать инвалидныя команды, заболѣлъ въ какомъ-то уѣздномъ городкѣ обыкновенною болѣзнью и вызвалъ къ себѣ на смѣну бригаднаго командира, что при тогдашнихъ сообщеніяхъ заняло много времени. Единственный человѣкъ, начавшій было энергически распоряжаться въ городѣ, комендантъ генералъ Лифляндсъ, заболѣлъ самъ холерой и вскорѣ умеръ; отъ той же болѣзни скончался и директоръ Неплюевскаго корпуса И. М. Марковъ, въ холерѣ же лежалъ нашъ баталіонный командиръ маіоръ Лепехинъ.

Въ разгарѣ болѣзни, докторовъ не было возможности дозваться, горожане положительно были брошены на волю Божію и лѣчились одними домашними средствами, изъ коихъ главное составляла перцовка. Часть военныхъ медиковъ сразу отправилась на тотъ свѣтъ, другіе же до такой степени были обременены военными больными, что о частной практикѣ не могли и думать; были однако же и такіе, у которыхъ своихъ пацiентовъ было не много, но они все-таки къ постороннимъ ни за что не ѣхали и даже сами рапортовались больными. Гражданскіе врачи тоже исчезли, и только какъ единственное отрадное исключеніе изъ всего докторскаго персонала Оренбурга составлялъ молодой гражданскій врачъ, прозванный населеніемъ Ангеломъ-хранителемъ,—докторъ Майдель. Онъ день и ночь разъѣзжалъ по больнымъ, не отказывая просьбѣ

даже самаго послѣдняго бѣдняка, и сплошь лѣчилъ недостаточныхъ людей на собственный счетъ. Истомленіе доходило до такой степени, что, прописавъ рецептъ въ одномъ мѣстѣ, онъ тутъ же засыпалъ на нѣсколько секундъ, пока его не будили крики посыльныхъ, слѣдовавшихъ за нимъ изъ дома въ домъ, чтобы позвать къ другимъ страдальцамъ.

Одновременно съ докторами какъ бы скрылось и духовенство. Какой процентъ дѣйствительной болѣзненности и смертности былъ между этими лицами, не знаю, но фактъ тотъ, что населеніе города въ самый разгаръ холеры было совершенно лишено возможности получить исповѣдь и причастіе. Къ счастію, и здѣсь явился второй Майдель—это 70 лѣтній протоіерей военнаго Петропавловскаго собора—Содальскій. Этотъ почтенный старецъ, не смотря на жаръ и свои лѣта, день и ночь разъѣзжалъ со Святыми Дарами по больнымъ. Помнятся мнѣ и теперь длинныя, простыя дроги въ одну лошадь, на которыхъ развозили Содальскаго два солдата-причетника, держа его подъ руки; помню его кроткое, въ высшей степени красивое для старика лицо и его развѣвающіеся сѣдые волосы, такъ какъ онъ, везя Св. Дары, изъ почтенія къ нимъ или за суетою забывалъ надѣвать шляпу. Истомленіе отца Содальскаго доходило еще до большей степени, чѣмъ Майделя: старикъ дремалъ, когда его везли, а входя въ домъ, просилъ окачивать себя холодной водой и, только освѣжившись, принимался за послѣднее напутствіе. Сколько знаю, подвиги этихъ лицъ, особенно Содальскаго, не обратили вниманія начальства; дѣйствія ихъ даже не проникли въ тогдашнюю печать, но благодарность оставшихся живыми горожанъ, которымъ они подали помощь, существуетъ въ сердцахъ ихъ, какъ мнѣ извѣстно, до сихъ поръ и конечно сойдетъ съ ними въ могилу.

Я говорилъ уже, что мы жили въ лагерѣ по 3, 4 человѣка въ кибиткѣ. Не смотря на всѣ ужасы холеры, молодость брала свое, и мы постоянно находились въ веселомъ настроеніи духа, что конечно лучше всего спасало отъ страшной болѣзни, тѣмъ болѣе, что мы не принимали никакихъ предохранительныхъ мѣръ и только въ воду для питья подбавляли краснаго вина.

Служба въ лагерѣ день отъ дня становилась труднѣе, ибо численность наша, за смертью и болѣзнью нѣсколькихъ старыхъ офицеровъ, уменьшилась. Обыкновенно въ 6 часовъ утра мы выступали изъ лагеря въ полной парадной формѣ въ городской караулъ; съ приближеніемъ къ госпиталю и караванъ-сараю воздухъ становился все тяжелѣе, а со входомъ въ крѣпость мы попадали въ какую-то въ высшей степени удушливую, разгоряченную атмосферу. Городъ представлялъ совершенную пустыню; не только все, что могло уѣхать вдаль, исчезло, но даже лица, не имѣвшія права по служебнымъ обязанностямъ отлучаться, и тѣ, пользуясь общимъ разстройствомъ высшей администраціи, разбре-

лись по сосѣднимъ деревнямъ и хуторамъ. На улицахъ—никого, кромѣ посыльныхъ съ лѣкарствами или людей служащихъ; ставни въ домахъ закрыты во избѣжаніе жара, а въ нѣкоторыхъ и отъ поголовной смерти хозяевъ и прислуги; кое-гдѣ на тротуарахъ встрѣтится валяющійся въ судорогахъ холеры прохожій, котораго некому прибрать и отъ котораго сторонятся всѣ здоровые люди. Наконецъ, достигаешь гауптвахты и вступаешь въ караулъ; солнце начинаетъ припекать немилосердно; часовые валятся и безпрерывно приходится ихъ смѣнять, а тутъ еще какъ нарочно захваченные на улицѣ холерою прохожіе кое-какъ доползаютъ до той же гауптвахты и Бога-ради просятъ отправить ихъ на квартиры или въ госпиталь. Часамъ къ 8 вечера выйдешь на платформу посидѣть на воздухѣ. Проходящихъ является болѣе, но отъ нихъ не легче; то и дѣло слышишь, что заболѣлъ такой-то, умеръ такой-то, нѣтъ возможности поймать ни одного доктора, мертвые по суткамъ и болѣе валяются неприбранными, некому дѣлать гробовъ, нѣтъ лошадей, чтобы отвозить умершихъ и т. д.

Стоять однако же на главной гауптвахтѣ и у Сакмарскаго въѣзда было еще сносно; офицерскія комнаты были прохладны, находясь въ подвальномъ этажѣ, и при томъ эти караулы отстояли сравнительно недалеко отъ госпиталей.

Не то было, когда доставалось идти на мѣновой дворъ или въ тюремный замокъ.

При назначеніи на эти посты офицеры обыкновенно прощались, какъ передъ смертью, съ караульнымъ начальникомъ, въ виду весьма слабой надежды увидать его на другой день. До мѣноваго двора приходилось дѣлать отъ лагеря до 5 верстъ въ одинъ конецъ; до обѣда тамъ еще бывали таможенные чиновники и кое-какой народъ, хотя по случаю холеры торговля почти вовсе прекратилась, но съ трехъ часовъ дворъ этотъ представлялъ совершенную пустыню и въ немъ оставались только сторожа и караульные. Заболѣвшіе холерой конечно не могли здѣсь разсчитывать на какую-либо помощь; отвезти ихъ въ госпиталь было не на чемъ, и проходили сутки и болѣе прежде, чѣмъ пріискивалась подвода, чтобы отправить страдальца. При такой обстановкѣ на офицера и караульныхъ находила какая-то тоска, особенно съ наступленіемъ ночи, когда запирались ворота, и если бы не протяжные крики «с л у ш а й» часовыхъ на бастіонахъ, то мѣновой дворъ смѣло можно было принять за мертвый домъ. Сюда рѣдко ѣздили дежурные по карауламъ, а о рундахъ мы и не слыхали, такъ что не съ кѣмъ было даже вѣсть послать въ городъ, если бы случилось заболѣть; но еще ужаснѣе считалось назначеніе въ городской тюремной замокъ, оправданіемъ чего можетъ служить подробное описаніе, какъ проводился здѣсь караульный день и что встрѣчали офицеры въ продолженіе

почти мѣсяца, когда свирѣпствовала особенно сильная холера въ городѣ.

Оренбургскій тюремный за́мокъ въ то время состоялъ изъ каменнаго съ высокими стѣнами 4-хъ-угольнаго зданія, внутренность котораго дѣлилась особою стѣною на двѣ неровныя половины. Въ одной большой было расположено 9 или 10 казематовъ для русскихъ арестантовъ, мужчинъ и женщинъ, въ другой же, меньшей, помѣщались казематы для киргизъ. Въ русской половинѣ имѣлся посреди небольшой дворъ,—въ азіатской же никакой площадки не было. Лицевая сторона за̀мка была двухъ-этажная: внизу находились комнаты для караула и офицера, а вверху помѣщался лазаретъ и квартира смотрителя. Весьма понятно, что если въ настоящее время наши тюрьмы представляютъ грязь и заразу, то въ 1848 году онѣ отличались такою тѣснотою, смрадомъ и безобразіемъ, что непривыкшій человѣкъ конечно могъ задохнуться, войдя въ любой изъ казематовъ, особенно каторжныхъ арестантовъ, которые тутъ же и испражнялись. Число заключенныхъ нисколько не сообразовалось съ помѣстительностью зданія, мытье бѣлья производилось тутъ же, между мужскою и женскою половинами и въ продолженіе дня не было никакого разобщенія.

Съ первыхъ дней холеры въ за́мкѣ открылась смертность, достигшая впослѣдствіи ужасныхъ размѣровъ. Она однако же не очистила зданія, ибо на смѣну умершихъ безпрерывно поступали новые живые субъекты и если при нормальномъ состояніи за̀мокъ представлялъ заразу, то можно судить, что́ было тамъ въ холеру, при обильныхъ изверженіяхъ арестантовъ.

Вступивъ часовъ въ 7 или 8 утра въ караулъ, новый офицеръ приступалъ къ повѣркѣ заключенныхъ, для чего и входилъ внутрь за̀мка на площадку, но первое, что́ ему представлялось—это были уложенныя рядкомъ на землѣ вдоль стѣнъ казематовъ тѣла умершихъ, такъ что каждый изъ насъ принималъ отъ стараго караульнаго офицера столько-то живыхъ и столько-то мертвыхъ арестантовъ, о чемъ и вносилось во всѣ рапорты. Тѣла эти не были обмыты, одежда не перемѣнена; лежали они съ искривленными и почернѣвшими лицами. Разложеніе труповъ шло самымъ быстрымъ образомъ, особенно на жгучемъ солнцѣ, и своимъ смрадомъ они наполняли всю внутренность за̀мка. Чтобы объяснить такую пріемку живыхъ и мертвыхъ, нужно припомнить, что хотя при за̀мкѣ и былъ лазаретъ, но весьма небольшой, и потому онъ съ первыхъ же дней наполнился холерными, затѣмъ остальныхъ больныхъ слѣдовало отправлять въ госпиталь, но въ разгарѣ эпидеміи они всегда успѣвали умереть, прежде чѣмъ были исполнены всѣ обрядности, требовавшіяся для ихъ отправки, ибо тутъ распоряжались два разныхъ вѣдомства: ордонасъ-гаузъ и полиція. Главною, конечно, задержкою въ

вывозѣ мертвыхъ изъ замка былъ недостатокъ лошадей въ градской полиціи, на обязанности которой тогда лежала поставка повозокъ подъ заболѣвающихъ гражданскихъ арестантовъ. Сколько помню, при полиціи состояли для этой цѣли особыя лошади, но потребность въ нихъ для разныхъ лицъ и надобностей въ городѣ до такой степени была велика, что считали небольшой бѣдой, если тѣло какого-нибудь негодяя поваляется въ замкѣ нѣсколько лишнихъ дней. Напрасно мы жаловались дежурнымъ по карауламъ, а они доносили въ ордонансъ-гаузъ, но распоряжаться было некому. Комендантъ умеръ, плацъ-маіоръ лежалъ больной, а высшаго строеваго начальства въ городѣ не было. Сосчитавъ живыхъ и мертвыхъ, офицеръ входилъ въ казематы, наполненные страшнымъ смрадомъ, для осмотра арестантскаго имущества, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли въ немъ ножей, подпилковъ и т. п. желѣзныхъ вещей, могущихъ служить для убійства или побѣга. Окончивъ эту процедуру, измученный морально, въ одеждѣ, пропитанной всѣми возможными міазмами, онъ отправлялся наконецъ въ свою комнату составлять начальству рапортъ о благополучномъ пріемѣ, но и здѣсь не было покоя. Караульному начальнику приходилось безпрерывно писать донесенія о болѣзни или смерти солдата или арестанта и заниматься ихъ отправкою, если на счастіе присылалась откуда-нибудь лошадь; кромѣ того отдыху его мѣшала тогдашняя форма и пріѣзды дежурнаго по карауламъ и плацъ-адъютантовъ, хотя эти господа во дворъ не входили, а посмотрѣвъ черезъ форточку внутрь замка и спросивъ, все ли благополучно, старались скорѣе удрать подальше. Вечеромъ бывало отправляешься опять считать заключенныхъ, осматривать ихъ и снова ведешь счетъ живымъ и мертвымъ, при чемъ часть живыхъ назначаешь подъ особымъ конвоемъ на кладбище для рытья могилъ и похоронъ умершихъ въ госпиталяхъ. Посылка преступниковъ въ темныя оренбургскія ночи для работъ за городъ дѣлалась тогда, какъ говорили, во избѣжаніе дурнаго вліянія на жителей отъ погребенія той массы умершихъ, какая свозилась по ночамъ на кладбище, но странно было хлопотать объ удаленіи дурныхъ впечатлѣній, когда въ то же время обезображенные трупы валялись зачастую на улицахъ города безъ всякой помощи или уборки. Вожденіе арестантовъ по ночамъ, какъ и слѣдовало ожидать, кончилось катастрофой: однажды часть ихъ, воспользовавшись темнотою, сдѣлала побѣгъ, за что впослѣдствіи конвойнаго унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ отдали подъ судъ и перваго разжаловали, а послѣднихъ прогнали сквозь строй; за то преступниковъ, послѣ побѣга, стали уже посылать на кладбище днемъ.

Наконецъ, наряды окончены, казематы заперты, часовые на своихъ мѣстахъ, располагаешься въ караульной комнатѣ по-домашнему, такъ какъ извѣстно, что никто ночью не пріѣдетъ въ замокъ, да и пріѣхать

некому, хочешь отдохнуть какъ слѣдуетъ; не тутъ-то было. Едва задремлешь въ креслѣ, какъ старшій унтеръ-офицеръ толкаетъ въ плечо и говоритъ: «Ваше благородіе, такой-то рядовой заболѣлъ—отправки проситъ» или: «арестантъ умеръ въ казематѣ, вытащить надо»; если же нѣтъ заболѣвшихъ, то, въ свою очередь, шумъ и стукъ по лѣстницѣ въ лазаретѣ, которая проходила мимо самыхъ дверей караульной комнаты, все равно не дадутъ уснуть покойно. На этой лѣстницѣ шло постоянное тасканіе арестантовъ взадъ и впередъ... Вверхъ шли подъ конвоемъ вновь заболѣвшіе, если были тамъ мѣста; внизъ тащили умершихъ, при чемъ лазаретная прислуга, не смотря на приказаніе, спускала ихъ попросту, т. е. взявъ за голову или руку, волокла внизъ, при чемъ ноги трупа бились о каждую ступеньку. Такимъ образомъ, только дождавшись разсвѣта, вздремнешь немножко; часовъ съ шести начинаешь уже ждать съ нетерпѣніемъ смѣны и, обойдя съ новымъ караульнымъ офицеромъ всѣ казематы, торопишься поскорѣе въ лагерь.

Повѣряя свои впечатлѣнія, я долженъ откровенно сказать, что мнѣ случалось впослѣдствіи дѣлать подъ жгучимъ солнцемъ въ сыпучихъ пескахъ безводные тяжелые походы, день и ночь ѣздить, не слѣзая съ коня, стоять подъ непріятельскимъ огнемъ, но ни откуда, рѣшительно, я не выходилъ съ такимъ нравственнымъ и физическимъ истомленіемъ, какъ послѣ сутокъ, проведенныхъ въ караулѣ въ Оренбургскомъ тюремномъ замкѣ, и только Богъ да молодость сохранили меня отъ эпидеміи.

Спустя недѣли двѣ по выходѣ въ лагерь, мнѣ вздумалось навѣстить нѣкоторыхъ городскихъ знакомыхъ и взглянуть на сестру. Какъ теперь помню, я побывалъ въ трехъ домахъ, но вездѣ неудачно: въ одномъ я засталъ лишь дѣтей—отца и мать унесла уже холера; два другихъ были наглухо забиты, и только какой-то прохожій объяснилъ мнѣ, что жильцы одного дома уѣхали въ деревню, а въ другомъ поголовно перемерли: и господа, и прислуга. Пришелъ къ сестрѣ. Ходъ къ ней велъ черезъ кухню, и при первомъ шагѣ въ домъ я наткнулся на страшную картину: положивъ голову на порогъ, распростертая на полу, съ запекшеюся пѣной у рта, валялась кухарка, женщина среднихъ лѣтъ. При моемъ проходѣ, она слабымъ движеніемъ руки показала на ротъ, я понялъ, что ее томитъ жажда, и принесъ ковшъ воды, положивъ туда изъ случившагося у меня пузырька штукъ 40 мятныхъ капель. Питье видимо освѣжило больную, она съ благодарностью посмотрѣла и закрыла глаза; впослѣдствіи женщина эта выздоровѣла и положительно считала меня своимъ спасителемъ. Изъ кухни дверь вела въ маленькую переднюю, гдѣ на широкой лавкѣ лежала блѣдная, истомленная горничная, дѣвушка лѣтъ 18, а въ слѣдующей комнатѣ къ закрытыми ставнями сидѣла и сама сестра.

Сестра и ея мужъ несказанно мнѣ обрадовались; за эти двѣ недѣли они страшно похудѣли, осунулись, жаловались на совершенное отсутствіе аппетита и передали, что уже дней десять, какъ питаются только однимъ чаемъ и не видятъ никого изъ постороннихъ, кромѣ сосѣдки-солдатки, приносящей имъ разъ въ день воду и хлѣбъ, и при этомъ, конечно, разсказывающей такія страсти о холерѣ, что они едва не сошли съ ума. Изъ дальнѣйшихъ объясненій оказалось, что съ кухаркой была холера, но потомъ перешла въ какую-то другую болѣзнь, лишившую эту женщину силъ, что же касается горничной, то съ ней вышелъ весьма странный случай. Заболѣвъ сильной холерой, она, въ безнадежномъ состояніи, была отвезена въ караванъ-сарайскій госпиталь; ее свалили на полъ въ какомъ-то корридорѣ, гдѣ въ страшныхъ судорогахъ корчились уже десятки другихъ больныхъ; затѣмъ она лишилась чувствъ и не знаетъ, долго ли находилась въ такомъ состояніи; когда же очнулась, была ночь и страшная тишина; попробовала она приподняться, но ее давило что-то очень тяжелое, а рядомъ все было мокро. Дождавшись первыхъ лучей солнца, она съ ужасомъ увидѣла, что находится въ каменномъ сараѣ, и что съ одной стороны вплоть къ ней лежали полѣнницей покойники, а на нее положена мертвая старуха. Собравъ всѣ силы, какія только можетъ придать отчаяніе, горничная кое-какъ вылѣзла изъ-подъ своей страшной ноши и ползкомъ дотащилась до выхода; утренній воздухъ освѣжилъ ее и придалъ силы, тогда она побрела къ городу; къ счастію, ее подсадилъ въ телѣгу проѣзжій крестьянинъ, гдѣ она опять лишилась чувствъ. Затѣмъ вѣроятно мужичекъ положилъ ее на тротуаръ, такъ какъ, придя въ себя, она очутилась на одной изъ близкихъ къ своему дому улицъ, откуда уже и приползла домой. Разсказъ горничной можно было принять за вполнѣ достовѣрный, ибо во время сильнаго разгара эпидеміи такіе случаи бывали нерѣдко, и многихъ заболѣвшихъ послѣ сильнаго припадка холеры принимали за умершихъ и зачастую относили въ сарай для покойниковъ, чтобы очистить мѣсто новымъ паціентамъ. Утѣшивъ и ободривъ на сколько возможно сестру, я оставилъ ей пузырекъ съ мятными каплями и на прощанье обѣщалъ навѣщать каждую недѣлю, чѣмъ она осталась очень довольна.

V.

Появленіе начальства.—Пожары.—Разборъ одежды.—Возвращеніе въ городъ.—Зимнія занятія офицеровъ.

Время шло, стало наконецъ появляться начальство, возвратился корпусный командиръ и поселился въ какомъ-то домикѣ въ зауральской

рощѣ; пріѣхалъ начальникъ дивизіи и занялъ двѣ комнатки вверху на дачѣ Шапошникова (нынѣ Короваева) вблизи нашего лагеря. Съ появленіемъ высшихъ лицъ, хотя и не въ городѣ, откуда-то стали выползать и второстепенные чины: показался плацъ-маіоръ, увидали мы и командира 2-го баталіона, подполковника Чигиря, занявшаго между дачей Шапошникова и нашимъ лагеремъ одинъ изъ офицерскихъ бараковъ казачьей артиллеріи. Между тѣмъ холера не переставала уносить жертвы, и въ одинъ прекрасный день я получилъ приказаніе вступить въ исправленіе должности баталіоннаго адъютанта и казначея и, слѣдовательно, носить ежедневно начальнику дивизіи рапортички о числѣ больныхъ и умершихъ въ баталіонѣ.

Замѣчательно, что въ то время, когда у насъ въ баталіонахъ свирѣпствовала холера, у стоящихъ рядомъ въ лагерѣ артиллеристовъ-казаковъ болѣзненность была весьма незначительна, а у кадетъ всего 3 или 4 умершихъ, что̀ показываетъ, что и при хорошемъ довольствіи можно было значительно сберечь солдатъ, когда начальникъ заботился о хорошей пищѣ людей и поддержкѣ между ними бодраго духа и опрятности. Дѣйствительно, когда въ нашемъ лагерѣ царствовала гробовая тишина, у сосѣдей казаковъ и кадетъ постоянно раздавались пѣсни, музыка, и несся веселый крикъ разныхъ игръ, которыми они занимались при всякомъ удобномъ случаѣ.

Къ бѣдствіямъ холеры присоединилась вскорѣ другая невзгода для бѣдныхъ жителей Оренбурга, вѣроятно по пословицѣ, что бѣда одна не приходитъ. Невыносимый жаръ, отсутствіе дождей, безпорядокъ въ хозяйствѣ и въ присмотрѣ за огнемъ въ особенности, причиненный въ каждомъ домѣ холерой—все это послужило къ появленію пожаровъ. Вскорѣ по возвращеніи корпуснаго командира, произошелъ довольно сильный пожаръ въ казачьемъ форштадтѣ, а какъ средства полиціи были ничтожны, жителей, по случаю холеры, явилось для тушенія мало, то вся надежда на прекращеніе огня сосредоточилась на войскахъ, которыя однако же прибыли весьма поздно, за что̀ присутствовавшій на пожарѣ Обручевъ страшно разбранилъ войсковыхъ начальниковъ.

Прошло съ недѣлю, и разъ, часа въ четыре послѣ обѣда, мы увидѣли изъ лагеря сильный дымъ въ старой слободкѣ; не было сомнѣнія, что тамъ начинался большой пожаръ. Только лишь мы велѣли людямъ одѣваться, какъ прибѣжалъ ординарецъ съ приказаніемъ баталіонному адъютанту явиться немедленно къ начальнику дивизіи. Прицѣпивъ полусаблю, я бѣгомъ направился на дачу Шапошникова, гдѣ по какой-то боковой лѣсенкѣ взобрался на мезонинъ, но, войдя въ пріемную, невольно остановился. По комнатѣ изъ угла въ уголъ, расхаживалъ или, лучше сказать, бѣгалъ начальникъ дивизіи, въ одномъ бѣльѣ съ страшно

встревоженнымъ лицомъ; тутъ же, прижавшись къ стѣнѣ, стоялъ лакей, держа въ рукахъ генеральское платье.

— Горитъ?—подскочилъ ко мнѣ съ вопросомъ генералъ, страшно вращая глазами.

— Горитъ, ваше превосходительство.

— Горитъ, горитъ,—передразнилъ меня начальникъ дивизіи, сдѣлавъ гримасу. И безъ тебя знаю, что горитъ, а люди посланы?

— Сейчасъ собираются.

— Какъ собираются, что же ты смотрѣлъ? И генералъ чуть не съ кулаками налетѣлъ на меня. Баталіонный командиръ боленъ, а ты спишь, да я тебя вонъ выгоню, въ солдаты разжалую!—кричалъ онъ въ изступленіи съ пѣной у рта и потомъ, точно вспомнивъ что-то, бросился въ другую комнату. Черезъ мгновеніе онъ летѣлъ уже назадъ, бормоча: Боже, Боже мой, какъ горитъ, а людей нѣтъ. Что скажетъ корпусный командиръ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ изнеможеніи, опустился на диванъ.

Прошла минута, и генералъ, схвативъ себя за волосы, крикнулъ лакею: «Давай одѣваться, я самъ поѣду, самъ», но едва онъ успѣлъ надѣть шаровары, какъ весь пылъ его прошелъ,—онъ заговорилъ слабымъ голосомъ: «нѣтъ, рѣшительно не могу, я боленъ... докторъ запретилъ», и потомъ, обратясь ко мнѣ, добавилъ съ ласкою: «ты видишь... я не въ состояніи, бѣги къ подполковнику Чигирю и скажи, что я нездоровъ». Уходя, я еще слышалъ голосъ генерала, повторявшаго: «Боже мой, какъ горитъ-то»...

Здѣсь въ первый разъ мнѣ удалось видѣть, какъ человѣкъ, неоднократно отличавшійся въ сраженіяхъ, можетъ растеряться и даже струсить, попавъ между двухъ огней, при другой обстановкѣ жизни. Всѣ мы знали, что болѣзнь генерала, если она только существовала, нисколько не мѣшала ему выѣзжать и была самая обыкновенная, но также хорошо было всѣмъ извѣстно, что онъ очень боялся заразительности холеры и, наравнѣ съ нею, корпуснаго командира. Очутясь такимъ образомъ между холерою и Обручевымъ, онъ не зналъ, что дѣлать, пока наконецъ любовь къ жизни не пересилила боязни грознаго начальника.

На обратномъ пути, я передалъ исправлявшему должность бригаднаго командира, подполковнику Чигирю, стоявшему на крыльцѣ своей дачи, приказаніе генерала и затѣмъ, отойдя нѣсколько шаговъ въ направленіи лагеря, встрѣтилъ одного юнкера—своего корпуснаго товарища, съ которымъ и поздоровался по-дружески. Но только успѣлъ сказать нѣсколько словъ, какъ слышу голосъ Чигиря:

— Эй, прапорщикъ, какъ вы смѣете такъ здороваться съ нижнимъ чиномъ и позволяете ему стоять въ фуражкѣ! Я васъ, сударь, заморю

на гауптвахтѣ. Ступайте прочь, а ты, братъ, закричалъ Чигирь юнкеру, грозя кулакомъ,—пошелъ подъ арестъ!

Такъ возвратился я въ лагерь, получа двѣ невѣжественныхъ нахлобучки, но тогда это было въ порядкѣ вещей.

Сколько помню, въ іюлѣ мѣсяцѣ холера стала значительно утихать, появились выздоравливающіе, а у нѣкоторыхъ она начала переходить въ тифъ; въ городѣ отслужили съ водосвятіемъ молебенъ, обошли съ хоругвями крѣпостные валы, и народъ появился на улицахъ. Я не имѣю подъ рукою цифры жертвъ, но полагаю, что немного ошибусь, если скажу, что холера уничтожила около половины всего населенія Оренбурга, считая и войска. По крайней мѣрѣ по всѣмъ имѣвшимся тогда свѣдѣніямъ она, за исключеніемъ еще одного какого-то пункта въ южной Россіи, нигдѣ не свирѣпствовала такъ, какъ въ Оренбургѣ. Всякій согласится, что цифра этой страшной смертности несомнѣнно была бы гораздо менѣе, если бы были во́-время приняты хотя какія-нибудь раціональныя гигіеническія мѣры и была бы оказана надлежащая медицинская помощь заболѣвшимъ, но повторяю вновь: о гигіенѣ тогда никто не думалъ, а врачебныя средства почти исключительно сосредоточивались въ одномъ докторѣ Майделѣ.

Опасность миновала, войска стали готовиться къ выступленію изъ лагеря, когда случай привелъ нѣкоторыхъ изъ насъ столкнуться еще разъ съ оставлявшею Оренбургъ эпидеміей. Дѣло въ томъ, что солдатъ отправляли въ госпиталь караванъ-сарая, въ той одеждѣ, въ которой они заболѣвали, а хоронили неизвѣстно въ чемъ; только съ прекращеніемъ холеры, отъ каждаго баталіона по нѣсколько офицеровъ съ каптенармусами получили приказаніе отправиться въ караванъ-сарай разобрать по баталіонамъ и ротамъ оставшіяся послѣ умершихъ вещи. Прибывъ на мѣсто рано утромъ, мы нашли солдатскую одежду, преимущественно шинели, наваленную грудами вдоль стѣны, окружающей зданіе, и немедленно приступили къ разборкѣ. Шинели и мундиры оставались въ томъ видѣ, какъ ихъ снимали съ умершихъ, т. е. выпачканные разными изверженіями, и хотя они лежали на открытомъ воздухѣ, тѣмъ не менѣе, когда тронули эту массу и стали разворачивать платье, чтобы убѣдиться, какой части оно принадлежитъ, насъ обдало такими міазмами, что съ нѣкоторыми сдѣлалась дурно, и только съ великимъ трудомъ и томленіемъ мы окончили кое-какъ свою работу къ вечеру. Замѣчательно, что не только командиры частей, даже высшее начальство не подумали продать или сжечь эту одежду, напротивъ, она, какъ показанная въ отчетахъ исключенною на умершихъ, доставила порядочную прибыль баталіоннымъ командирамъ, и безъ того впрочемъ получавшимъ огромные барыши отъ постройки одежды и вообще отъ всего баталіоннаго хозяйства.

Съ переходомъ въ городъ вмѣсто отдыха началось наверстываніе того, что было пропущено въ холеру, и подтягиванье распустившихся, какъ тогда говорили, во время двухмѣсячнаго бездѣлья, войскъ. Ученья пошли утромъ и вечеромъ безъ перерыва; стали готовиться къ смотрамъ, и милая палка съ начальническимъ кулакомъ безъ устали загуляли по солдатскимъ спинамъ и лицамъ. Офицерство обругивалось, безъ очереди посылалось въ караулъ и наполняло гауптвахты; словомъ, все вошло въ свою обычную колею, и снова стало все благополучно; прошла гроза, смерть перестала пугать своимъ призракомъ, и начальство съ азартомъ принялось за обычную роль грознаго инспектора, какъ бы стараясь строгостями изгладить изъ памяти подчиненныхъ воспоминаніе о своей трусости и бездѣятельности въ холеру. Начались слѣдствія, взысканія за нераспорядительность во время холеры, того или другаго лица, конечно, изъ маленькихъ чиновъ; кое-кого распекли, а другихъ смѣнили, въ томъ числѣ и нашего добряка, баталіоннаго командира маіора Лепехина, на мѣсто котораго былъ назначенъ изъ арміи подполковникъ Сварчевскій. Послѣ долгой муштровки смотры, наконецъ, были сданы благополучно, особенно подполковникомъ Чигиремъ, баталіономъ котораго корпусный командиръ остался отмѣнно доволенъ, и затѣмъ мы перешли къ обыкновеннымъ зимнимъ занятіямъ, сначала на дворѣ, а съ наступленіемъ холодовъ—въ казармахъ и манежѣ.

Потянулась грустная жизнь: ученья, парады, разводы съ грубостью начальства, недостатокъ содержанія (прапорщикъ за вычетами на библіотеку, офицерскій капиталъ и проч., получалъ тогда въ треть пятьдесятъ съ чѣмъ-то рублей),—вотъ что наполняло нашу службу въ Оренбургѣ, и единственнымъ средствомъ отдыха отъ всѣхъ этихъ дрязгъ оставалось чтеніе, благо дивизіонная библіотека находилась подъ рукою. Библіотека начала составляться нѣсколько лѣтъ назадъ при штабѣ дивизіи на деньги, вычитавшіяся у офицеровъ изъ жалованья, и въ мое время помѣщалась въ казармахъ 3-го баталіона. Не знаю, сколько платили въ нее высшіе чины, но съ прапорщиковъ вычитали по два рубля въ треть, и за исключеніемъ сочиненій Михайловскаго - Даниловскаго, Лукьяновича о кампаніи 1828—1829 годовъ въ Турціи, въ библіотекѣ не было ни одного военнаго изданія, считая въ томъ числѣ и учебныя военныя руководства, но зато она была наполнена всевозможными повѣстями и романами, особенно же бывшими тогда въ модѣ сочиненіями Дюма, Сю, Феваля и др. На иностранныхъ языкахъ не было ни одной книги. Всѣ офицеры зачитывались тогда, чуть не до сумасшествія «Вѣчнымъ жидомъ», «Монте-Кристо» и т. под., а изъ русскихъ произведеній, кромѣ Загоскина и Лажечникова, страшнѣйшій фуроръ производилъ Лермонтовъ своимъ «Героемъ нашего времени», ибо рѣдкій изъ

офицеровъ не находилъ въ себѣ нѣкотораго сходства съ Печориномъ или не желалъ бы подражать ему. Начинали также почитывать и Гоголя, но какъ-то нерѣшительно, цѣня его исключительно, какъ юмориста. Изъ стихотвореній читали того же Лермонтова, Пушкина, Грибоѣдова, Козлова, особенно Бенедиктова, стихи котораго: «Кудри дѣвы чародѣйки», и «Блаженъ, кто могъ на ложѣ ночи», Языкова вся молодежь знала наизусть; старики же напротивъ декламировали Давыдова: «Бурцевъ, ёра забіяка». Но къ чему была особенная страсть у тогдашнихъ офицеровъ, даже женатыхъ—это къ непозволительнымъ сочиненіямъ, какого бы то ни было содержанія, общаго или политическаго; почти у каждаго была тетрадь непозволительныхъ стиховъ Боркова, Пушкина и пр., которые хранились, какъ драгоцѣнность, и списывались другъ у друга; у болѣе же развитыхъ людей имѣлись тетрадки съ поэмами Рылѣева и стихотвореніями, подобными извѣстному тогда «Спору Польши съ Россіей»: «Сбирайтесь, слуги и вассалы, на кроткій господина зовъ».

Ежегодно осенью, всѣ офицеры собирались въ библіотеку, подъ предсѣдательствомъ Чигиря, чтобы рѣшить, какія книги выписать на будущій годъ. Обыкновенно сначала утверждался тотъ списокъ книгъ, которыя выбиралъ самъ Чигирь, затѣмъ—назначали уже офицеры, останавливаясь почти всегда на романахъ и въ рѣдкихъ случаяхъ на сочиненіяхъ объ охотѣ. Таковъ былъ въ то время запасъ печатныхъ свѣдѣній, которыми мы могли пополнять свое образованіе изъ нашей библіотеки, но спасибо и за это; все же лучше было провести время за романами, чѣмъ въ пьянствѣ и карточной игрѣ, какъ это дѣлали многіе изъ старыхъ офицеровъ.

Въ Дворянскій клубъ хотя нѣкоторые изъ насъ и являлись, но только для того, чтобы смиренно постоять въ залѣ, ибо, какъ я уже говорилъ, съ нами мало кто танцовалъ; даже изъ офицеровъ, носившихъ другой мундиръ, всякій, какого бы онъ ни былъ чина, считалъ возможнымъ отворачиваться и смотрѣть на «гарнизонъ», какъ тогда звали линейные баталіоны, чуть не съ презрѣніемъ; одни только казаки и отчасти топографы не пренебрегали нами.

Въ продолженіе зимы были два или три бала у Обручева, и одинъ у нашего дивизіоннаго начальника, имѣвшаго тогда двухъ взрослыхъ дочерей-невѣстъ. Я ничего не зналъ о послѣднемъ балѣ, когда разъ вечеромъ принесли ко мнѣ изъ баталіона книгу приказовъ и, просматривая ее, я прочиталъ: «поручику и прапорщику такимъ-то завтрашняго числа, въ 9 часовъ вечера, прибыть въ квартиру его превосходительства начальника дивизіи въ мундирахъ безъ шарфовъ». Недоумѣвая, что бы это значило, я только на другой день узналъ, что поименованные офицеры «назначаются» на балъ къ генералу Толмачеву, и то только

потому, что умѣютъ танцовать польку. По веснѣ и подполковникъ Чигирь далъ роскошный балъ, на которомъ присутствовало все начальство, не исключая Обручева; сюда тоже были назначены только тѣ офицеры, которые хорошо танцовали польку.

VI.

Перовскій и оренбургскія дамы.—Ксендзъ Зеленко.—Командировка въ Бугульму.—Сергіевскія воды.—Возвращеніе въ Оренбургъ.—Зима съ 1849 на 1850 годъ.

Упомянувъ выше объ оренбургскихъ балахъ, нельзя пройти молчаніемъ и тогдашняго дамскаго общества Оренбурга.

При предмѣстникѣ Обручева, Перовскомъ, человѣкѣ холостомъ, любившемъ хорошенькихъ женщинъ, для оренбургскихъ дамъ было открыто обширное поле интригъ, съ цѣлью привлечь къ себѣ расположеніе красиваго корпуснаго командира. Чтобы извинить отчасти мѣстныхъ дамъ за такія поползновенія, надо составить себѣ предварительное понятіе о томъ, какое значеніе имѣлъ тогда для Оренбургскаго края главный его начальникъ. Если въ настоящее время внутри Россіи генералъ-губернаторъ окруженъ особымъ почетомъ и блескомъ, пользуется большою властью надъ подчиненными и средствами привлекать ихъ къ себѣ, то что же слѣдуетъ сказать о главномъ начальникѣ, дѣйствовавшемъ на далекой окраинѣ въ старые годы, облеченномъ, по самой отдаленности страны, чрезвычайною властью и имѣвшемъ въ безотчетномъ распоряженіи громадныя денежныя и матеріальныя средства. Такой начальникъ, если только онъ хотѣлъ, могъ вполнѣ играть роль султана въ своей области. Достаточно было, не говорю почерка пера, но слова его, чтобы карьера подчиненнаго была сразу уничтожена, или наоборотъ довольно было простаго приказанія, прихоти, чтобы какому-нибудь лицу немедленно отпустилась изъ состоящихъ въ распоряженіи начальника средствъ болѣе или менѣе значительная сумма. А блестящіе балы Перовскаго, попасть на которые для людей, живущихъ въ захолустьѣ, развѣ не было особымъ счастіемъ, а роскошные подарки, которые онъ со всею свѣтскою любезностью подносилъ дамамъ, пользовавшимся даже самымъ незначительнымъ его вниманіемъ, не составляли притягательной силы? Къ этому надо добавить казенныя помѣщенія, дрова и сѣно, которыя онъ раздавалъ по произволу, и при томъ, напримѣръ, дрова за самую ничтожную цѣну, что при недостаткѣ хорошихъ квартиръ въ Оренбургѣ и дороговизнѣ топлива играло значитель-

ную роль въ жизни служащихъ. Словомъ, отъ главнаго начальника, такъ сказать, зависѣла вся нравственная и матеріальная обстановка подчиненнаго.

Понятенъ будетъ послѣ этого и тотъ образъ жизни, который вело большинство хорошенькихъ дамъ высшаго оренбургскаго общества; онѣ веселились до упаду на балахъ Перовскаго, дома жили привольно, благодаря его же милостямъ и въ силу этого и прекрасной его наружности только и хлопотали о томъ, чтобы сойтись съ нимъ поближе. Къ сожалѣнію, желающихъ было много, а избранныхъ мало, и потому многія удовлетворились тѣмъ, что отдали свои симпатіи кому-либо изъ близкихъ Перовскому лицъ изъ той блестящей толпы свѣтской молодежи, которую привезъ онъ съ собою изъ Петербурга. Но разъ почуявшій свободу конь, какъ говорятъ, несется далѣе, такъ было и здѣсь ко времени пріѣзда въ край Обручева: половина молодыхъ дамъ изъ высшаго круга была уже замѣшана въ разныхъ интригахъ.

Аскетъ по жизни, имѣя женою женщину, весьма сдержанную нѣмку, Обручевъ ужаснулся распущенности оренбургскаго общества, напоминавшей ему вѣроятно времена Людовика XV, и сразу захотѣлъ повернуть его на болѣе нравственную дорогу. Напрасно однако онъ устраивалъ свои вечера съ самою простою обстановкою, отличалъ особымъ вниманіемъ дамъ, пользовавшихся безукоризненной репутаціей, и не пускалъ въ домъ тѣхъ, которыя слишкомъ явно вели интриги—ничто не помогало; напротивъ, давленіе его произвело какъ бы противное дѣйствіе, и въ мое время большая часть молодыхъ замужнихъ женщинъ высшаго круга, имѣвшихъ хотя тѣнь красоты, вела довольно свободную жизнь.

Независимо отъ баловъ въ Оренбургѣ тогда изрѣдка устраивались благородные спектакли обществомъ бѣдныхъ, предсѣдательницей котораго состояла супруга генерала Обручева, и ближайшимъ ея помощникомъ и распорядителемъ мѣстный ксендзъ Зеленко, личность въ своемъ родѣ весьма замѣчательная.

Ксендзъ Зеленко былъ сосланъ въ Оренбургъ за какія-то преступленія еще при Перовскомъ, но какъ послѣдній весьма снисходительно относился къ ссыльнымъ, то ксендзу не только вскорѣ позволили отправлять службу, но и сдѣлали дивизіоннымъ капелланомъ 22-й дивизіи. Воспитанникъ іезуитовъ, человѣкъ, одаренный большимъ умомъ, неимовѣрною терпѣливостью въ достиженіи своихъ цѣлей, заискивавшій у всѣхъ и каждаго, со всѣми ласковый и обходительный, Зеленко уже при Перовскомъ пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла края, прикрывая свои дѣйствія маской благотворительности и помощи всѣмъ людямъ безъ различія религіи и національности. Онъ съ утра до ночи разъѣзжалъ по городу на своей неизмѣнной рыжей лошадкѣ съ просьбами

за какое-нибудь лицо, и для оренбургскаго жителя показался бы тотъ день необыкновеннымъ, въ который онъ не увидѣлъ бы на улицѣ ксендза.

Вступивъ въ управленіе краемъ, Обручевъ отнесся ко всѣмъ сосланнымъ полякамъ весьма строго; послѣдовали разныя ограниченія ихъ свободной жизни, и казалось, такая же участь ожидала и Зеленко, но хитрый ксендзъ восторжествовалъ и тутъ. Всѣмъ извѣстно, что жены главныхъ начальниковъ въ провинціи чрезвычайно любятъ брать на себя, хотя бы не имѣли ни малѣйшаго понятія о дѣлѣ,—роль попечительницъ бѣдныхъ того края, которымъ управляетъ мужъ; такъ было и здѣсь. Но супруга генерала Обручева слишкомъ высоко была поставлена, чтобы лазить по грязнымъ лачужкамъ и удостовѣряться въ бѣдности просителя, ея нервы не выносили вида разныхъ страданій, которымъ преимущественно подвергается бѣдное человѣчество; наконецъ, она сама не могла производить лично всѣхъ выдачъ и собирать деньги, не знала, какъ вести счеты и пр., а потому на первыхъ же порахъ ей понадобился человѣкъ, который съумѣлъ бы все это сдѣлать и вмѣстѣ съ тѣмъ вселить въ бѣдныхъ городскихъ жителяхъ убѣжденіе, что ангеломъ-хранителемъ ихъ служитъ исключительно супруга главнаго начальника. Для подобныхъ условій подходящимъ лицомъ въ Оренбургѣ только и могъ быть одинъ Зеленко, пользовавшійся уже и прежде репутаціей общаго благодѣтеля, и потому выборъ генеральши, конечно, остановился на немъ; она взяла его въ секретари по дѣламъ бѣдныхъ, сдѣлавъ въ то же время милостыне-раздавателемъ. И не такихъ людей, какъ супруга Обручева, Зеленко умѣлъ прибрать къ рукамъ, а здѣсь съ неопытной женщиной дѣло шло еще успѣшнѣе; пользуясь служебными сношеніями съ генеральшей, имѣвшей сильное вліяніе на крикуна мужа, Зеленко вошелъ въ милость и къ послѣднему и такимъ образомъ получилъ возможность еще болѣе вліять на дѣла администраціи подъ покровомъ той же маски безкорыстнаго благодѣтеля человѣчества. Значеніе его дошло до того, что къ нему стали постоянно обращаться съ просьбами не только бѣдные или искавшіе мѣста чиновники, но даже военные и крестьяне. Такъ, я помню офицеры одной изъ казачьихъ батарей, стоявшей въ Бугурусланѣ или Стерлитамакѣ, побили кого-то изъ служащихъ тамъ и вообще устроили въ мѣстномъ клубѣ публичный скандалъ; они тотчасъ же обратились съ письмомъ къ Зеленко, прося замять эту исторію, и дѣйствительно дѣло кончилось пустяками. Но, работая для всѣхъ, ксендзъ не упускалъ изъ виду и главной своей цѣли—быть прежде всего добрымъ католикомъ и помогать своимъ. Его стараніями выстроенъ въ Оренбургѣ хорошенькій костелъ съ особымъ домикомъ для священника, и по подпискѣ заведенъ прекрасный органъ; при его же участіи стали миловаться сосланные поляки

и понемногу втираться на разныя военныя и гражданскія мѣста въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ.

Безобразный лицомъ до отвращенія, Зеленко тѣмъ не менѣе имѣлъ огромное вліяніе на женщинъ и если не соблазнялъ открыто перейти въ католичество, то несомнѣнно владѣлъ душою и помысломъ многихъ православныхъ своихъ почитательницъ. Такъ хозяйка его, вполнѣ русская женщина, вдова казачьяго офицера, у которой онъ жилъ лѣтъ 25 и дочь которой, вѣрнѣе свою, онъ же выдалъ замужъ за офицера изъ сосланныхъ поляковъ, боготворила своего постояльца. Всѣмъ извѣстна была также его дружба съ одною замужнею богатою барыней въ Илецкой Защитѣ, два сына которой воспитывались въ мѣстномъ кадетскомъ корпусѣ. Зеленко души не слышалъ въ этихъ мальчикахъ, и по странной игрѣ случая они имѣли разительное сходство съ ксендзомъ.

Когда холера такимъ образомъ дѣлала свое дѣло и Оренбургъ вымиралъ, жизнь губерніи вообще и Башкиріи въ частности шла своею чередою, не обращая никакого вниманія на бѣдствіе, постигшее центральный пунктъ администраціи. Башкиры по-прежнему воровали лошадей, считая это вполнѣ законнымъ, таскали чужой лѣсъ, принимая его за свой. Какъ дѣти природы и свободы, они находили вполнѣ естественнымъ удрать изъ грязныхъ вонючихъ тюрьмъ въ родныя свои степи и за эти поступки точно также по-прежнему массами шли подъ военный судъ, нисколько не сознавая своей вины.

Завзятые грѣховодники аудиторишки, притихшіе было передъ страхомъ смерти, проводивъ теперь холеру, съ жадностью бросились вознаграждать потерянное время, и дѣятельность въ военно-судныхъ коммиссіяхъ загорѣлась съ небывалою силою. Немедленно послѣдовало распоряженіе пополнить всѣ военно-судныя коммиссіи недостававшими въ нихъ членами, т. е. командировать туда строевыхъ офицеровъ. Въ Оренбургѣ выборъ начальства палъ на меня и товарища моего по корпусу—Бунина, и мы въ сентябрѣ мѣсяцѣ—два совершенно неопытныхъ и въ жизни и въ службѣ юноши, отправились въ г. Бугульму, въ тамошнюю коммиссію судить и наказывать бѣдныхъ башкиръ.

Пробывъ нѣсколько дней по дорогѣ въ Белебеѣ, я поспѣшилъ потомъ въ Бугульму. Презусомъ коммиссіи тогда былъ капитанъ изъ фельдфебелей Плюснинъ (его заѣлъ впослѣдствіи въ фортѣ-Казалѣ тигръ), старикъ до неимовѣрности ограниченный и едва умѣвшій подписать свою фамилію, воротилой же всего дѣла состоялъ аудиторъ изъ писарей Северьянъ Тимоѳеевичъ Дибайловъ (впослѣдствіи оберъ-аудиторъ Оренбургскаго казачьяго войска), личность не глупая, но до такой степени искусная во взяткахъ, что не было, кажется, того оборванца-голыша башкира, съ котораго онъ не ухитрился бы взять хоть что-нибудь. Съ первыхъ же засѣданій мы съ Буниннымъ убѣдились, что

помочь правдѣ дѣла не можемъ и, скрѣпляя сентенціи, будемъ противу всякаго желанія прикрывать чужое мошенничество. Что же оставалось намъ дѣлать: проситься вонъ—нельзя, мы только лишь прибыли, донести начальству, но кто бы повѣрилъ тогда двумъ прапорщикамъ, да развѣ и подъ силу намъ было бороться съ правильно и твердо организованной шайкой мошенниковъ-аудиторовъ. На этомъ основаніи мы рѣшили до поры, до времени ходить въ коммиссію только для подписи фамилій и совершенно устранить себя отъ всякаго сближенія съ презусомъ и аудиторомъ, но и эти господа не дремали. Видя наше отчужденіе, они втихомолку донесли въ Оренбургъ, что мы службою не занимаемся, ведемъ себя неприлично и вообще не радивы, и только благодаря заступничеству нѣкоторыхъ добрыхъ знакомыхъ и родныхъ это представленіе не имѣло для насъ особо дурныхъ послѣдствій, но за то подобная подлость еще болѣе укрѣпила во мнѣ мысль выбраться на другую дорогу въ службѣ.

Наступила весна 1849 года, въ воздухѣ запахло войною, и изъ нашихъ баталіоновъ послали нѣсколько офицеровъ для пополненія армейскихъ войскъ, а затѣмъ начали отправлять и безсрочно отпускныхъ нижнихъ чиновъ. Въ маѣ мѣсяцѣ я заболѣлъ, и медикъ мнѣ посовѣтовалъ проситься на Сергіевскія минеральныя воды, куда обыкновенно отправляли всѣхъ офицеровъ, страждущихъ золотухою и ревматизмомъ.

Въ Сергіевскъ я пріѣхалъ ночью, прямо въ госпиталь, но какъ тамъ все спало и некому было указать помѣщенія и свободной кровати, то я провелъ эту ночь въ пріемной комнатѣ на лавкѣ; на другой же день меня помѣстили въ офицерскую палату, прописали питье сѣрной воды и пріемъ утромъ и вечеромъ горячихъ ваннъ.

Мѣстность, окружающая минеральные источники, отличается замѣчательною живописностью, а тѣнистый паркъ, расположенный при р. Сургутѣ, служитъ прекраснымъ мѣстомъ для прогулокъ больныхъ, но за то источники до такой степени пропитаны сѣрою, что запахъ ея слышится верстъ за 12 отъ Сергіевска, не говоря уже о самомъ мѣстечкѣ. Въ палатѣ, въ которую меня положили, насъ оказалось шесть человѣкъ: два казачьихъ артиллериста, коммиссаріатскій офицеръ и два аудитора, непзвѣстно почему принимавшіе горячія ванны; остальные офицеры только числились въ госпиталѣ, а жили на вольныхъ квартирахъ.

Жизнь наша текла очень однообразно, не смотря на то, что на Сергіевскихъ водахъ проводили время не такъ, какъ теперь. Тогда была пора, боярская пора, когда крѣпостное право царило еще въ полной своей неприкосновенности и когда самый маленькій помѣщикъ считалъ долгомъ сорить деньги безъ разбору. Ѣздить въ то время за границу, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и затруднительности полу-

ченія паспорта, рѣшались немногіе, а потому помѣщики по преимуществу проводили лѣто на какихъ-либо ближайшихъ къ нимъ минеральныхъ водахъ. Въ этомъ отношеніи Сергіевскъ, лежащій не вдалекѣ отъ Волги, между губерніями Оренбургскою, Самарскою, Казанскою и Симбирскою, гдѣ сосредоточивались крупные землевладѣльцы, представлялъ именно желанный пунктъ для нашего дворянства и наполнялся посѣтителями въ продолженіе курса до такой степени, что не оставалось ни одной свободной лачужки, не говоря уже о дачахъ. Независимо отъ сосѣднихъ жителей, сюда много стекалось больныхъ даже изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, напр. Нижняго, Владиміра и Москвы, а коммерческіе дома высылали постоянно на воды свои магазины, въ которыхъ съ особою бойкостью шла торговля дамскими модными вещами и нарядами. Богатые помѣщики ближайшихъ губерній пріѣзжали обыкновенно цѣлымъ дворомъ: за недѣлю или за двѣ до ихъ прибытія, являлась толпа прислуги, мебель, экипажи, и все это везлось на крестьянскихъ подводахъ, которыя въ то же время доставляли фуражъ, масло, яйца и всякую другую потребность для жизни господъ; многіе имѣли даже на водахъ собственныя дачи.

Для развлеченія публики кромѣ оркестра, игравшаго ежедневно утромъ и вечеромъ около минеральныхъ источниковъ, служилъ весьма хорошій по составу труппы театръ, еженедѣльные танцовальные вечера въ вокзалѣ, балы, задаваемые богатыми помѣщиками, и наконецъ пикники на такъ называемомъ Голубомъ озерѣ, замѣчательномъ глубиною и прозрачностью своей бирюзоваго цвѣта воды. Какъ водится, во время сезона шли здоровыя попойки, проигрывались и пріобрѣтались картами состоянія, мѣнялись на собакъ дѣвки, случались подчасъ скандалы, драки, но всего чаще здѣсь между молодежью завязывались тѣ узы, которыя послѣ сезона завершались бракомъ.

Я часто ходилъ на танцевальные вечера, куда съѣзжалась масса публики; живо тутъ возникали мимолетныя знакомства, весело и долго шли танцы; кромѣ того, мнѣ разъ удалось попасть и на большой частный балъ къ извѣстному тогда своимъ гостепріимствомъ богатому помѣщику и откупщику—Стобеусу. Возможно блестящая на водахъ обстановка бала и любезность хозяина доставили каждому изъ гостей много удовольствія, а для любителей выпивки это былъ сущій рай, ибо для нихъ была поставлена въ саду особая палатка, въ которой каждый могъ требовать сколько угодно всякаго вина и гдѣ весь вечеръ шампанское лилось рѣкою.

Во время пребыванія моего на водахъ туда пріѣзжалъ начальникъ Казанской коммиссаріатской коммиссіи, въ вѣдѣніи котораго состоялъ тогда Сергіевскій госпиталь; но его инспекція, при господствѣ въ то время взятки, нисколько не улучшила скуднаго нашего содержанія;

завернулъ также и генералъ Обручевъ съ женою; онъ обошелъ палаты и казенныя ванны, покричалъ вездѣ, какъ слѣдуетъ, и затѣмъ, дня три еще гулялъ на водахъ въ казачьемъ мундирѣ на распашку, съ Владимірскою лентою по бѣлому жилету. Главное же вниманіе воднаго общества сосредоточивалось совсѣмъ на другомъ. Телеграфовъ не было, и потому листки «Инвалида», сообщавшіе о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Венгріи, съ жадностью читали вездѣ, такъ какъ, независимо отъ національнаго чувства, почти у каждаго посѣтителя былъ въ арміи родной или знакомый. Всѣ восторгались тогда смѣлостью полковника Хрулева, критиковали дѣйствія Паскевича и славили Ридигера, при чемъ однако же большинство судей отличалось крайне плохимъ знаніемъ географіи и преспокойно считали Трансильванію, Молдавію и Валахію за Венгрію. Удивляться впрочемъ этому нечего; географію у насъ плохо знали и позже. Я хорошо помню, въ 1853 году, одного начальника дивизіи, который, получивъ отъ пріятеля письмо о движеніи Перовскаго въ Хиву, какъ называли многіе тогда походъ его на Сыръ-Дарью, и занятіи имъ крѣпостцы Акъ-Мечети (нынѣ г. Перовскъ), на другой день съѣхавшимся къ нему по случаю праздника гостямъ объявлялъ о побѣдѣ русскаго оружія и, помня только, что мѣсто, куда пошелъ Перовскій, носитъ короткое названіе, поздравилъ торжественно всѣхъ присутствовавшихъ со взятіемъ Уфы.

По возвращеніи изъ Сергіевска, я пробылъ въ Бугульмѣ до ноября мѣсяца и затѣмъ былъ переведенъ въ Оренбургъ. Въ этотъ годъ корпусный командиръ устроилъ линейнымъ батальонамъ и казакамъ маневры, форсировали переправу черезъ Уралъ, атаковали уральскую рощу. Это, сколько знаю, была первая попытка въ такого рода занятіяхъ въ Оренбургскомъ корпусѣ, и войска были очень благодарны за нее генералу Обручеву. Здѣсь кстати замѣтить, что у тогдашняго нашего начальства былъ крайне своеобразный взглядъ на образованіе войскъ, особенно офицеровъ, отъ которыхъ кромѣ изученія устава рѣшительно ничего не требовали и даже какъ будто боялись, когда у нихъ являлось желаніе пополнить свои познанія. Такъ было со мною.

Природа, а потомъ болѣзнь въ корпусѣ надѣлили меня небогатымъ здоровьемъ, впалою грудью и слабостью ногъ, тѣмъ не менѣе я не пропускалъ ни одного ученія, зналъ уставъ и вообще исправно несъ службу и прекрасно велъ себя. Чего бы, казалось, болѣе, но, къ сожалѣнію, вышло не такъ. Прослуживъ два года и заявивъ желаніе готовиться къ экзамену въ военную академію, я просилъ освободить меня отъ нѣкоторыхъ обязанностей службы, и этого было довольно, чтобы на меня воздвиглись гоненія. Старые офицеры начали сторониться, говоря мнѣ, какъ бы въ шутку: вы ученые, куда намъ съ вами тягаться, а баталіонный командиръ, подполковникъ Сварчевскій, при всякомъ случаѣ язвительно

смѣялся надо мною передъ фронтомъ. Такъ зимою занимаясь почти каждый день съ офицерами осьмирядным ученьемъ, салютовкой на церемоніальномъ маршѣ, Сварчевскій требовалъ, чтобы при пальбѣ взводами въ командѣ офицеровъ непремѣнно слышна была гармонія, т. е. въ то время, когда оканчивается команда предъидущаго взвода, начиналась бы въ тонъ ей послѣдующая, при салютовкѣ же на тихомъ шагу, чтобы колѣно вытягивалось въ струнку, а грудь колесомъ. Я не могъ исполнить ни того, ни другаго; по недостатку музыкальнаго слуха, гармоніи, какую требовалъ баталіонный командиръ, не выходило; больныя же ноги и впалая грудь, при всѣхъ усиліяхъ, не могли быть выправлены, поэтому, каждый разъ, крича на меня, Сварчевскій съ усмѣшкой произносилъ: «Еще въ академію собирается, а ногу вытянуть не умѣетъ», или, обращаясь съ замѣчаніемъ къ кому-нибудь изъ старыхъ офицеровъ, говорилъ: «Мы, братъ, съ тобой, въ академію не идемъ, мы должны знать уставъ». Подобнаго же рода взглядъ на мое желаніе учиться высказало и высшее начальство, когда разъ я былъ дежурнымъ по баталіону на Пасху, въ тотъ день, когда въ казармы долженъ былъ пріѣхать корпусный командиръ. Собралось все начальство, явился Обручевъ, и я, какъ слѣдуетъ по уставу, отрапортовалъ ему, а начальникъ дивизіи назвалъ мою фамилію; корпусный командиръ, къ удивленію всѣхъ, стоялъ молча и суровыми глазами осматривалъ меня съ головы до ногъ. Второстепенные командиры, не зная, что дѣлать, переминались съ ноги на ногу, я растерялся; наконецъ, Обручевъ заговорилъ: «Хорошъ, очень хорошъ; развѣ такъ стоятъ, а гдѣ у тебя грудь? Это онъ собирается въ академію?», и на утвердительный мой отвѣтъ захохоталъ, повторяя: «хорошъ академикъ, очень хорошъ» и потомъ, обратясь къ начальству, добавилъ уже на ходу: «Прошу выучить мнѣ его». Досталось же тогда мнѣ бѣдному: распекъ меня начальникъ дивизіи, побранилъ бригадный и разругалъ баталіонный.

Зима прошла у насъ въ такихъ же занятіяхъ, какъ и въ минувшемъ году. Обращеніе баталіоннаго командира Сварчевскаго съ офицерами день ото дня становилось грубѣе и дерзче. Раздраженію его конечно не мало способствовало то обстоятельство, что онъ не сошелся съ начальникомъ дивизіи и самъ испытывалъ много непріятностей, доведшихъ его впослѣдствіи до сумасшествія. Общественныя удовольствія шли тоже по-прежнему: избранная публика веселилась въ клубахъ, на балахъ у начальства и у себя на дому.

Изъ внѣшнихъ обстоятельствъ, интересовавшихъ общество и нѣсколько нарушившихъ его обыкновенную жизнь я могу указать только на четыре: во-первыхъ, благородные спектакли. Представленій состоялось нѣсколько; ихъ дали послѣ Пасхи и, дѣйствующими лицами были

адъютанты, офицеры генеральнаго штаба, инженеры и дамы высшаго круга. Изъ числа игравшихъ оказалось весьма много людей, способныхъ къ сценѣ и отличавшихся несомнѣннымъ талантомъ. Такъ въ драматическихъ роляхъ выдался болѣе другихъ адъютантъ Обручева, Габбе, а въ легкихъ опереткахъ родственница одного инженернаго офицера m-elle Винтеръ. Вообще спектакли были новинкою и принесли много удовольствія оренбургскому обществу, за что оно исключительно обязано супругѣ генерала Обручева, при содѣйствіи которой только и можно было устранить обыкновенныя, въ провинціи, пререканія дамъ при раздачѣ ролей; вторымъ былъ пріѣздъ зимой для наблюденія за наборомъ мѣстнаго землевладѣльца, флигель-адъютанта, Тимашева [1]), котораго приглашали на всѣ балы съ цѣлью посмотрѣть, какъ танцуетъ онъ польку, а Обручевъ измучилъ до послѣдней степени, возя его по всѣмъ заведеніямъ и карауламъ, чтобы показать существующіе у него порядки; третьимъ были дѣйствія и работы на Аральскомъ морѣ и Сыръ-Дарьѣ морскихъ офицеровъ, капитанъ-лейтенанта Краббе [2]) и лейтенанта Бутакова. Молодой, образованный А. И. Бутаковъ много положилъ труда и здоровья на изслѣдованіе Аральскаго моря и образованіе Аральской флотиліи; Краббе же ухаживалъ за барынями, рыскалъ верхомъ и пріѣзжалъ единственно для полученія награды; и въ 4-хъ, привозъ въ Оренбургъ, служившій тогда однимъ изъ главныхъ мѣстъ ссылки, малороссійскаго поэта Шевченко. Съ послѣднимъ мнѣ удалось познакомиться, хотя, къ сожалѣнію, не на долго, ибо Обручевъ, найдя пребываніе его въ Оренбургѣ почему-то не безопаснымъ, отправилъ Шевченко въ заброшенный въ пустыню Александровскій фортъ, куда даже офицеровъ посылали въ видѣ особаго наказанія.

Сообщ. **Н. Н. Длусская.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Впослѣдствіи управлявшій морскимъ министерствомъ.

П. А. Валуевъ о Петрѣ Великомъ.

Въ 1864 г. въ газетѣ «День» (№№ 2 и 3; 11-го и 18-го января) была напечатана статья И. Бѣляева Русское Общество при Петрѣ Великомъ, въ которой рѣзко порицались образъ жизни и преобразовательная дѣятельность Петра Великаго. Вслѣдъ за тѣмъ, газета «Вѣсть» (№ 6, 9-го февраля) помѣстила у себя статью М. М. Новости «Дня», въ которой старалась выяснить заслуги Петра для Россіи.

П. А. Валуевъ считалъ нужнымъ, чтобы въ «Сѣверной Почтѣ» была помѣщена статья, въ которой бы опровергалось мнѣніе «Дня» и развивались мысли «Вѣсти» и, очевидно, по поводу проекта такой статьи написалъ А. Г. Тройницкому помѣщаемое вслѣдъ за симъ письмо. Въ «Сѣверной Почтѣ» мы не нашли указываемой статьи, а письмами А. Г. Тройницкаго къ П. А. Валуеву мы не располагаемъ, и потому намъ остается неизвѣстнымъ, кѣмъ написана была статья, вызвавшая письмо П. А. Валуева.

Письмо П. А. Валуева къ А. Г. Тройницкому.

10-го марта 1864 г.

По моему мнѣнію, статья написана хорошо, но не дописана и не доработана. Не дописана,—потому что не развита главная, мною указанная мысль, что Petri gratia sumus quod sumus et ut sumus. Это сказано, но не развито.—Напримѣръ, нѣтъ ни слова о томъ, что Петръ вывелъ женщинъ изъ теремовъ и тѣмъ создалъ у насъ семью и ввелъ насъ въ христіанскій европейскій міръ.—Пушкинъ сказалъ, что Петръ Великій на берегахъ Невы «прорубилъ окно въ Европу».—Настоящее окно прорублено въ теремахъ. Вся цивилизація не мыслима безъ женскаго элемента; вся гражданственность не возможна безъ материнскаго элемента.—Далѣе нѣтъ взгляда не нынѣшній составъ Россіи, на ея историческое призваніе агломераціи элементовъ чуждыхъ (sine qua non территоріальнаго величія),—и на невозможность исполненія этого призванія безъ сближенія съ Европою.—Нѣтъ сравненія (и патетичнаго) судебъ нашихъ съ тѣми судьбами, которыя постигли бы насъ, когда бы не было Петра.—Нѣтъ указанія на явно провиденціальное значеніе Петра въ нашей исторіи, и т. п.

Недоработана,—потому что мало рельефностей, которыя при подобномъ тезисѣ не трудны, нѣтъ point d'orgue въ концѣ, хотя явно неудобно кончить подобную статью выпискою; даже не выставлены guillemets съ боку, чтобы яснѣе обозначить, что взято изъ «Вѣсти».

Передаю на судъ вашъ опытъ вставки во 2-й alinèa. Весь вашъ Валуевъ.

Сообщ. Г. А. Тройницкій.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Воспоминанія офицера генеральнаго штаба.

Затишье.

III [1]).

Отдыхъ въ Бухарестѣ.—Болѣзнь.—Доктора.—Госпиталь Бранкованъ.—Ушаковъ и Саввиновъ.—О наградахъ.—Баронъ Стуартъ.—Князь Горчаковъ.—Баронъ Фредериксъ.—Разговоръ съ эксъ-сенаторомъ.

Первое время пребыванія моего въ Бухарестѣ я, въ полномъ смыслѣ слова, отдыхалъ отъ трудовъ и утомленія войны [2]). Тутъ я понялъ вполнѣ значеніе словъ: «что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ», въ томъ смыслѣ, что, не вкусивши горькаго, не познаешь сладкое.

Что кажется важнаго и необычайнаго въ томъ, чтобы каждый вечеръ, ложась спать, раздѣться и лечь въ чистыя простыни? Что за особенное наслажденіе, вставши утромъ и хорошо помывшись, вытереть досуха руки, напиться не торопясь кофе, потомъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль, 1903 г.

[2]) Въ 1883 году, находясь на службѣ въ Вильнѣ, начальникомъ штаба 2-го армейскаго корпуса, меня постигла жестокая болѣзнь, послѣдствіе контузій, длившаяся безъ малаго четыре года, изъ коихъ два года я провелъ въ Парижѣ, куда меня увезли буквально на рукахъ. Профессоръ Шарко, меня пользовавшій, опредѣлилъ происхожденіе болѣзни такъ: les contusions, les travaux et les fatigues de la guerre (контузіи, труды и утомленіе войны).—П. П.

*

позавтракать и пообѣдать какъ слѣдуетъ съ ножемъ, вилкой, салфеткой, начать съ супа и кончить сладкимъ блюдомъ, да еще потомъ выпить кофе и въ добавокъ ко всему никуда не торопиться, не бѣжать, не скакать? А между тѣмъ давно лишенный всѣхъ этихъ прелестей, всегда впроголодь, съ массой дѣла на рукахъ, дѣла, котораго, кажется, никогда не передѣлаешь, съ снопами и буркой вмѣсто теплой и чистой постели, я, въ Бухарестѣ, съ невыразимымъ наслажденіемъ пользовался всѣми прелестями комфорта, вплоть до чистой салфетки за столомъ.

Но тутъ, среди этихъ удобствъ и наслажденій, очень скоро появилось то, что называется la détente des nerfs, о значеніи котораго много говорилъ мнѣ тотъ же профессоръ Шарко. Крутой переходъ отъ крайне напряженной мозговой дѣятельности и физической работы на воздухѣ, отъ постояннаго возбужденія всей нервной системы—къ теплой комнатѣ, къ полному бездѣйствію и покою, казавшимся мнѣ верхомъ благополучія, весьма скоро отразился на моемъ здоровьи. Появилась прежде всего лихорадка, сначала маленькая и только по временамъ, потомъ все чаще и сильнѣе; затѣмъ появились боли: то тутъ, то тамъ, что-то даетъ себя чувствовать, ломитъ и наконецъ вмѣсто ожидаемаго отдыха и возстановленія израсходованныхъ силъ, явилось, при полномъ физическомъ покоѣ—общее утомленіе. Увеличивавшееся, весьма быстро прогрессируя, недомоганіе заставило вспомнить о врачебной наукѣ, и я рѣшился обратиться къ кому-нибудь изъ румынскихъ докторовъ, знакомыхъ съ мѣстными условіями и заболѣваніями. Мнѣ рекомендовали румынскую знаменитость доктора Календеро, который былъ, кажется, главнымъ врачемъ всей румынской арміи и лучшаго Бухарестскаго госпиталя—Бранкованъ.

Докторъ Календеро оказался очень любезнымъ человѣкомъ и вѣроятно весьма опытнымъ врачемъ. Прослушавъ мой разсказъ и постукавъ гдѣ слѣдовало, онъ прямо спросилъ меня, есть ли у меня достаточно времени, чтобы лѣчиться; я отвѣтилъ, что нѣтъ, что меня могутъ вызвать назадъ въ армію ежедневно. Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Календеро—хина. Я поинтересовался узнать, что слѣдовало бы принимать, располагая достаточнымъ временемъ? Оказалось—мышьякъ, но на это надо было не менѣе 3—4 недѣль для постепеннаго увеличиванія пріемомъ и затѣмъ послѣдовательнаго уменьшенія ихъ. Остановились на хинѣ. Никогда не тяготясь лѣкарствами, я свободно глоталъ Календеровскую хину, но сдѣлалъ большую ошибку: жилъ по-прежнему, безъ всякаго режима. Естественно, что такое нелегальное соединеніе, какъ хина и жизнь, ни къ чему хорошему не привели. Кто-то изъ знакомыхъ румынъ посовѣтовалъ бросить Календеро, говоря, что онъ уже устарѣлъ, и направилъ меня къ восходящей медицинской звѣздѣ Бухареста, доктору Пòповичу.

Пòповичъ очень внимательно меня осмотрѣлъ, нашелъ, что его коллега

не вполнѣ усвоилъ себѣ состояніе моего организма и моего недомоганія, и прописалъ ту же хину, только въ другомъ соединеніи. Cela passera, cela passera; un peu de repos et tout sera dit [1]).

Воспользовавшись моимъ знакомствомъ съ Календеро, посѣтилъ я Бранкованскій госпиталь, имъ управляемый, въ которомъ нѣсколько палатъ было уступлено нашимъ раненымъ. Мнѣ говорили, что тамъ лежитъ мой корпусный товарищъ и большой пріятель, полковникъ Петръ Александровичъ Ушаковъ, лейбъ-драгунъ, при объявленіи войны перешедшій въ Вознесенскій уланскій полкъ. Я нашелъ Ушакова въ весьма удрученномъ состояніи. Умница, замѣчательно способный, кончившій по I-му разряду инженерную академію и только изъ каприза, получивъ на экзаменѣ въ академіи генеральнаго штаба изъ какого-то предмета 11, а не 12—вышедшій изъ оной, не окончивъ курса, отличный кавалеристъ и симпатичнѣйшій человѣкъ, Ушаковъ былъ сильно раненъ въ Рущукскомъ отрядѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 29-го іюня 4-й эскадронъ Вознесенскаго уланскаго полка, подъ его начальствомъ, былъ высланъ изъ д. Сидикіой черезъ д. Карахасанъ-кіой для рекогносцировки дороги въ д. Церковну. У д. Чаиркіой онъ увидѣлъ турецкій транспортъ и тотчасъ атаковалъ его прикрытіе, укрывшееся подъ защиту повозокъ. Однимъ изъ первыхъ былъ сильно раненъ Ушаковъ, и вслѣдъ за нимъ былъ убитъ другой офицеръ эскадрона, молодой и отличный штабсъ-ротмистръ Литвиновъ, мой ученикъ въ учебномъ кавалерійскомъ эскадронѣ, теперешняя офицерская кавалерійская школа. Эскадронъ отошелъ назадъ, Ушаковъ съ двумя оставшимися при немъ уланами былъ отрѣзанъ отъ своихъ, а затѣмъ сбился съ дороги. Командиръ полка, полковникъ Коровиченко, узнавъ о бѣдѣ, постигшей 4-й эскадронъ, пошелъ на выручку съ тремя эскадронами, произвелъ нѣсколько атакъ на транспортъ, но успѣха не имѣлъ и Ушакова не отыскалъ. Уже поздно ночью присоединился Ушаковъ съ сопровождавшими его уланами къ отряду. Благодаря особенному счастію, не были они замѣчены турками въ лѣсу въ то время, когда, блуждая болѣе 10-ти часовъ, отыскивали дорогу. Уланы, рядовые Франчакъ и Тотулай, не покинули Ушакова, а находились при немъ безотлучно, не смотря на то, что онъ, считая плѣнъ или гибель неизбѣжными, настойчиво уговаривалъ ихъ бросить его и спасаться. Трудно, конечно, описать все, что пережили они въ лѣсу, куда доносились крики турокъ, гдѣ они могли быть ежеминутно открыты; къ довершенію ужаса этого положенія присоединилась еще жажда и тяжкая рана, полученная Ушаковымъ. Пуля прошлась вдоль руки отъ кисти до локтя, исковеркавъ на своемъ пути кость и раздробивъ поверхность ея на мелкіе куски и осколки. Эти осколки, по мѣрѣ отдѣленія ихъ отъ главной кости,

[1]) Пройдетъ, пройдетъ; немного покоя, и все кончится.

производили постоянное нагноеніе, то тамъ, то тутъ, и подвергали несчастнаго Ушакова постояннымъ операціямъ и разрѣзамъ нарывовъ, при чемъ часто вынимались еле уловимые микроскопическіе кусочки и никогда нельзя было знать, что это конецъ или будетъ еще. Можно себѣ представить, какъ дѣйствовали на организмъ и на душевное состояніе раненаго эти нескончаемые разрѣзы и дезинфекцированіе, эта постоянная пытка. И все-таки человѣкъ живетъ надеждой; надѣясь, что выйдетъ же когда-нибудь послѣдняя косточка, Ушаковъ не соглашался на ампутацію руки. Конечно, на это рѣшеніе вліяло предположеніе докторовъ, что когда кончится отдѣленіе костей и прекратятся постоянные нарывы, то, при пособіи медицины, начнется наростаніе не кости, конечно, а мозоли и будетъ все-таки рука; ампутація же кончитъ все сразу. Ушакову было всего 34 года, онъ имѣлъ хорошія средства, жизнь еще, казалось, предстояла большая.... и онъ ждалъ исцѣленія. Ничто не помогло; промучившись года полтора, безуспѣшно отыскивая средства заглушить страданія, онъ, полный силъ, жажды жизни — калѣка съ постоянными, несносными болями, въ припадкѣ отчаянія, покончилъ съ собой въ декабрѣ 1878 года въ Петербургѣ.

Какъ уже сказано выше, я засталъ Ушакова въ мрачномъ настроеніи и страдающимъ. Но, не смотря на всю тяжесть своего положенія, Ушаковъ огорчался тогда очень тѣмъ, что уже наступалъ сентябрь, а онъ не получилъ еще обѣщанной награды.

По поводу поздняго полученія наградъ въ послѣднюю войну нашу съ турками, о чемъ я говорилъ уже раньше [1]) и что вызывало большое неудовольствіе и даже ропотъ офицеровъ и солдатъ, не могу не привести здѣсь интересное сопоставленіе. Въ отечественную войну, 1812 года, награды, даже малымъ оберъ-офицерскимъ чинамъ, выходили очень быстро: черезъ четыре и даже три недѣли послѣ совершенія отличія, а между тѣмъ въ то время рабочія силы военныхъ канцелярій были гораздо слабѣе, не было скоропечатныхъ машинъ, гектографовъ, копировальныхъ прессовъ, даже стальныхъ перьевъ не было, не говорю уже о желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ. Въ послѣднюю войну нашу съ турками полученіе наградъ черезъ 6—8 мѣсяцевъ по совершеніи отличія лицами, гораздо выше поручика и штабсъ-капитана, было явленіемъ заурядным, не смотря на весьма малыя разстоянія отъ мѣстъ сраженій до главной квартиры [2]).

---

[1]) Изъ прошлаго. Часть I-я. На войнѣ. Стр. 443.

[2]) „Русскій Инвалидъ". 1903 г. № 25. Къ матеріаламъ по исторіи русскаго генеральнаго штаба. П. Паренсовъ.

Въ томъ же госпиталѣ, но въ другой палатѣ, лежалъ сильно раненый подъ Ловчей, кажется, на вылетъ въ грудь, съ поврежденіемъ легкихъ, офицеръ гвардейской конной артиллеріи Саввиновъ, прибывшій на войну въ конвоѣ его величества и отличившійся еще при взятіи Тырнова отрядомъ генерала Гурко. Саввиновъ очевидно умиралъ, цвѣтъ лица его былъ изжелта-блѣдный, не той блѣдностью, которую я подмѣтилъ у Рядинскихъ, Нагловскаго и Добровольскаго, людей здоровыхъ, а нормальной (если можно такъ выразиться), болѣзненной блѣдностью уходящаго человѣка. Не смотря на ясные, очевидные признаки надвинувшагося и близко стоящаго конца, молодой, здороваго сложенія и красивый Саввиновъ, такъ же, какъ и Ушаковъ, хотѣлъ жить, нервничалъ и сердился на окружающую обстановку, бранилъ госпиталь, хотя госпиталь былъ идеальной чистоты и въ отличномъ порядкѣ, бранилъ докторовъ, не умѣющихъ, по его словамъ, лѣчить, хотя доктора были русскіе и изъ лучшихъ, и все повторялъ раздраженнымъ голосомъ: «Поскорѣй бы отсюда—въ Россію, домой. Тамъ быстро поправлюсь». Но онъ не поправился и умеръ.

Встрѣтился я въ Бухарестѣ и съ прежними знакомыми. Милѣйшій баронъ Стуартъ былъ опять въ большихъ хлопотахъ, но уже другаго свойства. Высшая политика (la haute politique) отъ него отошла, такъ какъ въ Бухарестѣ на лицо была наша высшая дипломатическая сила, самъ канцлеръ, а за Дунаемъ были Гамбургеръ и Нелидовъ, но взамѣнъ политическихъ передрягъ у него были домашнія заботы, весьма хлопотливыя и барона сильно безпокоившія: въ его домѣ жилъ канцлеръ князь Горчаковъ съ безотлучнымъ его спутникомъ, состоявшимъ при немъ барономъ Фредериксомъ. Стуартъ и Фредериксъ весьма тяготились постояннымъ лицезрѣніемъ князя, требовавшаго неуклоннаго ихъ присутствія, въ особенности послѣдняго. Отъ нечего дѣлать, князь по вечерамъ усердно посѣщалъ многочисленные маленькіе театрики въ увеселительныхъ садахъ столицы Румыніи—Бухареста, этого petit Paris. Баронъ Стуартъ, хорошо знавшій Бухарестъ и его жителей, обязанъ былъ сопровождать князя въ этихъ экскурсіяхъ въ качествѣ свѣдущаго человѣка, но все же иногда ускользалъ отъ этой обязанности, а бѣдный Фредериксъ долженъ былъ находиться безотлучно, сердился и повторялъ, пожимая плечами: «c'est un mariage impossible»! Князь Горчаковъ былъ замѣчательно находчивъ, остроуменъ и своими разсказами, а въ особенности острыми и быстрыми reparties приводилъ въ восторгъ румынъ и румынскихъ дамъ.

Встрѣчалъ я также много старыхъ знакомыхъ-румынъ; всѣ они тогда относились ко мнѣ очень любезно; о послѣдовавшей по Санъ-Стефанскому миру урѣзкѣ части Бессарабіи, отошедшей отъ Румыніи и возвращенной Россіи, тогда еще рѣчи не было: не было сдѣлано еще

этого sacrilège, offense à la nation, offense au droit, noire ingratitude [1]) и отношенія съ румынскимъ обществомъ были превосходныя. Но, конечно, характеръ интеллигенціи остался прежній. На углу улицы Подъ-Могошои, у самаго Hôtel Boulevard повстрѣчался я какъ-то съ однимъ знакомымъ мнѣ ex-Sénateur, или ex-ministre, фамилію котораго точно не помню, но, конечно, съ неизбѣжнымъ окончаніемъ на «яно», «ано» или «ско» [2]). Надо замѣтить, что вообще въ южныхъ балканскихъ государствахъ, а также и въ Румыніи, вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ правительства и представителей націи въ палатахъ и сенатѣ (гдѣ таковой есть), а также вслѣдствіе присущаго маленькимъ народцамъ большаго тщеславія, можно встрѣтить массу лицъ не у дѣлъ, но чѣмъ-то прежде бывшихъ, и вотъ является большое количество эксъ-депутатовъ, эксъ-сенаторовъ и эксъ-министровъ. Это эксъ-званіе непремѣнно пропечатывается на визитной карточкѣ, а въ разговорѣ, желая снискать расположеніе или выказать особую пріятно-щекочущую любезность, слово эксъ надо выпустить, и при томъ такъ, нечаянно, какъ будто для краткости; бывшимъ: министру, посланнику или сенатору крайне пріятно, если, забывая его настоящее ненахожденіе у дѣла, какъ бы игнорируя эту ошибку всегда несправедливаго, измѣнчиваго правительства, къ нему обратятся, титулуя excellence, отдавая такимъ образомъ должную дань его дѣйствительнаго превосходства и стоимости, въ данное время неоцѣненныхъ неблагодарнымъ отечествомъ; такая дань, признаніе дѣйствительной стоимости и заслугъ встрѣчена будетъ съ тайнымъ восторгомъ, соединеннымъ съ гордымъ сознаніемъ своего достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ выраженіемъ тайной надежды на будущія, лучшія времена, какъ бы желая сказать: «cela passera, ces mauvais temps. Notre tour viendra, nous reviendrons...»

Вотъ такого-то эксъ не у дѣлъ изъ консерваторовъ-аристократовъ, бѣлыхъ, такъ какъ у власти стояли тогда либералы—красные, я и повстрѣчалъ; очень любезно разговорились—конечно о войнѣ, погоревали о прошломъ, заглянули немножко въ будущее и когда я высказалъ въ общихъ моихъ взглядахъ нѣкоторую долю пессимизма, столь понятнаго и извинительнаго послѣ всѣхъ «ужасныхъ дней», мой собесѣдникъ съ неподражаемымъ апломбомъ, увѣренностью въ правотѣ своего воззрѣнія, добродушно-снисходительно, но ужасно для меня обидно-покровительственно, положивъ мнѣ руку на плечо, сказалъ: «mais allons donc, nous sommes avec vous»...

---

[1]) Святотатство, оскорбленіе націи, оскорбленіе права, черной неблагодарности (за услугу и содѣйствіе подъ Плевной). П. П.

[2]) Большинство румынскихъ фамилій кончаются на „яно“ и „ано“, какъ напр. Братіано, Фалькояно, Когальничано, Сланичано, или на „ско“, какъ—Флореско, Вокареско, Бибеско, Солеско и т. д.

Въ былое время, особенно до войны, я навѣрное раскипятился бы, весьма вѣроятно отвѣтилъ бы съ горячностью, можетъ быть даже рѣзко оборвалъ бы нахала, но тутъ я ничего такого не сдѣлалъ. Думаю, что это иное отношеніе происходило вслѣдствіе всего со мной въ послѣднее время происшедшаго,—и путешествія, подъ охраной заптій, на улицахъ Рущука, и несчастной для меня Грозульской исторіи [1]), незабываемыхъ Зеленыхъ горъ и всѣхъ трудныхъ положеній и «ужасныхъ дней»; думаю, что тутъ совершался уже во мнѣ, незримо для меня, но ощутительно во внѣшнихъ проявленіяхъ, тотъ нравственный переломъ, который является у человѣка при окончательномъ переходѣ въ зрѣлость, наступающую не вслѣдствіе вступленія въ извѣстные годы, по счету лѣтъ отъ роду, а вслѣдствіе пройденнаго жизненнаго пути, вслѣдствіе пережитаго.

Я сказалъ, что этотъ переломъ уже совершался, но еще не совершился вполнѣ; много еще предстояло впереди такого, чтобы онъ совершился совсѣмъ. Предстояло еще быть сильно контуженнымъ, больнымъ, ѣхать назадъ отъ Орханіе до Богота въ теченіе многихъ дней, въ особой повозкѣ для раненыхъ, изобрѣтенной графомъ Сологубомъ, лежа на спинѣ, почти безъ возможности двигаться; ѣхать назадъ, когда всѣ шли впередъ и при томъ шли не къ пораженію, а къ побѣдѣ и славѣ; предстояло еще въ освобожденной Болгаріи лѣзть изъ кожи и бороться за русскіе и славянскіе интересы, защищая ихъ отъ вожделѣній ближайшаго къ намъ Запада, потерпѣть на этомъ поприщѣ полное личное фіаско, вернуться домой опальнымъ, заподозрѣннымъ, страшно даже вымолвить,—въ революціонномъ и соціалистическомъ направленіи и только черезъ шесть лѣтъ послѣ этого кризиса получить утѣшеніе, видя, что мои взгляды на положеніе Болгаріи при первомъ ея князѣ, повлекшіе за собой вначалѣ, какъ я уже сказалъ, полное мое личное крушеніе, въ концѣ концовъ восторжествовали, получивъ одобреніе съ высоты престола великаго императора Александра III, повернувшаго въ 1886 году нашу политику въ Болгаріи именно на тотъ путь, который я дерзалъ указывать въ 1879—1880 году.

Все это и многое другое пришлось еще пройти, чтобы дойти, наконецъ, до того умиротвореннаго состоянія, при которомъ, не смотря на появляющіеся иногда и теперь пасмурные дни, обрѣтается сила искать и находить, посреди кажущагося непроглядnаго мрака—свѣтлый лучъ надежды въ торжество милости, добра и правды, тотъ лучъ, который умѣряетъ тревогу жизни и не даетъ изсякнуть ни вѣрѣ, ни мужеству.

Эксъ-сенаторъ меня кольнулъ, и больно кольнулъ; больно потому, что я-то вѣдь зналъ, что мы «убѣдительно» просили ихъ перейти

---

[1]) Изъ прошлаго. Часть I-я. На войнѣ Гл. VII, VIII и XIV.

Дунай и помочь намъ подъ Плевной, а главное—зналъ, что онъ, этотъ хвастливый сановникъ, тоже все это знаетъ [1]) и знаетъ также, что и мнѣ это извѣстно, а потому и бахвалится; но когда прошло первое болевое ощущеніе этого укола, я только посмотрѣлъ на высокаго, упитаннаго, нарядnаго собесѣдника моего и ничего не отвѣтилъ: мнѣ стало жалко человѣка въ его напыщенномъ и ходульномъ ничтожествѣ.

IV.

М. Д. Скобелевъ и А. Н. Куропаткинъ въ Бухарестѣ. — Торжественное прибытіе военныхъ трофеевъ въ Бухарестъ.—Тылъ арміи.—Генералы Дрентельнъ и Черкесовъ.

Одновременно со мной въ Бухарестѣ проживали М. Д. Скобелевъ и А. Н. Куропаткинъ, помѣстившіеся въ Hôtel Broft. Заходя къ нимъ я не помню, чтобы засталъ Алексѣя Николаевича не за работой; какъ теперь вижу, идя по корридору, налѣво, довольно просторная комната, между окнами столъ, и спиной ко входу сидитъ хозяинъ этого помѣщенія, всегда пишущій, а кругомъ масса бумагъ, испещренныхъ всевозможными почерками и графами. Уже тогда собирались имъ и приводились въ порядокъ матеріалы для будущей книги: «Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева. Ловча и Плевна». Скобелевъ жилъ въ томъ же корридорѣ напротивъ, занимая, конечно, большее помѣщеніе. Одно время онъ сильно прихворнулъ. Онъ былъ назначенъ начальникомъ 16-й пѣхотной дивизіи, въ составъ которой входили прославившіеся подъ его начальствомъ полки: Владимірскій и Суздальскій на Зеленыхъ горахъ, Казанскій подъ Ловчей и доблестный Углицкій полкъ, такъ сильно пострадавшій въ безплодныхъ попыткахъ нашего центра, направленныхъ на Омаръ-бей-табію.

Пользуясь своимъ пребываніемъ въ Бухарестѣ, Михаилъ Дмитріевичъ былъ, между прочимъ, занятъ организаціей будущаго обѣденнаго стола для себя, своего штаба, ординарцевъ и служебныхъ гостей. Онъ купилъ великолѣпный фургонъ съ лошадьми, въ которомъ предстояло возить кухню, посуду и провизію. Однажды вечеромъ, показывая мнѣ этотъ шикарный фургонъ, стоявшій на дворѣ гостиницы Брофтъ, Скобелевъ хотѣлъ представить мнѣ свое пріобрѣтеніе въ совершенно законченномъ видѣ и послалъ за лошадьми, находившимися на другомъ

---

[1]) Румыны опубликовали нашу секретную телеграмму, въ которой изложена была эта просьба. П. П.

дворѣ; я упрашивалъ его не безпокоить себя, вѣря его словамъ, что и лошади и сбруя хороши, но когда Скобелевъ что-нибудь задумалъ, то оно должно было быть исполнено. Зажгли фонари, какіе-то факелы, привели лошадей въ румынскихъ шлеяхъ съ бубенчиками и запрягли. Но покуда бѣгали за лошадьми и запрягали ихъ, непосѣда Скобелевъ уже соскучился ожиданіемъ и какъ только запряжка была кончена— ушелъ. За все это онъ заплатилъ, конечно, бѣшеныя деньги, но за то его штабъ могъ быть спокойнымъ относительно желудка. Впослѣдствіи, на той же Рыжей горѣ у Брестоваца, я видѣлъ у Михаила Дмитріевича и обѣденный шатеръ, купленный, вѣроятно, тоже въ Бухарестѣ.

Вообще Скобелевъ относился весьма внимательно къ желудку войскъ; такъ, 29-го августа, по полученіи диспозиціи генерала Зотова о штурмѣ 30-го августа, отдавъ въ свою очередь диспозицію по вновь сформированному его отряду, Скобелевъ дополнилъ ее приказомъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «начальникамъ частей озаботиться, чтобы къ 1 часу по полудни [1]) всѣ войска получили обѣдъ, или, по крайней мѣрѣ, воду, сухари и по фунту варенаго мяса», и мы видѣли, что 30-го августа, передъ боемъ для овладѣнія третьимъ гребнемъ, суздальцы, въ десятомъ часу утра, ѣли горячую кашу, которою угостили и меня [2]).

Въ Букарестѣ всѣ знали Скобелева; репутація бѣлаго генерала уже упрочилась, и появленіе его на улицахъ всегда замѣчалось.

Выше я сказалъ, что въ то время, до поднятія щекотливаго вопроса о Бессарабіи, румыны относились къ намъ очень любезно; мы платили имъ тѣмъ же. Какъ образецъ нашей изысканной любезности, приведу случай, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ котораго былъ самъ Скобелевъ.

Послѣ взятія 30-го августа Гривицкаго редута государь императоръ подарилъ румынской арміи два турецкихъ орудія, тамъ взятыхъ. Ихъ отправили въ Бухарестъ и былъ назначенъ парадъ войскамъ для торжественнаго вступленія ихъ въ городъ. Улицы разукрасились флагами и гирляндами, погода стояла чудесная. Шествіе съ орудіями направилось мимо дворца, по улицѣ Подъ-Могошои: впереди орудій шли нѣсколько наиболѣе отличившихся румынскихъ солдатъ и съ ними маіоръ Попеско, украшенный нашимъ Георгіемъ. Естественно, что смотрѣть на такое торжество вышелъ весь Бухарестъ; окна и балконы были наполнены зрителями и зрительницами, а толпы ликующаго и восторженнаго народа запрудили улицы, оставляя свободной только небольшую дорожку для торжественнаго шествія. Въ числѣ зрителей на

---

[1]) 30-го августа.

[2]) «Русская Старина» 1902. Декабрь. «Ужасные дни». Гл. IV.

тротуарѣ стоялъ и Скобелевъ. Увидѣвъ Попеско съ Георгіемъ, онъ быстро подошелъ къ нему, отрекомендовался, и шествіе на минуту пріостановилось. Скобелевъ, въ очень любезныхъ выраженіяхъ, по-французски, воздалъ похвалу доблестному поведенію Попеско и просилъ его сдѣлать ему, Скобелеву, честь помѣняться крестами. При остановкѣ шествія толпа придвинулась къ орудіямъ, многіе ближайшіе слышали разговоръ и перевели остальнымъ, что у русскихъ военныхъ существуетъ обычай братанія храбрыхъ, символомъ котораго служитъ обмѣнъ крестомъ. Картина была очень красивая; только высокій, видный Скобелевъ, какъ всегда одѣтый щегольски, подавлялъ своей мощной, блестящей фигурой маленькаго, чернявенькаго маіора Попеско. Хотя все это длилось не долго, но все же надо было время главнымъ дѣйствующимъ лицамъ снять кресты, обмѣняться ими и опять надѣть ихъ, такъ что ближайшіе зрители, а также тѣ, которые были въ окнахъ и на балконахъ, могли разсмотрѣть все происходящее. Громкіе аплодисменты и восторженные крики раздались въ многотысячной толпѣ, и Скобелевъ, бѣлый генералъ, завоевалъ симпатіи румынъ, а Попеско, конечно, плавалъ въ блаженствѣ при такой очевидной оцѣнкѣ его подвига, да еще кѣмъ—самимъ Скобелевымъ и при томъ на глазахъ у всей столицы.

Въ то время въ Бухарестѣ мы играли роль, и весьма естественно, сами, съ свойственнымъ всѣмъ славянамъ, а намъ въ особенности, добродушіемъ, сердечно относились къ нашимъ frères d'armes. Тѣ изъ насъ, которымъ приходилось въ то время бывать въ румынскомъ обществѣ, въ румынскихъ салонахъ, не могли достаточно нахвалиться любезностью представителей этого общества; дамы были до крайности любезны. Но знойное южное солнце, вліяніе палящихъ лучей котораго на мозги человѣка такъ мѣтко, талантливо и съ такимъ добродушнымъ юморомъ описано Альфонсомъ Доде въ его дивныхъ характеристикахъ обитателей города Тарасконъ [1]), и тутъ сыграло большую роль. Немного спустя послѣ овацій Скобелеву, примѣрно мѣсяца черезъ два, 5-го декабря 1877 года, при отъѣздѣ нашего государя изъ арміи въ Россію, въ Яссахъ, на стѣнѣ станціи желѣзной дороги, ведущей въ Россію, была наклеена огромная лубочная картина, рисованная красками, на которой было изображено: стоитъ колѣнопреклоненный Османъ-паша и почтительно подаетъ свою саблю князю Карлу, благосклонно ее принимающему. Подпись гласила: «Побѣдитель Плевны. 28-го ноября 1877 г.».

Насъ на этой картинѣ не было.

Такъ какъ на станціи, кромѣ румынской полиціи, были и наши же-

[1]) A. Dodet. Tartarin de Tarascon.

лѣзнодорожныя команды и жандармы, то картину успѣли сорвать за нѣсколько минутъ до проѣзда государя.

Извѣстно, что во всѣхъ воюющихъ арміяхъ тылъ—**больное** мѣсто. Ѣдучи изъ Дуная въ Бухарестъ, я, проѣздомъ, видѣлъ часть его, но видѣлъ преимущественно часть санитарную, гдѣ работа кипѣла и больнаго мѣста еще не было. Въ санитарной части я видѣлъ картины—по духу, аналогичныя съ тѣми, которыя я видѣлъ и въ бою. Основной тонъ этихъ картинъ: самоотверженіе и страданіе, страданіе раненыхъ и самоотверженное ихъ терпѣніе и покорность судьбѣ, самоотверженная работа докторовъ, санитаровъ, сестеръ милосердія и страданія ихъ, когда работа была не подъ силу, по количеству ея, или когда усилія ихъ и искусство не приводили къ счастливому исходу, когда изъ-подъ усталыхъ, окровавленныхъ рукъ ихъ уносили трупъ или калѣку. Но въ Бухарестѣ **тылъ** былъ другой. Въ санитарной части тылъ былъ страждущій, скорбный, а въ Бухарестѣ тылъ былъ пирующій [1]).

Въ канцеляріяхъ тыла, конечно, шла работа и большая; типъ нашихъ да и всесвѣтныхъ канцелярій перенесся, понятно, и сюда. Были олимпійцы, рѣшители вопросовъ всяческаго снабженія, властно принимавшіе доклады, полагавшіе резолюціи: «исполнить», «отказать», «доложить»; эти больше сидѣли по домамъ, въ хорошихъ квартирахъ. Были скромные труженики, сидѣвшіе не по домамъ, а въ «присутствіи», представлявшіе разныя соображенія и писавшіе доклады въ нѣсколько страницъ, на которыхъ потомъ властной рукой полагалась одна изъ вышеприведенныхъ резолюцій; были просители, былъ, конечно, и израиль. Очень много израиля,—цѣлый народъ. Но не въ канцеляріяхъ надо было видѣть **тылъ**—**большой тылъ**; чтобы его увидѣть, надо было пойти вечеромъ въ увеселительные сады, въ кафе-шантаны, а потомъ къ Брофту въ отдѣльные кабинеты.... Тамъ былъ настоящій **тылъ** и при томъ тылъ пирующій, ликующій.

Интересно было прослѣдить отношеніе войскъ къ тылу и обратно. Строевыя войска относились къ тылу безусловно враждебно; конечно, многое было преувеличено; подъ вліяніемъ напряженныхъ нервовъ, многое въ этомъ отношеніи достигало до размѣровъ, не соотвѣтствовавшихъ истинѣ, но въ общемъ была несомнѣнная враждебность, и этому, конечно, много помогалъ вездѣсущій и царящій израиль, начиная съ его представителей, королей, и кончая мелкими агентами пресловутаго товарищества продовольствія, перевозокъ, транспортовъ и разныхъ поставокъ, подрядовъ, коммиссіонерствъ, агентствъ, имъ же имя—легіонъ. Тылъ,

---

[1]) Говорю это вообще, помня, что нѣтъ правила безъ исключеній.

въ свою очередь, конечно, въ лицѣ главныхъ его заправилъ, смотрѣлъ на строй свысока. Казалось, что они думаютъ: что ваша работа?.... вотъ посмотрите, что у насъ дѣлается, какова наша работа.... Вы вѣдь одно только и умѣете намъ предъявлять: «подай», да «пришли», а мы все это должны предусмотрѣть, подготовить, «подать» и «прислать». Что вы безъ насъ? Вы и воюете-то неважно, а кушать требуете.—Помилуйте, возражаетъ строй: а смерть, смерть ежечасная, ежеминутная?—Смерти, государь мой, никто не минуетъ; а вы вотъ, вы и безъ пуль смерть-то увидите, если мы не «предусмотримъ», да своевременно не «пришлемъ».

Выходило какъ будто и вѣрно; но на бѣду вспоминается садикъ, фонарики и гирлянды на желтѣвшихъ уже деревьяхъ, столы, сильно и даже весьма сильно уставленные, и разухабистая шансонетка: «Voyez par-ci, voyez par-là».... а за рѣшеткой сада, опять—всевидящій, всевѣдущій,—услужливый израиль.

Какимъ гигантомъ на фонѣ этого низа стоялъ глава тыла, доблестный, безупречный Александръ Романовичъ Дрентельнъ! Всѣ знавшіе этого высокопочтеннаго человѣка, конечно, съ сердечнымъ чувствомъ уваженія скажутъ, его вспоминая: «миръ его праху»....

Упомянувъ объ А. Р. Дрентельнѣ, нельзя обойти молчаніемъ его ближайшаго сотрудника, почтеннѣйшаго генерала Черкесова, бывшаго у него начальникомъ штаба; но что могли они сдѣлать въ этой многотысячной, разнокалиберной арміи тыла, по существу дѣла своего связаннаго съ гешефтомъ!

П. Паренсовъ.

Письмо П. Пирлинга о Маринѣ.

Интересная статья г. Синюхаева «Марина и шахъ Аббасъ II», напечатанная въ апрѣльской книгѣ «Русской Старины», даетъ мнѣ поводъ къ обмѣну мыслей съ ея авторомъ и съ нашими общими читателями.

Г. Синюхаевъ жалѣетъ, что въ статьѣ «Марина Мнишекъ послѣ майскаго погрома» («Русская Старина» февраль 1903), я не воспользовался «богатымъ матеріаломъ для біографіи и характеристики злополучной развѣнчанной царицы, помѣщеннымъ въ «Актахъ историческихъ» и въ «Памятникахъ дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей».

Какъ бы относительно ни было по своему существу понятіе о богатствѣ, однако же съ тѣмъ, что приведенные источники содержатъ «богатый» матеріалъ для жизнеописанія Марины, согласиться никакъ нельзя. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно прочесть статью г. Синюхаева. Тѣмъ не менѣе, при скудости извѣстій о Маринѣ, и этотъ матеріалъ имѣетъ важное значеніе, и упускать его изъ виду конечно не слѣдуетъ.

Вотъ почему въ III томѣ моего сочиненія La Russie et le Saint Siège, стр. 388, и есть ссылка на «Акты историческіе». Повторять ее въ февральской статьѣ, написанной преимущественно по польскимъ и испанскимъ источникамъ, казалось мнѣ излишнимъ. Ближайшею цѣлью было сообщить кое-что новое и мало извѣстное. Не вѣчно же возвращаться къ тѣмъ же самымъ цитатамъ и утомлять читателей скучными повтореніями. Но если придерживаться «Актовъ историческихъ», то зачѣмъ не исчерпнуть все, что они содержатъ? Здѣсь до меня доходитъ очередь пожалѣть, что г. Синюхаевъ ссылается только на одинъ документъ «дополненій III-го тома» и не обращаетъ вниманія на восемь

документовъ самого III-го тома (стр. 23—30 № 23—30), хотя они относятся къ той же эпохѣ. Такой пропускъ остается для меня загадкой.

Что касается памятниковъ проф. Н. И. Веселовскаго, то я дѣйствительно ими не воспользовался, и здѣсь приношу повинную, благодаря г. Синюхаева за указаніе, и при первомъ случаѣ пополню этотъ пробѣлъ. По правдѣ сказать, я кругомъ виноватъ, ибо имѣлъ «Памятники» въ моемъ распоряженіи. Только одно обстоятельство можетъ до нѣкоторой степени служить извиненіемъ. Именно «Памятники» изданы такъ, что въ нихъ трудно разобраться, и, при отсутствіи справочныхъ таблицъ, чтобы найти нѣсколько строкъ о Заруцкомъ и Маринѣ, надо прочесть II-й и III-й томы цѣликомъ.

Отвѣтивъ такимъ образомъ на возведенные упреки, позволю себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія.

Г. Синюхаевъ упоминаетъ о томъ, что Заруцкій издавалъ свои грамоты отъ имени «государя царя и великаго князя Дмитрія Ивановича всея Руссіи, и отъ государыни царицы и великой княгини Марины Юрьевны всея Руссіи, и отъ государя царевича и великаго князя Ивана Дмитріевича всея Руссіи». Изъ этого титула выводится «что Заруцкій принялъ на себя роль мужа Марины, кѣмъ онъ и былъ de facto въ описываемый періодъ».

Признаюсь, что не вижу, какъ одно слѣдуетъ изъ другаго, принятіе роли мужа de facto изъ титула Дмитрія Ивановича. Вслѣдъ за испанскими источниками, которые здѣсь кажутся достовѣрными, я полагаю, что Заруцкій былъ мужемъ Марины не только de facto, но и de jure. Но титулъ здѣсь ни при чемъ. Почему признавать Заруцкаго мужемъ только de facto, а не de jure, я не понимаю.

Далѣе говорится, что я затрудняюсь рѣшить, какова была участь Марины. Это совершенно вѣрно. И врядъ ли найдется историкъ, который бы здѣсь не призадумался.

Г. Синюхаевъ утверждаетъ, что въ настоящее время «возможно категорически сказать», что Марина не была ни утоплена, ни сожжена живою.

На чемъ же основывается это категорическое утвержденіе?

Во-первыхъ, на молчаніи московскаго правительства. Въ отвѣтъ на запросъ шаха Аббаса II, оно заявило, что Заруцкій и Маринкинъ сынъ казнены, а о самой Маринѣ не обмолвилось ни полсловомъ. Доказательство чисто отрицательнаго свойства, изъ котораго, какъ мы всѣ знаемъ, ничего нельзя вывести.

Во-вторыхъ, на сообщеніи русскихъ пословъ польскому правительству, что Марина умерла въ Коломнѣ «съ тоски по своей волѣ». Но такое сообщеніе невозможно принять безконтрольно, ибо скрывать казнь Марины отъ поляковъ было выгодно для русскихъ.

Въ-третьихъ, на преданіи о башнѣ въ Коломнѣ, гдѣ умерла Марина. Здѣсь опять-таки простое преданіе, не изслѣдованное, на сколько мнѣ извѣстно, и научно не обработанное.

Нѣтъ, съ такимъ фактомъ, какъ участь Марины, слѣдуетъ обходиться осторожно. Вѣдь московское правительство откровенно заявляло на счетъ Заруцкаго, Марины и ея сына, что «въ животе ихъ воленъ Богъ, да государь: животъ ли имъ велитъ дати, или ихъ, по ихъ злымъ дѣломъ, велитъ казнити». Значитъ, вопросъ о казни Марины стоялъ на очереди. Какъ онъ былъ разрѣшенъ, мы навѣрно не знаемъ. Потому «категорически» утверждать что-либо, пожалуй, еще преждевременно. Лучше было бы приступить къ провѣркѣ коломенскаго преданія, которое можетъ привести къ раскрытію истины. Впрочемъ, на основаніи критическаго сравненія, я вовсе не отрицаю, что утопленіе или сожженіе гораздо менѣе правдоподобны, чѣмъ казнь или плѣненіе.

Наконецъ, коснусь и приведеннаго г. Синюхаевымъ мнѣнія Пушкина. Не скрываю отъ себя, что почитатели великаго поэта — а числомъ они легіонъ—вѣроятно забросаютъ меня камнями, но изъ любви и уваженія къ исторіи подвергаюсь этой опасности. Итакъ, мнѣніе Пушкина, по недостатку свѣдѣній, въ виду тогдашняго состоянія науки, могло быть только апріорное. Скажу больше, по тѣмъ же причинамъ, оно не полно и даже несправедливо. Нельзя утверждать, что Марина распутничала, переходя отъ авантюриста къ авантюристу. Напротивъ, она каждый разъ заботилась о вступленіи въ законный бракъ, и надо удивляться, что молодая, красивая, страстная женщина съумѣла, среди отчаянной вольницы, оберечь свое нравственное достоинство. Да и честолюбіе у ней было совершенно своеобразное. Оно развивалось на дѣтско-наивной почвѣ и вдохновлялось убѣжденіемъ своего права на русскій престолъ. Кромѣ того въ сердцѣ ея глубоко таилось чувство религіозности. Тѣмъ и красенъ обликъ Марины, что въ ней какъ-то примиряются самыя явныя противорѣчія. Однимъ взмахомъ пера, безъ историческаго откровенія, никакой геній не обрисуетъ изумительной Марины.

Смутное время еще не выдало всѣхъ своихъ тайнъ. Многое еще не разработано. Въ данномъ случаѣ можно пожелать, чтобы присяжные оріенталисты пересмотрѣли персидскіе источники для сравненія ихъ съ русскими.

П. Пирлингъ.

Изъ старинныхъ обычаевъ въ городѣ Саратовѣ.

«Мѣщанская дѣвушка въ городѣ Саратовѣ (въ концѣ XVIII и начала XIX столѣтій) идетъ за водою на Волгу, какъ говорится «въ пухъ разряженная». Тутъ молодые парни, женихи присматриваются на нее и часто находятъ въ ней свою суженую.

«Бывшій саратовскій комендантъ Вильгельмъ Антоновичъ Кабритъ (скончавшійся въ 1800 г. въ Саратовѣ), не терпя бумажныхъ жалобъ, разбиралъ распри и обиды жителей на словахъ и прекращалъ ихъ въ самомъ началѣ. Изъ множества случаевъ вотъ одинъ, разсказанный очевидцемъ: одна дѣвушка несла съ Волги ведра воды на коромыслѣ. Навстрѣчу ей шелъ по-тогдашнему щегольски одѣтый приказно-служитель, который сказалъ ей что-то непріятное. Она какъ будто не слыхала, что онъ сказалъ; потомъ приказный подошелъ къ ней очень близко и оскорбилъ ругательнымъ словомъ. Послѣ того приказный толкнулъ ее и вышибъ изъ рукъ коромысло съ ведрами. Это происходило днемъ, въ виду многихъ постороннихъ людей и недалеко отъ домика ея матери, которая видѣла все это изъ окошка. Старушка не перенесла оскорбленія, безвинно причиненнаго ея дочери, покоившей мать на старости. Она принесла жалобу коменданту. Вильгельмъ Антоновичъ, выслушавъ ее благосклонно, тотчасъ приказалъ привесть къ себѣ обидчика. Уличенный свидѣтелями, онъ сознался и сталъ на колѣни предъ комендантомъ.

— Ты виновенъ не предо мной: проси прощенія у обиженной,—сказалъ Кабритъ.

— Мы прощаемъ его,—сказали мать и дочь.

Но приказный не хотѣлъ взглянуть на нихъ.

— Добрые вы люди, истинно благородные и при своей бѣдности. А ты, щеголь, поступилъ низко и дерзко, да и не хочешь передъ ними извиниться. Послѣ этого мнѣ будетъ стыдно, если я не окажу справедливости.

Онъ велѣлъ принести коромысло съ ведрами и, въ сопровожденіи квартальнаго надзирателя, приказному отправиться съ ними на Волгу, почерпнуть воды и принесть на то мѣсто, гдѣ сдѣлана обида, и тогда дать ему знать.

Обращаясь къ старухѣ и дѣвушкѣ, Кабритъ сказалъ: «вы и свидѣтели должны быть на мѣстѣ происшествія».

Старуха и дочь остались у коменданта.

Приказный принесъ ведра воды и стоялъ подъ коромысломъ, въ кругу народа. Комендантъ медлилъ болѣе часа и, наконецъ, съ старухой и ея дочерью въ коляскѣ прибылъ на мѣсто. Вышедши изъ экипажа, онъ подвелъ старуху и дочь ея къ приказному и сказалъ: «Гдѣ займы, тутъ и расплата. Поставь ведра и поклонись обиженной». Виноватый долженъ былъ повиноваться начальнику.

— Теперь вы квиты,—сказалъ онъ и уѣхалъ.

Дѣвушка взяла ведра и понесла ихъ домой, а обидчикъ съ большимъ стыдомъ тоже отправился въ свое мѣсто.

Сообщ. А. Н. Минхъ.

Записки Э. И. Стогова.

VII [1]).

Переходъ Э. Стогова въ жандармы.—Американецъ Добель и его супруга.—Л. Дубельтъ.—Графъ А. Бенкендорфъ.—Его характеристика.—Назначеніе Стогова въ Симбирскъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ.—Симбирское общество.—Исторія съ губернаторомъ З—мъ.—Новый губернаторъ Жиркевичъ

Я хорошо зналъ, что рано или поздно, а мнѣ придется отправиться въ Кронштадтъ, чего мнѣ крайне не хотѣлось. Перебирая разныя службы, я нашелъ, что въ жандармахъ болѣе жалованья, и рѣшился искать перевода. Я высказалъ мое желаніе знакомому мнѣ барону Шиллингу; онъ выслушалъ и ничего не сказалъ, но на другой день я получилъ приглашеніе отъ Дубельта, будто бы желавшаго знать о положеніи дѣлъ въ Американской компаніи. Среди разговора онъ ловко предложилъ мнѣ служить вмѣстѣ. Я удивился, но изъявилъ согласіе. Государь былъ тогда на конгрессѣ въ Мюнхенгрецѣ. Князь Меншиковъ былъ усланъ куда-то тоже съ дипломатическимъ порученіемъ.

Дубельтъ спросилъ меня, не будетъ ли препятствія отъ флотскаго начальства? Я отвѣчалъ, что пока нѣтъ Меншикова, то не будетъ, а Меншиковъ не пуститъ. Мнѣ данъ былъ конвертъ къ исправлявшему должность морскаго министра Моллеру съ вопросомъ: нѣтъ ли препятствія о переводѣ меня въ корпусъ жандармовъ. Вотъ тутъ-то и помогъ мнѣ упоминаемый мною билетъ на ложу въ театръ. Директоръ департамента Лермонтовъ прямо объявилъ мнѣ, что у него есть при-

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1903 г.

*

казъ отъ князя, чтобы въ его отсутствіе не допускать никакой перемѣны съ офицерами флота, но тутъ же прибавилъ:

— Я помню, какъ много вамъ обязанъ, и далъ вамъ слово. Завтра же будетъ посланъ отвѣтъ графу Бенкендорфу о согласіи на переводъ, и вы сами послѣ узнаете, какъ много я для васъ сдѣлалъ.

На другой же день, Дубельтъ съ ежедневнымъ курьеромъ отправилъ докладъ о моемъ переводѣ на утвержденіе государя. Только успѣли отдать въ высочайшемъ приказѣ о моемъ переводѣ, какъ возвратился князь Меншиковъ. Тогда строился въ Архангельскѣ фрегатъ по новой методѣ Стефенса. Лермонтовъ спрашивалъ: кого прикажетъ князь назначить командиромъ? Князь написалъ: Стогова изъ Камчатки. Лермонтовъ сказалъ:

— Этого нельзя.

— Что же, развѣ умеръ?

— Нѣтъ, онъ переведенъ въ корпусъ жандармовъ.

— Кто его выпустилъ? Я далъ вамъ приказъ безъ меня никакихъ перемѣнъ не дѣлать.

Адмиралъ Моллеръ помимо меня получилъ бумагу и далъ согласіе.

— Охъ, мнѣ этотъ гнилой! онъ готовъ всѣхъ распустить. А въ приказахъ не отдано?

— Приказы уже вышли.—Что же не обѣщали ему крестъ, что ли? По какой причинѣ онъ пошелъ въ жандары?

— Онъ говорилъ, что во флотѣ ему ожидать нечего; что товарищи его живутъ хуже казаковъ.

Князь толстѣйшей чертой похоронилъ меня.

Узнавъ все это, мнѣ очень было жаль, что я оставилъ флотъ. Назначеніе командиромъ на такой фрегатъ показало мнѣ, что я былъ на отличномъ счету у князя.

И такъ, совершилось: я жандармъ, т. е. нравственный полицей-мейстеръ.

Утромъ я являлся въ штабъ въ формѣ жандарма, а остальной день ходилъ во флотскомъ мундирѣ. Съѣздилъ въ Кронштадтъ, похвастать кавалерійской формой; товарищи и всѣ были удивлены моимъ переходомъ и завидовали.

Мы съ Дубельтомъ скоро сдѣлались друзьями; онъ тогда былъ еще полковникъ и начальникъ штаба, часто бывалъ безъ денегъ и занималъ у меня по 300—400 рублей, но насъ сблизило преглупое обстоятельство. Американецъ Добель былъ въ Китаѣ коммиссіонеромъ какого-то богатаго торговаго дома. Нашъ корабль, подъ командою Крузенштерна, первый разъ зашелъ въ Китайскую гавань. Туземцы сильно притѣсняли Крузенштерна, и корабль чуть не подвергся аресту. Добель оказалъ важныя услуги Крузенштерну, а за услугу просилъ рекомен-

даціи у русскаго правительства. Добеля, бывшаго тогда въ большой славѣ, пригласили въ Питеръ и назначили консуломъ на Филиппинскихъ островахъ и на всемъ Восточномъ океанѣ. Отправился Добель въ Камчатку берегомъ; проѣзжая Тобольскъ, будучи въ гостяхъ у полицеймейстера, онъ увидѣлъ дѣвушку, подающую чай. Добель говорилъ мнѣ, что онъ былъ вдовъ, первая жена была красавица, и онъ страстно ее любилъ; какъ же онъ былъ пораженъ, увидѣвъ въ дѣвушкѣ свою любимую жену—сходство было поразительное. Добель, узнавъ, что дѣвушка крѣпостная и ей 16 лѣтъ, предложилъ купить ее, и съ него ловкій полицеймейстеръ взялъ будто бы 10 тысячъ руб. Добель женился, и изъ Дашутки сдѣлалась—Дарья Андреевна. На Филиппинскихъ островахъ въ Маниллѣ, онъ воспиталъ свою жену, она говорила по-испански—какъ аристократка, манеры получила превосходныя, но съ этимъ и выросла, какъ добрый гренадеръ, такъ что я въ трехугольной шляпѣ былъ ниже ея. Однажды Добель получилъ заказъ отъ извѣстнаго безсчетнаго милліонера американца Армстронга—купить соболей въ Камчаткѣ. Армстронгъ надѣялся быть монополистомъ въ русскихъ владѣніяхъ Восточнаго океана. Добель поселился въ Петропавловской гавани; я зимовалъ тамъ же, и домы наши были рядомъ. Познакомившись, Добель очень полюбилъ меня и, предполагая во мнѣ знаніе свѣта и приличій, просилъ меня быть наставникомъ Дарьи Андреевны, — я охотно согласился. Дарья Андреевна очень выросла, но не подурнѣла, она была огромна, но пропорціональна и прекрасна. Манеры ея были настоящей аристократки, одѣвалась съ большимъ вкусомъ. Рикордъ говорилъ, что она на испанскомъ языкѣ и по-англійски говорила превосходно, но лишь только заговоритъ по-русски — мужикъ-мужикомъ, выговоръ сибирскій: «пошто пошелъ, не проѣдайся, экой озорникъ» и тому подобное. Въ этой красивой женщинѣ были двѣ особы: испанка и англичанка — очень приличны, а русская — нестерпимо груба и даже глупа. Я скоро сдѣлался ея другомъ. Добель привезъ съ собою прикащиковъ-американцевъ, и русскіе торговцы надували ихъ. Кончилось тѣмъ, что цѣлый корабельный грузъ товаровъ улетучился, а Добель соболей не получилъ. Я засталъ Добеля въ Петербургѣ въ плохихъ дѣлахъ, онъ устарѣлъ, денегъ нѣтъ и ничего впереди. Съ Дарьей Андреевной моя старая дружба возобновилась. Я уже былъ жандармомъ, но долго еще ходилъ въ флотскомъ платьѣ. Былъ концертъ въ домѣ Николая Ивановича Греча, былъ тамъ и Добель съ женою. Случайно, я сѣлъ какъ разъ сзади Дарьи Андреевны, по старому знакомству; когда всѣ внимательно слушали музыку, она шалила со мною. Кончился концертъ, всѣ встали, кто-то ущипнулъ мнѣ лѣвую руку выше локтя, да такъ больно, что я съ трудомъ удержался отъ крика. Смотрю, это Дубельтъ. Я думалъ, что онъ съ ума сошелъ:

маленькіе его глаза горятъ, какъ угольки, самъ красный, воспламененный, задыхается.

— Что съ вами, зачѣмъ такъ больно ущипнули?

— Молчи, пойдемъ къ амбразурѣ окна.

Онъ приступилъ ко мнѣ съ разпросами: кто та дама, которая шалила со мною? Какъ я съ нею знакомъ? Давно ли? и проч. Тутъ же признался мнѣ, что онъ лучшей красавицы не видалъ во всю жизнь, что онъ просто влюбленъ въ нее страстно. Оказалось, что этотъ небольшаго роста человѣчекъ можетъ любить только большаго роста женщинъ, и чѣмъ выше, тѣмъ онѣ ему привлекательнѣе, но Дарья Андреевна была гигантъ между женщинами и, правда, очень хороша. На другое утро Дубельтъ признался, что онъ не спалъ всю ночь, передъ нимъ стояла Дарья Андреевна. Онъ, какъ друга, просилъ меня познакомить его съ нею и за то онъ цѣлую жизнь будетъ мнѣ слуга. Такой человѣкъ, какъ Дубельтъ, былъ мнѣ очень нуженъ; я видѣлъ, что онъ пойдетъ далеко, скрѣпить дружбу съ нимъ было не только нужно, но и очень для меня важно. Я далъ ему слово хлопотать по этому дѣлу. Взявшись за глупость, я рѣшился и поступать глупо. Въ тотъ же день, не заставъ Добеля дома, я въ спальнѣ упалъ на колѣна передъ Дарьей Андреевной и вотъ нашъ разговоръ:

— Ты чево дурачишься?—спросила она.

— Я, сударыня Дарья Андреевна, самый покорный проситель.

— Это что еще выдумалъ; пошелъ, не дури, прощалыга.

Я приставалъ и просилъ.

— Да что тебѣ надоть, вѣрно какое-нибудь дурачество?

Я разсказалъ ей откровенно положеніе дѣла и какъ мнѣ нуженъ Дубельтъ, и что онъ устроитъ судьбу ея мужа. Положено было встрѣтиться на другой день у Мордвинова на обѣдѣ. Дубельтъ былъ въ восторгѣ, цѣловалъ меня и обѣщалъ заслужить.

Я долженъ былъ получить назначеніе въ одну изъ губерній—штабъ-офицеромъ, но мнѣ еще хотѣлось пожить въ Питерѣ. Дубельтъ помѣстилъ меня при графѣ Бенкендорфѣ по особымъ порученіямъ. Какъ-то Дубельтъ захворалъ и приказалъ мнѣ идти съ портфелемъ къ графу, для доклада и подписи бумагъ. Докладъ сошелъ хорошо. Графъ постоянно называлъ меня Стокгофъ—я не противорѣчилъ, у нѣмца выгодно быть нѣмцемъ. Много разъ я занималъ должность Дубельта при пріемахъ графа и входилъ въ роль дѣльца,а узнавши графа—смѣло лгалъ—чего не зналъ, и шло хорошо.

Былъ у меня двоюродный братъ, Вася Семеновъ; онъ былъ тогда цензоромъ, и у него часто собирались литераторы; я бывалъ на этихъ любопытныхъ вечерахъ въ морской формѣ. Вася даже не зналъ, что я жандармъ. Тогда былъ диктаторомъ русской словесности Осипъ Ива-

новичъ Сенковскій. Онъ издавалъ журналъ «Библіотеку для чтенія», журналъ гремѣлъ, онъ былъ во всѣхъ домахъ и во всѣхъ рукахъ. Въ одинъ вечеръ у Васи собралось человѣкъ 6 писателей, которымъ онъ съ горемъ объявилъ, что имѣетъ великолѣпную, небывалую въ русской литературѣ вещь, но не смѣетъ пропустить, а не пропустить—преступленіе. Его просили прочитать. Вася былъ замѣчательный чтецъ, онъ вынесъ тетрадь и началъ читать: «Большой выходъ у Сатаны», Сенковскаго. При чтеніи этой піесы, всѣ приходили въ восторгъ: языкъ, сравненія, обороты — все было неслыханно. Восклицаніямъ, удивленіямъ, похваламъ не было конца, нѣкоторыя мѣста перечитывались два —три раза съ равнымъ восхищеніемъ. Вася объявилъ, что пьесу эту онъ пропустить не смѣетъ: всѣ возстали противъ него,

— Это преступленіе,—говорили слушатели,—это грабежъ литературы, это убійство таланта, это святотатство; лучше лишиться мѣста, чѣмъ погубить такой перлъ литературы.

Долго судили и рядили, что дѣлать. Вася рѣшилъ: отнести завтра эту вещь для просмотра графу Бенкендорфу, и если онъ дозволитъ, то никто не будетъ отвѣчать. При этомъ Вася надѣялся на содѣйствіе Дубельта.

По утру я былъ въ пріемной графа и распоряжался просителями вмѣсто больнаго Дубельта. Входитъ Вася съ тетрадью, подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Гдѣ Леонтій Васильичъ Дубельтъ?

— Я вмѣсто него къ вашимъ услугамъ,—отвѣчалъ я.

Насилу узналъ меня Вася, даже поблѣднѣлъ.

— Что это значитъ, Эразмъ?

— Ничего, я вмѣсто Дубельта, и только.

— Я ничего не понимаю.

— И понимать нечего, буду у тебя, объясню. Я знаю, ты принесъ статью, хорошо, я помогу, чѣмъ могу.

Вышелъ графъ; онъ зналъ Васю, который представилъ ему статью и сказалъ, что въ ней ничего нѣтъ, но можетъ быть задѣтъ кто-либо изъ вельможъ, отношеній которыхъ онъ тонко не знаетъ. Бенкендорфъ передалъ мнѣ тетрадь и приказалъ положить у него на столѣ, а Васѣ придти чрезъ недѣлю. Я положилъ статью подъ старыя бумаги и придавилъ ихъ прессъ-папье.

Надобно хотя немного познакомить читателя съ Бенкендорфомъ, о которомъ ходило много разсказовъ по поводу его забывчивости. Гр. Бенкендорфъ жилъ въ Большой Морской, въ той же улицѣ остановился французскій посланникъ дома черезъ четыре. Графъ пошелъ пѣшкомъ отдать визитъ посланнику, но его не было дома. Графъ хотѣлъ отдать визитную карточку, но не нашелъ ея въ карманѣ. Тогда графъ говоритъ

швейцару: запиши меня, ты меня знаешь? Швейцаръ былъ новый, отвѣчалъ: Не могу знать, какъ прикажете записать? Графъ вспоминалъ, вспоминалъ и никакъ не могъ вспомнить своей фамиліи. Досадуя на себя, пошелъ домой, обѣщая прислать карточку. По дорогѣ встрѣтилъ его гр. Орловъ и, сидя на дрожкахъ, закричалъ: Гр. Бенкендорфъ! Послѣдній обрадовался, будто что-то нашелъ, махнулъ рукой Орлову и, повторяя про себя: «Гр. Бенкендорфъ», вернулся къ посланнику и записался. Этотъ анекдотъ повторялъ весь Питеръ, и зналъ о немъ государь.

Бенкендорфъ былъ лично храбрый человѣкъ, но въ администраціи понималъ мало. Графъ былъ добрѣйшее существо, и я не знаю ни одного случая, кому бы онъ сдѣладъ зло. Разъ онъ былъ отчаянно боленъ; съѣхалась вся знать къ графу изъ участія, пріѣхалъ и государь. Выходя изъ комнаты графа, государь обратился къ присутствовавшимъ и сказалъ:

— Вотъ умираетъ человѣкъ, который никогда ни съ кѣмъ меня не поссорилъ, а со многими изъ васъ помирилъ. Я хочу, чтобы вы всѣ знали это; а у самого государя были слезы.

Графъ былъ щеголь, всякое утро парикмахеръ убиралъ немногіе его волосы. Съ 9-ти часовъ утра зала его была уже полна просителями. Въ 10-ть часовъ, онъ, по-домашнему, въ сюртукѣ безъ эполетъ, выходилъ и выслушивалъ каждаго просителя; съ дамами былъ чрезвычайно вѣжливъ. Случилось, что дама, для большаго убѣжденія, стала на колѣна, и я видѣлъ, какъ графъ задрожалъ, измѣнился въ лицѣ и бросился поднимать,—онъ не могъ выносить униженія женщины. Обойдя просителей, онъ собирался ѣхать во дворецъ, а между тѣмъ временемъ набирались новые просители. Въ 11 или половинѣ 12-го выходилъ графъ въ мундирѣ, опять обходилъ всѣхъ просителей, выслушивалъ и принималъ просьбы. Зная графа, мы хорошо знали всю безполезность пріемовъ его. Онъ слушалъ ласково просителя—ничего не понимая; прошенія онъ никогда, конечно, уже не видалъ; но публика была очень довольна его ласковостію, терпѣніемъ и утѣшительнымъ словомъ. Просьбы разрѣшались въ штабѣ и въ III отдѣленіи. Зная обязанности графа, простительно ему было не входить въ распоряженіе управленія, онъ долженъ былъ подробно знать все, что вчера говорилось и дѣлалось во всей Россіи.

А что статья «Большой выходъ у Сатаны»?

Да ничего, какъ я положилъ подъ бумаги и прессъ-папье, такъ она и лежала.

Черезъ недѣлю приходитъ Вася къ графу за статьею, графъ приказалъ придти еще чрезъ недѣлю. Когда пришелъ Вася по окончаніи назначеннаго срока, то графъ пригласилъ его въ кабинетъ, а мнѣ приказалъ подать статью и сталъ откровенно спрашивать, въ чемъ онъ сомнѣвается.

Вася указалъ на самыя пустыя и невинныя мѣста, графъ прослушалъ и написалъ на послѣднемъ листѣ: «можно печатать. Графъ Бенкендорфъ». Я засыпалъ пескомъ, и статья вышла. Шуму много было въ Питерѣ, обратилъ на нее вниманіе и государь, но сошло все благополучно.

Заболтавшись, забылъ упомянуть, что еще до перевода я, какъ штабъ-офицеръ флота, обязанъ былъ при разводѣ явиться къ государю. Императоръ Николай I былъ верхомъ—что за красавецъ, что за молодецъ, нельзя не любоваться! Насъ, послѣ развода, являлось человѣкъ 30-ть, я стоялъ изъ послѣднихъ на лѣвомъ флангѣ. Развода и всѣхъ продѣлокъ я почти не видалъ, потому что все смотрѣлъ на истинно русскаго царя. Насъ перекликалъ комендантъ, а богатырскій конь переступалъ только на одного человѣка—и ни разу не сбился. Дошла очередь и до меня.

— Капит.-лейтенантъ Стоговъ изъ Камчатки,—сказалъ комендантъ.

— Долго вы тамъ были?—спросилъ императоръ съ привлекательной улыбкой.

— 12 лѣтъ, ваше величество.

— Скучно тамъ было вамъ?

— Нѣтъ, государь, тамъ много службы и тамъ русское царство.

Николай милостиво поклонился.

Петербургская жизнь мнѣ надоѣла; наступила зима, и я объяснилъ Дубельту о моемъ желаніи уѣхать изъ Питера и говорилъ искренно. Онъ совѣтовалъ не оставлять виднаго мѣста, даже хотѣлъ хлопотать о прибавкѣ мнѣ столовыхъ, но я рѣшительно хотѣлъ разстаться съ Питеромъ. Дубельтъ просилъ меня подумать недѣлю, но и чрезъ недѣлю я говорилъ то же. Тогда, по дружбѣ, онъ далъ мнѣ списокъ всѣхъ губерній и сказалъ: «выбирай, если занято мѣсто—переведу». Надъ спискомъ я порядочно подумалъ, смѣщать другихъ—было не въ моихъ правилахъ. Подумалъ было объ Иркутскѣ, такъ много мною любимомъ, но тамъ не было уже Лавинскаго, при томъ же тамъ приходилось образовать должность, потому что никогда не было тамъ жандарма; болѣе всего остановило меня короткое знакомство со всѣми, а мнѣ не хотѣлось становиться въ неловкія отношенія, которыя могли случиться. Перебираю губерніи: въ одной были родные, въ другой товарищи. Симбирская губернія была вакантна, и тамъ никого не было, ни родныхъ, ни знакомыхъ. На этой губерніи я нарисовалъ якорь и подалъ Дубельту. Онъ удивился, что я выбралъ глушь, совѣтовалъ Москву; но я уперся на Симбирскѣ, куда скоро былъ назначенъ.

Уѣзжая изъ Петербурга, я спросилъ графа Бенкендорфа, въ чемъ будетъ состоять моя прямая обязанность? Онъ отвѣчалъ:

— Утирай слезы несчастныхъ и отвращай злоупотребленія власти, и тогда ты все исполнишь.

— Общество играетъ въ запрещенныя игры — въ карты, долженъ ли я мѣшаться?

— А ты не любишь играть?

— Нѣтъ.

— Ты не богатъ, но можешь проигрывать въ банкъ до 5 рублей; но не долженъ позволять грабить, обыгрывать молодежь и хранителей казенныхъ суммъ. Ты долженъ быть любимъ и необходимъ въ обществѣ. Если не любятъ жандарма, то онъ безполезенъ. Въ крайнемъ случаѣ будь рѣшителенъ и смѣлъ, а въ спокойное время... влюбляйся.

Пріѣхалъ я въ Симбирскъ, кажется, 8-го января 1834 г. и, вступивъ въ должность, дѣйствовалъ самостоятельно и самъ за все отвѣчалъ. Въ Симбирскѣ я былъ по праву первымъ, и мое слово имѣло вѣсъ и значеніе. Моей ширмой были въ Петербургѣ Дубельтъ и графъ Бенкендорфъ.

Симбирскъ отъ Москвы болѣе 700 верстъ, а отъ Петербурга до 1.500 верстъ. Въ Симбирскѣ я былъ довѣренное лицо отъ государя, отъ моего такта зависѣла моя сила, т. е. общественное довѣріе и уваженіе, безъ этого я пустая кукла, маріонетка. Довѣріе и уваженіе къ жандармскому мундиру въ Симбирскѣ было разрушено. Передо мной былъ полковникъ Масловъ, типъ старинныхъ полицейскихъ. Онъ хотѣлъ быть сыщикомъ, ему казалось славою рыться въ грязныхъ мелочахъ и хвастать знаніемъ семейныхъ тайнъ. Онъ искалъ случая ко всякому прицѣпиться, всѣхъ стращалъ, дѣлалъ исторіи, хотѣлъ властвовать страхомъ и всѣмъ опротивѣлъ. Онъ хотѣлъ быть страшнымъ и достигъ общаго презрѣнія. Жена его любила щеголять знаніемъ всѣхъ сплетенъ и хотѣла имѣть вліяніе на городскихъ дамъ и была такъ дѣятельна, что для помощи мужу осматривала предварительно рекрутъ. Такимъ образомъ я явился къ обществу, предубѣжденному къ жандармскому мундиру, олицетворявшему идею доносчика и несноснаго придиралы даже въ частной жизни. Симбирское дворянство многочисленно и богато, жило въ губернскомъ городѣ, потому что столица была далеко. Дворянство положило, чтобы избѣгнуть непріятностей, какія имѣли отъ Маслова, удалить его преемника отъ общества. Съ первыхъ дней моего пріѣзда, наслушавшись о поступкахъ предмѣстника, я понялъ, что довѣріе и уваженіе мнѣ нужно завоевывать. Я зналъ по опыту, что тотъ не находитъ любви, кто ее ищетъ. Общая любовь и довѣріе заслуживаются нравственною правдою, уваженіемъ общественныхъ условій и неприкосновенностью семейнаго домашняго быта. Въ то время въ Симбирскѣ былъ губернаторомъ З—ій, вотъ этого нельзя миновать, не объяснивъ, потому что сношенія мои упирались въ одного только губернатора. З—ій былъ внукъ извѣстной статсъ-дамы, служилъ въ Преображенскомъ полку и былъ въ отставкѣ капитаномъ. 14-го декабря 1825 г., во время возму-

щенія на Сенатской площади, онъ явился ко дворцу. Государь нѣсколько разъ посылалъ Якубовича образумить бунтовщиковъ и убѣдить ихъ, чтобы покорились. Якубовичъ шелъ къ мятежникамъ и З—ій за нимъ. Такъ было нѣсколько разъ, и З—ій, перевязавъ себѣ ногу платкомъ, прихрамывалъ, будто ударили его по ногѣ. Государь видѣлъ все это, не забылъ усердія З—го и сказалъ великому князю Михаилу Павловичу:

— Спроси его, чего онъ хочетъ?

— Желаю быть губернаторомъ,—отвѣчалъ, не задумываясь, З—ій.

— Не много ли будетъ?—замѣтилъ великій князь.

— Для государя все возможно.

И вотъ З—ій губернаторъ въ Симбирскѣ; я слышалъ это отъ него самого. Онъ былъ очень недуренъ собой, образованъ для гостиной, имѣлъ кроткую жену, малолѣтнюю дочь и любилъ хвастаться побѣдами надъ женщинами...

Когда я явился къ нему, онъ спросилъ меня:

— Съ какимъ намѣреніемъ вы сюда пріѣхали?

— Содѣйствовать возвышенію власти вашего превосходительства.

— Какіе ваши планы?

— Я еще ничего не знаю.

— Имѣете знакомыхъ?

— Никого.

— Если вы намѣрены искренно содѣйствовать мнѣ, то чего вы требуете отъ меня?

— Только личнаго ко мнѣ уваженія, и когда мнѣ нуженъ будетъ секретъ, то сохранить его, и тогда только я буду вамъ полезенъ.

— Это такъ не много, что я не только даю вамъ честное слово, но считаю прямою своею обязанностью исполнить.

— Мнѣ болѣе ничего не нужно.

— Я долженъ вамъ сказать, что со мною не сошлись здѣшніе дворяне, я бы желалъ поправить наши отношенія—помогите мнѣ.

— Хорошо, но вы знаете, что я секретный человѣкъ и, какъ сказалъ, могу быть полезенъ только тогда, когда мои дѣйствія будутъ оставаться въ секретѣ.

— Буду нѣмъ, какъ раба, какъ могила.—Но что же вамъ угодно, чтобы я сдѣлалъ для васъ?

— Я прошу вашего молчанія.

— Вы, господа жандармы, любите много писать.

— При данныхъ вами обѣщаніяхъ, я даю вамъ слово показывать вамъ все, что буду писать въ Петербургъ, но до тѣхъ поръ, пока вы будете исполнять свои условія.

— Мнѣ ссориться съ вами не выгодно: у васъ нѣтъ огорода, а вы всегда можете бросить камень въ мой огородъ.

— Мы ударили по рукамъ и простились.

Я сдѣлалъ визитъ князю Б—ву, который былъ уже седьмое трехъ-лѣтіе губернскимъ предводителемъ дворянства. Первымъ ко мнѣ пріѣхалъ Борисъ Петровичъ Бестужевъ, отставной лейтенантъ начала столѣтія. Старикъ, узнавъ, что я служилъ во флотѣ, не утерпѣлъ не повидаться и упросилъ къ себѣ на балъ. Я не подошелъ ни къ одному помѣщику и не хотѣлъ знать властей. Я подсѣлъ къ вліятельнымъ старушкамъ, игралъ съ ними въ бостонъ, будто нечаянно у нѣкоторыхъ стеръ ремизы и сталъ пріятнымъ игрокомъ. На молодыхъ я и глазомъ не повелъ. Старухи съ перваго же вечера заговорили, что я премилый человѣкъ, хотя и въ голубомъ мундирѣ. Посредствомъ диктаторской власти старухъ, я познакомился почти во всѣхъ домахъ, имѣющихъ значеніе, постепенно сближался съ мужчинами, но не дѣлалъ никому визита, чтобы не навязываться.

У меня былъ начальникъ команды, капитанъ Подгорный, ему было за 60 лѣтъ, и онъ зналъ всѣ сплетни въ Симбирскѣ; онъ посвятилъ меня во всѣ подробности симбирской жизни.

Вотъ первое происшествіе.

Въ Симбирскѣ были двѣ сестры, старыя престарыя дѣвицы Дмитріевы, онѣ были родныя сестры знаменитаго тогда поэта Ивана Ивановича Дмитріева, который былъ сдѣланъ министромъ юстиціи. Сестры такъ возгордились братомъ министромъ, что не находили себѣ достойныхъ жениховъ и состарились дѣвицами; одна имѣла свой домъ на Покровской улицѣ, а другая на Московской, такъ по улицамъ ихъ и называли. Онѣ жили уединенно и не принадлежали къ обществу и все потому что братъ министръ. Ждали государя, надобно было покрасить дома. Является къ нимъ мужиковатый частный приставъ и требуетъ выкрасить дома.

— Какъ ты смѣешь насъ безпокоить,—говорили ему старушки,—развѣ не знаешь, что нашъ братецъ министръ?

— Какъ не знать,—отвѣчалъ частный приставъ, знаю; да вотъ и у меня дядя царь Соломонъ, однако, что приказываютъ, то долженъ исполнять.

Зная этихъ чванныхъ дѣвицъ, находчивость частнаго пристава, который никого не зналъ важнѣе царя Соломона, очень смѣшна.

У этихъ дѣвицъ была еще сестра замужемъ и, умирая, оставила двухъ дѣвочекъ. Старухи взяли на воспитаніе каждая по племянницѣ. Дѣвочки выросли въ совершенномъ уединеніи. Старухи хотѣли, чтобы и онѣ остались дѣвицами, и тогда обѣщали оставить имъ значительное свое состояніе. Дѣвочки выросли въ дѣвицъ невѣстъ. Пріѣхали въ отпускъ два лихіе гусара: Митюнинъ, другаго не помню, молодцы, но бѣдняки. Сначала видались въ окнахъ, ходя около домовъ, потомъ дѣ-

вочки пробрались тайно въ маскарадъ благороднаго собранія; тамъ гусары объяснились, дѣвочки позволили увезти себя. Назначенъ былъ вечеръ, губернаторъ покровительствовалъ сговорившимся и упросилъ меня не мѣшать счастью молодежи, публика тоже желала успѣха. Схватились старухи своихъ племянницъ, а ихъ и слѣдъ простылъ. Онѣ обратились ко мнѣ и умоляли спасти ихъ племянницъ, предполагая, что онѣ увезены насильно. Я принялъ ихъ просьбу очень серьезно, при старухахъ приказалъ командиру команды привезти ко мнѣ живыхъ или мертвыхъ и послалъ команду въ противную сторону отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ вѣнчались. Старухи были въ восторгѣ, и вѣнчаться не помѣшали. Публика понимала мою продѣлку и находила, что Масловъ не такъ бы поступилъ. Видно, говорили про меня въ городѣ, что это совсѣмъ хорошій человѣкъ.

Въ Симбирскѣ были два либерала, Тургеневъ и Оржевитиновъ, онито и были началомъ всѣхъ началъ неудовольствія противъ губернатора и стояли во главѣ недовольныхъ. Во всѣхъ общественныхъ положеніяхъ есть непремѣнно центръ, откуда расходятся мнѣнія и причины, какъ радіусы. Познакомясь съ этимъ центромъ, я нашелъ въ нихъ мягкихъ людей, съ которыми легко можно было помириться, и тогда общественному неудовольствію конецъ.

Я видѣлъ возможность прекратить ссору и отправился къ губернатору.

— Васъ здѣсь не любятъ,—сказалъ я.

— Это правда.

— Какая причина?

— Право, не знаю.

— Быть главной властью и быть не любимымъ—непріятно.

— Непріятно, да что же дѣлать?

— Я скажу вамъ средство, отъ васъ зависитъ помириться съ обществомъ.

— Пожалуйста, я на все согласенъ.

— Вы дѣйствительно не знаете причинъ?

— Честное слово не знаю.

— Тургеневъ и Оржевитиновъ главные ваши враги; пригласите ихъ, вы съумѣете смягчить;объяснитесь и помиритесь,тогда все общество повернется къ вамъ лицомъ.

— Очень вамъ благодаренъ, вы дѣйствуете, какъ мой другъ!

— Но надѣюсь, вы обо мнѣ не упомянете, мой успѣхъ въ секретъ.

— Будьте покойны, я помню ваши условія.

З—й пригласилъ къ себѣ Тургенева и Оржевитинова и сказалъ имъ:

— Господа! мы имѣемъ между собою неудовольствіе, это дѣло наше, скажите пожалуйста, для чего вы мѣшаете между нами жандарма? Я

долженъ вамъ сказать, что жандармъ присланъ для моихъ услугъ, меня оскорбляетъ то, что порядочные люди мѣшаются съ жандармами. Вы, можетъ быть, вчера высказали ему о причинахъ своего неудовольствія; а сегодня онъ обязанъ былъ доложить мнѣ о томъ. Будемъ, господа, порядочными людьми, можемъ имѣть неудовольствіе, но не будемъ унижать себя, мѣшаясь съ жандармами.

Каковъ молодецъ! На другой день, видясь съ Тургеневымъ, я замѣтилъ неудовольствіе и высказалъ ему, какъ З—й упросилъ меня помирить его съ обществомъ, а я по добротѣ своей, желая общаго согласія, кажется, сдѣлалъ ошибку. Я попросилъ Тургенева извинить мою неопытность, но вмѣстѣ и довѣрить, что губернаторъ горько поплатится за свою дерзость.

На другой день я отправился къ губернатору.

— И такъ вы губернаторъ,—сказалъ я,—а я жандармъ.Вы не утерпѣли и не сохранили въ тайнѣ секрета.

З—й все понялъ.

— Языкъ мой—врагъ мой,—отвѣчалъ онъ;—кругомъ виноватъ!

— Помните, что у меня огорода нѣтъ, а у васъ столько огородовъ, куда ни брось камень, попадешь въ вашъ огородъ!

— Не будемъ ссориться, я виноватъ, прошу прощенія; больше этого не будетъ.

Тутъ пристала страдалица жена его съ просьбой простить.

— Такъ и быть,—сказалъ я,—этотъ разъ не въ счетъ, забудемъ; но въ другой разъ не забудемъ!

— Душою и сердцемъ—согласенъ!

Вскорѣ повторился другой подобный случай.

Былъ въ Симбирскѣ Петръ Петровичъ Бабкинъ, еще при Екатеринѣ II вышедшій въ отставку капитаномъ Семеновскаго полка. Къ нему пріѣхалъ изъ Петербурга сынъ его. Я сказалъ З—му ложно, что сынъ Бабкина бранитъ его да и старикъ поддакиваетъ. Губернаторъ не утерпѣлъ, позвалъ къ себѣ Бабкина-отца и высказалъ ему то же, что и Тургеневу, зачѣмъ онъ мѣшаетъ жандарма. Тогда я составилъ записку, въ какомъ отношеніи я нашелъ губернатора съ обществомъ дворянъ и что, желая быть полезнымъ, я пробовалъ дѣйствовать, но губернаторъ парализовалъ мои дѣйствія и чуть не поставилъ меня въ фальшивое положеніе. Я описалъ болтливость З—го и какъ онъ клялся и просилъ прощенія, какъ я солгалъ на Бабкина для пробы, и опять попался губернаторъ. Я просилъ шефа жандармовъ имѣть эту записку какъ матеріалъ и что скоро надѣюсь имѣть фактъ, который избавитъ Симбирскъ отъ З—го.

Пришелъ я къ нему и сказалъ:

— Я далъ вамъ слово показывать, что напишу графу Бенкендорфу,— извольте читать.

Прочитавъ, онъ поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Вы такъ писать не можете!

— Отчего?

— Я буду жаловаться на васъ.

— Тамъ лучше, скорѣе объяснятся ваши дѣйствія.

— Вы не пошлете.

Я позвалъ жандарма, запечаталъ письмо у губернатора и приказалъ отнесть на почту.

Я все зналъ, что творилось въ Симбирскѣ, но никто не зналъ, что я знаю, и потому принимали меня радушно. Попадались чиновники во взяткахъ, возьметъ и съ того и съ другаго, а сдѣлаетъ, разумѣется, для одного,—другой жалуется. Я никогда не дѣлалъ исторій, позову къ себѣ въ кабинетъ, мылю, мылю ему голову, настращаю очень сильно и прикажу возвратить обиженному. Жизнь моя въ Симбирскѣ устроилась по моему желанію, я былъ любимымъ членомъ общества, вѣрили, что я не мелочной доносчикъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрили, что и затронуть меня очень опасно; я прощать не умѣлъ, но никого и не трогалъ. Никто меня не чуждался, я могъ смѣло входить въ кабинетъ генерала и въ кабинетъ отставнаго прапорщика, какъ пріятель.

За мной оставалось неисполненное слово, данное мной Тургеневу и Оржевитинову, да и обѣщаніе гр. Бенкендорфу на счетъ З—скаго, котораго я презиралъ, но съ которымъ наружно былъ въ добрыхъ отношеніяхъ.

З—скій, какъ я говорилъ, былъ не дуренъ собою, воспитанія—пустаго, но блестящаго для гостиной—ловокъ и находчивъ, но до удивленія легкаго характера; любилъ сплетни, мѣшался въ семейныя дрязги и хотѣлъ играть роль всезнающаго. Стараясь быть посредникомъ въ дворянскихъ ссорахъ и оправдывая одну сторону, создавалъ себѣ враговъ изъ другой стороны и, съ теченіемъ времени, нажилъ себѣ вражду всего дворянства. Онъ былъ неутомимый волокита и выражался передо мною такъ:

— Успѣть въ интрижкѣ и не разсказать, это все равно, что имѣть Андреевскую звѣзду и носить ее спрятанною въ карманѣ.

Дѣлами онъ совершенно не занимался; бывало, при мнѣ подписываетъ сотню бумагъ—ни одной не читая. Я одинъ разъ спросилъ его, какъ это онъ подписываетъ, не читая.

— Пробовалъ читать всѣ бумаги—отвѣчалъ онъ—и совершенно ничего не понялъ; увѣрился, что читаю ли я бумаги или не читаю,—результатъ одинъ, такъ лучше подписывать, не читая.

По дѣламъ, я бы могъ много вредить ему, но это казалось мнѣ мелочнымъ, я хотѣлъ капитально похоронить его и выжидалъ. Въ 12-ти верстахъ отъ Симбирска жилъ князь Б—въ, бывшій, какъ я сказалъ, седьмое трех-

лѣтіе губернскимъ предводителемъ. Онъ прежде былъ богатъ, но прожился на предводительствѣ, и у него осталось только 250 душъ, да пять взрослымъ дочерей и маленькій сынъ. Не знаю или не помню, зачѣмъ жилъ въ Симбирскѣ князь Д—нъ, чистый азіатецъ, черный, съ огромными глазами, говорилъ сквозь зубы, стригся подъ гребенку, всегда былъ щегольски одѣтъ, корчилъ—какъ только могъ—Байрона; тогда много было Байроновъ—это было въ модѣ. Былъ холостъ, жилъ весьма скромно, былъ принятъ вездѣ, ему было за 30-ть лѣтъ. Слышалъ я давно о волокитствѣ З—го за старшей дочерью кн. Б—ва; разсказывали, какъ З—скій наряжался старухою (онъ былъ не дурной актеръ) и ходилъ на свиданіе къ княжнѣ, теперешней невѣстѣ кн. Д—на, а она въ мужской одеждѣ тоже ходила на свиданіе къ З—скому. Жилъ въ Симбирскѣ полковникъ графъ Т—ой, онъ числился по министерству иностранныхъ дѣлъ, былъ холостой, знакомства почти не имѣлъ, но былъ пріятелемъ З—му и другомъ кн. Д—ну. Губернаторъ, по своему обычаю, не могъ не разсказать Т—му о своемъ мнимомъ успѣхѣ у дочери Б—ва.

Наступали выборы дворянства. На выборы являлось до 350 дворянъ, а выборы безъ шуму и скандала никогда не проходили, непремѣнно поссорятся въ залѣ выборовъ, но ничего—своя семья. Замѣчено, если собаки грызутся и никто имъ не мѣшаетъ, то онѣ одна другой вреда не сдѣлаютъ, такъ и ссорамъ дворянъ не надобно мѣшать—скоро помирятся. Передъ самыми выборами, кн. Д—нъ посватался за старшей дочерью кн. Б—ва. Предполагаемая свадьба была уже не секретъ въ Симбирскѣ. Вдругъ графъ Т—й разсказываетъ кн. Д—ну о бывшей интригѣ З—скаго съ княжной. Азіатская кровь Д—на заклокотала, ѣдетъ къ Б—ву и отказывается. Кн. Б—въ едва устоялъ на ногахъ, а княжна не устояла, обмороки, истерика—пошла писать. Кн. Д—нъ успѣлъ страстно влюбиться въ княжну и, въ неистовствѣ своемъ, поклялся, при всей публикѣ, надавать пощечинъ З—скому. Между тѣмъ Б—въ, убитый, какъ осрамленный отецъ, рѣшился на выборахъ пожаловаться всему дворянству. Хотя громко объ этомъ не говорили, но по секрету знали всѣ объ этой исторіи, и мнѣ тайно сообщено было, что многіе, погорячѣе, съѣзжаются и сговариваются, какъ только кн. Б—въ пожалуется, то высѣчь губернатора.

За два дня до выборовъ, я передалъ З—скому о намѣреніи Б—ва, кн. Д—на и всего общества дворянъ. Онъ струсилъ, растерялся, говорилъ о самоубійствѣ, но такіе люди не убиваютъ себя, и кончилъ тѣмъ, что просилъ моей защиты и покровительства. Я потребовалъ письмо отъ него о затруднительномъ положеніи, и тогда, говорилъ я, по данной мнѣ инструкціи я возьму дѣло на свою отвѣтственность и даже обѣщалъ уладить такъ, что все затихнетъ. Надобно было видѣть малодуш-

наго этого человѣка, какъ онъ обрадовался, какъ подличалъ передо мною. Письмо ко мнѣ объясняло всѣ обстоятельства дѣла, и З—кій отдавалъ подъ мою защиту санъ губернатора. Онъ даже боялся, что Д—нъ ворвется въ его домъ и раздѣлается съ нимъ по-азіатски, и потому для охраненія его, какъ губернатора, я далъ ему двухъ жандармовъ.

День былъ почтовый, я просилъ почтмейстера Лазаревича задержать отправленіе почты, написалъ очеркъ предшествовавшихъ дѣлъ З—скаго, потомъ весь мой разговоръ съ ними отъ слова до слова, такъ, какъ пишутся комедіи, и заключилъ тѣмъ, что просилъ шефа жандармовъ не безпокоиться, такъ какъ имѣю довольно силы прекратить это дѣло безъ скандала. Вотъ наступила минута, когда я долженъ былъ выйти на сцену, какъ власть абсолютная. Противъ губернскаго предводителя, противъ всей массы дворянства и противъ буйства Д—на, я долженъ былъ защитить не З—скаго, а санъ губернатора, представителя власти государя. Это былъ прямой мой долгъ. Не умѣй я отвратить скандала съ З—скимъ, я не достоинъ бы былъ называться жандармомъ. Я цѣлый день употребилъ на повѣрку имѣемыхъ свѣдѣній и на собираніе возможныхъ подробностей. Вечеръ я употребилъ на стращаніе З—скаго, который до того струсилъ, что разсказалъ все своей женѣ и признался ей во всемъ. Эта бѣдная женщина плакала и просила защитить ея мужа.

Поздно вечеромъ, дали мнѣ знать, что кн. Б—въ сочинилъ рѣчь къ дворянамъ, въ которой проситъ защиты, какъ оскорбленный отецъ и какъ предводитель дворянства 21 годъ.

Наступилъ день открытія выборовъ. Въ 6 часовъ утра я уже былъ въ кабинетѣ Б—ва. Князь, удивленный, спросилъ:

— Чему я обязанъ такому раннему посѣщенію?

— Вы, князь, намѣрены сегодня говорить рѣчь и жаловаться дворянству на З—го?

— Кто вамъ это сказалъ? Можетъ быть, это не правда, да и какое вамъ дѣло до того?

— Что это правда, то вы, вчера, въ этомъ кабинетѣ читали приготовленную рѣчь тремъ помѣщикамъ, а что мнѣ есть дѣло, такъ я, не имѣя нужды защищать З—го, обязанъ не допустить до публичнаго оскорбленія губернатора, какъ высшую власть въ губерніи, поставленную императоромъ.

— Вы не знаете всѣхъ обстоятельствъ!

— Знаю, даже болѣе, чѣмъ вы, иначе, я не былъ бы жандармъ.

— Вы молоды, вы не отецъ, не можете чувствовать оскорбленія, въ своихъ дѣтяхъ.

— Я сынъ моихъ родителей и братъ моихъ сестеръ, а болѣе—я

честный и благородный человѣкъ; я не только могу чувствовать ваше оскорбленіе, но глубоко проникаюсь горестью отца.

— Если такъ, то вы не должны вступаться за мерзавца.

— Да я и не думалъ заступаться за З—го, а не могу допустить до оскорбленія губернатора и долженъ положительно сказать вамъ, князь, что вы не будете говорить рѣчи противъ губернатора передъ дворянами.

— Какъ вы можете мнѣ запретить?

— Я съ тѣмъ пришелъ и не выйду отсюда, не запретивъ вамъ говорить.

— Какъ это?

— Если вы не откажетесь отъ своего намѣренія, то я, на основаніи данной мнѣ государемъ инструкціи, арестую васъ, и вы, до рѣшенія государя, не выйдете изъ этого кабинета. Подумайте, князь, куда вы ведете все дворянство? Оно, въ порывѣ первыхъ чувствъ, сдѣлаетъ преступленіе противъ начальника губерніи, чего государь ни оставить, ни оправдать не можетъ, а вы будете главнымъ виновникомъ. Ваше справедливое оскорбленіе только огласится на всю Россію, тогда какъ я знаю истину и знаю, что это пустое хвастовство глупаго человѣка и можетъ быть все поправлено въ тишинѣ.

— Если вы знаете все, какъ говорите, то оскорбленіе не можетъ быть поправлено, вы знаете, что кн. Д—нъ отказался отъ женитьбы.

— Знаю все подробно и знаю, что и вы, и князь Д—нъ, и ваша прекрасная дочь—всѣ получатъ достойное удовлетвореніе.

— Какое ручательство вашимъ словамъ?

— Мое честное и благородное слово, которому я не измѣнялъ во всю мою жизнь.

— Молодой человѣкъ, вы много берете на себя; помните: вы отвѣтите передъ оскорбленнымъ отцомъ.

— Знаю, что тутъ все ложь и глупость. Дѣло скандаломъ не поправите, а я, сочувствуя вамъ сердцемъ и душою, беру на себя и ручаюсь, что все дѣло выяснится къ спокойствію вашему и общему. Я приму всю вину на себя, если не будутъ всѣ удовлетворены. Вѣрьте, князь, вамъ остается либо довѣриться мнѣ, либо быть арестованнымъ и подвергнуться большой отвѣтственности.

Князь говорилъ длинный и краснорѣчивый монологъ, и у старика вытекла не одна слеза. Я далъ ему высказаться, не противорѣчилъ, сочувствовалъ ему, но потребовалъ отказа говорить рѣчь.

— Какое вамъ нужно удостовѣреніе?—спросилъ онъ.

— Ваше честное слово, князь, и крошечная записочка, что вы ни слова не скажете о З—мъ въ собраніи.

Князь рѣшился послушаться меня, далъ мнѣ честное слово и кро-

шечную записочку, что говорить рѣчи не будетъ. Долго еще князь говорилъ, умолялъ меня сдержать свое слово и, наконецъ, сказалъ:

— Мнѣ кажется, что вы, въ благородномъ своемъ порывѣ, взяли дѣло не по своимъ силамъ.

— Подождите, князь,—увидите; не всегда громъ гремитъ изъ большой тучи.

Съ тѣмъ мы и разстались.

Я заѣхалъ къ З—му съ предложеніемъ, не лучше ли ему сказаться больнымъ, но онъ уже предупредилъ меня и далъ предложеніе открыть выборы предсѣдателю казенной палаты. Тогда поѣхалъ я къ князю Д—ну.

Выходитъ ко мнѣ князь, съ плотно обстриженой головой, воротнички à l'enfant, какъ Байронъ на портретѣ, съ трубкой, и цѣдитъ сквозь зубы—англичанинъ да и только!

— Чему я обязанъ, что вы пожаловали ко мнѣ?

— Князь, прежде всего здравствуйте и позвольте сѣсть; мнѣ нужно поговорить съ вами.

Обстановка слишкомъ проста: во всю комнату простой крашеный столъ, около такая же голая скамейка, точно въ бѣдной школѣ; на скамейкѣ мы и усѣлись.

— Вы, князь, огорчены и очень раздражены изъ-за глупой лжи, дошедшей до васъ.

Князь какъ-то засопѣлъ, сжалъ чубукъ такъ, что у него хрустнули пальцы; странно сопѣвши, придвигался ко мнѣ. Молчитъ, не можетъ или не рѣшается сказать слово. Я спокойно посовѣтовалъ не придвигаться такъ близко, а то намъ неудобно говорить. Азія немного утихла, и князь сквозь черные зубы процѣдилъ:

— Желалъ бы я знать, какое вы имѣете право мѣшаться въ чужія дѣла?

Я разсмѣялся и сказалъ: Жандармы для того и учреждены, чтобы мѣшаться въ чужія дѣла. Вы сердитесь, князь, а, узнавъ мои намѣренія, вы не отвергнете моего участія.

— Я не имѣю нужды ни въ чьемъ участіи!

— Дѣло-то въ томъ, что я имѣю необходимость принять участіе въ вашемъ дѣлѣ.

— Позвольте узнать, какая вамъ необходимость соваться въ мои дѣла?

— Вы, князь, намѣрены разбить рожу З—му публично?

— Ну, что же вамъ за дѣло?

— До рожи З—го мнѣ совершенно нѣтъ дѣла, но его рожа принадлежитъ губернатору, вотъ это и перемѣняетъ видъ дѣла. Моя обязанность устранить всякое публичное оскорбленіе власти, поставленной

государемъ; я пришелъ доложить вамъ: пока З—й губернаторомъ, вы не исполните своего намѣренія.

— Кто можетъ остановить меня?

— Я, князь, затѣмъ и пришелъ къ вамъ.

— Какимъ это образомъ?

— Я прошу васъ, пока З—й губернаторомъ, не оскорблять его, въ чемъ и прошу вашего честнаго слова!

— А если я вамъ слова не дамъ?

— Я вынужденъ буду арестовать васъ.

Опять засопѣлъ и процѣдилъ:

— Какъ? что вы сказали, арестовать меня?

— Да, князь, я не могу поступить иначе и, какъ мнѣ ни непріятно это, но я исполню, такова моя обязанность.

— Вы не посмѣете этого сдѣлать!

— А вотъ увидите, князь, даю честное слово—сдѣлаю!

— Кто далъ вамъ право?

— Секретная инструкція, высочайше утвержденная!

— Вы не понимаете моего оскорбленія и не можете понять.

— Я вамъ сказалъ, что я все знаю подробно; думаю, что и сочувствовать вамъ могу, что вы и увидите.

— Въ чемъ же ваше сочувствіе? Какъ вы поймете, что этотъ п... изъ счастливаго человѣка сдѣлалъ меня несчастнымъ?

— Прошу васъ выслушать меня безъ раздраженія. Прежде всего скажу вамъ, что вы будете счастливы!

— Я вамъ не вѣрю и вижу, что вы ничего не знаете.

— Эхъ, почтенный мой князь, какой же я былъ бы жандармъ, если бъ не зналъ всего; только публикѣ не извѣстно, что я все знаю, а я знаю болѣе вашего.

— Можете вы мнѣ сказать, что вамъ извѣстно?

— Очень охотно: малодушный хвастунъ З—й считалъ гордостью для себя похвастать интригой съ прекрасной и уважаемой дѣвушкой передъ графомъ Т—мъ; послѣдній, какъ вполнѣ благородный и честный человѣкъ, счелъ долгомъ предупредить васъ. Тутъ правы и Т—ой и вы, князь. Презрѣнно виноватъ З—й. Я радъ возможности удостовѣрить васъ честнымъ моимъ словомъ, что З—й солгалъ: ничего подобнаго не было.

— Какъ вы можете знать и ручаться?

— Князь, еще повторю: я жандармъ!

— Но позвольте, вы сами дворянинъ и можете быть въ моемъ положеніи; спрашиваю васъ, не имѣю ли я права наказать его?

— Вашего права я не отвергалъ и не отвергаю, но согласитесь, какое же вамъ удовлетвореніе, если вы красивой рукой будете бить... кого же?—З—го! Меня бы не удовлетворила подобная месть!

— Я убью этого подлеца, но прежде оскорблю его публично.

— Вы этого не сдѣлаете, пока онъ губернаторомъ, я не могу допустить того. Но предположимъ, вы надаете оплеухъ, вы убьете З—го, поправитъ ли это дѣло? Невинная дѣвушка все-таки будетъ оскорблена.

— Я отмщу ему.

— Пожалуйста, не сердитесь, вы отмстите свою обиду, но вѣдь это азіатскій эгоизмъ, тутъ дѣло не о васъ, а надобно возстановить честь невинной благородной дѣвушки, надобно подумать объ ея страданіи,— по-моему, вотъ о чемъ надобно подумать.

— Если вы все знаете, то должны знать, что я надѣялся быть счастливымъ мужемъ на всю жизнь, и проклятый, подлый человѣкъ все разрушилъ. Вы холодный зритель, вы не можете чувствовать глубокаго чувства горести, что чувствую я.

— Согласенъ, князь, можетъ быть, у меня кровь медленнѣе движется, чѣмъ у васъ, но все-таки, я думаю не о васъ, а о невинной прекрасной дѣвушкѣ. Болтовня не пристанетъ къ невинному ангелу, но условія общества таковы, что и сама невинность требуетъ очищенія.

— Чего же я могу желать и что сдѣлать по-вашему?

— Вотъ это дѣло, мой почтенный князь; спокойно обсудивъ, можно найти разумный исходъ. Вы мнѣ сдѣлали вопросъ, а я спрошу васъ: какого вы хотите удовлетворенія?

— Что же вы можете сдѣлать?

— Все, что вы хотите!

— Ну, а если бы я потребовалъ, чтобы онъ сознался, что солгалъ?

— Только-то, князь?

— Мнѣ и этого будетъ довольно.

— Я съ вами согласенъ, что тѣ же скверныя уста, которыя извергнули хулу, должны клятвою опровергнуть и сознаться публично во лжи.

— Какой же способъ этого достигнуть?

— Я беру на себя дать вамъ такое удовлетвореніе. Я обѣщаю вамъ, что онъ при васъ напишетъ, что онъ солгалъ и что если болтнетъ одно слово, то безъ претензій, гдѣ бы ни было, дозволитъ вамъ разбить свою рожу.

— Этого вы не можете исполнить!

— Ну, тогда, князь, гнѣвъ вашъ будетъ на мнѣ.

— Вы не шутите?

— Нѣтъ, не шучу.

— Вы много рискуете!

— Нисколько, но будете ли вы довольны тогда?

— Какъ же это можетъ быть?

— З—й вамъ поклянется при свидѣтеляхъ, что онъ все солгалъ, похвасталъ.

— Я бы хотѣлъ письменнаго подтвержденія этихъ словъ.

— Извольте, князь, я и это для васъ сдѣлаю, довольны ли вы будете тогда?

— А вы ручаетесь за исполненіе?

— Ручаюсь честнымъ словомъ, но и вы дайте честное слово, что пока онъ будетъ губернаторомъ, вы не оскорбите его.

— Хорошо, я буду совершенно доволенъ, но если вы не исполните, тогда у меня разсчетъ будетъ съ вами.

— Хорошо, князь, и такъ, дайте мнѣ честное слово и маленькую записочку, что вы не будете бить по рожѣ губернатора.

— Извольте.

— Прощайте, князь, не много терпѣнія, я все устрою скоро, вѣрьте мнѣ.

Въ моемъ планѣ было напугать З—го до крайней степени, что̀ я и учинилъ.

Пошелъ я къ З—му и увѣдомилъ его, что князь Б—въ не будетъ жаловаться дворянамъ. Сколько было радости, благодарности даже черезчуръ! Но, зная легкомысленную натуру З—го, я нарисовалъ цѣлый адъ мести князя Д—на и говорилъ, что не ручаюсь за его отчаянную рѣшимость.

— Да, я знаю,—говорилъ З—й—у него кинжалъ всегда готовъ. Батюшка, помогите, я по гробъ буду вамъ благодаренъ.

— Погодите, что могу, то сдѣлаю. Прощайте, мнѣ сегодня необходимо съѣздить въ уѣздъ по дѣлу.

— Какъ же вы бросите меня на жертву! мнѣ необходимо будетъ выйти изъ дома... дикарь... кинжалъ!

— Вотъ какъ мы сдѣлаемъ: я прибавлю вамъ двухъ жандармовъ, которымъ вы послѣ заплатите; выходить не совѣтую, скажитесь больнымъ, а еще лучше прикажите поставить себѣ дюжину піявокъ: это сдѣлается всѣмъ извѣстно, и болѣзнь будетъ прилична.

— Охотно принимаю вашъ совѣтъ.

Я уѣхалъ въ уѣздъ. Возвратясь, нашелъ моего губернатора въ постелѣ. Еще болѣе я настращалъ его княземъ Д—номъ. По моему описанію, это былъ крокодилъ, пантера! Въ нѣсколько дней, я до того деморализовалъ моего З—го, что онъ впалъ въ отчаяніе. Наступилъ моментъ: все, что я хотѣлъ, могъ сдѣлать съ З—мъ. Публика догадывалась, со всѣхъ сторонъ сыпались ко мнѣ вопросы, но успѣхъ могъ быть тогда, когда дѣло было въ однѣхъ моихъ рукахъ, безъ посторонняго участія; публика могла испортить весь эффектъ. З—й ужасно обрадовался, когда я взялъ на себя прекратить все дѣло съ нѣко-

торыми пожертвованіями съ его стороны. Онъ соглашался на все безусловно. Я предложилъ ему свиданіе съ княземъ Д—номъ вечеромъ. З—й долженъ написать подъ диктовку князя письмо и вручить ему лично.

Въ 9 часовъ вечера, князь былъ одѣтъ по послѣдней модѣ во фракѣ, З—й въ халатѣ исполнялъ роль больнаго. Большой круглый столъ въ гостиной былъ поставленъ недалеко отъ дверей спальной жены; я поставилъ З—го около стола со стороны и близъ дверей—на случай ретирады; на столѣ письменный приборъ. Привелъ князя Д—на и поставилъ его на діаметръ противъ З—го, а самъ сталъ въ серединѣ между нихъ. Оба молчатъ. Я сказалъ З—му:

— Князь желаетъ продиктовать письмо — угодно вамъ написать?

— Охотно исполню все!

— Князь, извольте диктовать.

Послѣ: «Милостивый государь», князь диктовалъ, процѣживая сквозь зубы:

«Дошедшія до васъ слова, сказанныя мною о княжнѣ Б., совершенно ложныя и если я сказалъ, то утверждаю клятвою, что я солгалъ. Клятвою утверждаю, что ничего подобнаго не было и вездѣ, всегда готовъ подтвердить это. Если-жъ я осмѣлюсь повторить мою ложь или безъ особаго уваженія произнести имя княжны, то даю право князю Д—ну, вездѣ и во всякое время, бить меня по лицу, какъ безчестнаго человѣка.

Комическая сторона этой сцены выразилась тѣмъ, что когда диктовалъ князь, то, поглядывая на меня, улыбался и подмигивая показывалъ на пишущаго З—го,—понятно говорилъ: какой дуракъ! Когда же З—й передалъ письмо князю Д—ну и тотъ внимательно читалъ, то З—й улыбаясь подмигивалъ мнѣ и тоже выражалъ глазами: какой дуракъ! А что я думалъ, стоя между ними? позвольте умолчать!

Князь Д—нъ, прочитавъ письмо, положилъ въ карманъ и, съ полупоклономъ, молча ушелъ. Бѣдная страдалица-жена З—го мучилась во все время не меньше мужа. По уходѣ князя, я очутился въ роли благодѣтельнаго генія,—благодарности, чуть не молитвы за спасеніе отъ бѣдъ и напастей. Князь Д—нъ совершенно удовлетворился. Князь Д—нъ объяснился съ княземъ Б—вымъ и съ ожившей для радостей невѣстой.

Всѣ счастливы, довольны, но конецъ-то вышелъ трагическій. Я написалъ подробное донесеніе шефу обо всемъ этомъ происшествіи, и вотъ, чрезъ три недѣли—указъ объ увольненіи губернатора З—го и высочайшее повелѣніе «впредь никуда не опредѣлять». Мой кредитъ высоко поднялся въ Симбирскѣ.

Бывшій губернаторъ З—й горько плакалъ и жаловался, что онъ не

знаетъ причины, по которой лишился мѣста, что онъ такъ бѣденъ, что не знаетъ, какъ выѣхать и вывезти семейство (у него была одна дочь, которая была женою брата П** и умерла оставя красавицу дочь). Откупщикъ Бенардаки подарилъ ему карету. Добряки дворяне собрали деньжонокъ и поручили Бенардаки отдать З—му отъ своего имени. Уѣхалъ онъ безъ проводовъ.

Какъ ни бужу свою память, не могу добиться отъ нея воспроизведенія момента съ подробностями, какъ явился губернаторъ Жиркевичъ въ Симбирскъ, и думаю, едва-ли солгу, сказавъ, что никто этого не зналъ; какъ тогда, такъ и теперь, не съумѣю объяснить: пѣшкомъ пришелъ или пріѣхалъ Жиркевичъ? Днемъ или ночью? Какъ-то всѣ вдругъ узнали, что новый губернаторъ занимается дѣлами. Говорили въ обществѣ о Жиркевичѣ такъ, какъ будто онъ и не выѣзжалъ изъ Симбирска и какъ будто онъ давно уже губернаторомъ. Всезнайки разсказывали: когда спросили его, когда онъ позволитъ представиться чиновникамъ?—онъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ безпокоиться, я съ господами служащими познакомлюсь, занимаясь вмѣстѣ дѣлами». Въ губернскомъ городѣ всѣ знаютъ, кто что ѣстъ, о пріѣзжемъ извѣстно—богатъ, бѣденъ, скученъ, веселъ, играетъ ли, танцуетъ ли, даже хорошо ли говоритъ по-французски, и проч. О Жиркевичѣ я не слыхалъ ни одного вопроса, никто не интересовался, и почти не упоминалась фимилія; просто говорили—губернаторъ. Я куда-то ѣздилъ; возвратясь, немедля явился къ новому губернатору. Въ залѣ два чиновника съ кипами бумагъ; я просилъ доложить, отвѣчали: не приказано, и указали на отворенную дверь въ кабинетъ. Губернаторъ у стола, уложеннаго бумагами, на двухъ стульяхъ—дѣла. Только я вошелъ, Жиркевичъ всталъ навстрѣчу мнѣ. Онъ былъ больше средняго роста (вершковъ восьми); правильное и, можно сказать, красивое лицо, но не только серьезное, почти суровое выраженіе; темнорусые волосы приглажены по-военному; въ форменномъ штатскомъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы—видна привычка къ военной формѣ. Жиркевичъ былъ сухаго сложенія, но не худъ; поклонъ, движенія мнѣ напоминали воспитаніе въ корпусѣ; говорилъ скоро, какъ-то отрывисто. Пригласилъ сѣсть. Думаю, захочетъ знать о губерніи, объ обществѣ... Ничуть не бывало, хоть бы слово спросилъ, а отъ кого же и узнать, какъ не отъ жандарма! Странное впечатлѣніе сдѣлалъ на меня Жиркевичъ. Онъ вѣжливъ, но очень молчаливъ; всѣ вопросы его касались только лично меня. Я попробовалъ сказать шутку—онъ не слыхалъ; я хотѣлъ заинтересовать его серьезнымъ—онъ не обратилъ вниманія. Откланившись, я рѣшительно не могъ составить себѣ понятія о характерѣ Жиркевича.

Жиркевичъ скоро отдалъ мнѣ визитъ, и опять странность—пѣшкомъ, тогда какъ въ Симбирскѣ и мѣщане не ходили, а ѣздили; я не сказался дома; на карточкѣ просто: Иванъ Степановичъ Жиркевичъ.

Зашелъ къ Жиркевичу вечеромъ—читаетъ и подписываетъ бумаги; около стоитъ правитель канцеляріи Раевъ. Жиркевичъ отпустилъ Раева, сказавъ: «я бумаги къ вамъ пришлю». Ну, думаю, теперь разговоримся. Жиркевичъ, все въ форменномъ застегнутомъ сюртукѣ, былъ очень вѣжливъ, говорилъ о погодѣ, мѣстоположеніи города—сухая исторія! Я коснулся было общественной жизни, что дворяне любятъ веселиться и привыкли, чтобы участвовалъ съ ними губернаторъ. Онъ отвѣчалъ, что какъ справится съ дѣлами то и онъ не прочь раздѣлить общее удовольствіе. Но такъ и не справился! Я разсказалъ какой-то анекдотъ думая сорвать улыбку—разсказъ мой прошелъ мимо! Видаясь по разнымъ случаямъ съ Жиркевичемъ, я всегда заставалъ его за бумагами и составилъ о немъ себѣ понятіе, что это человѣкъ дѣла. Онъ всегда былъ какъ-то сдержанъ, очень вѣжливъ, но малѣйшая несправедливость, плутовство по дѣламъ—выводили его изъ себя; вспыливъ, онъ уже не зналъ границъ гнѣва. Много ходило разсказовъ по городу, какъ онъ, забывшись, гнался до крыльца за совѣтникомъ. Мошенники для него теряли личность, но за то и боялись его чиновники!

Жиркевича полюбить очень трудно, но нельзя было не почитать его, нельзя было не уважать честной его дѣятельности, его безкорыстія; онъ отдался весь, безъ остатка, полезному служебному труду. Жиркевичъ былъ ходячій законъ. Узнавши его, я готовъ былъ поклониться ему, но, къ сожалѣнію, видѣлъ, что онъ не по дому пришелся въ Симбирскѣ. Мои сношенія съ нимъ были прекрасны, но сухи.

Я заговаривалъ съ дворянами, какъ бы губернатора завлечь въ общество? Мнѣ отвѣчали: «Зачѣмъ? Онъ пріѣзжій, долженъ самъ искать въ насъ; не хочетъ, пусть будетъ губернаторомъ, мы ему не мѣшаемъ и не нуждаемся въ немъ».

На послѣднихъ выборахъ, губернскій предводитель, князь Б—въ, отказался, и на его мѣсто выбрали отставнаго генералъ-маіора Бестужева; онъ былъ старый холостякъ, веселонравный, часто впадалъ въ роль буффа.

Почиталъ я Жиркевича и очень любилъ генерала Бестужева, но вотъ случай, поставившій меня въ затрудненіе: были парадныя похороны уважаемой особы; лѣтній день превосходный, весь городъ высыпалъ проводить гробъ въ монастырь. Въ Симбирскѣ въ общемъ употребленіи: на длинныхъ, тонкихъ дрогахъ устроены очень низко дрожки, на нихъ могутъ сѣсть семь, восемь человѣкъ. На такихъ дрожкахъ или городовомъ тарантасѣ, сѣли: Жиркевичъ, Бестужевъ и я—между ними посрединѣ. Народъ толпился около важныхъ лицъ. Надобно разсказать бывшій передъ тѣмъ случай. Былъ архитекторъ и въ то же время небольшой помѣщикъ Симбирска. Какая-то казенная постройка или починка поручена архитектору; обыкновенно: смѣта, справочныя цѣны. Архитекторъ не разсчиталъ, что емупридется имѣть дѣло съ Жир-

кевичемъ. Обычная увѣренность спеціалистовъ—что тамъ смыслитъ губернаторъ! Жиркевичъ сразу поймалъ не на одной плутнѣ и еще бы ничего, но архитекторъ упорно заспорилъ; Жиркевичъ вспылилъ, вышелъ изъ себя, и архитекторъ дѣйствіемъ вылетѣлъ изъ кабинета и изъ дома. Архитекторъ, какъ помѣщикъ, принесъ жалобу губернскому предводителю. Сначала мы ѣхали почти молча, Бестужевъ очень скромно сказалъ:

— Ваше превосходительство, вы на-дняхъ очень неосторожно выгнали здѣшняго помѣщика.

— Кого это?

— Архитектора.

— Онъ мошенникъ, воръ.

— Этотъ мошенникъ все-таки дворянинъ, помѣщикъ, такъ нельзя поступать.

— Мошенникъ, воръ,—не имѣетъ званія, я выгналъ подлеца и выгоню всякаго вора.

— Если такъ будете поступать съ дворянами, то къ вамъ придутъ всѣ дворяне!

— Я прикажу баталіону выгнать ихъ!

Вижу, закипѣлъ Жиркевичъ, дошло до крупнаго, народъ окружаетъ плотно; я рѣшился войти въ свои права и, не смотря ни на котораго, сказалъ: Ваши превосходительства, господинъ губернаторъ и господинъ губернскій предводитель! На основаніи секретной инструкціи, высочайше утвержденной, прошу прекратить разговоръ, унижающій главныя власти; здѣсь не мѣсто, васъ окружаетъ народъ!

Замолчали оба мои пріятели и молча доѣхали до могилы. Послѣ съ обоими я не коснулся этого случая.

Честный и ретиво-трудолюбивый Жиркевичъ не могъ понравиться симбирскому дворянству, которое было гордо, богато, независимо и дружно. Дворянство привыкло видѣть въ губернаторѣ члена общества, не мѣшая ему быть губернаторомъ. Жиркевичъ не могъ отдѣлиться отъ службы; какъ онъ для общества, такъ и оно для него, не существовало.

Весьма часто я писалъ къ шефу, что Жиркевичъ феноменъ между губернаторами, но въ Симбирскѣ онъ пришелся не по дому. Писалъ, что Жиркевича достанетъ управлять тремя губерніями, стоялъ за его благородную честность, неутомимость, но, какъ губернаторъ, въ Симбирскѣ онъ совершенно нелюбимъ дворянствомъ, которое можетъ уважать губернатора, но когда онъ стоитъ въ головѣ общества и дѣлитъ съ ними удовольствія. Жиркевича убрали.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Священникъ Н. А. Мурзакевичъ,

обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 году.

III [1]).

Уѣзжая 12-го августа изъ Смоленска, Наполеонъ назначилъ начальникомъ Смоленской губерніи, или интендантомъ, ген. Виллебланша. Должность военнаго губернатора исполнялъ сначала Коленкуръ, потомъ Жомини (впослѣдствіи перешедшій на русскую службу), а обязанности коммиссара по продовольственной части—Сіовъ.

13-го августа велѣно было жителямъ выходить изъ собора и располагаться по уцѣлѣвшимъ домамъ. Переселился въ свой домъ и о. Никифоръ. Хотя нужда въ пропитаніи доходила до того, что не брезгали и остатками отъ французскихъ боенъ, тѣмъ не менѣе о. Никифоръ съ своими сыновьями, Костей и Иваномъ, ежедневно до самаго Успенья, ходилъ къ русскимъ раненымъ, за городомъ, на кирпичныхъ заводахъ, и носилъ имъ воду, овощи и яблоки. Благодаря этому, нѣкоторые изъ нихъ выздоровѣли, а одинъ—вахмистръ Никитинъ, остался въ Смоленскѣ и служилъ при военномъ госпиталѣ на Казанской улицѣ, сохраняя до самой смерти горячую признательность о. Никифору за спасеніе ему жизни. Свободному доступу Мурзакевича повсюду способствовали, кромѣ его священнической одежды, и его энергія, доходившая до дерзости, передъ которой отступали невольно непріятели, а самое главное—благородство его поступковъ и человѣколюбивый характеръ его дѣйствій и хлопотъ, предъ чѣмъ не могли не преклоняться съ уваженіемъ французы.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1903 г.

Иначе поступали многіе священники, переодѣвавшіеся въ крестьянскую одежду и приходившіе въ Смоленскъ на базаръ для покупки припасовъ. Ихъ выдавала робость и неувѣренность всѣхъ движеній, которая давала поводъ французамъ заподозрѣвать въ нихъ переодѣтыхъ казаковъ и причинять имъ непріятности...

14-го августа въ Солдатской слободѣ вспыхнули пожары. Между прочимъ сгорѣла и деревянная Всесвятская церковь, возлѣ которой въ мартѣ 1789 г. былъ похороненъ строптивый грузинскій царевичъ, Александръ Багратовичъ [1]). Эта церковь уцѣлѣла, когда вокругъ нея кипѣло сраженіе и неслись мимо ядра и гранаты, а теперь, оставленная, какъ и всѣ смоленскія церкви, безъ присмотра, погибла въ пламени.

Уцѣлѣвшія отъ ядеръ и пожара церкви были обращены французами или въ госпитали и тюрьмы, или просто въ конюшни. Поэтому служба во многихъ изъ нихъ не могла совершаться, и нигдѣ не совершалась до 15-го августа. Въ этотъ день въ соборѣ, въ 1-й разъ послѣ 5-го числа, ударили въ колоколъ. Такъ какъ за неимѣніемъ просфоръ обѣдню нельзя было служить, то отслужили «часы», или вѣрнѣе: «обѣдницу». Велика была радость русскихъ, услышавшихъ знакомый благовѣстъ соборнаго колокола! Храмъ не могъ вмѣстить желающихъ помолиться въ немъ, тѣмъ больше, что не всѣ еще обитатели его разошлись по домамъ. Когда, по окончаніи обѣдницы, соборные звонари затрезвонили, французы останавливались и съ удивленіемъ слушали стройный трезвонъ, выражая свои похвалы искусству звонарей.

15-го августа интендантомъ Виллебланшемъ былъ организованъ въ Смоленскѣ муниципалитетъ для завѣдыванія городскими дѣлами. Помѣщался онъ въ зданіи городоваго магистрата возлѣ Одигитріевской церкви и состоялъ изъ 8 членовъ, приневоленныхъ къ службѣ довольно откровенными угрозами.

Мэромъ, или городскимъ головою, былъ назначенъ статскій совѣтникъ Ярославцевъ, генеральнымъ секретаремъ—учитель гимназіи Ефремовъ, а членами—колл. асс. Рутковскій, купцы—Чапа, Брунъ и колл. асс. Узелковъ; коммиссарами по продовольствію города и надзору за порядкомъ Рагулинъ, помощникъ консисторскаго секретаря, Николай Великановъ, Ключаревъ и Павловъ; семинаристъ Звѣревъ назначенъ былъ писцомъ, а дворяне—Рейнеке и Санхо-Ляшевичъ—переводчиками [2]).

---

[1]) Эта церковь потомъ не была возстановлена, кладбище вокругъ нея было застроено обывательскими домами, и только желѣзный крестикъ обозначалъ мѣсто ея алтаря. Стараніями преосв. Никанора, б. еп. смол., въ 1898 г. было, наконецъ, приступлено къ постройкѣ здѣсь каменной церкви.

[2]) Утвержденіе историка г. Смоленска, Никитина, будто на французской службѣ были лишь „люди безъ имени“, такимъ образомъ, невѣрно. Что не

Вялы и неохотны были служебныя дѣйствія «муниципальныхъ» чиновниковъ. 15-го (27-го) сентября интендантъ писалъ членамъ муниципалитета: «Государи мои! Къ крайнему прискорбію, нужно мнѣ васъ упредить, что не могу быть довольнымъ нерачительностію вашею къ службѣ вашего отечества. Сего утра въ половинѣ 9 часа не находилось въ муниципалитетѣ никого изъ членовъ, даже самого мэра. Никто не трудится съ усердіемъ. Я увѣдомляю васъ, хотя это и съ прискорбіемъ моимъ будетъ соединено, что если это продолжится, то принужденъ буду употребить строгія мѣры! Затѣмъ, какъ члены муниципалитета, имѣете вы совершенно въ законной власти всѣхъ жителей; поэтому, господамъ Рейнеке, Коховскому и Санхо-Ляшевичу слѣдуетъ въ засѣданіи сдѣлать строгій выговоръ и предостеречь ихъ, что съ ними можетъ послѣдовать нѣчто непріятное. Имѣю честь быть съ моимъ почтеніемъ... Р. Виллебланшъ».

Очевидно, что всѣ старанія ввести въ городѣ правильное теченіе жизни и порядокъ не удавались французскому начальству. Не одни русскіе были тому причиной. Само французское начальство, напримѣръ, не могло или не хотѣло остановить грабежи французскихъ войскъ.

Особенно отличались своими насиліями, чинимыми жителямъ, поляки и баварцы. Они грабили дома и поджигали ихъ намѣренно. Имъ подражали нѣкоторые негодяи и изъ русскихъ, которымъ французы оказывали покровительство.

7-го сентября французы торжественно праздновали въ Смоленскѣ занятіе Москвы. Это празднество произвело на русскихъ тяжелое впечатлѣніе. Угнетала неизвѣстность будущаго и безотрадное настоящее. Жители притихли и сидѣли по своимъ домамъ. Надъ городомъ словно нависло уныніе. «Тишина и рѣдкіе пожары»,—кратко записалъ Мурзакевичъ подъ 10-мъ сентября.—Цѣны на все вздорожали. Булка смѣшаннаго съ отрубями хлѣба въ 15 ф. вѣсомъ стоила отъ $2^1/_2$ до 4 рублей; фунтъ хлѣба 5 коп., говядины—12 к., чарка водки—25 к. Хлѣбъ и картофель составляли почти единственную пищу жителей, да и ихъ не всегда можно было достать. За неимѣніемъ же ихъ, употребляли всякую зелень, что отзывалось на здоровьи. Эти лишенія, постоянная тревога и неизвѣстность будущаго въ домѣ Мурзакевича вызвали новую утрату: 10-го сентября умерла его старушка-мать, которой такъ и не довелось увидѣть освобожденія родной земли отъ непріятелей. О. Ни-

---

одни „разночинцы“ служили французамъ, видно изъ списка лицъ, служившихъ по губерніи. Всѣхъ ихъ было 49 чел., всѣ они были приневолены къ службѣ, и хотя служили, что называется „изъ-подъ палки“, но по изгнаніи французовъ были преданы суду, но прощены по манифесту 30-го авг. 1814 г.; но не всѣ дождались его, сидя по тюрьмамъ.

кифоръ схоронилъ ее возлѣ своей Одигитріевской церкви; и еще печальнѣе стало въ его домѣ: теперь онъ былъ совсѣмъ одинокъ—ни жены, ни матери.

Въ это время обѣдни, хотя и рѣдко, но служились, кромѣ Одигитріевской церкви, въ Вознесенскомъ монастырѣ и разъ въ Спасской церкви. Въ соборѣ служба совершалась рѣдко за отсутствіемъ священниковъ, такъ какъ остававшійся тамъ соборный священникъ о. Василій Щировскій былъ боленъ. 2-го октября онъ умеръ, и соборъ остался безъ хозяина. Тогда жившій раньше въ соборѣ бизюковскій архимандритъ Іосифъ, дряхлый старецъ, передалъ съ вѣдома прот. Звѣрева ключи отъ собора о. Никифору, который упросилъ французскихъ властей вывести изъ собора караулъ, нарушавшій святость мѣста. Просьба энергичнаго священника, уже извѣстнаго французскому начальству по его прежнимъ сношеніямъ съ нимъ, была уважена, и караулъ былъ удаленъ изъ собора, и къ запертымъ на замокъ его дверямъ былъ приставленъ одинъ часовой.

12-го октября явились къ Мурзакевичу французы и пригласили его, отъ лица коменданта слѣдовать за ними въ Спасскую церковь, гдѣ содержались русскіе плѣнники. Въ числѣ послѣднихъ находился отставной подполковникъ Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ, владѣлецъ сельца Дягилева, Духовщинскаго уѣзда. Онъ былъ арестованъ по обвиненію въ избіеніи французскихъ солдатъ. Дѣло было такъ [1]). Крестьяне Энгельгардта, возбужденные слухами, распространявшимися агентами Наполеона о волѣ, отказались работать на него, въ то время какъ всѣ сосѣдніе крестьяне оставались спокойными. Энгельгардтъ пригласилъ стоявшаго въ Порѣчскомъ уѣздѣ казачьяго сотника съ его казаками — образумить крестьянъ. Тѣ исполнили свое дѣло и удалились. Тогда озлобленные крестьяне донесли смоленскому губернатору, будто Энгельгардтъ заставляетъ ихъ убивать французовъ. Доносъ не подтвердился, и Энгельгардтъ былъ отпущенъ съ миромъ. Чтобы отомстить клеветникамъ, онъ повторилъ надъ ними экзекуцію при помощи тѣхъ же казаковъ. На этотъ разъ крестьяне придумали болѣе вѣрное средство избавиться отъ своего помѣщика. Они убили и закопали въ его саду двухъ мародеровъ, а затѣмъ снова донесли въ Смоленскъ на своего помѣщика. Найденные трупы послужили главною уликою противъ Энгельгардта; онъ былъ взятъ подъ стражу и посаженъ въ Спасскую церковь. Здѣсь просидѣлъ онъ около двухъ недѣль. Наполеонъ на донесеніи о его дѣлѣ наложилъ краткую резолюцію: «разстрѣлять!»

Когда сообщили этотъ приговоръ Энгельгардту и велѣли готовиться къ смерти, онъ, зная Мурзакевича, какъ образованнаго человѣка и

[1]) Разсказъ прот. Іоанна Никиф. Мурзакевича.

дѣльнаго священника, просилъ французское начальство призвать его къ нему, чтобы передать ему свою послѣднюю волю и получить отъ него религіозное утѣшеніе и напутствованіе Св. Дарами.

Въ теченіе двухъ дней предъ казнью о. Никифоръ ходилъ къ Энгельгардту въ его тюрьму и бесѣдовалъ съ нимъ по долгу пастыря. Наконецъ, настало 15-е октября, день казни. Утромъ о. Никифоръ въ послѣдній разъ былъ приглашенъ въ Спасскую церковь для сопровожденія несчастнаго Энгельгардта къ мѣсту казни. Взявъ съ собою необходимыя ризы и богослужебныя книги, о. Никифоръ съ двумя дѣтьми, Константиномъ и Иваномъ, учениками семинаріи (и раньше сопровождавшими его въ тюрьму), отправился около 11 ч. дня въ Спасскую церковь. Въ алтарѣ увидѣли они Энгельгардта, который сначала замѣтно смутился при ихъ появленіи, но потомъ бодро поздоровался съ о. Никифоромъ и сказалъ, что онъ призвалъ его, чтобы вручить ему «нѣкоторыя записки». Тутъ же онъ просилъ о. Никифора проводить его на казнь, а послѣ нея отпѣть по немъ проводъ и предать его тѣло землѣ по-христіански.

Присутствовавшій при этомъ польскій полковникъ Костенецкій, вынувъ изъ-за пазухи полбутылки водки, предложилъ Энгельгардту выпить; когда же тотъ отказался, Костенецкій насильно влилъ ему въ ротъ нѣсколько глотковъ. Не ѣвшій ничего около двухъ дней Энгельгардтъ отъ этого, замѣтно, охмѣлѣлъ. Костенецкій выразилъ сожалѣніе по поводу жестокаго и неправильнаго приговора, замѣтивъ, что еслибы онъ въ то время былъ въ Смоленскѣ, то настоялъ бы на безпристрастномъ разслѣдованіи, и тогда участь Энгельгардта была бы не такова. Поблагодаривъ его за учтивость, Энгельгардтъ сказалъ, что ему смерть не страшна, и требовалъ лишь вести его скорѣе на мѣсто казни. Дорогою онъ все время молчалъ, идя впереди съ опущенною головою и заложенными назадъ руками.

У Малаховскихъ воротъ къ печальному шествію присоединился отрядъ солдатъ. Выйдя изъ воротъ и пройдя по крѣпостному рву за вторую башню (направо), кортежъ остановился. Энгельгардту стали читать приговоръ.

Не дослушавъ его, онъ вскричалъ по-французски: «полно врать, пора перестать! заряжайте скорѣй и стрѣляйте, чтобы не видѣть мнѣ больше разоренія моего отечества и угнетенія моихъ соотечественниковъ». Когда хотѣли завязать ему глаза, онъ не позволилъ, говоря: «прочь! хочу видѣть свою смерть!» Потомъ попрощался онъ съ о. Никифоромъ, его дѣтьми и членомъ муниципалитета, Ѳедоромъ Прокофьевичемъ Рагулинымъ, которому вручилъ свое духовное завѣщаніе, а

о. Никифору двѣ записки на полученіе спрятанныхъ въ Дягилевѣ вещей въ благодарность за послѣднее утѣшеніе [1]).

Отецъ Никифоръ сквозь слезы сказалъ Энгельгардту: «Павелъ Ивановичъ! перекрестись и скажи: «Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой!». Энгельгардтъ сталъ молиться, повторяя эти слова. Раздался залпъ. Изъ 18 зарядовъ, двѣ пули попали въ грудь, и одна въ животъ. Энгельгардтъ упалъ на правое колѣно, потомъ навзничь и, имѣя силу поднять глаза и руки къ небу, сталъ кончаться. Такъ какъ дыханіе еще въ немъ длилось, то одинъ изъ солдатъ, зарядя ружье, выстрѣлилъ ему въ високъ, и тогда онъ скончался.

О. Никифоръ надѣлъ ризу и сталъ пѣть проводъ, а сынъ его, вставъ съ земли, дѣтскимъ голоскомъ вторилъ ему: «Господи, помилуй», плача и глотая слезы.

Рагулинъ распоряжался въ это время копаніемъ могилы. Не успѣлъ о. Никифоръ окончить проводъ, какъ солдаты бросились на трупъ Энгельгардта, раздѣли его донага и бросили ничкомъ въ яму, глубиною не больше $^3/_4$ аршина; а окровавленную его одежду и обувь тотчасъ же подѣлили между собою.

Переданное Энгельгардтомъ письмо къ своей матери о. Никифоръ потомъ вручилъ ей лично, согласно просьбѣ покойнаго, а женѣ его написалъ въ декабрѣ письмо, гдѣ, прося ее отпустить вины покойнаго предъ нею, подробно описалъ послѣдніе часы его жизни.

Еще подробнѣе описаны они сыномъ Мурзакевича, Иваномъ, на котораго зрѣлище казни произвело такое сильное впечатлѣніе, что и въ глубокой старости онъ не могъ вспоминать о ней безъ содроганія [2]).

Во 2-й половинѣ октября начинается обратное прохожденіе непріятельскихъ войскъ черезъ Смоленскъ. Для продовольствія ихъ Наполеонъ предписалъ губернатору Жомини приготовить въ Смоленскѣ запасы муки и хлѣба и занять подъ магазины уцѣлѣвшія церкви. Губернаторъ остановилъ свое вниманіе на соборѣ, куда предположено было помѣстить 30.000 кулей хлѣба.

19-го октября Мурзакевичъ получилъ чрезъ муниципалитетъ тре-

---

[1]) Кромѣ этого, по духовному завѣщанію о. Никифоръ получилъ въ 1820 г. пять крѣпостныхъ душъ, записанныхъ по 7-й ревизіи за роднымъ братомъ его, капитаномъ Иваномъ Энгельгардтомъ.

[2]) Женою покойнаго на мѣстѣ его кончины былъ поставленъ небольшой каменный памятникъ, который по повелѣнію имп. Николая 1-го замѣненъ массивнымъ чугуннымъ. Въ 1885 г. валъ, прикрывавшій ровъ, былъ срытъ, мѣстность спланирована, и памятникъ былъ приподнятъ надъ могилою, и теперь стоитъ не во рву, а на площадкѣ. Дума постановила разбить здѣсь скверъ, но это такъ и осталось благимъ намѣреніемъ.

бованіе отъ губернатора — доставить ему ключи отъ собора. Предчувствуя недоброе, о. Никифоръ не далъ ключей, а на завтра, 20-го окт., отправился съ протодіакономъ Рудаковымъ въ соборъ, чтобы, на всякій случай, получше спрятать находившіяся тамъ вещи. Но стоявшій на крыльцѣ часовой не допустилъ ихъ къ дверямъ. Тогда Мурзакевичъ пошелъ къ коменданту Трибо и кригсъ-коммиссару Сіову просить, чтобы разрѣшили входъ. Комендантъ выдалъ ему входной билетъ.

Затѣмъ пошли къ военному губернатору Жомини съ просьбой — не трогать соборъ. Тотъ объяснилъ, что это не отъ него зависитъ: такова воля Наполеона. Тѣмъ не менѣе соборъ не былъ тотчасъ же занятъ подъ магазинъ, а чрезъ недѣлю не было уже въ этомъ и надобности, такъ какъ въ Смоленскъ прибылъ самъ Наполеонъ, а за нимъ слѣдовала въ безпорядкѣ и его армія.

Кригсъ-коммиссаръ Сіовъ и интендантъ Виллебланшъ 25-го октября призвали къ себѣ Мурзакевича и сначала совѣтовали, а потомъ стали и требовать, чтобы онъ встрѣтилъ Наполеона съ наличнымъ городскимъ духовенствомъ насколько возможно торжественнѣе.

Отказаться отъ этой тяжелой обязанности—значило навлечь на себя и на городъ кару; а принять ее — и того хуже: это значило бы оказаться измѣнникомъ своему государю, уронить себя въ глазахъ согражданъ и подвергнуться потомъ суду и строгому наказанію.

Въ концѣ концовъ, о. Никифоръ рѣшился, рискуя всѣмъ своимъ будущимъ, встрѣтить Наполеона, чтобы спасти родной городъ и его храмы отъ разоренія.

Увѣдомивъ протопопа Звѣрева и о. Якова Соколова (больше въ городѣ не было священниковъ), онъ утромъ 27-го октября пошелъ въ соборъ, взялъ тамъ ризы и крестъ и съ подошедшими двумя священниками отправился къ Днѣпровскимъ воротамъ, гдѣ уже ожидало Наполеона въ полномъ составѣ все городское французское начальство. Продрогнувши на холодѣ, Мурзакевичъ и его два сослуживца, съ разрѣшенія начальства, разошлись по домамъ. Отецъ Поликарпъ сказалъ: «Наполеона не будетъ!»

Въ этотъ день Наполеонъ, дѣйствительно, не прибылъ въ Смоленскъ.

На другой день, 28-го октября, о. Никифоръ былъ приглашенъ къ больному мѣщанину, Ивану Короткому, жившему у Днѣпровскихъ воротъ, отслужить молебенъ. Взявъ съ собою черствую просвиру для больнаго, а сыну Ивану поручивъ нести ризы, о. Никифоръ отправился въ путь. Погода была настоящая зимняя: морозъ доходилъ до 12% при сильномъ вѣтрѣ. Дорога по улицѣ была покрыта снѣгомъ, который настолько былъ притоптанъ проходившими солдатами, что обратился въ зеркальную поверхность.

Перейдя верхнюю базарную площадь (нынѣ «Сѣнную»), о. Никифоръ съ трудомъ сталъ спускаться съ горы мимо присутственныхъ мѣстъ къ Троицкому монастырю. Между монастыремъ и соборною горою въ то время былъ «сухой ровъ», черезъ который перекинутъ былъ мостъ.

Не успѣлъ о. Никифоръ дойти до монастыря, какъ къ нему подъѣхалъ французскій жандармъ и сообщилъ, что идетъ Наполеонъ. Растерявшись отъ неожиданности, о. Никифоръ крикнулъ сыну: «Давай ризу». Кое-какъ успѣлъ онъ надѣть на себя эпитрахиль, и въ этотъ моментъ подошелъ къ нему военный губернаторъ Жомини, знавшій его лично, и сказалъ по-латыни: «Ecce Napoleon». О. Никифоръ торопливо снялъ съ головы шапку и, поднявъ глаза, увидалъ возлѣ самого себя Наполеона. Взглянувъ на растерявшагося священника, стоявшаго безъ шапки, съ эпитрахилью на груди и съ просфорою въ рукахъ, Наполеонъ спросилъ его: «Pope?» — «Такъ!» отвѣчалъ о. Никифоръ по-латыни и сунулъ ему въ руку просфору. Наполеонъ, не глядя и не останавливаясь, передалъ ее какому-то генералу и прослѣдовалъ дальше [1]).

За Наполеономъ тащилась подъ гору карета, запряженная четверною врядъ; спереди и сзади кареты были привязаны ржаные снопы. Самъ Наполеонъ былъ одѣтъ въ сѣрый фризовый сюртукъ, въ собольей шапкѣ съ синимъ бархатнымъ верхомъ съ кистью. Генералы также были въ фризовыхъ сюртукахъ. Всѣ они шли пѣшкомъ. Такъ распорядился самъ Наполеонъ еще за нѣсколько верстъ отъ Смоленска. «Ему казалось, говоритъ маркизъ Пасторе, что по гололедицѣ онъ будетъ идти пѣшкомъ быстрѣе и увѣреннѣе, чѣмъ его лошади, падавшія на каждомъ шагу. Окружающіе почли долгомъ послѣдовать его примѣру» [2]). По словамъ фонъ-Зукова, особенно трудно было всходить на обледенѣвшую соборную гору: офицеры и генералы шли кто на ципочкахъ, кто вывертывая ноги, какъ маленькія дѣти, только-что начинающія ходить, а нѣкоторые даже пробирались на четверенькахъ [3]). Таково было «вступленіе» въ Смолескъ побѣдителя Европы!

Въ Смоленскѣ Наполеонъ остановился въ губернаторскомъ домѣ и никого къ себѣ не принималъ первое время. Узнавъ, что въ городѣ заготовлено мало запасовъ для арміи, онъ пришелъ въ бѣшенство и приказалъ разстрѣлять коммиссара Сіова. Непріятныя вѣсти со всѣхъ сторонъ о пораженіяхъ и разстройствѣ арміи заставили его забыть объ этомъ приказаніи, и Сіовъ избѣжалъ казни.

А положеніе французской арміи было ужасное. До Смоленска сол-

---

[1]) «Всего этого, замѣчаетъ въ дневникѣ о. Никифоръ, никто не видѣлъ» вѣроятно, потому, что никто не ожидалъ въ этотъ день и часъ Наполеона.

[2]) Записки маркиза Пасторе. «Р. Архивъ» 1900 т. № XII, 534.

[3]) «Истор. Вѣстникъ» 1901 г. іюль, 295.

даты шли, преодолѣвая препятствія, въ надеждѣ, что въ Смоленскѣ они отдохнутъ на теплыхъ квартирахъ и поѣдятъ сытно. Каково же было ихъ отчаяніе, когда они узнали, что Смоленскъ разоренъ и пустъ. Добываніе продовольствія сопровождалось грабежами и междоусобною войною между бывшими союзниками.

30-го октября польскіе солдаты напали на Одигитріевскую церковь, разбили дверь и стали грабить спрятанныя здѣсь церковныя и обывательскія вещи. О. Никифоръ, услыхавъ шумъ, прибѣжалъ сюда и сталъ отнимать ихъ. Поляки избили его почти на смерть, порубили саблею по головѣ, а одинъ ударилъ шпорою въ бокъ. Полуживой онъ былъ отнесенъ въ свой домъ, но крѣпкая натура вынесла эти побои, хотя была надломлена ими. Оказалось, что на грабежъ навелъ поляковъ ихъ полковникъ Костенецкій, который такъ сочувствовалъ невинному Энгельгардту, и который самъ же въ это самое утро посовѣтовалъ Мурзакевичу перепрятать вещи въ другое мѣсто. Ему нужно было только разузнать, гдѣ будутъ спрятаны эти вещи. Къ счастію, вещи, спрятанныя раньше подъ колокольню, въ томъ числѣ и серебряная риза съ иконы Одигитріи, остались цѣлы отъ грабежа.

Четыре дня прожилъ Наполеонъ въ Смоленскѣ. 1-го ноября на Покровской горѣ за Днѣпромъ появились въ виду города наши казаки, и это произвело на французовъ переполохъ. Запасы въ городѣ всѣ уже были истреблены, со всѣхъ сторонъ получались самыя неблагопріятныя извѣстія. «Приходилось, говоритъ Пасторе, покинуть Смоленскъ».

2-го ноября показалась на Покровской горѣ и русская армія, а вечеромъ того же дня Наполеонъ выступилъ изъ Смоленска съ своею гвардіею къ г. Красному, отдавъ приказаніе Даву и вице-королю задерживать русскихъ и, выходя изъ Смоленска, взорвать городскія башни, хотя въ городѣ оставалось множество французскихъ больныхъ и раненыхъ солдатъ.

Покидая городъ, непріятель поджигалъ его въ разныхъ мѣстахъ, а въ полночь 5-го ноября были взорваны и девять крѣпостныхъ башенъ изъ числа тридцати. Въ ту же ночь сгорѣлъ городской магистратъ, а въ 7 часовъ утра того же 5-го ноября Смоленскъ былъ занятъ русскими войсками.

Послѣдній отрядъ французовъ въ 400 человѣкъ съ 3 пушками, засѣвшій въ Авраміевскомъ монастырѣ, ушелъ чрезъ Никольскія ворота, оставивъ монастырь полуразрушеннымъ, семинарскую библіотеку выброшенною на дворъ, а семинарскія зданія разоренными. Въ залѣ диспутовъ, гдѣ лежали раненые, потомъ нашли на стѣнѣ нарисованную углемъ картину осады Смоленска, которую семинарское начальство приказало стереть.

И такъ ровно три мѣсяца Смоленскъ находился во власти непрія-

*

теля. За это время о. Никифоръ лишился двухъ дочерей и самъ послѣ перенесенныхъ тревогъ, и лишеній, и побоевъ чувствовалъ себя очень плохо. Еще хуже было его душевное состояніе. Припоминалась встрѣча съ Наполеономъ, и являлось опасеніе, какъ бы не подвергнуться за это отвѣтственности.

IV.

Съ 6-го ноября начинаютъ возвращаться въ Смоленскъ представители власть и «люди съ именемъ», изъ которыхъ одни предъ наступленіемъ французовъ внушали всѣмъ бодрость и принимали подписки о «невыѣздѣ», а другіе давали эти подписки, и тѣмъ не менѣе первыми подали примѣръ бѣгства при приближеніи непріятеля къ Смоленску.

Среди наличныхъ священниковъ прот. Васильевъ оказывался старше всѣхъ; поэтому онъ, по прибытіи въ Смоленскъ, явился къ занявшему городъ маіору Горихвостову, который велѣлъ ему оповѣстить всѣхъ городскихъ священниковъ, чтобы они 7-го числа прибыли къ нему для выслушанія высочайшей воли. Когда на слѣдующій день духовенство собралось, Горихвостовъ объявилъ ему, чтобы всѣ священноцерковнослужители были при своей должности, распоряжаться же духовенствомъ, «за небытностью старшихъ духовныхъ начальниковъ», назначилъ протоіерею Васильеву.

7-го ноября прот. Васильевъ съ четырьмя наличными священниками встрѣчалъ, по порученію Горихвостова, у Днѣпровскихъ воротъ вступавшую въ Смоленскъ русскую армію, которая при колокольномъ звонѣ направилась къ собору для служенія благодарственнаго молебна.

10-го ноября у Малаховскихъ воротъ торжественно встрѣчена была духовенствомъ и народомъ надворотняя икона Божіей матери Одигитріи, три мѣсяца сопутствовавшая нашимъ полкамъ и возвращенная въ Смоленскъ изъ города Краснаго командиромъ 1-й батарейной роты Вельяминовымъ. При многочисленномъ стеченіи народа и звонѣ колоколовъ ее несли чрезъ весь городъ и поставили въ тепломъ соборѣ, гдѣ она и прежде стояла.

Въ городѣ понемногу вводился порядокъ. На улицахъ убирали мертвыя тѣла, которыя сначала таскали въ Днѣпръ, а потомъ стали складывать въ скирды за казанскимъ проломомъ и сожигать. Для предупрежденія заразы на улицахъ, жгли костры навозу и мазали дегтемъ ворота обывательскихъ домовъ.

Въ то же время, на основаніи ходившихъ по городу слуховъ, возвра-

тившіяся власти начали производить разслѣдованіе о лицахъ, служившихъ непріятелю.

16-го ноября протоіерей Васильевъ получилъ отъ временно исправлявшаго должность полицеймейстера майора Мельникова слѣдующее отношеніе:

«До свѣдѣнія моего дошло, что при завоеваніи французскими войсками здѣшняго города, въ соборной ризницѣ осталось много вещей, принадлежащихъ собору, и мѣдныхъ денегъ 20.000 рублей, изъ которыхъ французскія войска уплачивали за забранные медикаменты вольному аптекарю Мего, изъ чего и полагаю, что ризница та и въ ней принадлежащія до церкви вещи, равно и означенныя деньги, есть въ цѣлости (?); о чемъ для вѣрнѣйшаго донесенія начальству прошу ваше протоіерейство меня увѣдомить,—все ли то есть въ цѣлости; въ противномъ же случаѣ, у кого все то было на рукахъ, и куда употреблено, также не оставить безъ увѣдомленія».

Этотъ документъ и былъ ближайшимъ поводомъ къ начатію оффиціальнаго дѣла объ измѣнѣ Никифора Мурзакевича.

Васильевъ отвѣчалъ Мельникову, что дѣло это касается не его, а полиціи, и назначилъ депутатомъ съ духовной стороны самаго неблагонадежнаго изъ городскихъ священниковъ—Якова Соколова. Самъ же, ничего не осмотрѣвъ, не взялъ даже ключей отъ собора и кладовыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ у протодіакона Рудакова, а другой у Мурзакевича. Потомъ онъ взялъ ключъ у Рудакова, а отъ Мурзакевича ключъ былъ истребованъ только 17-го декабря и то не Васильевымъ, а петропавловскимъ протоіереемъ Еленевымъ, членомъ консисторіи.

Такое начало не предвѣщало Мурзакевичу ничего хорошаго. Слухи о назначеніи въ Смоленскъ для приведенія въ порядокъ разоренной епархіи члена Св. Синода Ѳеофилакта, архіепископа рязанскаго, еще больше удручали его, такъ какъ Ѳеофилактъ пользовался славой строгаго и безсердечнаго человѣка. Сослуживцы, которые и раньше недоброжелательно относились къ о. Никифору, начали удаляться отъ него, какъ отъ зачумленнаго: имъ онъ представлялся теперь государственнымъ преступникомъ, судьба котораго уже была предрѣшена, и имѣть знакомство съ которымъ казалось дѣломъ опаснымъ.

18-го декабря консисторія потребовала отъ Мурзакевича подписку о невыѣздѣ изъ города. 19-го числа прибылъ въ Смоленскъ архіепископъ Ѳеофилактъ (Русановъ). Ему было поручено Св. Синодомъ устройство епархій, разоренныхъ непріятелемъ (Смоленской, Могилевской, Минской и Калужской). Это былъ человѣкъ крутаго нрава, «грозный и немилостивый судія».

Изъ резолюцій и отношеній Ѳеофилакта на имя преосвященнаго

смоленскаго Иринея [1]) видно, что это былъ человѣкъ рѣзкій, энергичный, но самовластный и грубоватый. Кроткаго Иринея-затворника онъ своими указаніями и распоряженіями, соединенными съ выговорами, довелъ до того, что тотъ, какъ увидимъ, подалъ въ отставку и удалился въ Кіевскій Михайловскій монастырь [2]).

19-го декабря Ѳеофилактъ пріѣхалъ въ Смоленскъ, а 20-го Мурзакевичъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

«Потребованъ къ синодалу по доносу николаевскаго протопопа Алексѣя Васильева. Разсказалъ откровенно все, со мною случившееся.

— Зачѣмъ встрѣчалъ Наполеона?

Отвѣчалъ:

— Чтобы спасти храмы Божіи: первосвященникъ іудейскій Іоддай встрѣчалъ язычника Александра Македонскаго, а папа Левъ Святый— Аттилу у вратъ Рима, угрожавшаго граду разореніемъ».

Ревнителя не по разуму начальство предало уголовному суду.

24-го декабря Ѳеофилактъ запретилъ священнослуженіе Мурзакевичу, прот. Звѣреву и свящ. Якову Соколову.

Въ тотъ же день день Ѳеофилактъ писалъ Иринею: «Рекомендую вашему преосвященству отъ священника Мурзакевича немедленно отобрать объясненіе, какія онъ имѣлъ побужденія отъ бывшаго здѣсь французскаго правительства принять на себя порученіе касательно храненія ключей отъ собора, ризницы и кладовыхъ? кромѣ принадлежащаго архіерейскому дому и собору не хранилось ли тогда въ оныхъ и французское имущество? Въ какое именно время принялъ онъ на себя оное порученіе? что именно въ сихъ кладовыхъ теперь находится? Для освидѣтельствованія чего безъ отлагательства употребить ректора и префекта семинаріи при депутатѣ отъ градской полиціи. Сверхъ того развѣдать: не былъ ли священникъ Мурзакевичъ и иные, а особенно помощникъ консисторскаго секретаря, употребляемы отъ помянутаго правительства и въ другія дѣла? Самъ онъ, Мурзакевичъ, сознавался предо мною, что съ духовными, которыхъ имянъ не упомню, выходилъ навстрѣчу французскому императору Наполеону въ церковномъ облаченіи и съ крестомъ, и поднесъ ему просфору».

24-го декабря епископъ Ириней предписалъ консисторіи: учинить вопросные пункты священнику Мурзакевичу, полицеймейстеру Мельникову, Великанову и всѣмъ тѣмъ духовнымъ особамъ, которые показаны будутъ въ отвѣтѣ священника Мурзакевича; особенно же Мурзакевича въ консисторіи обстоятельно допросить; а въ разницѣ, соборѣ

---

[1]) Преосв. Ириней возвратился въ Смоленскъ 20-го декабря 1812 г., на другой день по прибытіи Ѳеофилакта.

[2]) „Смол. Епарх. Вѣдомости“ 1884 г., 156.

и кладовыхъ освидѣтельствовать черезъ консисторію при депутатѣ отъ полиціи.

На второй день праздника, 26-го декабря, Мурзакевичу были предъявлены слѣдующіе вопросные пункты: 1) когда городъ Смоленскъ былъ занятъ французами, то отъ французскаго правительства поручены ль были вамъ ключи отъ собора и кладовыхъ? 2) Говорили ль вы протоіерею Васильеву, что въ соборѣ и кладовыхъ находится много вещей и 72 мѣшка, т. е. 1.750 руб. мѣдью? и оныя вещи и деньги соблюдены ли вами въ цѣлости и гдѣ нынѣ находятся, и по чьему именно препорученію приняли вы ихъ въ ваше смотрѣніе, и почему о количествѣ мѣдныхъ денегъ въ мѣшкахъ не отвѣчали вы протоіерею Васильеву? 3) Какія имѣли вы побужденія принять отъ французскаго правительства на храненіе ключи отъ собора, ризницы и кладовыхъ? 4) Не хранилось ли въ оныхъ и французское имущество? 5) Какого мѣсяца и числа приняли вы означенное препорученіе? 6) Были ли вы и иные, а особенно Великановъ, употребляемы французскимъ правительствомъ и въ другія дѣла? 7) Выходили ли вы навстрѣчу французскому императору Наполеону въ церковномъ облаченіи и со крестомъ? и буде вы таковую церемонію дѣлали, то съ какими именно духовными особами? И противъ всѣхъ вышеописанныхъ пунктовъ вы, священникъ Мурзакевичъ, покажите самую истину по священству и самой должности присяжной».

На всѣ эти пункты Мурзакевичъ далъ слѣдующіе собственноручные отвѣты [1]):

1) Когда г. Смоленскъ былъ занятъ французскими войсками, то отъ французскаго правительства ему ключей отъ собора и кладовыхъ препоручено не было, а имѣлъ оные ключи тогда соборный священникъ Василій Щировскій, который нынѣ находится въ мертвыхъ, о чемъ свѣдущи смоленской градской Ильинской церкви протоіерей Поликарпъ Звѣревъ, Спасской церкви священникъ Яковъ Соколовъ, помощникъ консисторскаго секретаря Николай Великановъ и повытчикъ консисторскій, губернскій секретарь Ѳедоръ Каменецъ.

2) Когда протоіерей Васильевъ у него, священника Мурзакевича, спрашивалъ, что осталось ли въ соборной ризницѣ много вещей, собору принадлежащихъ, и 20.000 руб. мѣдныхъ денегъ, то онъ, священникъ Мурзакевичъ, извѣстилъ его, что собору принадлежащихъ и смоленкихъ гражданъ вещей имѣется много, а денегъ мѣдныхъ не 20.000, но 72 мѣшка, въ которые мѣшки насыпаемы были мѣдныя деньги изъ архіерейской ризницы и изъ архіерейской казначейской кладовой имъ,

---

[1]) «Дѣло о священникахъ Мурз., Соколовѣ и Звѣревѣ», въ Архивѣ консисторіи 1812 года № 50.

Мурзакевичемъ, консисторскимъ коллежскимъ регистраторомъ Петромъ Воронковымъ и лишеннымъ діаконства Уліаномъ Залѣсскимъ, но въ мѣшки сіи насыпали изъ нихъ каждый столько денегъ, сколько кто могъ перенесть въ соборную ризницу; а сколько именно находилось въ тѣхъ мѣшкахъ денегъ, онъ знать не можетъ, которые мѣшки поручаемы были въ смотрѣніе, подъ присмотромъ его, соборному священнику Василію Щировскому; во время каждаго перенесенія отложено было, сверхъ оныхъ 72 мѣшковъ, для переносчиковъ 25 руб., изъ которыхъ ему, Мурзакевичу, дано 5 руб. на пропитаніе отъ священника Щировскаго, а остальныя деньги получилъ самъ онъ, Щировскій, крестовый іеромонахъ Амвросій и регистраторъ Воронковъ, поскольку же числомъ, онъ, Мурзакевичъ, неизвѣстенъ; которыя деньги перенесены ими были въ соборъ для лучшаго соблюденія, ибо ризница архіерейская и казначейская кладовая были отбиты французами и разграблены. И послѣ того жъ переноса денегъ французскій кригсъ-коммиссаръ, кромѣ означенныхъ 72 мѣшковъ, выдалъ на пропитаніе по мѣшку мѣдныхъ денегъ прежде ему, Мурзакевичу, а священнику Щировскому послѣ; а сколько счетомъ было въ тѣхъ мѣшкахъ, онъ, Мурзакевичъ, не знаетъ, ибо мѣшокъ сей и по сіе время лежитъ въ соборѣ подъ хорами. По удаленіи жъ французовъ изъ Смоленска, онъ вмѣсто 72 мѣшковъ нашелъ при протодіаконѣ Рудаковѣ 73 мѣшка, изъ числа коихъ псаломщикамъ соборнымъ Михайлѣ Лысикову, Игнату Морозову и Ивану Попову выдано по 10 руб. каждому, а всѣхъ 30 рублей. Остальныя затѣмъ деньги 72 мѣшка и соборный ризницы вещи находятся и нынѣ въ соборной ризницѣ, почему нынѣ въ соборной ризницѣ находится, съ выданнымъ ему мѣшкомъ, денегъ мѣдныхъ 72 мѣшка.

3) По наступленіи въ Смоленскъ французовъ завѣдывалъ отъ собора, ризницы и кладовыхъ ключами священникъ Василій Щировскій, а когда онъ, Щировскій, умеръ, то по погребеніи его въ октябрѣ мѣсяцѣ, по совѣту умершаго архимандрита Іосифа и Ильинской церкви протоіерея Поликарпа Звѣрева, принялъ онъ, Мурзакевичъ, отъ сына священника Щировскаго, отставнаго солдата Сергія Щировскаго, ключъ отъ собора, который ноября 1-го числа взятъ у него, священника, въ домѣ его французскимъ интендантомъ де-Виллебланжемъ и бывшимъ съ нимъ Смоленской гимназіи учителемъ Николаемъ Ефремовымъ; а 3-го числа того ноября, при выходѣ французовъ изъ Смоленска, французскимъ коммиссаромъ принесены къ нему, Мурзакевичу, въ домъ означенный соборный ключъ и отъ соборной ризницы [1]) или кладовой два ключа; а 5-го ноября, онъ, Мурзаке-

[1]) Ризница соборная помѣщается въ особомъ отдѣленіи храма, при входѣ, направо отъ западныхъ дверей; почему владѣющій однимъ ключемъ отъ собора не могъ проникнуть въ ризницу, если не имѣлъ ключа и отъ нея.

вичъ, одинъ ключъ отъ ризницы отдалъ соборному протодіакону Андрею Рудакову, съ которымъ онъ, Мурзакевичъ, при вышеписанныхъ соборныхъ причетникахъ разсматривали ризницу и подбирали разбросшенное французами серебро (на поляхъ карандашемъ приписано: «въ лому») и, сосчитавши мѣшки съ мѣдными деньгами, оную ризницу замкнули двумя замками, изъ коихъ одинъ ключъ взялъ онъ, Мурзакевичъ, а другой протодіаконъ Рудаковъ. Послѣ отъ протодіакона Рудакова взятъ ключъ протоіереемъ А. Васильевымъ, а отъ него, Мурзакевича, по болѣзни его, истребованъ (и переданъ) ключъ 17-го декабря присутствующему протоіерею Якову Еленеву.

4) Кромѣ принадлежащаго архіерейскому дому и собору французскаго имущества въ оныхъ ничего не хранилось, и онъ о томъ никакого свѣдѣнія не имѣлъ и не имѣетъ.

5) Отъ французскаго правительства онъ, свящ. Мурзакевичъ, никакого препорученія не принималъ, кромѣ, какъ выше значитъ, полученные имъ отъ соборной ризницы ключи, которые принесены ему съ ключемъ соборнымъ, у него ноября 3-го числа взятымъ.

6) Онъ, Мурзакевичъ, отъ французскаго правительства въ другія дѣла употребляемъ не былъ, также и иные были ль употребляемы, не знаетъ, но точію слышалъ, что помощникъ консисторскаго секретаря, губернскій секретарь Николай Великановъ, былъ употребляемъ французскимъ правительствомъ въ какія-то дѣла, и его, Великанова, руки получилъ записку, что въ его, Мурзакевича, домѣ ставится на квартиру полковникъ Доріо.

7) Онъ, Мурзакевичъ, при первоначальномъ занятіи французами Смоленска, находился въ Смоленскѣ, но тогда навстрѣчу французскому императору Наполеону ни онъ и никто изъ духовенства не выходилъ; а когда Наполеонъ ретировался изъ Москвы чрезъ Смоленскъ, то коммиссары французовъ принуждали его встрѣтить Наполеона, почему онъ, Мурзакевичъ, съ протоіереемъ Поликарпомъ Звѣревымъ и свящ. Яковомъ Соколовымъ стояли 26-го числа октября [1]) у Днѣпровскихъ воротъ съ ризами въ рукахъ и со крестомъ для встрѣчи, но въ тотъ день онъ, Наполеонъ, въ Смоленскъ не пріѣзжалъ, а на завтріе, т. е. 27-го числа (28-го), онъ, Мурзакевичъ, встрѣтилъ Наполеона нечаянно одинъ на Троицкомъ мосту и поднесъ ему, Наполеону, просвиру; облаченія же на немъ, Мурзакевичѣ, тогда не было, а былъ въ рукахъ одинъ эпитрахиль и требникъ; каковую церемонію онъ принужденъ былъ сдѣлать потому, что тѣ же французскіе коммиссары угрожали ему, Мурзакевичу, смертію и (грозили) разрушить храмы Божіи, какъ они сдѣлали въ Москвѣ, а

---

[1]) Мурзакевичъ ошибается: это было 27-го, какъ и въ дневникѣ у него записано.

когда онъ, Мурзакевичъ, повелѣнную встрѣчу выполнилъ, то тогда отъ Успенскаго собора караулъ французскій снятъ не былъ, и тѣмъ соблюдены оба собора; въ доказательство чего, что къ собору былъ приставленъ караулъ, то по занятіи Смоленска россійскими войсками 20-го егерскаго полка офицеромъ Прокофьевымъ одинъ французскій часовой въ плѣнъ взятъ».

Спрошенные священники Поликарпъ Звѣревъ и Яковъ Соколовъ подтвердили показаніе Мурзакевича относительно встрѣчи Наполеона. При этомъ Соколовъ добавилъ, что тогда же узналъ, что Мурзакевичъ «имѣетъ тѣсную связь съ французскимъ правительствомъ, по какой причинѣ онъ, Соколовъ, отъ него, Мурзакевича, съ того времени удалялся и никакого сношенія съ нимъ не имѣлъ, соблюдая вѣрноподданническую къ россійскому престолу присягу».

Упоминаемый въ показаніи Мурзакевича помощникъ консисторскаго секретаря, Николай Великановъ, былъ ли онъ употребляемъ отъ французскаго правительства въ какія-либо должности, 26-го декабря 1812 года отвѣчалъ:

«Я, губернскій секретарь, Николай Великановъ, былъ и нынѣ есть вѣрноподданный рабъ государю императору Александру Павловичу, самодержцу всероссійскому. А оставался въ Смоленскѣ во время нашествія французовъ по такимъ причинамъ: 1) Что о выѣздѣ изъ Смоленска жителямъ я ни отъ свѣтскаго, ни отъ духовнаго начальства приказанія не слыхалъ. 2) Россійское воинство во время уже сраженія подъ Смоленскомъ увѣряло обывателей, что Смоленскъ врагамъ отданъ ни подъ какимъ видомъ не будетъ. 3) Въ то самое время жена моя была больна ежедневною лихорадкою, коею она страдала недѣль 20; и при томъ есть у меня малолѣтній сынъ, шести лѣтъ, то мнѣ отбыть изъ Смоленска, оставя ихъ безъ присмотра, весьма прискорбно и даже невозможно было. 4) Самый недостатокъ не позволялъ мнѣ нанять подводу, да и сыскать оной въ тогдашнее время уже было негдѣ, а пѣшихъ вести жену больную и сына малолѣтняго не можно было. А между тѣмъ 6-го числа августа французы Смоленскъ заняли, и кого застали въ Смоленскѣ изъ жителей, всѣхъ тѣхъ заарестовали, и уже уйти изъ Смоленска сдѣлалось не можно, потому что французы распространились повсюду. Во время же плѣненія находился я при своемъ домѣ, который хотя и цѣлъ остался, но во многихъ частяхъ поразоренъ, и имѣніе все хорошее—одежа, хлѣбъ, посуда разграблены, кромѣ оставшагося одного сюртука фризоваго, жениной ветхой шубы, книгъ и образовъ на стѣнахъ да маловажныхъ мелочныхъ вещей, коихъ французы не брали. Я же употребляемъ былъ въ работу ежедневно возить и носить на себѣ воду, бить скотину на мясо, вытаскивать падлину; изъ лазарета выволакивалъ мертвыхъ французовъ и въ лазаретъ больныхъ, очищалъ

мерзости французовъ и во всякія трудныя и гнусныя работы былъ употребляемъ со изнуреніемъ моего здоровья и неоднократно былъ битъ, да и повсечасно ожидалъ себѣ, равно женѣ и сыну, смерти, которая по тогдашнимъ обстоятельствамъ казалась неизбѣжною.

«А 9-го числа октября мѣсяца прислано мнѣ отъ интенданта повелѣніе о бытіи мнѣ въ муниципалитетѣ на мѣстѣ уволеннаго члена Желтовскаго.

«А кто ему для сего рекомендовалъ меня, и почему, мнѣ неизвѣстно, ибо онъ меня не зналъ, равно и я его нигдѣ и никогда не видывалъ; и я не только не искалъ сего, но по полученіи мною того повелѣнія старался, какъ бы отбыть отъ того; но, видя, что мнѣ не принять сей должности не можно было, потому что неповинующимся предлежала необходимая смерть, жизнь же для всякаго дорога, то я и явился въ муниципалитетъ противу желанія моего принужденно и обѣщанія на то и присяги не давалъ, и служилъ при ономъ двѣ только недѣли. Должность же моя состояла въ томъ, что показывалъ квартиры по присылаемымъ отъ коменданта цидулкамъ, изъ коихъ одну, присланную о квартирѣ на собственный мой домъ, для усмотрѣнія при семъ представляю. Такожде и въ домѣ священника Мурзакевича полковникъ Доріо да и другіе были квартирою ставлены тоже по присланнымъ отъ комендантамъ цидулкамъ.

«А по прошествіи двухъ недѣль, по причинѣ неоднократныхъ на меня нападеній отъ французовъ сдѣлался я боленъ и пробылъ въ болѣзни, страхѣ и трепетѣ и въ ожиданіи себѣ, женѣ и сыну смерти, болѣе недѣли; а затѣмъ, съ 4-го на 5-е ноября и Смоленскъ обратно отъ французовъ отобранъ. Приверженности къ французамъ никакой я не имѣлъ, ибо я, вѣдавши прежде, что въ Авраміевскомъ монастырѣ, въ церкви сохранено церковное сокровище, не только французскому начальству, но и никому изъ обывателей смоленскихъ того не объявилъ, чтобы разграблено или похищено не было, которое и сохранено, и уже по прибытіи настоятеля вынуто оное вмѣстѣ и со мною во всякой цѣлости».

На вопросъ: были ль поручены французскимъ правительствомъ ключи отъ собора и кладовыхъ Мурзакевичу, или ихъ имѣлъ у себя соборный свящ. Вас. Щировскій, Великановъ отвѣчалъ: «Когда Смоленскъ былъ занятъ французами, то я съ 6-го даже до 15-го числа августа никуда не ходилъ изъ дому, также и въ соборѣ по то число не былъ, и потому не знаю, препоручало ль французское правительство ключи отъ собора и кладовыхъ свящ. Никифору Мурзакевичу, или оные имѣлъ тогда свящ. Щировскій,—и того не знаю. А 15-го числа, на Успеніе Божіей Матери, по звону въ соборѣ, въ 1-й разъ пришелъ

я изъ дому въ соборъ и видѣлъ, что часы отправлялъ свящ. Щировскій, а не Мурзакевичъ».

Одинъ изъ «консисторскихъ», коллежскій регистраторъ Петръ Воронковъ, на котораго ссылался Мурзакевичъ, показалъ, что «по занятіи французами Смоленска, свящ. Мурзакевичъ и онъ, Воронковъ, съ лишеннымъ дьяконства Ульяномъ Залѣсскимъ, насыпали изъ архіерейской ризницы и изъ архіерейской казначейской кладовой въ мѣшки мѣдныя деньги, которыя до приходу ихъ были разбросаны на полу, а по сколько въ тѣхъ мѣшкахъ было денегъ счетомъ, не знаетъ, ибо сыпали безъ счету, и сколько числомъ мѣшковъ, не упомнитъ; и оные мѣшки съ деньгами относили въ соборъ и препоручали свящ. Щировскому, а по переносѣ оныхъ денегъ, получилъ онъ, Воронковъ, отъ Щировскаго 6 рублей мѣдныхъ денегъ, а насыпку въ мѣшки распоряжалъ въ кладовой свящ. Мурзакевичъ, который и самъ также носилъ мѣшки. Онъ, Воронковъ, вышеозначенныя деньги переносилъ завѣдомо архіерейскаго дома казенныхъ денегъ по поводу тому, чтобы оныя, яко казенныя, были соблюдены, къ чему пригласилъ его свящ. Мурзакевичъ».

Губернскій секретарь консисторіи, повытчикъ, Ѳедоръ Каменецъ показалъ, что «онъ знаетъ, что, по занятіи французами Смоленска, завѣдывалъ соборомъ свящ. Щировскій, а послѣ смерти Щировскаго завѣдывалъ соборомъ и кладовыми свящ. Мурзакевичъ, а кто ему сіе препоручилъ, онъ. Каменецъ, не извѣстенъ».

Протодіаконъ Андрей Рудаковъ, по его словамъ, былъ, по изгнаніи французовъ, въ соборѣ въ кладовой тогда, когда оную отпиралъ свящ. Мурзакевичъ, у коего были и ключи, къ чему и его, Рудакова, пригласилъ онъ, и тогда жъ, онъ, Мурзакевичъ, считалъ мѣшки съ деньгами мѣдными, коихъ числомъ было 73 мѣшка, изъ числа коихъ онъ, Мурзакевичъ, выдалъ псаломщикамъ Михайлѣ Лысикову, Игнату Морозову и Ивану Попову по 10 р. каждому, а всѣмъ 30 р., а почему и для чего выдалъ, про то онъ, протодьяконъ, не знаетъ. По выходу жъ изъ кладовой онъ, Мурзакевичъ, замкнулъ двумя замками, изъ коихъ одинъ ключъ взялъ онъ, Мурзакевичъ, а другой отдалъ ему, Рудакову, который ключъ взялъ у него іеромонахъ Павелъ по приказанію протоіерея Васильева, и по снятіи съ кладовой тѣмъ ключемъ замка замкнулъ казначейскую кладовую съ солью».

Псаломщикъ Лысиковъ и пономарь Поповъ подтверждали, что по удаленіи французовъ Мурзакевичъ самъ выдалъ имъ по 10 р. мѣдью въ зачетъ жалованья; а пономарь Морозовъ добавилъ, что это было сдѣлано имъ безъ всякой его, пономаря Морозова, просьбы.

Такимъ образомъ, изъ опроса свидѣтелей видно, что показанія Мурзакевича совершенно справедливы и что на него никоимъ образомъ не можетъ падать подозрѣніе въ похищеніи казенныхъ денегъ.—Теперь

является вопросъ: откуда взялась цифра 20.000 руб., будто бы хранившихся въ соборѣ.—Спросили у Мельникова, кто ему сказалъ объ этой цифрѣ? Онъ отвѣчалъ, что ему сообщилъ аптекарь Мего, который заявилъ, что ссылка на него, Мельникова, «несправедлива»: «Я никогда ему ни о чемъ не давалъ знать, да и самъ ничего не зналъ; а во время бытности его (Мельникова) въ (моей) квартирѣ со спасскимъ священникомъ (т. е. Яковомъ Соколовымъ) по слабости моего здоровья, я г. Мельникову пересказывалъ, что непріятельскимъ войскомъ усильно забрано у меня медикаментовъ тысячъ на двадцать, и въ послѣднюю ночь предъ выходомъ непріятеля принесли какіе-то французы къ живущему въ моемъ домѣ жены моей отцу, Шпальдингу, ключи и объявляли, что они отъ соборнаго погреба, и чтобы получили тамъ за медикаменты деньги; но тесть мой прогналъ ихъ съ ключами, ибо хотѣлъ лучше все потерять, а не брать такой заплаты. Болѣе же я ничего съ нимъ, Мельниковымъ, не говорилъ, что самое показалъ по сущей справедливости».

Пока шелъ допросъ причастныхъ къ дѣлу лицъ, консисторія назначила коммиссію для освидѣтельствованія содержимаго соборной ризницы. 29-го декабря 1812 г. эта коммиссія нашла въ ризницѣ денегъ 1.738 р. 54 к., да еще мѣшокъ, выданный французскимъ коммиссаромъ Мурзакевичу, съ 42 р. 86 к., котораго Мурзакевичъ такъ и не трогалъ; всего же мѣдной монеты найдено 1.781 р. 40 к.

Кромѣ того, въ ризницѣ найдены вещи, принадлежащія Надворотной церкви: Новая риза Богоматери безъ каменьевъ и жемчуга, и двое царскихъ вратъ; одна половинка серебряныхъ вратъ изъ теплаго собора вѣсомъ 1 пудъ, и серебра въ лому 1 пудъ 7 ф.

Свящ. Мурзакевичемъ было представлено 7 ф. серебра въ лому, купленнаго имъ у французовъ за 13 р.; и серебряная риза (въ 8 ф.) съ образа Одигитріи, находившагося въ Одигитріевской церкви.

«А сверхъ того, читаемъ въ актѣ, въ той же ризницѣ стороннее имѣніе, состоящее изъ россійскихъ книгъ, одежи разной, заячихъ мѣховъ и пуховиковъ; французскихъ же вещей въ оной ризницѣ не оказалось». Большинство книгъ принадлежали Мурзакевичу; а вещи, среди которыхъ главное мѣсто занимаетъ одежда и посуда, разнымъ лицамъ.

И. И. Орловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Маршрутъ для путешествія М. М. Сперанскаго.

Письмо графа М. С. Воронцова—М. М. Сперанскому.

28-го мая 1823 г. С.Петербургъ.

Милостивый государь Михайло Михайловичъ! Къ крайнему моему сожалѣнію, заѣхалъ я въ домъ вашего превосходительства вчера, возвращаясь съ Каменнаго острова въ 10 часовъ, т. е. полчаса послѣ отъѣзда вашего.

Я желалъ лично отдать вамъ приложенный маршрутъ и еще стараться уговорить васъ по оному расположить поѣздку вашу. По сей дорогѣ вы увидите лучшую часть Кіевской губерніи, край не уступающій красотою и часто богатствомъ лучшимъ частямъ Европы и совершенно различной со смежною частью той же губерніи. Дальше вы увидите губернскій городъ Екатеринославъ. Проѣхавъ славные по дѣламъ малороссійскихъ и запорожскихъ казаковъ, города Черкасы и Чигиринъ, дальше вы увидите главный Днѣпровскій порогъ (Ненасытинской), губернскій городъ Херсонъ, гдѣ похороненъ основатель Новороссійскаго края князь Потемкинъ; Николаевъ, столица Черноморскаго флота и по стараніямъ Грейга удивительно подвигающійся впередъ, и потомъ Одессу. По сей дорогѣ вы увидите (тутъ уже мой интересъ) два имѣнія наши: въ Кіевской губерніи Мошны, красивые Днѣпромъ, лѣсами и горами, а въ Херсонской губерніи—Новую Воронцовку, куда отъ іюня 1822 до апрѣля 1823-го переселилось 2.000 душъ, все охотники, по собственному желанію и на собственномъ иждивеніи.

Письмо сіе, можетъ, будетъ въ Черниговѣ еще прежде васъ, мы же скоро за онымъ въ слѣдъ будемъ, и я тогда на словахъ повторю увѣренія того истиннаго почтенія и совершенной преданности, съ коими остаюсь вашего превосходительства покорнѣйшій слуга.

Посылка Тадеуша Вылежинскаго въ Петербургъ въ 1830—1831 г.[1]).

Обстоятельства, предшествовавшія поѣздкѣ Вылежинскаго въ Петербургъ.—Личность и дѣятельность Хлопицкаго.—Вылежинскій.—Нѣсколько словъ о немъ.—Инструкція Хлопицкаго Выжелинскому.—Разговоръ послѣдняго съ генераломъ Шембекомъ.—Вылежинскій въ Петербургѣ.—Пріемы у Дибича.—Свиданіе съ А. Х. Бенкендорфомъ.—Вылежинскій у ген. Чернышева.—Аудіенція у государя.—Послѣднее свиданіе съ Чернышевымъ.

Къ началу декабря 1830 г. почти всѣ связи Царства Польскаго съ Имперію были уже порваны. Оставалось ожидать вступленія русскихъ войскъ въ предѣлы Царства. Необходимо было подготовить народъ къ предстоявшей борьбѣ. Отсутствіе твердой власти съ одной стороны, а съ другой—начавшая поднимать голову анархія въ клубахъ Патріотическаго общества побудили временное правительство созвать сеймъ, а генералу Іосифу Хлопицкому, какъ государственному человѣку, который пользовался всеобщимъ довѣріемъ, предоставить неограниченную военную власть. Хлопицкій, по совѣту своихъ почитателей, не удовольствовался этимъ, но самъ, еще до собранія сейма, 5-го декабря, провозгласилъ себя диктаторомъ, т. е. неограниченнымъ правителемъ народа. Чрезвычайныя обстоятельства вполнѣ оправдывали соединеніе власти въ одномъ лицѣ. Поэтому гро-

[1]) «Szesnaście dni z mego życia, czyli relacja z podróży do Petersburga podczas rewolucji polskiej z roku 1830—31» (Bibljoteka Warszawska, II—III 1903). Г. В.

мадное большинство народа встрѣтило диктатуру Хлопицкаго съ величайшею радостью; студенты же, подъ начальствомъ профессоровъ, образовали почетную стражу для охраны диктатора [1]). Такимъ образомъ, Хлопицкій всю отвѣтственность за дальнѣйшій ходъ дѣлъ въ Польшѣ взялъ на себя.

Хлопицкій былъ одинъ изъ боевыхъ польскихъ офицеровъ старой наполеоновской гвардіи, пользовался репутаціею самаго способнаго генерала и вообще такимъ довѣріемъ, что съ самаго начала революціи всѣ смотрѣли на него, какъ на единственнаго человѣка, который могъ бы быть руководителемъ возстанія. Но Хлопицкій не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Какъ старый, честный воинъ, онъ былъ врагомъ тайныхъ заговоровъ и народнаго возстанія. Онъ совсѣмъ не вѣрилъ въ возможность освобожденія Польши и возвращенія ей юго-западныхъ земель и если принялъ верховную власть, то только для того, чтобы возстановить внутренній порядокъ и примирить Польшу съ ея законнымъ государемъ [2]).

Хлопицкій рѣшилъ возобновить переговоры съ русскимъ правительствомъ и съ этою цѣлью отправилъ въ Петербургъ кн. Ф. К. Любецкаго и гр. Я. Езерскаго.

Любецкій съ Езерскимъ уже нѣсколько дней проживали въ Петербургѣ, ожидая дальнѣйшихъ инструкцій Хлопицкаго. Послѣдній рѣшилъ послать къ нимъ такое лицо, которое сумѣло бы обстоятельно посвятить ихъ во всѣ подробности того, что произошло въ Варшавѣ и въ Царствѣ, и которое вмѣстѣ съ тѣмъ могло бы исполнить свою миссію безъ риска быть арестованнымъ въ дорогѣ. Для этой цѣли диктаторъ рѣшилъ воспользоваться услугами офицера, который не принималъ ни малѣйшаго участія въ революціи и находился въ войскѣ великаго князя.

Тадеушъ Вылежинскій какъ разъ отвѣчалъ этимъ требованіямъ.

Вылежинскому въ то время шелъ тридцать шестой годъ. Родомъ онъ происходилъ изъ Подоліи. Воспитывался въ Виленскомъ университетѣ. Въ 1812 г. поступилъ въ военную службу Варшавскаго княжества и въ томъ же году лишился правой руки.

Вылѣчившись отъ этой раны, въ 1813 г. онъ снова поступилъ въ военную службу въ Краковѣ, подъ знамена кн. Іосифа Понятовскаго, получилъ чинъ подпоручика и участвовалъ во всѣхъ главнѣйшихъ сраженіяхъ въ нѣмецкихъ земляхъ. Въ 1814 г. произведенъ въ капитаны и получилъ крестъ Почетнаго Легіона. Въ 1827 г. его зачислили въ

---

[1]) D-r Anatol Lewicki «Dzieje narodu polskiego», W. 1899, 423.

[2]) Тамъ же, 423; Рус. біогр. слов., изд. Императ. рус. ист. общ., СПБ. 1901, 338.

гвардейскій конно-егерскій полкъ, а въ 1817 г. произвели въ подполковники. Вылежинскій былъ авторомъ нѣсколькихъ сочиненій, появившихся въ свѣтъ впослѣдствіи.

21-го декабря Вылежинскаго пригласили къ диктатору. Хлопицкій приказалъ ему немедленно ѣхать въ Петербургъ, вручилъ депеши на имя кн. Любецкаго и напутствовалъ слѣдующими словами:

— Если увидите императора, то говорите съ нимъ со всею почтительностію, какая подобаетъ монарху. На всѣ его вопросы отвѣчайте чистую правду. Сами видите—каково наше положеніе. Разскажите, что у насъ творится. Держитесь сущей правды, которой государь въ правѣ отъ васъ требовать. Если бы императоръ пожелалъ имѣть свѣдѣнія относительно войска—представьте ихъ ему, не скрывая ни малѣйшихъ подробностей.

Простившись съ Хлопицкимъ, Вылежинскій вышелъ въ смежный залъ. Здѣсь онъ засталъ за чаемъ бригаднаго генерала Шембека съ нѣсколькими офицерами главнаго штаба.

Ген. Шембекъ очень долго съ нимъ бесѣдовалъ. Просилъ его, при удобномъ случаѣ, передать его разговоръ императору. Увѣрялъ его, что онъ совсѣмъ не хотѣлъ революціи. И если первый во главѣ своего полка вступилъ въ Варшаву, то только потому, что иначе не могъ поступить: собственные его солдаты, возбужденные агитаторами, въ случаѣ отказа, могли его разстрѣлять. По выраженію ихъ лицъ онъ видѣлъ, что ничего другаго сдѣлать не въ состояніи. Полковникъ Вонсовичъ также поручалъ Вылежинскому засвидѣтельствовать, насколько старшіе офицеры сторонились революціи. Окружающіе повторяли болѣе или менѣе то же самое, такъ что можно было убѣдиться, что главные представители арміи, вопреки собственной волѣ и только въ виду опасности, отдавали себя на волю волнъ народнаго моря.

28-го декабря, въ 8 час. вечера, Вылежинскій прибылъ въ Петербургъ.

Послѣ непродолжительнаго отдыха его допустили къ фельдмаршалу Дибичу. Въ кабинетѣ послѣдняго онъ встрѣтился съ ген.-отъ-инфантеріи гр. Толстымъ. Вылежинскій видалъ раньше Дибича, но никогда съ нимъ не разговаривалъ. По его описанію, это былъ человѣкъ небольшаго роста, полный, безобразной наружности, необычайно живой въ разговорѣ и въ движеніяхъ, постоянно ерзавшій въ креслахъ, легкомысленный, но въ сущности очень добрый, хорошо ознакомленный съ положеніемъ дѣлъ во всей Европѣ, особенно же въ Польшѣ. «Передъ нимъ лежалъ на столѣ «Ежегодникъ польской арміи», въ которомъ онъ, очевидно, искалъ мою фамилію. Всталъ, поздоровался со мною и предложилъ сѣсть».

Начался разговоръ. Дибичъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что на

сеймѣ, когда разсуждали о диктатурѣ Хлопицкаго, никто не вспомнилъ о своемъ монархѣ. Не удовлетворило Дибича и замѣчаніе Вылежинскаго, что на сеймѣ не было промолвлено ни одного слова противъ государя. И только, когда Вылежинскій началъ разсказывать о дѣятельности диктатора, о томъ, что это человѣкъ положительный и справедливый, пользуется довѣріемъ народа, позакрывалъ уже клубы и что въ этомъ отношеніи страна должна быть ему въ высшей степени благодарна, такъ какъ онъ оградилъ ее отъ анархіи и волненій,—фельдмаршалъ, слушая, съ удовольствіемъ притопывалъ ногою и повторялъ:

— Хорошо! Очень хорошо!

Въ общемъ, разговоръ на этотъ разъ не былъ продолжительнымъ. Дибичъ спѣшилъ къ государю доложить о прибытіи Вылежинскаго.

На другой день Дибичъ снова принялъ Вылежинскаго.

Начиная бесѣду, фельдмаршалъ предупредилъ собесѣдника, что, какъ старый солдатъ, онъ будетъ говорить съ полною откровенностью. Дибичъ признался, что онъ былъ въ числѣ противниковъ дарованія Царству Польскому конституціи.

— Но коль скоро императоръ Александръ, этотъ добродѣтельнѣйшій въ мірѣ человѣкъ, непремѣнно на этомъ настаивалъ, то мы принуждены были замолчать, желая Польшѣ всего лучшаго отъ предоставленныхъ ей благъ свободныхъ установленій. Получили вы конституцію. Сознаться надо, что не всегда ее уважали. Но это происходило уже не по винѣ государя, который старался быть деликатнымъ въ отношеніи старшаго брата. Этотъ же послѣдній давалъ столько поводовъ къ неудовольствію!... Во всякомъ случаѣ это не можетъ оправдывать революціи, такъ какъ, помимо всего, въ Царствѣ Польскомъ больше было хорошаго, нежели дурнаго.

Депеши, которыя привезъ Вылежинскій къ князю Любецкому, государь вскрылъ самъ. Дибичъ объяснилъ это обстоятельство тѣмъ, что государь очень разгнѣванъ на Любецкаго.

— Человѣкъ, который служилъ въ нашей арміи, который съ нами дѣлалъ кампаніи, русскій, котораго государь назначилъ министромъ въ Польшѣ—и этотъ Любецкій теперь хочетъ разыгрывать роль посла!.. Наконецъ, если что и было дурнаго въ Польшѣ, то Любецкій тоже виноватъ въ этомъ. Онъ, будучи министромъ государя, долженъ былъ строго охранять конституцію, думать о счастіи края, предупреждать зло, откуда бы оно ни проистекало.

Теперь, когда революція уже фактъ совершившійся, сеймъ, по мнѣнію Дибича, долженъ былъ поступить совсѣмъ иначе. Онъ долженъ былъ собраться,—какъ это и сдѣлалъ,—но, не поддаваясь вліянію мятежниковъ, написать государю: всепресвѣтлѣйшій государь, хотя мы и не имѣли права собираться, пока насъ не созоветъ монархъ,

но исключительныя обстоятельства насъ къ тому принудили. Намъ необходимо было рѣшить вопросъ о томъ, какая форма правленія наиболѣе была бы подходящею при настоящемъ положеніи вещей, и, вотъ, мы установили диктатуру генерала Хлопицкаго. Нынѣ же, когда порядокъ уже возстановленъ, осмѣливаемся просить ваше императорское величество, законнаго нашего обладателя, войти въ плачевное наше положеніе и простить несчастный край, подтвердивъ неприкосновенность нашихъ правъ и конституціи. Между тѣмъ сеймъ, вмѣсто этого, признаетъ революцію дѣломъ народнымъ, не вспоминаетъ о государѣ, приноситъ благодарность иниціаторамъ возстанія и готовится къ войнѣ. Далѣе Дибичъ обратилъ вниманіе на неравенство военныхъ силъ обѣихъ сторонъ. Поляки могутъ имѣть регулярнаго войска самое бо́льшее 52 баталіона пѣхоты. Между тѣмъ, въ арміи его, Дибича, въ первой линіи будетъ 72 баталіона, да столько же во второй; если же бы оказалось 144 баталіоновъ недостаточно, то къ нимъ прибавятъ еще. Сверхъ того, Дибичъ располагалъ 156 эскадронами кавалеріи, не считая казаковъ, и 40 орудіями.

О польскомъ войскѣ Дибичъ отозвался такимъ образомъ:

— Войско ваше—храбро и хорошо обучено, но нашъ, русскій солдатъ легче переноситъ труды, дурное продовольствіе, длинные переходы и всѣ недостатки кампаніи, словомъ, выносливѣе на войнѣ. О вашемъ войскѣ—продолжалъ фельдмаршалъ—я былъ самаго лучшаго мнѣнія и не столько о солдатахъ и младшихъ офицерахъ, сколько о старшихъ военачальникахъ, закаленныхъ въ кампаніяхъ, которыя они дѣлали съ Наполеономъ. Я былъ высокаго понятія объ ихъ способностяхъ. Но когда я убѣдился, что они не сумѣли удержать подчиненныхъ въ надлежащемъ повиновеніи, не въ состояніи были поддержать порядокъ, съ тѣхъ поръ, сознаюсь, я измѣнилъ прежнее о нихъ мнѣніе.

Обращаясь затѣмъ къ разговору о войнѣ, фельдмаршалъ замѣтилъ:

— У васъ нѣтъ ни пороховаго завода, ни селитряной копи, ни литейнаго двора, словомъ, ничего того, что́ во время войны является насущною потребностью... Хлопицкій былъ хорошимъ бригаднымъ генераломъ, дрался въ Испаніи и на другихъ поляхъ сраженія со славою, но всегда, какъ младшій офицеръ, никогда не командовалъ цѣлою арміею, и я не увѣренъ, чтобы онъ могъ оказаться хорошимъ военачальникомъ... Правду сказать, я мало знаю генерала Хлопицкаго, но онъ мнѣ представляется человѣкомъ холоднымъ, черезчуръ разсчетливымъ, тогда какъ я—горячъ и пылокъ... Императоръ Николай—молодъ, но обладаетъ твердымъ характеромъ, уступокъ дѣлать не любитъ, да, наконецъ, ему и не годится ихъ дѣлать. Тѣмъ не менѣе онъ желалъ бы окончить это дѣло полюбовно и безъ кровопролитія.

Дальше разговоръ коснулся манифеста, предписывавшаго польской арміи отступить къ Плоцку. Фельдмаршалу сдавалось, что Хлопицкій

*

будетъ въ силахъ исполнить волю государя, выраженную въ манифестѣ. А когда Вылежинскій сталъ разъяснять, что въ случаѣ отдачи подобнаго приказанія ни одинъ полкъ его не послушался бы, Дибичъ замѣтилъ, что если бы Хлопицкій имѣлъ намѣреніе покончить дѣло безъ войны, то могъ бы намъ написать, что ему нужно время, что весь брестскій трактъ освободить невозможно, что нужно хотя бы немного войска для защиты Варшавы и т. д. и все можно бы было уладить. Дибичъ успокоилъ Вылежинскаго увѣреніемъ, что вел. кн. Константинъ не вернется въ Варшаву и что, по всему вѣроятію, онъ самъ останется главнокомандующимъ.

— Ручаюсь,—прибавилъ онъ,—что вы были бы мною довольны. Я управлялъ бы хорошо. Строго держался бы конституціи, никогда ее не нарушилъ бы, развѣ лишь въ одномъ пунктѣ,—касательно с в о б о д ы п е ч а т и; этого не будете имѣть, впередъ вамъ говорю, это вещь вредная, раздражающая только умы.

Въ заключеніе фельдмаршалъ далъ понять, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что русское войско вступитъ въ предѣлы Царства Польскаго въ видахъ охраны края и наблюденія за польскимъ войскомъ, которое не заслуживаетъ довѣрія. На это Вылежинскій отвѣтилъ, что польскій народъ никогда не подчинится требованіямъ манифеста и что при такихъ условіяхъ дѣло никогда не дойдетъ до соглашенія. Дибичъ согласился съ тѣмъ, что если поляки не примутъ условій манифеста, то безъ войны дѣло не обойдется.

30-го декабря Вылежинскаго вызвали къ генералу (впослѣдствіи графу, А. Х.) Бенкендорфу.

Генералъ этотъ,—пишетъ Вылежинскій,—человѣкъ очень пріятный, съ изысканными манерами, весьма предупредительный въ обращеніи, считается любимцемъ государя, благороднѣйшимъ и честнѣйшимъ человѣкомъ въ Имперіи.

Бенкендорфъ не скрывалъ того удивленія, какое вызвало въ немъ возстаніе въ Царствѣ Польскомъ.

— Посмотрите на Галицію,—сказалъ онъ.—Развѣ она не несчастнѣе васъ? Нѣтъ тамъ ни народнаго представительства, ни конституціи, ни войска, ни польскихъ чиновниковъ, ни даже польскаго языка, да сверхъ того обременена податями [1]). То же самое и великое княжество Познанское, политическое и матеріальное положеніе котораго столь далеко отъ благосостоянія Царства!.. Сравните себя съ Литвою, съ Волынью и съ другими польскими провинціями, состоящими подъ русскимъ правленіемъ,—что за громадная разница! Въ какихъ счастливыхъ во всѣхъ

[1]) Такъ было дѣйствительно до 1849 г. Существующую въ настоящее время конституцію Галиція получила въ 1861 г.

отношеніяхъ условіяхъ вы находились! А однако всѣ прочія части Польши держатъ себя спокойно. Только въ одномъ Царствѣ Польскомъ, гдѣ полякамъ было лучше всего, вспыхнула революція. Подумайте только, какъ вашъ край процвѣталъ!—чужестранцы дивились. Населеніе увеличивалось, налоги не были чрезмѣрны, управлялись вы сами, всѣ отрасли промышленности, земледѣліе и фабричное производство развивались превосходно, города росли, вся Польша представляла собою подобіе драгоцѣннаго камня, на который пріятно было смотрѣть. Была одна бѣда—дѣйствительно: вел. кн. Константинъ тормозилъ намѣренія государя, но надо было немного потерпѣть. Рѣшено отозвать вел. князя, и тогда для полнаго своего счастія вы ни въ чемъ уже не нуждались бы и стали бы счастливѣйшимъ народомъ на свѣтѣ.

Государь, по увѣренію Бенкендорфа, очень огорченъ революціею. Особенно оскорбило его поведеніе арміи, которую онъ любилъ. Онъ такъ надѣялся на польскую армію, что, насколько ему (Бенкендорфу) извѣстны отношенія къ Франціи,—предназначилъ ее въ авангардъ, который долженъ былъ предупредить русскіе полки въ случаѣ движенія послѣднихъ во Францію.

— Не сомнѣваюсь,—прибавилъ Бенкендорфъ,—что польское войско сражалось бы доблестно. Государь не можетъ торговаться съ поляками. Для этого у него нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Если въ Царствѣ Польскомъ и было что-либо дурное, то было не по его, государя, винѣ и оставаться такъ не могло. Въ настоящее время онъ не можетъ склониться на уступки, иначе, что бы сказали остальные его подданные? Одна надежда на благородный и великодушный характеръ государя, на то, что онъ не стѣснитъ положенія поляковъ. Если же, однако, Царство будетъ усмирено оружіемъ, къ чему, повидимому, и клонится дѣло, то въ такомъ случаѣ поляки останутся въ большомъ накладѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ приведеннаго разговора Вылежинскій сидѣлъ уже у генерала Чернышева [1]).

Чернышеву онъ прямо заявилъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ безъ всякаго законнаго разрѣшенія, взявъ на себя миссію правительства, которое государь не признаетъ.

Здѣсь онъ узналъ, что императору, однако, угодно было войти въ его положеніе и ему оставленъ выборъ или остаться въ Петербургѣ или воротиться въ Варшаву. Вылежинскій, какъ человѣкъ осторожный, боясь раздражить своего монарха, офицеромъ и подданнымъ котораго онъ былъ, заявилъ, что ему остается лишь съ почтеніемъ выслушивать приказанія монарха и что онъ подчинится всему, чего отъ него желаютъ.

---

[1]) Александръ Ив. Чернышевъ съ 1827 г. управлялъ военнымъ министерствомъ.

При этомъ онъ обратилъ вниманіе Чернышева на то, что если онъ не вернется въ Варшаву, то будетъ считаться дезертиромъ или измѣнникомъ, а быть тѣмъ, или другимъ, онъ, разумѣется, не желаетъ. Кромѣ того, онъ оставилъ въ Варшавѣ опасно-больнаго отца безъ всякихъ средствъ къ существованію, выѣхавъ въ дорогу столь поспѣшно, что не могъ позаботиться о судьбѣ старика.

Выслушавъ это, Чернышевъ посовѣтовалъ Вылежинскому написать къ нему письмо, въ которомъ выразить чувства вѣрноподданнической преданности къ государю и изложить всѣ тѣ обстоятельства, которыя требуютъ возвращенія его въ Варшаву.

Письмо, конечно, тотчасъ же было написано. Спустя немного времени, Чернышевъ вручилъ Вылежинскому отвѣтъ государя слѣдующаго содержанія:

«Въ Вылежинскомъ я нашелъ чувства храбраго и лояльнаго воина и добраго поляка. Исполнивъ свою обязанность, онъ сдѣлалъ то, что могъ. Вѣрю его честному слову, вѣрю, что всегда будетъ слѣдовать ему и присягѣ. Чтобы доказать это—назначаю его своимъ адъютантомъ и вручаю ему депеши, которыя онъ отвезетъ въ Варшаву. Затѣмъ, можетъ заняться отцомъ и, когда устроитъ судьбу старца—пусть вернется ко мнѣ куда и когда ему будетъ угодно».

Передавъ отвѣтъ государя, Чернышевъ сказалъ Вылежинскому:

— Вѣроятно, вамъ будетъ пріятно лично засвидѣтельствовать государю благодарность за его милость. Мой фельдъегерь отвезетъ васъ во дворецъ.

Вылежинскаго доставили въ Аничковскій дворецъ.

Вотъ, какъ онъ описываетъ наружность императора Николая. Государь—высокаго роста, черты лица прекрасны, полны выраженія, но суровы; въ обращеніи холоденъ.

Разговоръ живо перешелъ на польскія дѣла. Императоръ не ожидалъ революціи въ Польшѣ.

— Вѣдь вамъ же хорошо было! Конституцію, которую я засталъ, я уважалъ и хранилъ безъ измѣненія. Пріѣхавъ въ Варшаву на коронацію, я сдѣлалъ столько добра, сколько можно было сдѣлать. Быть можетъ, и было что-либо нехорошее, но я тутъ ни при чемъ. Надлежало войти въ мое положеніе и имѣть ко мнѣ довѣріе. Я желалъ, чтобы все было хорошо, и желаніе свое въ концѣ-концовъ осуществилъ бы... Наконецъ, я не могу оправдать революціи, нападенія на домъ моего брата съ намѣреніемъ лишить его жизни... Что касается генерала Рожнецкаго, на котораго повсюду жалуются, то я давно его знаю и никогда онъ не пользовался моимъ расположеніемъ [1]). Знаю, что это совершен-

[1]) Рожнецкій—начальникъ тайной полиціи. Его, по словамъ Зеланда („Воспом. о польск. возст. 1830—31 г." въ Рус. Ст. за 1892 г.), вся нація ненавидѣла (IX, 516).

ный негодяй и если остался на своемъ посту, — слѣдовало его взять...

Тутъ императоръ пожалъ плечами, давая тѣмъ понять, что виноватъ въ этомъ великій князь.

— Ваши газеты, о чемъ бы ни писали, все страшно преувеличиваютъ.

Переходя къ вспышкѣ мятежа, государь выразилъ свое недовольство образомъ дѣйствій вел. кн. Константина.

— Если бы я тамъ былъ въ то время, то ручаюсь, что дѣла приняли бы другой оборотъ. Въ такихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ употребить противъ черни картечь. Это—непріятная и печальная необходимость, но и единственное средство, которое можетъ отвратить бо́льшія впослѣдствіи бѣдствія.

Государь выразилъ свое высокое недовольство тѣми польскими генералами и начальниками частей, которые позволили себѣ поддаться вліянію своихъ подчиненныхъ и агитаторовъ, забыть о своихъ собственныхъ обязанностяхъ, соединиться съ мятежниками и встать во главѣ послѣднихъ.

— Напримѣръ, Шембекъ,—сказалъ государь,—котораго я такъ любилъ. Онъ не только соединился съ мятежниками, но своимъ вступленіемъ въ столицу во главѣ полка далъ примѣръ цѣлой арміи, потянулъ за собою вѣрные до тѣхъ поръ полки и принудилъ моего брата къ отступленію. И это тотъ самый Шембекъ, который поклялся великому князю не вступать въ Варшаву, а ожидать его дальнѣйшихъ приказаній.

Вылежинскій позволилъ замѣтить, что Шембекъ искренно желалъ оставаться вѣрнымъ, но прочелъ на лицахъ своихъ солдатъ, что въ случаѣ отказа—они его разстрѣляютъ.

Государь продолжалъ:

— Ему слѣдовало пожертвовать собою. Слѣдовало позволить себя убить, какъ поступилъ Гауке или Трембицкій, съ которымъ онъ находился въ такой тѣсной дружбѣ. Почему онъ такъ не поступилъ? Къ чему ему было всматриваться въ лица своихъ солдатъ?.. Скажите ему, что я удивляюсь, что онъ еще живъ и что такого срама отъ него не ожидалъ.

Далѣе императоръ увѣрялъ, что онъ не желалъ бы прибѣгать къ строгости, что онъ увѣренъ, что партія людей разсудительныхъ въ народѣ одержитъ побѣду, признаетъ свою вину и вернется на путь обязанностей.

— Но я—прибавилъ государь,—желаю совершеннаго, безусловнаго подчиненія. Вспомните, что я польскій король, король законный и такимъ всегда останусь! Повторите это въ Варшавѣ, а сами поступайте такъ, какъ находите нужнымъ.

На это Вылежинскій сказалъ, что для него ничего другаго не остается, какъ только оплакивать несчастіе, постигшее его родину.

— Тутъ нужны не слезы,—замѣтилъ ему государь,—а стараніе убѣдить поляковъ. Что касается меня, то я люблю своихъ подданныхъ, и никакая ради ихъ жертва для меня не тяжела, когда дѣло идетъ объ ихъ счастіи. Передайте также полякамъ, что я доволенъ тѣмъ, что революцію вызвали чужія, заграничныя вліянія. Мои русскіе подданные страшно возмущены и злы на васъ и хотѣли бы вамъ сдѣлать какъ можно больше вреда. Съ трудомъ приходится мнѣ ихъ сдерживать. Но пока я царствую, я сумѣю настоять на своемъ, заставить уважать мою волю и ей подчиняться. Поляки въ этомъ отношеніи могутъ быть совершенно спокойны.

Затѣмъ разговоръ перешелъ къ Хлопицкому, и государь сказалъ:

— Сожалѣю, что имъ не воспользовались въ польскомъ войскѣ. Но когда я вступилъ на престолъ, то засталъ его уже уволеннымъ изъ дѣйствительной службы. Нисколько не сожалѣю, что онъ провозгласилъ себя вождемъ безъ моего разрѣшенія, такъ какъ онъ возвратилъ странѣ желаемый порядокъ. Спрашивается: что онъ будетъ дѣлать дальше? Понимаю, что въ подобныхъ обстоятельствахъ онъ не могъ поручать вамъ письма ко мнѣ. Но не далъ ли онъ вамъ какого-либо устнаго ко мнѣ порученія? Не велѣлъ ли передать мнѣ, какъ я долженъ на него смотрѣть? и на сколько на него могу надѣяться?

Когда Вылежинскій отвѣтилъ на это, что никакого порученія отъ Хлопицкаго не получалъ, что иначе онъ имѣлъ бы честь уже передать его, государь воскликнулъ:

— Удивительное дѣло!.. Задача его прекрасна. Но какъ онъ ее выполнитъ? Это вопросъ. За свой поступокъ онъ не понесетъ наказанія, если все кончится благополучно. Онъ можетъ возвратить своей отчизнѣ благосостояніе, можетъ избавить ее отъ многихъ бѣдствій, можетъ пріобрѣсти славу и благодарность своего народа и государя при условіи, если пойдетъ хорошею дорогою, дорогою чести. Посмотримъ, что онъ дальше сдѣлаетъ и не дастъ ли себя свести съ ума.

За тѣмъ государь спросилъ Вылежинскаго, что онъ думаетъ относительно манифеста и допускаетъ ли возможность, что всѣ возвратятся на путь повиновенія и порядка, не заставляя прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ?

Вылежинскій, ободренный милостивымъ обращеніемъ государя, отвѣтилъ прямо, что, на сколько онъ знаетъ, поляки останутся глухими къ словамъ монарха.

Государь на это замѣтилъ:

— Ежели вы полагаете, что они не пожелаютъ добровольно подчиниться, то остается одно средство, къ которому я долженъ буду при-

бѣгнуть, какъ императоръ всероссійскій и какъ король польскій. Одинъ только выстрѣлъ съ вашей стороны, и я уже ни за что не отвѣчаю. Скажите объ этомъ въ Варшавѣ.

Отпуская Вылежинскаго, государь обратился къ нему со слѣдующими словами:

— Поклонитесь вашему отцу и поздравьте его отъ меня, что онъ имѣетъ такого сына.

По окончаніи аудіенціи у государя Вылежинскій снова былъ у Чернышева. Генералъ вспомнилъ опять о Шембекѣ, называлъ поступокъ его ужаснымъ. Относительно польскихъ дѣлъ припомнилъ, что уваженіе, которымъ пользуется Польша, является результатомъ попеченія о ней Россіи, и сожалѣлъ, что въ Царствѣ Польскомъ не могли понять государя. Прощаясь, Чернышевъ совѣтовалъ Вылежинскому какъ можно скорѣе выѣхать изъ Петербурга, что́ тотъ и не замедлилъ исполнить.

Въ заключеніе прибавимъ, что Вылежинскій въ 1831 году вышелъ въ отставку, съ чиномъ полковника. Умеръ онъ въ Варшавѣ въ 1844 году.

Г. А. Воробьевъ.

Послѣдствія посѣщенія столицы для двухъ евреевъ.

Зимою 1844—45 годовъ въ С.-Петербургъ прибыли два еврея «съ плакатными паспортами, но безъ тѣхъ особыхъ видовъ за подписью мѣстныхъ губернаторовъ, коими евреи должны быть снабжены, когда отлучаются по законнымъ причинамъ внѣ общей черты ихъ осѣдлости».

Его императорское величество, по всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ, высочайше повелѣть соизволилъ: помянутыхъ евреевъ, въ примѣръ другимъ, отдать въ рекруты, а въ случаѣ неспособности къ военной службѣ—отослать въ арестантскія роты на 5 лѣтъ.

Еврейскія общества поставлены о семъ въ извѣстность особыми объявленіями.

Сообщилъ **Алексѣй Мердеръ.**

Празднованіе столѣтія Петербурга [1]).

Близъ устья обширной Невы, изливающейся въ пространство Варяжскаго понта, внутри непроходимыхъ Ингерманландскихъ лѣсовъ до 1702 года существовали глубокія болота. Дикіе звѣри и хищныя птицы имѣли тамъ свои жилища. На желтыхъ иловатыхъ пескахъ, близъ рѣкъ и моря лежащихъ, не видно было слѣдовъ ходящаго человѣчества. Трудолюбивые земледѣльцы не потѣли здѣсь надъ тяжкими плугами и боронами. Молодыя поселянки, украшенныя цвѣтами, своими острыми серпами тогда не пожинали тутъ позлащенныхъ класовъ. Стройные снопы и огромные скирды не обременяли здѣшнихъ болотъ своею тяжестью. Пастухи и пастушки, сгорая страстію любви, не сидѣли подъ тѣнію пихтъ и березъ и не укрывалися отъ горячаго зноя солнечнаго. Невинныя ихъ овечки не рѣзвились, бѣгая по зеленой муравѣ, близъ прозрачныхъ источниковъ. Свирѣли и флейты молодыхъ пастуховъ не повторяли своего пріятнаго эха внутри здѣшнихъ дремучихъ лѣсовъ. Свирѣпые медвѣди наводили тогда здѣсь ужасъ на звѣрей и птицъ своимъ ревомъ. Злые волки обагряли землю кровію, растерзывая на части боязливыхъ зайцевъ. Бѣлые олени, ходившіе близъ ручьевъ, гордились огромностію своихъ вѣтвистыхъ роговъ. Филины и совы своимъ страннымъ крикомъ наводили здѣсь ужасъ на всю природу.

---

[1]) По рукописи „Памятникъ столѣтію Санктпетербурга или Описаніе торжества и церемоніи, совершившихся въ сей Россійско-Императорской столицѣ, по случаю благополучно окончившагося перваго столѣтія отъ заложенія сей резиденціи, съ присовокупленіемъ о прежнемъ и нынѣшнемъ состояніи жителей, церквей, дворцовъ и коммерціи“. Авторъ описанія неизвѣстенъ.

Златое солнце своими цѣлебными лучами, за густотою деревъ, слабо согрѣвало замерзающихъ зміевъ, лежавшихъ въ каменныхъ разсѣлинахъ. Сребряная луна и пурпуровая Аврора хотя часто взирали на сіи непроходимыя мѣста, но и то, какъ думается, съ измѣнившимися лицами. Глубокіе снѣги въ сихъ сѣверныхъ пустыняхъ долгое время блистали своею чрезвычайною бѣлизною. Сильные морозы свирѣпствовали тамъ сверхъ 197-ми градусовъ по Делилеву термометру. Ужасные бури и вѣтры были столь сильны, что исторгали изъ корней огромныя дерева.

Но когда отецъ отечества мечемъ блеснулъ предъ цѣлымъ свѣтомъ и когда онъ своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ въ 1702 году завоевалъ у шведовъ крѣпость Нотеборгъ, тогда потомки Мосоховы и дѣти дѣтей подданныхъ Рюриковыхъ, увѣнчанные дубовыми вѣнками, на холодныхъ мѣстахъ Ингерманландіи отъ великихъ трудовъ успокоилися. На кудрявыхъ еляхъ и зеленыхъ игловатыхъ соснахъ повѣсили свои мечи, обагренные кровію враговъ, побѣжденныхъ при Ладогскомъ озерѣ. При гордыхъ березахъ и пихтахъ, на утесистыхъ пригоркахъ повергли ружья и притупленные о кости шведовъ штыки и стрѣлы. Хрустальныя струи журчащихъ по камнямъ источниковъ утолили ихъ великую жажду. Разсѣявшись по лѣсамъ, собирали бруснику и клюкву, которая хотя мало, но уменьшила ихъ чрезмѣрную алчность. Утрудженныя ихъ ноги прохладились болотною мокротою и холодною росою. Черный потъ лицъ и тѣлъ омыла широкая Нева своею чистою водою.

Петръ Первый, россійскій царь, а потомъ бывшій императоръ, по завоеваніи Нотеборга, что нынѣ Шлиссельбургъ, въ 1703 году взялъ крѣпость Ніеншанцъ, которая существовала при истокѣ Охты въ Невскія воды. Для совершеннаго утвержденія своего владѣнія въ Ингерманландіи и другихъ завоеванныхъ земляхъ на острову Невы, основалъ крѣпость 16-го мая 1703 года. Сію крѣпость въ честь своего ангела святаго апостола Петра и дабы имя сіе для Россіи оставить безсмертнымъ, назвалъ онъ Санктпетербургомъ. Спустя малое время заложенъ былъ шанцъ на другомъ островѣ той же рѣки. Отъ имени артиллеріи капитана Василья Карчмина, получилъ онъ названіе Васильевскимъ островомъ. Сей капитанъ, имѣя команду въ шанцахъ, получалъ отъ государя письма съ надписью: «къ Василью на островъ».

Сказанныя два укрѣпленія сначала служили защитою устьевъ Невы. Но побѣдитель Карла, осмотрѣвъ устья сея рѣки, морскіе заливы и островъ Ретузари, въ своей великой душѣ почувствовалъ дѣйствіе священнаго восторга.

«Какое множество лѣсовъ!» сказалъ онъ своимъ чиновникамъ, слѣдовавшимъ за нимъ. «Рѣка великая и море обширное, ведущее въ

концы всея вселенныя. Карѳагенская Дидона на таковомъ же мѣстѣ основала свое царство; красивые Амстердамъ и Венеція на таковыхъ же болотистыхъ мѣстахъ удивляютъ многихъ путешественниковъ своими каналами. Желаю, повторилъ онъ, желаю, дабы флотъ подобный Енееву отягощалъ бунтующуюсь стихію Балтійскаго моря. Трудолюбивые россіяне на учрежденныхъ мною въ послѣдствіи времени верхвяхъ будутъ строить ежегодно по пяти сто-пушечныхъ кораблей. Россійскіе мореходцы, оставя Архангельскъ, пусть ѣздятъ отсюда за пряными кореньями и сокровищами въ отдаленные острова южнаго океана. Индѣйцы и персіяне изъ Каспійскаго моря будутъ пріѣзжать на Неву съ богатыми своихъ земель произведеніями. Голкондскіе алмазы и рубины, ширванскій и испаганскій шелкъ чрезъ всю почти Россію начнутъ привозиться сюда посредствомъ водяной коммуникаціи. Ока, Волга, Волховъ и другія обширныя рѣки принесутъ на сіи мѣста моихъ земледѣльцевъ изобилія рогъ. Хочу, дабы царство преемниковъ Рюриковыхъ не претерпѣвало болѣе бѣдствій отъ гордыхъ жителей обширной Москвы. Стрѣлецкіе бунты, грабежъ Кремля и по сіе время, мечтаяся въ моемъ умѣ, приводятъ въ содраганіе. Желаю свой позлащенный тронъ пренести на сіе мѣсто. Здѣсь удалюсь я отъ шуму каменной Москвы. Пусть блестящія короны и порфиры украшаютъ здѣсь россійскихъ царей; они и отсюда могутъ раздавать законы многимъ милліонамъ своихъ подданныхъ. Сосѣдство съ просвѣщенными государствами меня плѣняетъ. Англичане, голландцы, датчане и нѣмцы будутъ здѣсь продавать свои, а покупать моихъ подданныхъ товары. На семъ мѣстѣ россіяне, чрезъ прибыль коммерціи, соберутъ сокровища подобныя Крезовымъ и Мидовымъ. Желаю, дабы священные жертвенники стояли вѣчно на сихъ дикихъ мѣстахъ. Пусть огромные храмы и шпили своими позлащенными верхами подъѣзжающимъ къ здѣшнимъ портамъ мореходцамъ служатъ вмѣсто лучезарнаго солнца. Бальзамическое благовоніе, отъ курящагося ѳиміама происходящее, пускай распространяется по отлогимъ берегамъ рѣки и моря».

Аѳинская Паллада, сѣтующая неутѣшно о разрушеніи Лицеума и Темпы, безъ сомнѣнія оставила Парнасъ и сошла помочь Петру въ его намѣреніи! Сего ревностнаго къ отечеству Агезилая обнимала она дружески и въ свои чудесныя объятья заключила невидимо. Священнымъ своимъ вдохновеніемъ заставила его говорить и разсуждать въ самомъ себѣ слѣдующее:

«О царь, нанесшій страхъ гордому Стокгольму и кичливому Абову! Если ты желанія Минервы исполнишь въ точности, то имя твое прославится во всей вселенной, то имя твое пребудетъ во вѣки безсмертнымъ. На семъ мѣстѣ заложи ты городъ и перенеси сюда свое сокровище, корону, скипетръ и державу. Тебѣ извѣстно, что Пеципе и При-

танеумъ совершенно разрушены, и науки, тамъ процвѣтавшія, приходятъ уже въ забвеніе: воздвигни ты на сихъ мѣстахъ таковыя академіи! При нихъ будутъ мой Парнасъ и Геликонъ, а новая Кабура Нева приметъ въ себѣ источники Аганиппе, Касталь и Ипокрены.

«О побѣдитель Карла! Если ты любишь мудрость и просвѣщеніе, если ты сію любовь въ своемъ храбромъ сердцѣ питаешь не ложно, то музы охотно оставятъ Либертъ и Пимплу. Онѣ въ новопостроенномъ тобою городѣ пожелаютъ жить вѣчно, онѣ пожелаютъ умереть вмѣстѣ съ упраздненіемъ твоихъ академій».

Великій государь, утвердивъ себя въ безпрепятственномъ владѣніи сихъ завоеванныхъ странъ, рѣшился основать столицу при устьѣ Невы, которую, заложивъ, наименовалъ по крѣпости Санктпетербургомъ. Желая имѣть смотрѣніе надъ строеніемъ крѣпости, построилъ для себя голландскій домикъ, который, какъ отецъ санктпетербургскихъ домовъ, сохраняется и по нынѣ на берегу Невы. До 1706 года крѣпость состояла изъ земляныхъ валовъ въ фигурѣ шестиугольника, но во оном году начали пристроивать къ ней шесть каменныхъ бастіоновъ. Въ 1714 году заложенная тамъ церковь окончена строеніемъ 1733 году во время владѣнія россійскимъ скипетромъ императрицы Анны Іоанновны.

Деревянное Адмиралтейство, гдѣ нынѣ находится каменное, построено Первымъ Петромъ 1705 года. Валами и рвами, одѣтыми камнемъ, окружено оно съ 1711 по 1718 годъ. Каменные магазейны и мастерскіе домы построены въ 1727 году, а украшено башнею по повелѣнію Анны Іоанновны спустя послѣ постройки магазейновъ въ седьмое лѣто.

Сначала опредѣлено было построить городъ на Санктпетербургскомъ острову. Здѣсь вмѣсто болотнаго кустарника явились въ скорости цѣлыя улицы красивыхъ домовъ. Правительствующій Сенатъ, военная и протчія коллегіи; посланники и консулы европейскихъ государствъ имѣли тогда здѣсь пребываніе въ деревянныхъ домахъ, похожихъ на мазанки. 1710 года построена здѣсь деревянная церковь Святыя Троицы, подлѣ которой былъ первый питейный домъ, посѣщаемый иногда знатными особами; въ томъ же году былъ построенъ и мытный дворъ на берегу Невы рѣки.

Послѣ Санктпетербургскаго острова государь опредѣлилъ Васильевскій островъ для города. Императоръ намѣренъ былъ по подобію Амстердама провесть отъ востока къ западу два судоходные канала и пересѣчь оные 12-ю меньшими, простирающимися отъ юга къ сѣверу. Однако жъ исполненіе онаго намѣренія не соотвѣтствовало желаніямъ государя. Дворянство обязано было, по соразмѣрности своего стяжанія, строить на острову деревянные или каменные дома, почему еще до

кончины императора находилось на ономъ 109 каменныхъ и 354 деревянныхъ домовъ. Царица Прасковья Ѳедоровна и князь Менщиковъ построили себѣ на семъ острову дворцы, изъ коихъ первый нынѣ принадлежитъ Академіи наукъ, а послѣдній сухопутному кадетскому корпусу. Въ 1722 году построена здѣсь таможня съ каменными для ней амбарами, находившимися прежде у Троицкой пристани, такожде и государственныя коллегіи.

Въ 1721 году возъимѣло строеніе Выборгской стороны свое начало. Въ 1726 году совершена каменная морская, также и сухопутная гошпиталь, а въ 1733 году и церковь Самсона-Страннопріимца.

Выстраиваніе Литейныя части началось также въ 1711 году построеніемъ деревяннаго литейнаго дома. Вокругъ онаго были домы артиллерійскихъ служителей, къ которымъ мало-по-малу и другіе пристраивались. Нынѣшній литейный домъ построенъ повелѣніемъ Анны Іоанновны 1733 года.

Въ адмиралтейскихъ частяхъ построилъ Петръ Великій уже въ 1711 году каменный зимній дворецъ на нынѣшней Милліонной, въ которомъ онъ и императрица Екатерина Первая жительствовали. Въ 1713 году началось строеніе домовъ на Невской преспективѣ; въ семъ же году построенъ монастырь св. Александра Невскаго деревянный, а въ 1715 году вмѣсто деревянныхъ возведены каменныя въ ономъ строенія. Въ 1715 году построенъ въ первой Адмиралтейской части гостинный дворъ на подобіе мазанокъ. Въ 1736 году умножился гостинный дворъ, находящійся въ 3-й Адмиралтейской части. Въ 1716 году заложены галерный дворъ и въ 1718 году Милліонная улица. Въ 1759 году въ 3-й Адмиралтейской части вмѣсто деревяннаго начали по частямъ выстраивать каменный гостинный дворъ. Въ 1721 году построенъ Императорскій конюшенный дворъ во 2-й Адмиралтейской части. Въ 1725 году лишилась сія новая столица своего основателя.

Во время царствованія Анны Іоанновны въ 1736 году окончена нѣмецкая каменная церковь святаго Петра. Въ 1732 году учредила оная императрица сухопутный кадетскій корпусъ. Въ 1734 году построена по повелѣнію ея церковь Казанскія Богоматери. Въ 1736 году выгорѣла кромѣ гостиннаго двора также Большая и Малая Морскія улицы, обитаемыя морскими офицерами и матрозами, и вмѣсто выгорѣвшихъ деревянныхъ строеній возведены потомъ каменные домы. Для адмиралтейскихъ служителей построены были деревянные домы на болотномъ мѣстѣ, находящемся между устьями Фонтанки и Мойки. Сія новая часть города названа была по нѣмецкому имени Kolonie, то есть селеніе, а послѣ перемѣнена отъ простолюдиновъ Коломною.

Повелѣніемъ императрицы Елисаветъ Петровны построена въ 1743 году церковь св. Николая Чудотворца. Въ 1746 году заложенъ подлѣ

дворца, въ которомъ она, будучи великою княжною, жительствовала, Воскресенскій монастырь каменный. Въ 1748 году построила Аничковъ дворецъ. Въ 1754 году заложенъ императорскій Зимній дворецъ, который оконченъ былъ не прежде, какъ по кончинѣ сея императрицы въ 1762 году.

Лѣвый берегъ Невы начали одѣвать тесанымъ дикимъ камнемъ въ 1764 году, то есть въ царствованіе Екатерины Вторыя; начавшись у литейнаго дома, окончено сіе украшеніе въ концѣ галернаго двора въ 1787 году. Въ сіе время начали также отдѣлывать Екатерининскій каналъ и одѣвать оба берега онаго тесанымъ дикимъ камнемъ, которое строеніе канала кончилось въ 1790 году. Въ 1764 году начато строеніе Мраморнаго дворца, которое окончено въ 1783 году. Въ 1768 году положено государынею основаніе Исакіевскія церкви. Въ 1778 году сдѣлана желѣзная ограда Лѣтняго сада съ столбами изъ тесанаго дикаго камня. Въ 1780 году начали одѣвать берега Фонтанки камнемъ, что̀ и окончено въ 1789 году. Въ 1785 году приведенъ къ окончанію заемный, а въ 1788 году ассигнаціонный банкъ и Академія художествъ.

Близъ Санктпетербурга поселены въ скорости разныя селенія. Тамъ на осушенныхъ рвами лугахъ пасутся нынѣ многія тысячи упитанныхъ тельцовъ. Пресыщенныя коровы ревутъ томно, желая освободиться отъ множества млека, ихъ отягощающаго. Невинныя овечки, бѣлымъ руномъ запутавшіясь за кустарники, блеютъ, желая, дабы остригли длинную ихъ шерсть. На удобренныхъ пашняхъ поселенные колонисты и выведенные изъ Россіи крестьяне пожинаютъ уже плоды своихъ трудовъ и наполняютъ ими большія житницы. Они, нѣкогда находясь на пашняхъ и пожиная позлащенные класы, пѣвали слѣдующую идиллію:

Сколько Богъ въ Россіи благъ!..
На болотистыхъ лугахъ,
Гдѣ вода и тина были,
Гдѣ скотъ, люди не ходили,
Тамъ хлѣбъ сѣемъ нынѣ, жнемъ
И въ скирды снопы кладемъ.
Даже сѣемъ льняно сѣмя.
О златое наше время!
Нашъ къ тому стремится духъ,
Кто заложилъ Петербургъ!
Мы къ нему пылаемъ вѣчно,
Любимъ вѣкъ Петра сердечно,
Любимъ вѣкъ его душой,
Онъ любви достоинъ той!
Да здравствуютъ его потомки въ роды,
Ихъ будетъ счетъ столѣтія, не годы!

Какое похвальное намѣреніе! Какое доброе начало! Сегодня отъ заложенія Санктпетербурга миновало только сто лѣтъ; но сей городъ уже подобенъ Вавилону или Парижу. Когда въ 1794 году считалось здѣсь разныхъ 75 церквей, то нынѣ, безъ сомнѣнія, имѣется оныхъ до 150. Когда въ томъ же году было деревянныхъ и каменныхъ до 6 тысячъ домовъ, то чрезъ девять лѣтъ они уповательно умножились до 10 тысячъ. Поелику число жителей въ декабрѣ мѣсяцѣ 1792 года щиталось 202.857 человѣкъ, не полагая военно-служащихъ, то нынѣ чрезъ десять съ половиною лѣтъ оные чаятельно умножились до 350.000, а если присоединить сюда полки, то, безъ сомнѣнія, составитъ болѣе 550.000 жителей сея огромныя столицы. Изъ чего открывается, что обывателей вообще кромѣ войскъ всѣхъ въ Санктпетербургѣ болѣе Стокгольма 282-мя тысячами, болѣе Лисабона 290-ю, а Мадрита, Берлина и Рима 195-ю тысячами.

Огромный императорскій Зимній дворецъ есть изъ числа наилучшихъ дворцовъ въ свѣтѣ. Окружность его состоитъ изъ 1.600 футовъ англинскихъ, а высота 10 саженъ. Тысячи миѳологическихъ статуй и вазовъ, на карнизахъ сего дворца стоящихъ, являютъ его едва-ли не великолѣпнѣе Помпеева амфитеатра; нѣтъ ни одного въ поэзіи Марса, Аполлона, Ахиллеса и Геркулеса, который бы на оныхъ не былъ изображенъ. Въ восточной части дворца есть богатая мраморная парадная лѣстница, по которой ходятъ послы и знатныя особы для аудіенціи. Достойный примѣчанія алмазъ, имѣющій вѣсу 194 краты, купленный за 450.000 рублей, хранится въ тамошнемъ Эрмитажѣ; онъ въ 1774 году купленъ у грека Сарфаца Екатериною Второю и украшаетъ императорскій скипетръ. Не упоминая о здѣшнихъ неоцѣненныхъ сокровищахъ, можно сказать, что украшенія сего дворца изъ числа украшеній превосходныхъ въ Европѣ.

Императорскій Мраморный дворецъ, строившійся 12 лѣтъ, обложенъ финляндскимъ и сибирскимъ весьма твердымъ и прочнымъ мраморомъ, Кровля его покрыта мѣдью, а карнизы убраны вазами, урнами и другими украшеніями. Половина двора употреблена на воздушный или висячій садъ, сдѣланный, въ примѣръ садамъ вавилонскимъ, на сводахъ. Парадная лѣстница, богатыми статуями и вазами украшенная, сдѣлана изъ сѣраго мрамора. Стѣны въ нѣкоторыхъ комнатахъ убраны лазурикомъ и яшмою. Во всѣхъ оконницахъ вставлены зеркальныя стекла съ фацетами; рамки же всѣ мѣдныя, позолоченныя. Въ среднемъ ярусѣ находятся большіе балконы съ мѣдными, крѣпко позлащенными балясами. Вотъ каково огромно и драгоцѣнно построеніе Великія Екатерины!

Наружный видъ Михайловскаго замка есть видъ и картина прерѣдкаго зданія. Мраморныя колонны, мраморомъ убранныя стѣны и множество статуй и вазовъ, на карнизахъ стоящихъ, умножаютъ его красоту

и великолѣпіе. Позлащенные верхи шпиля и церкви, воздымаяся гордо и блистая во отдаленности, кажутся верхами златаго Неронова дома. Фарнезскій Геркулесъ и Флора, держащая въ рукѣ вѣнокъ, отлитые изъ мѣди на литейномъ академіи художествъ дворѣ, стоятъ при входѣ въ сей дворецъ на лѣстницѣ. Каналы, его окружающіе, обложены тесанымъ камнемъ и обнесены желѣзными рѣшетками. Виновникъ императорскаго въ Россіи титула на каменномъ пьедесталѣ, убранномъ мраморомъ, представленъ сидящимъ на конѣ, стоящемъ на трехъ ногахъ.

Свято-Троицкій Александро-Невскій монастырь построенъ въ 1713 г. Петромъ Великимъ деревянный, а въ 1715 году каменный. Съ 1724 года хранятся здѣсь мощи благовѣрнаго князя Александра изъ монастыря Городица, что̀ на Волгѣ, сюда принесенныя. Императрица Елисавета Петровна сдѣлала для сихъ мощей драгоцѣнную раку. Гробница, гербъ, балдахинъ, пирамиды, оружія и знамена выработаны изъ нѣсколька пудъ литаго серебра. Екатериною Второю даны къ сей гробницѣ покровъ и балдахинныя занавѣсы бархатныя съ богатымъ шитьемъ. Сею же государынею сооружена тамъ въ 1790 году церковь, длиною 35, шириною 20, а вышиною до карнизовъ 8 саженъ. Тамошній колоколъ, имѣющій вѣсу 800 пудъ, привезенъ сюда изъ Иверскаго монастыря, что̀ у Новагорода, въ 1724 году. Жемчугъ, гранаты и бразильскіе топазы украшаютъ златые вѣнцы святыхъ иконъ, а златоглавомъ, парчею и бархатомъ покрыты престолъ и жертвенникъ. Митрополитскіе митры и кресты блестятъ здѣсь алмазами, изумрудами и хризолитами; аналои церковные убраны атласомъ и пукетомъ. Надгробныя надписи, надгробные монументы и доски, изъ серебра, мѣди и мрамора сдѣланные, достойны же примѣчанія.

Мраморная церковь святаго Исаакія, заложенная Екатериною Второю въ 1767 году, имѣетъ стѣны, покрытыя снизу дикимъ камнемъ, а вверху полированнымъ финляндскимъ и сибирскимъ мраморомъ разнаго цвѣта. Внутри стѣны и столбы покрыты прекраснымъ мраморомъ разныхъ цвѣтовъ, а поперемѣнно также сибирскою яшмою и багровикомъ. Окружность сей церкви полагается въ 150, а вышина въ 25 саженъ.

Сколь ни обширна вселенная, сколь ни великолѣпны резиденціи европейскихъ и азіатскихъ государствъ, но нигдѣ нѣтъ таковыхъ драгоцѣнныхъ каналовъ, каковы въ Санктпетербургѣ! Ни одинъ въ свѣтѣ императоръ кромѣ Великія Екатерины не отважился доселѣ употребить милліоны денегъ, дабы берега рѣкъ и каналовъ обложить тесанымъ камнемъ! Для нихъ кажется чрезмѣрно дорого, что здѣшніе мосты и берега рѣкъ и каналовъ остановлены желѣзными и чугунными перилами. Позлащенные жарко шпили и верхи мостовъ для нихъ кажутся излишнею пышностью. Они не повѣрятъ, что за каждый каменный столбъ, въ оградѣ Лѣтняго сада стоящій, заплачено по 50 рублей. Они усумнятся,

если ихъ будутъ увѣрять, что каждый тесаный камень въ квадратную сажень величиною, украшающій набережную Невы, стоитъ для Россіи по 2 имперіала. Желавшая безсмертной для Россіи славы Великая Екатерина, дабы украсить свою столицу, не щадила никакихъ сокровищъ. О премудрая Екатерина! твои щедроты на украшеніе Санктпетербурга излитыя въ сердцахъ россіянъ остались вѣчно! Усердные наши потомки въ честь твоего Россіи благодѣянія воздвигнутъ тебѣ великій монументъ.

Если всѣ огромныя зданія Санктпетербурга исчислить здѣсь подробно, то должно употребить годичное время! Если описать обстоятельно множество церквей, императорскихъ дворцовъ, садовъ, казенныхъ строеній и обывательскихъ домовъ, то надобно симъ заниматься двугодовое время! Я, не имѣя силъ сіе исполнить, съ восторгомъ скажу: О новая столица! хотя ты воздвигнута на глубокихъ болотахъ, внутри непроницаемыхъ лѣсовъ, но ты черезъ сто только лѣтъ сдѣлалась изъ числа великолѣпнѣйшихъ резиденцій въ свѣтѣ!

Величайшій памятникъ или монументъ россійскому первому императору, воздвигнутый Екатериною Второю, по своей огромности достоинъ удивленія. Поставленная подъ нимъ гора имѣетъ тяжести болѣе 3 милліоновъ фунтовъ, длиною она 53, шириною 21, а вышиною 17 футовъ, и когда везена была 400 человѣками на мѣдныхъ саняхъ, то каждый день подвигалась впередъ по 200 саженъ. На сей горѣ представленъ герой на конѣ, попирающій великаго дракона. Металловый составъ сдѣланъ изъ запрудной мѣди съ присовокупленіемъ нѣсколько олова и цинка, всего вѣсомъ 44.041 россійскихъ фунтовъ, употребленнаго же ради равновѣсія въ заднюю часть лошади желѣза было 10.000 фунтовъ; величина монарха имѣетъ въ высоту 11, а лошади 7 футовъ. Изображеніе сего памятника значитъ слѣдующее: подножіе, то есть гора дикаго камня, есть образъ препятствій, кои государю преодолѣть надлежало, бодрый его конь означаетъ неутомимые подвиги, онъ попираетъ змія зависти. Простое народное одѣяніе приличествуетъ каждому времени и можетъ представить простоту его распоряженій; сѣдло есть кожа побѣжденнаго льва; все же положеніе съ распростертою благотворительною рукою къ Невѣ, академіи и крѣпости можетъ означать силу на морѣ и на сухомъ пути, просвѣщеніе и торговлю, яко предметы, имъ предположенные. Лѣвою рукою держитъ коня крѣпко за узду, дабы непремѣнно удержать его на вершинѣ горы, который, поднявъ переднія ноги, желаетъ соскочить съ горы. А можно и то думать, что сія лошадь значитъ слава, которая весьма скоро бѣжитъ и подобно быстрому коню прославляется въ свѣтѣ; гора значитъ вершина чести, на которую онъ, взошедъ, если бы разумомъ, то есть рукою, коня за узду не удержалъ, то бы упалъ въ ровъ безславія. На всѣ расходы для сего монумента употреблено 424.610 р.

Съ адмиралтейской стороны на горѣ начертано вставленными бронзовыми буквами: «Петру Перьвому Екатерина Вторая лѣта 1782». А съ сенатской стороны то же самое на латинскомъ языкѣ: «Petro Primo Catharina Secunda. Anno MDCCLXXXII».

Каменный обелискъ, россійскому фельдмаршалу графу Румянцову воздвигнутый, подобенъ обелискамъ, бывшимъ нѣкогда въ Египтѣ. Онъ составленъ не болѣе какъ изъ четырехъ камней, а вышина его полагается, если не ошибаюсь, въ 25 саженъ. Средина его снизу обложена разноцвѣтнымъ мраморомъ, а около всего изображены военныя оружія и знамена. На вершинѣ сего обелиска стоитъ большой позлащенный шаръ съ сидящимъ на немъ позлащеннымъ же орломъ, который съ распущенными крыльями, какъ бы на-лету, садится на обелискѣ. Шаръ значитъ земля, поелику видъ земли нашей есть шару подобный, что доказывается восхожденіемъ и захожденіемъ солнца. Орелъ представляетъ славу Румянцова и храбрость, по кагульской побѣдѣ распространившуюся во всѣ части свѣта; онъ же, сидящій на вершинѣ шара съ распущенными крыльями, знаменуетъ тоже храбрость и славу, которая, вознесшись выше земли, паритъ къ облакамъ или къ небу. На нижней части обелиска сдѣланъ гербъ сего графа, украшенный лаврами, а въ срединѣ его бронзовыми вставленными литерами изображена надпись: «Румянцова побѣдамъ».

Красивый монументъ, италійскому и римскому князю, россійскому генералиссимусу и графу Суворову воздвигнутый, своею искуснею фигурою достоинъ похвалы. Сей россійскій Геркулесъ представленъ въ рыцарскомъ одѣяніи съ панцыремъ на груди, величиною съ пьедесталомъ не менѣе 7 саженъ. Онъ отлитъ, какъ видно, изъ мѣди желтаго или золотаго цвѣта, а пьедесталъ украшенъ красивымъ краснымъ и другого цвѣта мраморомъ. Десницею держа обнаженный мечъ, какъ бы угрожаетъ истребить природу россійскихъ непріятелей. Лѣвою рукою и въ ней имѣющимся щитомъ съ изображеніемъ герба росскаго двуглавнаго орла защищаетъ онъ двѣ короны и скипетръ, лежащіе на престолѣ. Сіе значитъ, что побѣдоноснымъ россійскимъ войскомъ защитилъ и возвелъ онъ на троны италіанскихъ королей, изгнанныхъ французами изъ ихъ столицъ. Издержки, на сей монументъ употребленныя, простираются до 25.000 р. На срединѣ пьедестала два позлащенныхъ генія держатъ гербъ, а на немъ представлены знамена и оружія, украшенныя лаврами. Въ срединѣ герба бронзовыми литерами изображено: «Князь италійскій, графъ Суворовъ Рымникскій, 1801 года».

Нѣтъ силы изъяснить словами
Красу твою, Санктпетербургъ!
Златыми блещешь ты шпилями,
Какъ ясный въ небѣ солнца кругъ.

Сто лѣтъ, какъ въ мірѣ ты явился,
Но какъ Пекинъ распространился.
Сто лѣтъ тебѣ, какъ заложенъ,
Но ты огромными церквами,
Но ты обширными дворцами,
Какъ Цареградъ распространенъ!
Ты крѣпости своей стѣнами
Бояться весь принудилъ свѣтъ!
Петра безсмертнаго дѣлами,
Имѣя рѣдкій монументъ,
Имѣя горды обелиски,
Ты славишь стороны россійски!
Красуйся вѣкъ, столичный градъ!
Ликуй въ восторгѣ, веселися
И о Петрѣ къ Творцу молися,
Чтобъ онъ вошелъ въ Эдемскій садъ.

Петръ Великій при заложеніи города имѣлъ особливое вниманіе на торговлю. Городъ его долженствовалъ быть знатнѣйшею пристанью привозимымъ и вывозимымъ товарамъ для всей имперіи. Санктпетербургъ, не взирая на короткое лѣто и посредственно глубокій фарватеръ, имѣлъ преимущество предъ Архангельскимъ городомъ въ разсужденіи климата и положенія. Уже въ 1703 году пріѣхалъ первый голландскій корабль въ устье Невы, и императоръ, съ великою радостію принявъ сей корабль, одарилъ прещедро. Въ 1736 году пріѣхало въ Санктпетербургъ 272, а въ 1791 г.—1.038 кораблей изъ всѣхъ европейскихъ государствъ да изъ Америки 37. Почему можно заключить, что нынѣ приходящихъ кораблей увеличилось до 3 тысячъ.

Англичане изъ Ямайки, Лондона и Бермуда везутъ сюда сахаръ, цитроны и померанцы; бочки ихъ насыпаны виноградомъ, гранатами и винными ягодами; ящики ихъ наполнены имбиремъ, лавровымъ листомъ и хлопчатою бумагою; тюки ихъ набиты тонкими сукнами, казимирами и канифасами. Владѣтели рѣкъ Рона и Сейна изъ Парижа, Иль-де-Франса и Мартиники доставляютъ сюда камлотъ, штамедъ, сахаръ и кофей; вкусныя вина шампанское, бургондское и ратафей привозятъ они тысячами боченковъ; множество какао, отъ нихъ получаемаго, доставляетъ почти всей Россіи превкусный шеколадъ. Мадридскіе и кадикскіе жители, владѣтели Мексики, Бразиліи и Кубы привозятъ на своихъ корабляхъ ананасы, мастику и бальзамъ; деревянное масло, корица и сарацинское пшено ихъ употребляется въ Россіи съ великою пользою; квасцы ихъ, селитра и сюрьма развозятся въ Макарьевскую, Ирбитскую и Коренскую ярманки; лимоны, апельсины и финики ихъ наполняютъ многіе магазейны санктпетербургскіе и московскіе; канарскія птички, ими привозимыя, своимъ трелистымъ, нѣжнымъ пѣніемъ почитаются превосходными въ Россіи птицами; золото, алмазы и хризолиты ихъ

украшаютъ церкви и императорскія регаліи. Венеціане изъ Венеціи, Тріеста и Архипелагскихъ острововъ пріѣзжаютъ въ сію резиденцію съ винами, изюмомъ и черносливомъ; въ сундуки, ими привезенные, накладено златоглаву, парчи и штофу; чемоданы ихъ наполнены пукетомъ, атласомъ и шелковыми поясами; алый и голубой бархатъ, разноцвѣтные плисы и гризеты, ими доставляемые, продаются по всѣмъ Россійской имперіи городамъ. Италіанцы изъ Ливорны, Генуи и Кремоны везутъ въ Санктпетербургъ тафту, шелковые чулки, перчатки и платки; корабли ихъ нагружены мраморомъ, яшмою и агатомъ; клавикорды, фаготы и флейты ихъ для россійскихъ музыкантовъ превосходный инструментъ; фортепіаны, клавикорды, цитры, гобои и скрипки ихъ развозятся по всей Сибири даже до Енисейскихъ и Анадырскихъ водъ. Голландцы изъ Амстердама и Батавіи везутъ сюда смоквы, сандалъ, эбеновое и пальмовое дерева; кульки ихъ набиты корицею, гвоздикою и перцемъ; шкатулки ихъ насыпаны бриліантами, яхонтами, изумрудами и жемчугомъ.

Когда бы Великій Петръ не заложилъ здѣсь города, когда бы не былъ построенъ Санктпетербургъ, то не обогатилось бы россійское купечество. Таможенные доходы, за привозъ сюда заморскихъ товаровъ ежегодно сбираемые, не составили бы въ годъ 100 пудъ золота и 4.000 пудъ серебра кромѣ ассигнацій. Въ 1787 году пошлина въ столицѣ и Кронстадѣ состояла 3.910.006 рублей, слѣдовательно по числу увеличенія привоза иностраннаго товара нынѣшняго года должно быть пошланы до 6-ти милліоновъ рублей. Въ 1789 году привезено иностранныхъ товаровъ на 15.371.104 р. и сверхъ того ефимками и другимъ серебромъ 248 пудъ 19 фунтовъ, да золота 10 фунтовъ, цѣною на 245.898 р.; а если сего лѣта привозъ противъ онаго хотя удвоитъ, то сумма привезенныхъ въ Россію чрезъ Санктпетербургъ товаровъ должна простираться до 35 милліоновъ рублей. Обширная Нева и красивый каналъ Екатерининъ и рѣчки Фонтанка и Мойка не имѣютъ почти свободнаго мѣста, гдѣ бъ пройти баркамъ, полубаркамъ и водовикамъ со множествомъ внутреннихъ россійскихъ продуктовъ и металловъ. На сей рѣкѣ и обширныхъ каналахъ стоитъ вседневно отъ двухъ до трехъ тысячъ судовъ, желающихъ освободиться отъ тяжести своихъ товаровъ. Въ 1791 году было въ приходѣ въ Санктпетербургъ барокъ 3.600, полубарокъ 1.000 и водовиковъ 800. Нынѣ жъ если умножить вдвое, то ихъ должно приходить до 10,000 всѣхъ вообще. Россійскихъ товаровъ вывезено за море въ 1786 году на 13.360.011 р., а въ 1787 на 16.860.799 рублей, то нынѣ, чрезъ 15 лѣтъ, должно думать, что вывозъ россійскихъ товаровъ простирается до 40 милліоновъ рублей. Исчислить всѣ богатства и выгоды, отъ построенія Санктпетербурга Россіи послѣдовавшія, не имѣю

я силъ, не имѣю я способовъ! Пусть желающій опишетъ это обстоятельнѣе, но и онъ найдетъ въ томъ немалое затрудненіе.

Съ волнами синія воды,
Катись сокровище сюды,
Оставь Бразилію, Голкондъ,
Спѣши въ Варяжскій хладный понтъ!
Пускай купцы здѣсь богатятся!
Пускай довольными творятся
Чрезъ прибыли своихъ торговъ,
При множествѣ заботъ, трудовъ.

Когда приспѣлъ день столѣтія отъ заложенія Петромъ Великимъ крѣпости 16-го мая 1703 года, тогда въ сіе же самое число, то есть 16-го мая 1803 года, началось въ Санктпетербургѣ торжество столѣтія. О предположенной церемоніи объявлено было особо напечатанными афишками, разосланными по 11-ти города частямъ.

Предвѣстіе торжества былъ голландскій ботикъ, выставленный на линейномъ кораблѣ близъ монумента Петра I-го на Невѣ. Сей голландскій вооруженный ботикъ, вселившій въ Петра Великаго охоту учредить флотъ, нареченъ потомъ дѣдомъ всего морскаго россійскаго флота. Царь Алексѣй Михайловичъ построилъ сіе судно въ 1668 г. въ Москвѣ для прогулки по Волгѣ и назвалъ его «Орломъ». Петръ Алексѣевичъ возобновилъ оный и вооружилъ снова, къ чему самъ и начало положилъ. Онъ приказалъ перевести сіе судно изъ Москвы въ Санктпетербургъ въ 1723 году и съ великимъ торжествомъ плыть къ Кронстадту. Близъ сей крѣпости встрѣченъ онъ былъ флотомъ, изъ 22-хъ кораблей тогда состоявшимъ, причемъ и самъ императоръ начальствовалъ однимъ кораблемъ и спустилъ флагъ на ономъ.

Сенатскій балконъ, на коемъ императрица Екатерина Вторая присутствовала 7-го августа 1782 года при открытіи Петру Великому монумента, и въ сіе время для присутствія высочайшей фамиліи былъ украшенъ алымъ бархатнымъ покрываломъ съ богатою золотою бахромою. Для лучшаго и безпрепятственнаго смотра почетнымъ зрителямъ, на валу Адмиралтейства построены нарочито возвышенныя мѣста противъ Петровской площади.

Для совершенія Богу благодарственнаго молебствія назначена была мраморная с. Исаакія церковь. Она окружена была обмундированными кадетами, морскаго и инженернаго корпусовъ, кадеты же 1-го корпуса составляли линію на Петровской площади отъ Исаакіевскаго до Невскаго моста. Лейбъ-гвардіи три полка стояли въ три шеринги во фрунтѣ отъ площади Дворцовой до площади Исаакіевской. Сенаторы изъ Сената шествовали стройно во внутренность сея церкви въ парадныхъ своихъ

мундирахъ, шитыхъ золотомъ, къ нимъ присовокупились россійскій генералитетъ, какъ военный, такъ и статскій, и министры многихъ европейскихъ державъ. Духовенство въ драгоцѣнныхъ священныхъ одеждахъ, по своему обыкновенію, совершало литургію.

Сія огромная церковь въ сіе время вмѣщала въ себѣ одно знатное дворянство, духовенство и купечество. Курящійся ѳиміамъ наполнялъ весь храмъ ароматическимъ благовоніемъ. Драгоцѣнныя священныя одежды, множество зажженныхъ свѣчей и люстръ умножали великолѣпіе сей мраморной церкви. Не лишнее же будетъ, если я молитвы нѣкоторыхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, въ тайнѣ произносимыя, изъясню въ ниже слѣдующихъ стихахъ:

О ты! Творецъ небесъ, Творецъ стихій, свѣтилъ,
Велики милости на градъ Ты сей излилъ!
Чрезъ сто лѣтъ Ты его содѣлалъ Вавилономъ
И тысячи племенъ воззвалъ, чтобъ жить во ономъ.
Мы жертвы приносить въ честь святости Твоей
Воздвигли въ городѣ до двухъ сотъ алтарей.
Съ усердьемъ истиннымъ и съ добрыми сердцами
Тебѣ, о Боже нашъ! мы куримъ ѳиміамы.
Къ Тебѣ единому любовію горимъ,
Къ Тебѣ, о Господи! желанія стремимъ.
Богатство наше, честь и слава съ красотою,
О праведный судья! прахъ, пепелъ предъ Тобою.
Повѣрь, о Господи! что силы столько нѣтъ,
Чтобъ благости Твои, исчисля, всѣ воспѣть.
Какъ капля въ океанъ изъ облакъ опущенна,
Такъ предъ Тобою мы и вся сія вселенна!
Услышь, о Боже нашъ! моленій теплыхъ гласъ
И ниспосли Твои всѣ благости на насъ.

Богато убранный церемоніймейстеръ на красивомъ конѣ ѣхалъ впереди императорской фамиліи; чепракъ и узда его коня, шитые золотомъ, умножали великолѣпіе сей процессіи. За нимъ ѣхали пятнадцать драгоцѣнныхъ придворныхъ каретъ, вызолоченныхъ жарко, а ихъ везли 100 красивыхъ лошадей, убранныхъ въ разноцвѣтные шелковые хомуты и узды. Въ первыхъ каретахъ ѣхали камергеры, за ними штатсъ-дамы и флерины, а послѣ сихъ въ наидрагоцѣннѣйшихъ каретахъ же слѣдовали и высочайшія особы въ приличныхъ толикому торжеству одеждахъ.

Когда его императорское величество императоръ Александръ Павловичъ, императрицы Елисавета Алексѣевна и Марія Ѳеодоровна со всею высочайшею фамиліею прибыли въ Исаакіевскую церковь, тогда россійскимъ митрополитомъ и прочимъ духовенствомъ отпѣтъ благодарственный Господу Богу молебенъ. При возглашеніи многолѣтія трелистые съ крѣпостей и кораблей выстрѣлы своимъ страшнымъ

шумомъ потрясали землю и колебали воду. Повторенія выстрѣловъ изъ ружей и пистолетовъ уподоблялися грому, звучащему во отдаленности, и о радости празднующихъ извѣщали отдаленныя ингерманландскія селенія.

По выходѣ изъ церкви императорская фамилія въ препровожденіи генералитета съ великою церемоніею отправилась въ Правительствующій Сенатъ, гдѣ на покрытыхъ бархатомъ балконахъ находилась до самаго окончанія сего торжества. Украшенный сѣдинами старецъ, знавшій лично императора Петра Перваго, ѣздилъ на лошади вокругъ его монумента.

Кровли домовъ, окны и балконы обременены были великимъ множествомъ любопытныхъ зрителей, а на возвышенныхъ мѣстахъ, построенныхъ нарочито, стояла почетная нація россійскихъ обоего пола особъ. Площади Исаакіевская, Петровская, Невскій мостъ и улицы были почти непроходимы отъ множества людей средняго состоянія и черни.

Звукъ литавръ и трубъ были знакомъ приближенія войскъ къ монументу виновника толь славнаго торжества. Его императорское величество Александръ Павловичъ, командуя полками, приближаясь къ памятнику, салютовалъ предъ нимъ своею шпагою, а потомъ остановился при монументѣ и, оставивъ лошадь, присутствовалъ здѣсь для принятія почести на правой сторонѣ, пока прошли всѣ войска.

Его императорское высочество Константинъ Павловичъ, герцогъ, генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры, приближаясь къ монументу Великаго Петра и взирая на него и императора Александра, своими шпагами салютовали жъ. Унтеръ-офицеры и штандартъ-юнкеры, ѣдущіе на коняхъ, при первомъ приближеніи къ основателю Санктпетербурга, преклоняли свои знамена. Маршировавшіе подъ ружьемъ и ѣхавшіе на лошадяхъ воины на монументъ перваго россійскаго императора взирали съ видомъ, исполненнымъ благодарности.

Сія церемонія продолжалась при шумѣ литавръ и трубъ 80 минутъ. Лейбъ-гвардіи Преображенскій и Семеновскій полки маршировали напередъ, Измайловскій и Гранодирскій слѣдовали за ними, а Павловскій, Литовскій и Тенгинскій полки шли послѣ сихъ скорымъ шагомъ. Наконецъ, слѣдовали Кавалергардскій и Лейбъ-Конный полки, а за ними ѣхали эскадроны лейбъ-гусаровъ и лейбъ-казаковъ, которые своимъ скорымъ маршемъ окончили сію деликатную процессію. Когда атмосфера покрылась темною завѣсою ночи, тогда подобное солнцу свѣтило своимъ величественнымъ блескомъ разгоняло ужасный мракъ ночной темноты. Это блисталъ величайшій факелъ зажженный на верху градской башни, имѣющей вышины 140 футовъ англинскихъ! Иллюминованный вокругъ монументъ Петра Великаго предтавлялъ тогда чрезвычайно прелестное зрѣлище. Ботикъ, построенный до начала

столѣтія, какъ дѣдъ россійскаго флота, былъ поставленъ на линейномъ кораблѣ, украшенъ разноцвѣтными флагами и освѣщенъ различными огнями.

Плавающіе корабли и шлюпки съ засвѣщенными огнями въ фонаряхъ дѣлали по Невѣ искусные маневры, а въ отдаленныхъ мѣстахъ иллюминованные крѣпость и Петра Великаго дворецъ, построенный первый въ Санктпетербургѣ, своими огнями свѣтились, какъ множество кометъ, свѣтящихся по атмосферѣ. Въ одномъ мѣстѣ Адмиралтейскія ворота съ изображенными на нихъ Нептунами имѣли на себѣ огни, представляющіе вѣнцы, а во многихъ мѣстахъ валы были освѣщены въ видѣ полуциркулей и квадратовъ. Огромные щиты, горѣвшіе во многихъ мѣстахъ Санктпетербурга, имѣли вензели съ именемъ виновника толико важнаго торжества.

Металлическая съ позлащенными верхами ограда дворцоваго Лѣтняго сада на каменныхъ столбахъ имѣла по великому вожженному свѣтилу. Она, иллюминованная во многихъ мѣстахъ, свои блестящіе лучи преломляла о сильныя волны бунтовавшейся Невы. Длинныя и густыя сего сада аллеи и широкіе пруды, украшенные огнями, представляли тогда прелестнѣйшую картину. Сей прекрасный садъ, нерѣдко посѣщаемый публикою, въ сей день или ночь, наполненъ былъ многими тысячами почетныхъ обоего пола особъ. Пріятная гармонія императорской музыки приглашала всѣхъ успокоиться подъ сводами кудрявыхъ деревъ на мягкой муравѣ. Здѣсь все дышало радостію, все казалось удовольствіемъ! Спокойствіе нарушалъ одинъ зефиръ, летавшій по кустамъ и деревамъ. Различные цвѣты, испускавшіе отъ себя бальзамическое благовоніе, услаждали обоняніе всѣхъ веселящихся. Многіе люди, наслаждаясь удовольствіемъ, начали было забывать, что они смертные человѣки.

О великій день столѣтія! день торжества и веселія Санктпетербурга! останься ты вѣчно въ нашей памяти незабвеннымъ. Останься ты незабвеннымъ и въ слабыхъ памятяхъ юныхъ россіанъ. Пусть сіи дѣти своимъ дѣтямъ возвѣстятъ всю важность бывшей церемоніи! Пускай они имъ скажутъ, какъ богато и великолѣпно праздновано торжество перваго столѣтія отъ заложенія Санктпетербурга.

Сообщилъ **В. Срезневскій.**

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

VIII [1]).

Предоставленіе министрамъ права быть цензорами статей, относящихся до ихъ вѣдомствъ.—Докладъ Уварова о правительственныхъ изданіяхъ. — Попытка графа Строганова отстранить вліяніе министровъ на цензуру.—Колыбельная пѣсня Н. Некрасова. — Цензура отдѣльныхъ книгъ. — Сочиненія А. Мицкевича.—Книга академика Велланскаго „Животный магнитизмъ“.—Стихотвореніе Лермонтова „Послѣднее новоселье“ въ переводѣ на французскій языкъ. — Книги: „Продѣлки на Кавказѣ“, „Турусы на колесахъ“ и „Двадцать лѣтъ царствованія императора Николая I“, Лебедева.—Вопросъ о печатаніи Корана въ Казани.

Съ теченіемъ времени вмѣшательство министровъ въ дѣла цензуры постепенно увеличивалось, и съ 1845 г. они получаютъ право быть цензорами всего того, что писалось объ ихъ вѣдомствахъ. Первый примѣръ тому подалъ графъ Клейнмихель. 14-го февраля 1845 года онъ писалъ Уварову, что въ № 25 «Полицейскихъ Вѣдомостей» напечатана статья о Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ и потомъ перепечатана въ «Сѣверной Пчелѣ», «Русскомъ Инвалидѣ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». По розысканіи источника, служившаго основаніемъ этой статьи, оказалось, что она извлечена изъ изданнаго г. Пушкаревымъ въ 1844 году «Описанія Россійской Имперіи». Разсмотрѣвъ это сочиненіе и найдя въ немъ ошибки и несообразности въ описаніи сухо-

---

[1]) См. «Русскую Старину» апрѣль 1903 года.

путныхъ и водяныхъ сообщеній, графъ Клейнмихель испросилъ высочайшее повелѣніе, чтобы «всѣ свѣдѣнія, относящіяся до главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій не иначе дозволялось печатать, какъ по предварительному сношенію съ графомъ Клейнмихелемъ и по полученіи его одобренія». Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 28-го декабря, графъ Клейнмихель велѣлъ своей особенной канцеляріи потребовать свѣдѣнія: по какому случаю безъ его вѣдома и на какомъ основаніи, вопреки высочайшему повелѣнію, дозволено было, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Бегрову отлитографировать «Тетрадь фасадовъ православныхъ церквей, составленныхъ архитекторомъ Морганомъ»? На это, по приказанію Уварова, было отвѣчено, что къ числу свѣдѣній, относящихся до путей сообщенія и публичныхъ зданій и указанныхъ упомянутымъ высочайшимъ повелѣніемъ, нельзя относить фасады церквей, принадлежащіе къ области изящныхъ искусствъ, а потому цензура не въ правѣ была распространять высочайшее повелѣніе на художественное изданіе архитектора Моргана, такъ какъ вообще она дозволяетъ эстампы и рисунки по всѣмъ другимъ вѣтвямъ изящныхъ искусствъ, если они не противны общимъ цензурнымъ правиламъ. Графъ Клейнмихель этимъ не удовольствовался и 4-го марта 1846 г. сообщилъ Уварову новое высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы всѣ вообще планы, фасады, чертежи и рисунки по части строительной и путей сообщенія, представляемые въ цензуру, для печатанія были предварительно разсматриваемы въ главномъ управленіи путей сообщенія и публичныхъ зданій, и тѣ только печатались, которые главноуправляющимъ путями сообщеній будутъ одобрены».

Вслѣдъ за тѣмъ, но выйглавноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ генералъ-адъютантъ Адлербергъ, по поводу предпринятаго однимъ частнымъ лицомъ изданія «Алфавитъ городамъ и мѣстамъ, состоящимъ на главныхъ трактахъ отъ С.-Петербурга до Москвы», находя, что подобныя изданія должны быть дѣлаемы не частными людьми, а почтовымъ вѣдомствомъ, просилъ Уварова, чтобъ на будущее время всѣ сочиненія, до почтъ относящіяся, не дозволять печатать безъ предварительнаго просмотра ихъ въ почтовомъ департаментѣ. «Эта предосторожность, говорилъ онъ, необходима для того, чтобы не подвергнуть публику тѣмъ недоразумѣніямъ, кои легко могутъ послѣдовать отъ ошибокъ, которыхъ никакой частный человѣкъ не имѣетъ возможности избѣгнуть».

Военный министръ, князь Чернышевъ, 18-го января 1847 года писалъ Уварову, что государь императоръ, по докладу его, высочайше повелѣлъ, чтобы всякаго рода критическія статьи или книги, издаваемыя частнымъ лицомъ и относящіяся до сочиненій, принятыхъ съ разрѣшенія начальства въ руководство въ какомъ-либо военно-учеб-

номъ отношеніи и касающіяся собственно военнаго образованія, сверхъ обыкновеннаго дозволенія цензуры гражданской, были печатаемы не иначе, какъ по предварительномъ разсмотрѣніи и одобреніи военно-цензурнымъ комитетомъ.

Министръ двора, князь Волконскій, въ качествѣ президента коммиссіи о построеніи Исакіевскаго собора, писалъ 5-го декабря министру народнаго просвѣщенія, что печатаемыя въ журналѣ «Artiste» статьи объ Исакіевскомъ соборѣ, и особенно о тамошней живописи, не соотвѣтствуютъ существу дѣла, а потому просилъ, чтобы всѣ статьи о строеніи того собора, назначаемыя для журналовъ, были предварительно сообщаемы на разсмотрѣніе предсѣдательствуемой имъ, княземъ Волконскимъ, коммиссіи. Разсмотрѣніе статей этого рода взялъ на себя членъ коммиссіи, герцогъ Лейхтенбергскій.

Но едва-ли не самымъ любопытнымъ примѣромъ ревности, съ которою отдѣльныя министерства заботились въ это время о своемъ ближайшемъ участіи въ цензурномъ дѣлѣ, можетъ служить слѣдующій случай. 29-го мая 1847 г., Уваровъ входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ слѣдующаго содержанія: «По 18 § цензурнаго устава, казенныя мѣста могутъ издавать повременныя сочиненія, по сношеніи съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Большая часть журналовъ, издаваемыхъ отъ казенныхъ вѣдомствъ, разсматриваются общею цензурою. «С.-Петербургскія Полицейскія Вѣдомости» возникли, «Русскій Инвалидъ» преобразованъ, по новому плану, безъ предварительнаго свѣдѣнія министерства. Своими чисто литературными статьями оба эти журнала сами входятъ и вовлекаютъ другія газеты и журналы въ критическія и полемическія сужденія, иногда о предметахъ, не подлежащихъ ихъ разбирательству. Такъ какъ они издаются независимо отъ общей цензуры, то эта послѣдняя почти не можетъ, не подвергаясь упреку въ пристрастной несправедливости, останавливать въ другихъ журналахъ вызванныя первыми возраженія и замѣчанія. Обязанность цензуры удерживать литературныя пренія въ предѣлахъ скромности становится неисполнимою, и водвореніе единства дѣйствій цензуры и общаго направленія, столь необходимаго въ настоящемъ времени, оказывается невозможнымъ».

Для отвращенія этихъ неудобствъ, Уваровъ находилъ необходимымъ, не касаясь оффиціальныхъ статей, печатаемыхъ въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» и «Инвалидѣ», прочія статьи литературнаго и ученаго содержанія подчинить общей цензурѣ; на что онъ и испрашивалъ высочайшее повелѣніе. Государь императоръ написалъ на докладѣ: «Согласенъ»; министерство внутреннихъ дѣлъ ничего на это не возразило; но военное министерство осталось недовольно такою новою мѣрою, принятою противъ него, и управлявшій этимъ мини-

стерствомъ, графъ Адлербергъ, 4-го іюля написалъ Уварову, что государь императоръ, по докладу его, высочайше повелѣлъ: статьи литературнаго и ученаго содержанія, предназначенныя для напечатанія въ «Инвалидѣ», разсматривать, по-прежнему, въ военно-цензурномъ комитетѣ и уже потомъ передавать въ общую цензуру.

Противъ такихъ требованій и захватовъ возвысился одинъ голосъ внутри самой правительственной сферы. Попечитель Московскаго учебнаго округа, графъ С. Г. Строгановъ еще 1-го марта 1845 года писалъ Уварову, что при точномъ исполненіи новыхъ высочайшихъ повелѣній о непечатаніи ничего, относящагося до вѣдомствъ путей сообщенія, почтъ, а также до театровъ, Кавказскаго края, обязанныхъ крестьянъ и по другимъ временнымъ мѣрамъ правительства, безъ разрѣшенія тѣхъ спеціальныхъ вѣдомствъ, онъ замѣтилъ на опытѣ, что писатели наши до крайности стѣсняются цензурою въ изданіи своихъ сочиненій, и тѣмъ самымъ нерѣдко благонамѣренныя и полезныя для общей образованности статьи остаются ненапечатанными, или выходятъ въ свѣтъ совершенно несвоевременно, особенно въ періодическихъ изданіяхъ. А потому онъ просилъ Уварова доложить государю императору, не угодно ли будетъ его величеству дозволить ему, графу Строганову, лично, какъ предсѣдателю Московскаго цензурнаго комитета и въ извѣстной степени понимающему цѣль правительства въ его распоряженіяхъ, разсматривать подобныя, непропускаемыя цензурою статьи и представлять въ министерства и главныя управленія только тѣ изъ нихъ, которыя, по своему содержанію, не должны быть допущены къ печатанію безъ одобренія высшаго начальства каждаго вѣдомства. «Само собою разумѣется, говорилъ въ заключеніе графъ Строгановъ, что въ такихъ случаяхъ я обязанъ буду руководствоваться и общими правилами цензурнаго устава».

На этомъ представленіи находится, въ дѣлѣ, слѣдующая служебная отмѣтка: «Г. министръ призналъ неудобнымъ входить съ представленіемъ объ этомъ дѣлѣ».

Такимъ образомъ попытка графа Строганова не увѣнчалась успѣхомъ; и министры продолжали отстаивать данное имъ право вмѣшательства.

13-го февраля 1846 года графъ Орловъ жаловался Уварову на стихотвореніе Н. Некрасова «Колыбельная пѣсня», напечатанное въ «Петербургскомъ Сборникѣ» [1]). Сочиненіе подобнаго рода, писалъ на-

---

[1]) Колыбельная пѣсня
(подражаніе Лермонтову).
Спи, пострѣлъ! пока безвредный,
Баюшки-баю!

чальникъ III-го отдѣленія, по предосудительному своему содержанію не должно бы одобряться къ печатанію; «почему онъ просилъ принять мѣры для предупрежденія случаевъ, подобныхъ настоящему. Уваровъ велѣлъ объявить выговоръ цензору. Но попечитель Петербургскаго учебнаго округа, Мусинъ-Пушкинъ поспѣшилъ довести до свѣдѣнія министра, что «Колыбельная пѣснь» пропущена въ печать съ разрѣшенія его, Мусина-Пушкина. Мнѣ казалось, говорилъ онъ, что въ ней осмѣивался порокъ, распространяющійся, къ несчастію, въ Россіи, и на искорененіе котораго нѣтъ другаго средства, какъ нравственный бичъ». А потому онъ отнесъ къ самому себѣ выговоръ министра.

Таково было участіе разныхъ министровъ и другихъ правительственныхъ лицъ въ русской журналистикѣ съ 1833 по 1848 годъ. Вліяніе ихъ на судьбы отдѣльно печатавшихся книгъ и изданій было гораздо менѣе значительно какъ по небольшому вообще числу выходившихъ въ это время книгъ, такъ и потому, что большая ихъ часть не представляла такихъ, какъ журналы, предметовъ современныхъ и животрепещущихъ. При всемъ томъ и здѣсь встрѣчалось не одно любопытное явленіе.

Приведемъ нѣкоторыя. Такъ, еще 11-го іюля 1834 года, военный

Тускло смотритъ мѣсяцъ мѣдный,
Въ колыбель твою.
Стану сказывать не сказки,
Правду пропою.
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю!

* * *

По губерніи раздался
Всѣмъ отрадный крикъ:
Твой отецъ подъ судъ попался,
Явныхъ тьма уликъ!
Но отецъ твой, плутъ извѣстный,
Знаетъ роль свою.
Спи, пострѣлъ, покуда честный!
Баюшки-баю!

* * *

Подростешь и міръ крещеный
Скоро самъ поймешь,
Купишь фракъ темнозеленый,
И перо возьмешь.
Скажешь: «я благонамѣренъ,
За добро стою!»
Спи, твой путь грядущій вѣренъ!
Баюшки-баю!

* * *

министръ изъявилъ согласіе на печатаніе «Жизни генералъ-лейтенанта князя Мадатова», но съ тѣмъ, чтобъ сдѣланы были въ рукописи всѣ указанныя министромъ измѣненія, такъ какъ авторъ слишкомъ преувеличиваетъ военные подвиги князя Мадатова, сами по себѣ значительные и потому совершенно не требующіе такихъ украшеній. Князь Мадатовъ большею частью дѣйствовалъ съ малыми отрядами, находясь въ составѣ большихъ армій, а не отдѣльно, исключая нѣкоторыхъ экспедицій противъ горцевъ, и потому въ его жизнеописаніи должно показать, какъ хорошо онъ умѣлъ выполнять даваемыя ему высшимъ начальствомъ (генералами: Ермоловымъ, Паскевичемъ) порученія. Между тѣмъ въ настоящемъ сочиненіи почти всѣ его дѣйствія выставлены особо, какъ будто онъ самъ распоряжался ими, по собственному произволу. Сверхъ того, военный министръ требовалъ, чтобъ изъ сочиненія было исключено неудачное дѣло генералъ-маіора Пестеля, а равно и сказанное, кажется не безъ умысла, въ концѣ, послѣ описанія подвиговъ князя Мадатова, что генералъ-адъютантъ Паскевичъ взялъ у князя Мадатова отрядъ и отдалъ его генералъ-маіору Панкратьеву, а ему приказалъ отправиться въ Тифлисъ.

Будешь ты подъячій съ виду,
И подлецъ душой,
Провожать тебя я выйду
И махну рукой!
Въ день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою.
Спи, пострѣлъ, пока невинный!
Баюшки-баю!

* * *

Тихъ и кротокъ, какъ овечка,
И крѣпенекъ лбомъ,
До хорошаго мѣстечка
Доползешь ужомъ
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю!

* * *

Купишь домъ многоэтажный,
Схватишь крупный чинъ,
И вдругъ станешь баринъ важный:
Русскій дворянинъ,
Заживешь... и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою,
Спи, чиновникъ мой прекрасный!
Баюшки-баю!

Уваровъ предписалъ Петербургскому цензурному комитету поступить по указаніямъ графа Чернышева.

6-го сентября 1834 г., князь Варшавскій писалъ Уварову, что при разсмотрѣніи, по его приказанію, книгъ, изданныхъ въ царствѣ Польскомъ во время мятежа и послѣ онаго, особенное вниманіе обратили на себя стихотворенія извѣстнаго польскаго поэта Адама Мицкевича, напечатанныя въ Петербургѣ въ 1829 году и перепечатанныя сперва въ Парижѣ и Краковѣ, а потомъ въ 1833 году въ Варшавѣ. «Не говоря уже, писалъ князь, о помѣщенномъ въ тѣхъ стихотвореніяхъ посланіи къ Лелевелю, гдѣ сей главнѣйшій крамольникъ названъ исправителемъ сердецъ и просвѣтителемъ умовъ юношества, и гдѣ излиты всѣ чувства приверженности и уваженія къ нему всѣхъ его читателей, замѣчательна поэма Мицкевича «Валенродъ». Поэма сія исполнена намековъ, какимъ образомъ поляки, подъ личиною покорности, должны питать скрытую ненависть противъ власти, правомъ оружія надъ ними утвердившейся (т. е. противъ державы русской), показывая притворную преданность, втайнѣ замышлять месть и предательство. Содержаніе и цѣль сего сочиненіи подробно описаны въ найденномъ въ дѣлахъ въ бозѣ почивающаго государя цесаревича рапортѣ д. т. сов. Новосильцова. Справедливость изложенныхъ въ этомъ рапортѣ заключеній подтвердилась вполнѣ послѣдними событіями въ Польшѣ. Къ сему присовокупить можно слѣдующее: бывшій попечитель Краковскаго университета, отставной генералъ-маіоръ графъ Залускій, въ объясненіи своемъ комитету мятежниковъ, разсматривавшему дѣйствія разныхъ лицъ, въ подтвержденіе патріотизма своего и содѣйствія къ воспламененію умовъ и приготовленію молодыхъ людей къ возстанію, приводилъ главнѣйшимъ доказательствомъ то, что по распоряженію его перепечатана была въ Краковѣ и распространена въ публикѣ, до мятежа, въ значительномъ числѣ экземпляровъ, поэма «Валенродъ». Сочиненія Мицкевича, напечатанныя съ дозволенія петербургской цензуры, перепечатаны въ Варшавѣ на томъ же основаніи. Но духъ сихъ сочиненій таковъ, что ихъ распространять не должно».

На это Уваровъ поспѣшилъ отвѣтить, что стихотворенія Мицкевича напечатанныя въ 1829 году, не только не будутъ впредь перепечатываться, но что и ввозъ иностранныхъ изданій ихъ строго воспрещенъ имъ, Уваровымъ. Спустя 5 лѣтъ, военный министръ писалъ секретно Уварову (11-го апрѣля 1839 года), что производимыя о тайныхъ обществахъ изслѣдованія подали поводъ къ заключенію, что участники ихъ получали изъ Одессы привозимыя тайно изъ-за границы возмутительныя сочиненія. При обыскахъ въ Одесскихъ книжныхъ лавкахъ такихъ книгъ не отыскано, и только въ одной изъ нихъ найдено 21 экземпляръ сочиненій Мицкевича на польскомъ языкѣ, дозволенныхъ нашею

цензурой въ 1829 году. Государь императоръ находя, что, по измѣнившимся съ того времени обстоятельствамъ, такого рода книги подлежали бы болѣе разборчивому и строгому пересмотру, поручилъ сообщить о томъ министру народнаго просвѣщенія. Уваровъ секретно же поспѣшилъ отвѣтить, что распоряженіе о сочиненіяхъ Мицкевича сдѣлано еще въ 1834 году, но теперь онъ подтвердилъ о томъ же циркулярами всѣмъ цензурнымъ комитетамъ.

2-го мая 1838 г. статсъ-секретарь Мордвиновъ, за отсутствіемъ графа Бенкендорфа и по его порученію, писалъ секретно Уварову, что въ «Евангеліяхъ», напечатанныхъ въ Вильнѣ и содержащихъ, между прочимъ, также евангелія на дни покровителей короны Польской и великаго княжества Литовскаго, не прибавлено даже при этомъ слова «бывшихъ», каковое заглавіе можетъ дать всякому изъ поляковъ понятіе о существованіи короны польской и княжества Литовскаго отдѣльно отъ Россіи, и министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ, по этому предмету, что въ отвращеніе, по возможности, распространенія вредныхъ сужденій, особенно между легковѣрными въ западныхъ губерніяхъ, не излишне было бы постановить, чтобы свѣтская цензура въ Литвѣ имѣла строгое, бдительное вниманіе за издаваемыми тамъ вновь и перепечатываемыми книгами, даже и духовнаго содержанія, такъ какъ по закону ни одна книга не можетъ быть дозволена къ напечатанію безъ окончательнаго разрѣшенія цензуры свѣтской. Уваровъ предписалъ это, секретно, попечителю Бѣлорусскаго учебнаго округа.

Въ 1840 году знаменитый столько же своею ученостью, сколько и эксцентричностью мыслей академикъ Велланскій желалъ напечатать свое сочиненіе «Животный магнитизмъ», но не получилъ на то разрѣшенія отъ Петербургскаго цензурнаго комитета, на основаніи мнѣнія цензора, профессора Куторги. Велланскій передѣлалъ рукопись и снова получилъ отказъ. Тогда онъ пожаловался на цензора цензурному комитету. Въ «объясненіи» своемъ отъ 22-го февраля 1843 года, которое мы приводимъ цѣликомъ, по крайней его любопытности, онъ писалъ: «На донесеніе цензора Куторги честь имѣю объясниться предъ комитетомъ на пункты, которыми оно опорочено. Сначала цензоръ бламируетъ самый предметъ сочиненія, называя его фантастическимъ произведеніемъ, употребляемымъ мечтателями и шарлатанами для обмана въ медицинской практикѣ, которая, по скандалезнымъ ея исторіямъ, возбраняется во всѣхъ странахъ, и цензоръ полагаетъ, что пропускъ сочиненія о семъ предметѣ долженъ зависѣть какъ отъ общей цензуры, такъ и отъ медицинскаго начальства. Но животный магнитизмъ, составляющій предметъ моего сочиненія, г. Куторгѣ вовсе неизвѣстенъ, и онъ мнѣніе свое основываетъ только на предразсудкахъ, сообщенныхъ ему превратнымъ сужденіемъ людей, не имѣющихъ истиннаго понятія о магнитизмѣ. Жи-

вотный магнитизмъ не есть фантастическое произведеніе, а находится дѣйствительно въ природѣ, и столько же принадлежитъ животному организму, сколько минеральный магнитизмъ свойственъ магниту и желѣзу. Натуральный сонъ человѣка есть магнитное состояніе, наводимое вліяніемъ земной планеты, какъ общаго космическаго магнита. Но это состояніе въ человѣкѣ измѣняется и дѣлается болѣзнью, извѣстною подъ именемъ сомнабулизма, который не что другое есть, какъ болѣзненное сновидѣніе, коего виды и формы въ количественномъ и качественномъ отношеніи неисчислимы, и по столь обыкновеннымъ явленіямъ каждому наблюдателю извѣстны. Животный магнитизмъ есть важнѣйшій предметъ физіологіи и патологіи, находящихся еще въ скудномъ положеніи и для которыхъ онъ составляетъ труднѣйшую задачу, непостигаемую въ эмпирическомъ ученіи медицины. Посему многіе врачи, не имѣющіе теоретическаго понятія о магнитизмѣ, считаютъ его ничтожнымъ, а нѣкоторые, убѣждаясь очевидными и разительными явленіями сомнамбулизма, лѣчатъ его эмпирическимъ способомъ, перенимаемымъ у простолюдиновъ, которые, по врожденному имъ свойству, часто животнымъ магнитизмомъ исцѣляютъ весьма тяжкія болѣзни къ изумленію и стыду ученыхъ медиковъ. Занимавшись 45 лѣтъ теоретическимъ и практическимъ изученіемъ медицины и бывъ 32 года профессоромъ физическихъ и врачебныхъ наукъ въ Императорской медико-хирургической академіи, я знаю основательно предметъ, изложенный въ моемъ сочиненіи, и столь несправедливое объ оном мнѣніе г. Куторги считаю дерзкимъ и для меня оскорбительнымъ. Сочиненіе мое написано съ благою цѣлію и искреннимъ желаніемъ доставить истинную пользу онымъ моимъ соотечественникамъ, занимающимся физическими и психическими науками, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ просятъ меня убѣдительно объ изданіи онаго; и я могу не обинуясь сказать, что, кромѣ меня, никто изъ русскихъ медицинскихъ писателей не въ состояніи издать основательнѣйшаго и подробнѣйшаго сочиненія о животномъ магнитизмѣ, которое въ немощномъ состояніи поврежденнаго моего зрѣнія стоило мнѣ неимовѣрныхъ трудовъ и усилій. Между тѣмъ г. Куторга, руководствуясь духомъ школьной противной секты, старается сдѣлать плоды трудовъ моихъ тщетными. Онъ даетъ произвольное и ложное толкованіе моему сочиненію и въ донесеніи своемъ показываетъ частныя выраженія, которыя въ рукописи вовсе не содержатся, либо излагаетъ цѣлыя мѣста превратно и съ текстомъ несходно. Въ донесеніи своемъ показываетъ онъ, что будто бы въ исторіи магнитизма я утверждалъ, что древніе религіозные обряды языческіе и прорицанія оракуловъ совершались посредствомъ магнитизма. Но это утверждаетъ древняя исторія египтянъ и грековъ. Слѣдующія выраженія: «лѣченія религіоз-

*

ныя временъ и народовъ христіанскихъ, изгоненіе демоновъ (exorcismus), врачеваніе предметами, принадлежавшими благочестивымъ мужамъ, напр. ключомъ св. Губерта и плеваніемъ, совершались не иначе, какъ посредствомъ магнитизма» въ книгѣ моей находятся. Приведеніе текста изъ Ветхаго Завѣта, гдѣ упоминается о душевозбудительномъ дѣйствіи музыки, возбуждающей также и животный магнитизмъ, цензоръ считаетъ непозволительнымъ, но цензурнымъ уставомъ не запрещено приводить изъ св. Писанія тексты для подтвержденія истины естественныхъ происшествій. Положеніе мое: «духъ человѣческій есть высочайшее существо земнаго міра» считаетъ онъ законопреступнымъ; но надобно быть совершенно несвѣдущимъ въ антропологіи, чтобы сего положенія не признать истиннымъ. Въ другихъ мірахъ, можетъ быть, находятся совершеннѣйшія существа, а на землѣ нѣтъ творенія совершеннѣе человѣка. Св. Августинъ писалъ о сомнамбулизмѣ католическаго монаха, а приводить его тексты во свидѣтельство не запрещено. О заклинаніи духовъ, производившемся (въ римскомъ Колизеѣ) сицилійскимъ духовнымъ лицомъ, повѣствуетъ Бенвенуто Челлини въ исторіи своей жизни. Сіе заклинаніе совершилось посредствомъ животнаго магнитизма, произведеннаго въ присутствовавшихъ при томъ людяхъ разными куреніями. Замѣченныхъ цензоромъ на многихъ страницахъ II тома предосудительныхъ мѣстъ вовсе нѣтъ, и тамъ не утверждается возможность говорить на невѣдомыхъ языкахъ посредствомъ магнитизма, а еще опровергается оная. Въ § 191 написано: возможность сомнамбуловъ говорить на чужомъ языкѣ зависитъ отъ ихъ дальносвѣдѣнія въ прошедшемъ времени, гдѣ языкъ, позабытый въ бдящемъ состояніи, приходитъ вновь на память сомнамбулу. Мѣсто изъ житія одного католическаго святаго іезуита Орландини, приводимое цензоромъ, на стр. 349 не находится, а тамъ сказано: Орландини разсказываетъ, что болѣзновавшій смертельно іезуитъ не умеръ, покуда не далъ ему позволенія его настоятель, которому повиновался онъ безусловно. Первую исторію лѣченія болѣзни животнымъ магнитизмомъ въ С.-Петербургѣ цензоръ считаетъ непозволительною, потому что въ ней, какъ онъ говоритъ, безпрестанно перемѣшаны призыванія имени Божія съ манипуляціями магнитизированія. Но сія исторія есть самая важная по ея вѣрности и точности въ лѣченіи сомнамбула, продолжавшемся 5 мѣсяцевъ, при которомъ присутствовали многіе врачи и любопытные наблюдатели и въ числѣ которыхъ часто находился и я. Журналъ лѣченія въ каждую сессію былъ писанъ весьма вѣрно, и сомнамбулъ, въ высшихъ степеняхъ сомнамбулизма, часто говорилъ къ магнитизировавшей его особѣ о помощи и благости Божіей. Въ заключеніе своего донесенія цензоръ говоритъ, что краткое его

изложеніе уже ясно показываетъ сущность и направленіе разсмотрѣннаго имъ сочиненія; измѣнить это направленіе исключеніемъ показанныхъ мѣстъ невозможно. Но изъ всѣхъ мѣстъ, замѣченныхъ цензоромъ въ моемъ сочиненіи, ни одно не подлежитъ цензурному запрещенію, и несправедливость его сужденія очень явственна. Онъ старается представить сочиненіе мое предосудительнымъ въ отношеніи къ христіанской религіи; однако ложными притязаніями не можетъ въ немъ доказать никакого злонамѣренія».

Но цензурный комитетъ остался при своемъ мнѣніи о невозможности дозволить печатаніе сочиненія Велланскаго. Тогда этотъ послѣдній обратился въ главное управленіе цензуры, съ просьбой дозволить ему печатать его сочиненіе, такъ какъ онъ чувствуетъ несправедливость комитета, согласившагося съ пристрастнымъ мнѣніемъ цензора Куторги, имѣющаго школьную ненависть къ философскимъ понятіямъ его, Велланскаго. «На поприщѣ ученаго міра, говорилъ въ заключеніе Велланскій, подвизаюсь я 60 лѣтъ, былъ 32 года профессоромъ физическихъ и врачебныхъ наукъ въ медико-хирургической академіи и въ теченіе 40 лѣтъ издалъ много переводовъ и собственныхъ сочиненій, которыя всѣ печатались съ дозволенія цензуры, не находившей въ нихъ ни одного слова непозволительнымъ. Нынѣ, приближаясь къ исходу жизни моей и находясь въ немощномъ положеніи зрѣнія, могу ли я издавать въ свѣтъ что-либо непозволительное и предосудительное? Твердо надѣюсь, что разсматривающій сочиненіе мое умно и безпристрастно найдетъ въ немъ благую цѣль и непритворное намѣреніе доставить пользу любителямъ физическихъ и психическихъ наукъ, и принесть посильную дань моему отечеству, покровительствовавшему меня въ юности и призрѣвшему въ старости». Главное управленіе цензуры отправило книгу эту на заключеніе духовной цензуры (чего Велланскій просилъ еще въ 1840 году, черезъ графа Бенкендорфа), и наконецъ это дѣло разрѣшилось тѣмъ, что графъ Протасовъ, не входя въ какія бы то ни было подробности, сообщилъ 17-го марта 1844 года Уварову, что Петербургскій духовный комитетъ нашелъ невозможнымъ одобрить сочиненіе Велланскаго къ напечатанію.

4-го января 1843 года, графъ Бенкендорфъ писалъ Уварову, по поводу стихотворенія Лермонтова «Послѣднее новоселье», переведеннаго на французскій языкъ и имѣющаго появиться (по словамъ «Отечественныхъ Записокъ»), въ непродолжительномъ времени, въ книгѣ: «Morceaux choisis de la poésie russe, traduits par M. M.» [1]), что считаетъ

[1]) Какъ извѣстно, въ „Послѣднемъ новосельѣ“ говорится о перенесеніи тѣла Наполеона I, въ 1840 году, съ острова Св. Елены въ Парижъ. Переводъ былъ сдѣланъ княземъ Мещерскимъ.

неприличнымъ изданіе подобной пьесы и не соотвѣтственнымъ отношеніямъ нашимъ къ иностраннымъ державамъ. Сильныя выходки подлинника противъ Франціи усилены переводчикомъ до неприличной брани. При свободѣ книгопечатанія во Франціи, русское правительство не можетъ оскорбляться частыми непріязненными отзывами французскихъ писателей, но всякія выходки русскихъ сочинителей противъ иностранныхъ державъ разсматриваются цензурой, и тѣмъ уже принимаютъ, нѣкоторымъ образомъ, оффиціальный характеръ. Кромѣ того, переводы г. М. обличаютъ переводчика въ совершенномъ незнаніи французскаго языка и французскаго стихосложенія [1]), а потому, если г. М. имѣетъ въ виду ознакомить Францію съ нашей отечественной литературой, то не только не достигаетъ предположенной цѣли, но даже наноситъ явный вредъ, искажая извѣстнѣйшихъ нашихъ сочинителей". Уваровъ предписалъ Петербургскому и Московскому цензурнымъ комитетамъ принять мнѣніе графа Бенкендорфа въ руководство и соображеніе на будущее время.

26-го мая 1844 года, начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генералъ-маіоръ Дубельтъ, сообщилъ Уварову, что въ напечатанномъ въ С.-Петербургѣ, сочиненіи Хамаръ-Дабанова: «Продѣлки на Кавказѣ», является много сомнительныхъ мѣстъ, которыя не должны бы быть передаваемы читающей публикѣ, а какъ книга эта находится уже въ продажѣ, то онъ проситъ обратить на нее особенное вниманіе. Вслѣдствіе этого, всѣ нераспроданные еще экземпляры сочиненія Хамаръ-Дабанова были отобраны изъ типографіи и отъ книгопродавцевъ, а журналамъ запрещено помѣщать разборы его и отрывки изъ него. Вмѣстѣ съ тѣмъ, министръ народнаго просвѣщенія, находя, что означенное сочиненіе наполнено изображеніями, представляющими въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ дѣйствія начальственныхъ лицъ на Кавказѣ, и заключаетъ въ себѣ подробности частной и служебной жизни, которыя не должны быть передаваемы читающей публикѣ, потребовалъ отъ цензора Крылова, одобрившаго въ Москвѣ эту книгу къ напечатанію, объясненія. Но Крылову не привелось дать требуемаго объясненія: онъ былъ вызванъ изъ Москвы въ Петербургъ для л и ч н ы х ъ объясненій съ начальникомъ III-го отдѣленія, при чемъ, въ видѣ особой милости, по ходатайству московскаго попечителя, графа С. Г. Строганова и самого министра, а въ особенности принимая во вниманіе родильное состояніе жены Крылова, этому послѣднему было дозволено пріѣхать не подъ присмотромъ. Въ іюлѣ же

[1]) Противъ этого мѣста графъ Уваровъ сдѣлалъ на отношеніи графа Бенкендорфа отмѣтку карандашемъ: „Весьма справедливо". Въ „Отечеств. Запискахъ" было сказано (Бѣлинскимъ), что переводчикъ владѣетъ значительнымъ талантомъ для этого рода труда.

послѣдовало высочайшее повелѣніе о томъ, чтобъ цензора Крылова, за одобреніе къ напечатанію книги «Продѣлки на Кавказѣ», отставить отъ должности цензора, и, сверхъ того, въ примѣръ другимъ, по состоянію его профессоромъ и, деканомъ при Московскомъ университетѣ, арестовать при университетѣ на 8 дней; что же касается до сочинительницы книги, Логиновой (писавшей подъ псевдонимомъ «Хамаръ-Дабанова»), то учредить за нею полицейскій надзоръ, и какъ по дошедшимъ свѣдѣніямъ, у нея изготовлено еще много рукописей для напечатанія, то на сочиненія ея обратить особенно бдительное вниманіе.

27-го марта 1846 года графъ Орловъ секретно писалъ Уварову: «Получено мною свѣдѣніе, что напечатанная, въ недавнее время, въ Москвѣ, брошюрка: «Турусы на колесахъ», принадлежа къ народнымъ разсказамъ, признана въ публикѣ явнымъ пасквилемъ, ибо объясняютъ, что напечатанное на стр. 15-й: «пришла правда отъ Воскресенія въ Кодошахъ» означаетъ домъ бывшаго градскаго головы Шестова, который находится въ томъ приходѣ, и который названъ по имени его «дѣдушкой Андреемъ»; на той же и 16-й стр. слова: «а то всякій Иванъ смотритъ только въ свой карманъ» относятъ къ московскому оберъ-полицеймейстеру Лужину, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за тѣмъ идетъ рѣчь о «Левушкѣ, забубенной головушкѣ, который махнулъ отъ сѣвера на югъ», въ чемъ видятъ ясное намѣреніе злословить генерала Цинскаго, уѣхавшаго на югъ въ Херсонскую губернію. Далѣе, изъ словъ: «кто съ темной ночи оброкъ бралъ» выводятъ общія мысли о брантъ-маіорахъ, а подъ выраженіемъ: «записного плута оправдалъ» — разумѣютъ дѣло купца Сопова, произведенное бывшимъ полицеймейстеромъ Брянчаниновымъ. Между тѣмъ, слышны отзывы и о томъ, что цензоръ Зерновъ, который просматривалъ означенную брошюрку, будучи человѣкомъ отличныхъ правилъ и благонамѣреннымъ, пропустилъ оную, безъ сомнѣнія, потому что не зналъ всѣхъ отношеній и не могъ отличить въ разсказѣ, испещренномъ поговорками, намеки на лица отъ пустыхъ и обыкновенныхъ рѣчей. Уваровъ удовольствовался тѣмъ, что секретно обратилъ на эту брошюру вниманіе московскаго попечителя и секретно же увѣдомилъ о томъ графа Орлова.

5-го мая 1846 года, военный министръ писалъ Уварову, что онъ получилъ, по высочайшему повелѣнію, отъ начальника III-го отдѣленія Собственной его величества канцеляріи, сообщеніе о томъ, что до свѣдѣнія государя императора дошло о приготовленномъ къ выпуску въ свѣтъ сочиненіи чиновника провіантскаго департамента, Лебедева, подъ заглавіемъ: «Двадцать лѣтъ царствованія императора Николая». Хотя это сочиненіе было уже пропущено гражданскою и военною цензурою (съ нѣкоторыми частными измѣненіями и поправками),

но теперь предсѣдатель военно-цензурнаго комитета, генералъ-лейтенантъ Михайловскій-Данилевскій, отозвался, что не слѣдовало бы давать позволенія на напечатаніе сочиненія Лебедева, потому что оно написано слогомъ неправильнымъ, сбивчиво, безъ знанія дѣла и рѣшительно недостойно своего высокаго предмета, а потому необходимо запретить выпускъ его въ свѣтъ, истребить напечатанные экземпляры и остановить, буде есть возможность, объявленія. Признавая все это правильнымъ, военный министръ увѣдомилъ о томъ графа Орлова, для всеподданнѣйшаго доклада, а между тѣмъ запретилъ по военному министерству на будущее время представлять прямо въ цензуру сочиненія историческія, безъ разрѣшенія высшаго начальства. Какъ было изложено выше, Уваровъ не разъ находилъ возможнымъ и умѣстнымъ запретить, вопреки закону, печатаніе сочиненія изъ-за недостатковъ слога и изложенія; но, на этотъ разъ, онъ того не пожелалъ, и за отсутствіемъ графа Орлова тотчасъ же написалъ генералу Дубельту, что § 15 цензурнаго устава не дозволяетъ цензурѣ входить въ сужденіе о слогѣ или ошибкахъ автора въ литературномъ отношеніи, если смыслъ и содержаніе не подлежатъ запрещенію по цензурнымъ правиламъ. Это постановленіе основано на томъ, что заключенія о достоинствѣ слога совершенно личныя; а въ настоящемъ случаѣ, всѣ цензуровавшіе рукопись (какъ въ гражданской, такъ и въ военной цензурѣ) не нашли въ ней, при чтеніи, столь разительныхъ литературныхъ недостатковъ, чтобъ она подлежала запрещенію. Поэтому онъ, Уваровъ, не можетъ согласиться на предлагаемую, со стороны военнаго министерства, мѣру чрезвычайной строгости въ отношеніи къ книгѣ Лебедева. Вмѣсто пользы, такая мѣра принесетъ вредъ, возбудивъ толки о сочиненіи, не имѣющемъ, можетъ быть, особенныхъ достоинствъ, какихъ можно бы пожелать этому творенію по предмету его, но безъ сомнѣнія далеко не столь вреднымъ и опаснымъ, какимъ стали бы выставлять его по истребленіи экземпляровъ. При томъ, по § 152 устава, издатель одобренной и потомъ запрещенной книги имѣетъ право на удовлетвореніе за убытки. Это взысканіе должно пасть на дозволившихъ книгу цензоровъ. «Я не могу, говорилъ въ заключеніе Уваровъ, признать виновнымъ цензора ввѣреннаго мнѣ министерства, тѣмъ болѣе, что онъ одобрилъ рукопись по полученіи отзыва военно-цензурнаго комитета, что препятствія къ изданію сочиненія не находится. Такимъ образомъ, отвѣтственность пала бы на военно-цензурный комитетъ, но и его дѣйствія г. военный министръ признаетъ правильными. Покорнѣйше прошу ваше превосходительство о доведеніи до высочайшаго свѣдѣнія о семъ мнѣніи моемъ, при докладѣ отзыва военнаго министра». Но дѣло, котораго нельзя было, такимъ образомъ, затушить путемъ цензурнымъ, получило свое окончаніе другимъ путемъ: 13-го мая генералъ Дубельтъ сообщилъ Уварову, что книгопродавецъ

Поляковъ, издатель «Двадцатилѣтія», добровольно изъявилъ согласіе прекратить печатаніе этой книги, отказываясь отъ всѣхъ правъ на изданіе, и потому онъ, Дубельтъ, просилъ Уварова приказать, чтобы первые листы книги, уже отпечатанные, были немедленно доставлены въ III-е отдѣленіе, и чтобы наборъ слѣдующихъ листовъ былъ тотчасъ разобранъ. Уваровъ отвѣчалъ, что эти распоряженія относятся къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ. На другой же день, 14-го мая, Дубельтъ снова писалъ Уварову, по повелѣнію наслѣдника цесаревича, что если онъ, министръ, признаетъ сочиненіе Лебедева достойнымъ своего высокаго предмета, то не угодно ли ему будетъ предварительно отнестись, на основаніи § 9 цензурнаго устава, къ управляющему министерствомъ двора, для исходатайствованія высочайшаго повелѣнія на изданіе сочиненія Лебедева. Но Уваровъ отвѣчалъ, что указанное постановленіе не относится къ дѣлу, потому что имѣетъ въ виду только извѣстія, сообщаемыя въ газетахъ и журналахъ объ особахъ императорской фамиліи, что же касается до самаго изданія, то послѣ отказа издателя Полякова печатать книгу, министерству народнаго просвѣщенія не предстоитъ уже болѣе никакого дѣйствія, такъ какъ съ его стороны исполнено все, что требовалось для охраненія правъ издателя. Вслѣдъ за тѣмъ, 7-го іюня состоялось высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы «на изданіе всякаго сочиненія, въ коемъ описываются событія, относящіяся до его императорскаго величества и особъ августѣйшей фамиліи, испрашивать высочайшее соизволеніе чрезъ министра императорскаго двора». Но министръ двора нашелъ, что это постановленіе, распространяя свое дѣйствіе не на одни только изданія повременныя, но и на отдѣльныя книги, можетъ породить недоразумѣнія, вслѣдствіе коихъ и всѣ историческія сочиненія, большею частью обширныя, будутъ присылаемы на цензуру министра двора, который не имѣетъ для того ни времени, ни средствъ, и вынужденъ будетъ просить объ опредѣленіи къ себѣ особаго цензора, содержаніе коего повлекло бы къ напрасной издержкѣ, и потому представлялъ на высочайшее усмотрѣніе мнѣніе, что 9-я ст. XIV т. Св. законовъ (пресѣч. преступл.) можетъ быть пополнена, но съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы кромѣ статей, помѣщаемыхъ въ газетахъ и журналахъ объ особѣ императорскаго величества и членахъ императорской фамиліи, о придворныхъ торжествахъ и съѣздахъ, доставляемы были цензурными комитетами на разсмотрѣніе министра императорскаго двора только выписки изъ книгъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ описывается какое-либо событіе или разсказывается анекдотъ, до особы царствующаго императора или членовъ августѣйшей фамиліи относящіеся. Государь императоръ 10-го іюля высочайше утвердилъ это предположеніе.

Въ заключеніе изложимъ относящееся къ этому же періоду немаловажное, съ государственной точки зрѣнія, дѣло о печатаніи магометан-

скихъ духовныхъ книгъ. 4-го іюля 1845 г., министръ внутреннихъ дѣлъ, Перовскій, секретно сообщилъ Уварову любопытныя подробности касательно печатанія въ Казани Корановъ. «Вслѣдствіе сообщенныхъ мною оберъ-прокурору Св. Синода предположеній казанскаго военнаго губернатора, писалъ онъ, касательно предупрежденія отпаденій крещеныхъ татаръ въ магометанство, графъ Протасовъ нынѣ увѣдомилъ меня, что онъ представлялъ на высочайшее усмотрѣніе соображенія по настоящему предмету Св. Синода, а также собранныя на мѣстѣ свѣдѣнія, заключающіяся между прочимъ въ томъ, что недавно начали печатать въ Казани, на татарскомъ языкѣ, Коранъ и другіе магометанскіе учебники. Въ типографіи Шевича въ 1841—42 годахъ отпечатано 20.000 экземпляровъ, а въ 1843 и 1844 около 200.000; сколько же напечатано въ типографіи Ракельзановыхъ — неизвѣстно. Продажа этихъ книгъ производится въ Казани изъ книжной лавки, а по большой части на ярмаркахъ Нижегородской и Ирбитской, и съ этого именно времени, къ которому относится начало печатанія Корана и другихъ магометанскихъ книгъ въ такомъ огромномъ количествѣ, отпаденіе новокрещенныхъ татаръ стало возрастать быстро. На этомъ докладѣ государю императору благоугодно было 16-го іюня собственноручно написать, что печатаніе Корана и другихъ мусульманскихъ духовныхъ книгъ можно запретить.

Управлявшій въ то время Казанскимъ учебнымъ округомъ, ректоръ Казанскаго университета Лобачевскій, секретно поспѣшилъ протестовать противъ фактовъ, изложенныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. «Число 20.000 экземпляровъ за 1841—42 г. преувеличено, писалъ онъ, а число 200.000 за 1843 и 1844 даже невозможно. Вообще свѣдѣнія, доставленныя министру внутреннихъ дѣлъ, неосновательны. Объ этомъ предметѣ можетъ лучше судить Казанскій университетъ, хорошо знакомый во всѣхъ отношеніяхъ съ обычаями и требованіями Востока. Печатныя книги въ употребленіи на Востокѣ болѣе 150-ти лѣтъ. Народъ вначалѣ смотрѣлъ на такое нововведеніе неохотно, но мало-по-малу привыкъ и прельстился дешевизной. Правительство, съ своей стороны, тому способствовало. Въ 1717 году главный константинопольскій муфтій, Абдулла Эфендій, издалъ приговоръ, что по правиламъ вѣры печатаніе книгъ не только не воспрещается, но должно почитаться добрымъ дѣломъ. Къ этому приговору султанъ Ахмедъ-Ханъ присоединилъ манифестъ. Такъ началось книгопечатаніе сначала въ Константинополѣ, потомъ въ Египтѣ и Персіи. Алкоранъ не только печатается у мусульманъ, но даже литографируется. Самые строгіе богословы не чуждаются печатнаго Корана, а напротивъ говорятъ, что, по правиламъ ихъ ученія, печатное, какъ всегда болѣе вѣрное, заслуживаетъ предпочтенія. Печатаніе Корана теперь уже до того увеличилось, что сдѣлалось промыш-

ленностью въ христіанскихъ странахъ. Мусульмане боятся, чтобы съ одной стороны небрежная печать, а съ другой чрезвычайная дешевизна не повредила тому уваженію, которое должно быть ими питаемо къ книгѣ законовъ и вѣры. По указу сената 3-го октября 1800 года, въ Казани при гимназіи учреждена типографія исключительно для печатанія Корана, и только уже впослѣдствіи она сдѣлалась типографіей для печатанія на всѣхъ языкахъ. Печатный Коранъ университетской типографіи составляетъ замѣтную статью торговли, преимущественно съ Бухарой. Онъ возбуждаетъ соперничество за границей до того, что въ Лейпцигѣ принялись за изданія, желая взять перевѣсъ красивымъ шрифтомъ, лучшей бумагой и болѣе подручной книгой. На сторонѣ университетской типографіи выгоды заключаются въ близости сношеній, въ посредничествѣ татаръ и въ пріобрѣтенной извѣстности. Шевицъ и Ракельзановы, постигая эти выгоды, завели собственныя типографіи въ Казани. Слѣдствіемъ этого была дешевизна на печатаніе и большое число изданій, хотя далеко не въ такомъ количествѣ, какъ доведено до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ. Итакъ, для сохраненія въ обычаяхъ установленныхъ правилъ вѣроисповѣданіямъ нѣтъ никакого повода къ ограниченію въ изданіяхъ печатнаго Корана. Ограниченіе это со стороны правительства должно быть на тѣхъ же началахъ, которыя при терпимости вѣроисповѣданія будутъ признаны необходимыми какъ для раввинизма, такъ и для магометанства и для всего иновѣрія, съ нѣкоторымъ исключительнымъ покровительствомъ для христіанства, особенно для господствующаго въ отечествѣ. Съ этою цѣлью ограниченіе будетъ достаточно и вмѣстѣ для правительства полезно, когда правъ печатанія духовныхъ иновѣрческихъ книгъ предоставлено будетъ однѣмъ казеннымъ типографіямъ, наприм. университетской въ Казани. Съ такимъ дозволеніемъ плата за печать можетъ нѣсколько возвыситься, сколько допустить должно, чтобы не уступить въ соперничествѣ съ изданіемъ за границей. Доходъ университетской типографіи, которой положеніе теперь довольно скудное, чрезъ то увеличится. Магометанизмъ, не пользуясь явнымъ поощреніемъ ко вреду христіанства, будетъ за всѣмъ тѣмъ пользоваться вѣротерпимостью».

Въ отвѣтъ на это, Уваровъ написалъ ректору Казанскаго университета, что признаетъ за лучшее оставить это дѣло покуда въ прежнемъ положеніи, не принимая никакихъ особенныхъ или новыхъ мѣръ. Изъза этого возникла вскорѣ потомъ длинная переписка между министромъ внутреннихъ дѣлъ, протестовавшимъ противъ непринятія министерствомъ народнаго просвѣщенія мѣръ, предписанныхъ высочайшимъ повелѣніемъ, и Уваровымъ, выставлявшимъ на видъ потребности магометанскаго народонаселенія, пользы государства, прежнія распоряженія правительства, не утратившія силу, и старавшимся примѣнить высочайшее

повелѣніе къ однѣмъ частнымъ типографіямъ. Дѣло это получило, наконецъ, окончательное свое разрѣшеніе лишь въ 1849 году, по разсмотрѣніи его комитетомъ министровъ. Комитетъ находилъ, что «число ежегодно печатаемыхъ въ Казани экземпляровъ Корана и другихъ магометанскихъ духовныхъ книгъ вовсе не такъ значительно, какъ предполагалось сначала. При томъ Коранъ всегда печатается на арабскомъ, прочія же книги на турецкомъ или персидскомъ, и только весьма небольшая ихъ часть на татарскомъ языкахъ. По удостовѣренію казанскаго военнаго губернатора и тамошняго епархіальнаго начальника, арабскій языкъ непонятенъ для татаръ, изъ коихъ весьма немногіе знаютъ и татарскую грамоту. Поэтому комитетъ не могъ раздѣлять мнѣнія казанскаго преосвященнаго, что печатаніе въ Казани Корана и другихъ магометанскихъ духовныхъ книгъ не могло имѣть существеннаго вліянія на отпаденіе новокрещенныхъ татаръ изъ православія въ магометанство. Обращаясь за симъ къ предположенію совершенно воспретить печатаніе въ Казани Корана и вообще духовныхъ книгъ, комитетъ не могъ не принять во вниманіе объясненій, какъ министра народнаго просвѣщенія, такъ и казанскаго военнаго губернатора, что въ настоящее время отпускъ сихъ книгъ за границу составляетъ значительную статью въ нашей торговлѣ, преимущественно съ Бухарой, и что, съ принятіемъ предположенной мѣры, не только прекратится сія торговля книгами и перейдетъ въ руки англійскихъ торговыхъ компаній на Востокѣ, но безъ сомнѣнія Алкоранъ и другія магометанскія духовныя книги, составляя необходимую потребность для мусульманъ, жительствующихъ въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ, Оренбургской, Казанской, Таврической и другихъ губерніяхъ, будутъ, путемъ контрабанды, изъ-за границы водворяемы въ Россіи. Такимъ образомъ, воспрещеніе печатать въ Казани Коранъ и другія магометанскія духовныя книги не только не уменьшитъ случаевъ отпаденія крещеныхъ татаръ изъ православія въ магометанство, но будетъ вредно по своимъ послѣдствіямъ, усиливъ вліяніе иностранцевъ на Востокѣ».

По всѣмъ этимъ причинамъ, комитетъ 11-го октября 1849 года положилъ дозволить по-прежнему печатаніе въ Казани, какъ въ университетской, такъ и въ частныхъ типографіяхъ, Корана и другихъ магометанскихъ духовныхъ книгъ, обставивъ, впрочемъ, это дѣло особыми цензурными правилами. Государь утвердилъ это предположеніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ [1]).

IV. Письма А. С. Стурдзы [2]).

1.

7-го октября 1829.

Позвольте хилому, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Василій Андреевичь, посѣтить васъ если не лично, по крайней мѣрѣ данію уединенныхъ занятій его. Вотъ экземпляръ Ручной книги моей, или Ἐγχειρίδιον [3]), на греческомъ. Примите этотъ скромный подарокъ съ любовію. При немъ оглавленіе на русскомъ языкѣ, изъ котораго вы усмотрите планъ, содержаніе, порядокъ мыслей и цѣль книги.

Если бы переводъ русскій былъ оконченъ и исправленъ [4]), то кстати было бъ поднести оный великому князю Александру Николаевичу.

Въ южной Россіи, Греціи, Молдавіи и Валахіи трудъ мой принятъ съ утѣшительнымъ для меня ободреніемъ душъ христіанскихъ. Увидимъ, что вы скажете о скелетѣ моей книги. Совершенная праздность моя со дня прибытія въ столицу [5]) заставила написать введеніе въ книгу о

---

[1]) См. „Русскую Старину“, сентябрь 1902 г.

[2]) Печатаются съ подлинниковъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[3]) Ἐγχειρίδιον τοῦ ὀρθοδόξου χριστιανοῦ, вышедшее въ свѣтъ въ Петербургѣ, въ 1828 году.

[4]) Русскій переводъ Ἐγχειρίδιον'а, подъ заглавіемъ „Ручная книга православнаго христіанина“, былъ изданъ въ 1830 году; онъ исполненъ Спиридономъ Юрьевичемъ Дестунисомъ († 1848), извѣстнымъ переводчикомъ Плутарха и византійскихъ историковъ.

[5]) А. С. Стурдза находился въ составѣ дипломатической канцеляріи, сопровождавшей императора Николая Павловича въ турецкомъ походѣ 1828—29 г.г. (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 245).

воспитаніи, и, чтобы не совсѣмъ раззнакомиться съ русскимъ языкомъ, эти строки написаны по-русски. Брошенное на бумагу отдаю вамъ на судъ; ибо вы не мечтаете о воспитаніи, а занимаетесь имъ.

Простите. Объ васъ можно смѣло сказать: да дастъ ти Господь по сердцу твоему! Къ несчастію, это благословеніе, обращаемое не въ попадъ на многихъ, дѣлается проклятіемъ. До свиданія. А. Стурдза.

2.

14-го іюня 1835 г. Пріютъ близъ Одессы.

Благодарю васъ отъ души, почтеннѣйшій Василій Андреевичь, за дружеское, исполненное мыслей и чувства, любезное письмо ваше [1]). Вы правы; мы всѣ видимъ и слѣдимъ гибельныя заблужденія сего вѣка— но не умѣемъ прокладывать для современниковъ прямаго пути, ведущаго къ изящному, къ истинѣ. Признаюсь вамъ: если бы не упованіе на Бога, надлежало бы впасть въ уныніе и отчаяніе [2]). Но замѣтьте, что даже въ бѣснующейся Франціи подлѣ Гюго, Жаненя, Дюканжа, Дюмаса [3]) и имъ подобныхъ, являются Lamartine, S-te Beuve, Drouineau, Silvio Pellico, юные провозвѣстники воскресающаго христіанства. О Германіи теперь говорить нечего. Она вздумала у м н и ч а т ь; и читающая въ ней публика, отметаясь истинной славы народной, восхищается твореніями Бёрна и Гейна [4]). А матушка Россія все еще не можетъ отстать отъ закоренѣлой привычки рабски подражать и запоздалыми парафразами воскрешать недостойное забвеніе въ сферѣ словесности иноземной.

Вручитель сего письма, маіоръ Карузо, пріятель мой, отличный молодой офицеръ, взялся вручить при письмѣ моемъ и рукопись моихъ

---

[1]) Это письмо Жуковскаго, отъ 29-го мая 1835 года, напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., май, стр. 387—389.

[2]) Въ этомъ письмѣ Жуковскій писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Направленіе нынѣшней литературы и въ особенности французской для меня ненавистно. Дерзкій матеріализмъ въ ней царствуетъ. Читая новые французскіе романы (впрочемъ, я ихъ не читаю: прочитавъ нѣкоторые, я рѣшился не брать въ руки ничего, что является въ свѣтъ подъ фирмою Бальзаковъ, Жаненей и братіи), пугаешься не ихъ с о д е р ж а н і я, а самихъ а в т о р о в ъ.....Но куда ведутъ нынѣшніе путеводители? Куда придешь вслѣдъ за ними? Къ стремнистой безднѣ, ни впередъ, ни назадъ: остается въ нее кинуться и погибнуть..... Всѣ дрянные французскіе водевили, всѣ отвратительныя мелодрамы Дюмасовъ и Дюканжей повсюду переводятся, и все это слушаетъ публика, отъ ложъ до райка“.

[3]) Т. е. Дюма.

[4]) Т. е. Гейне.

сказаній [1]). Прошу и умоляю васъ, прочитавъ оную и, если одобрите, поднесши для прочтенія великому князю, надеждѣ земли Русской, въ лицѣ потомковъ нашихъ—не сообщать этой книжки никому; но изыскивать средства къ возвращенію мнѣ моего труда. Одно смиренное желаніе доставить пользу и удовольствіе е(го) в(ысочеству) и вамъ побудили меня выпустить изъ рукъ манускриптъ, приговоренный къ неизвѣстности знатоками министерства иностранныхъ дѣлъ. Послѣ этой послѣдней поѣздки пусть сказанія мои скроются опять въ уголокъ, въ которомъ, авось! созрѣютъ и дополнятся они для потомства!

Не знаю, пригодилась ли къ чему-нибудь вамъ извѣстная и Дестунисомъ переведенная книга моя: Ручникъ православнаго христіанина? Смѣю также обратить вниманіе ваше на слѣдующія истинно поучительныя творенія, которыя е(го) в(ысочество) особливо теперь могъ бы прочесть съ великою пользою для ума и сердца:

Жизнь св. апостола Павла, архимандрита Иннокентія [2]).

Того же: Страстная седмица.

Исторія имперіи византійской [3]), соч(иненіе) Lebeau.

Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état. 8 томовъ въ 8. Лучшее руководство къ изученію современной политической исторіи.

Я слышу, что Бажановъ [4]), духовникъ е(го) в(ысочества), человѣкъ достойный своего званія. Дай Господь, чтобы въ немъ теплилась священная искра любви ко Христу и къ ближнему.

Простите, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ. Жалѣю и болѣю о судьбѣ нашего альманаха [5]), который впрочемъ имѣлъ блистательный успѣхъ и сбытъ: у насъ, т. е. провинціальный. При случаѣ возьмемъ назадъ свое, поблагодаривъ спѣсиваго Смирдина [6]) за сохраненіе въ цѣлости

---

[1]) Рѣчь идетъ о рукописномъ сочиненіи Стурдзы „Очеркъ изъ исторіи XIX-го столѣтія“, написанномъ въ 1833 году, содержащемъ въ себѣ изложеніе событій, происшедшихъ въ Россіи съ 1769, и заканчивающемся описаніемъ убіенія графа И. А. Каподистріи въ 1831 г. (см. „Русскую Старину“ 1902 г., апрѣль, стр. 184) — Въ „Чтеніяхъ“ Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ за 1864 годъ напечатанъ отрывокъ изъ этого труда Стурдзы, подъ заглавіемъ: „Воспоминанія о жизни и дѣятельности графа И. А. Каподистріи, правителя Греціи“.

[2]) Это сочиненіе знаменитаго нашего проповѣдника Иннокентія (впослѣдствіи архіепископа херсонскаго) вышло въ свѣтъ въ 1826 г., а его „Страстная седмица“ была напечатана первымъ изданіемъ въ Кіевѣ въ 1835 г.

[3]) Извѣстная Histoire du Bas-Empire.

[4]) Василій Борисовичъ, протопресвитеръ (р. 1800 † 1883).

[5]) Изданнаго въ Одессѣ въ 1834 г. съ благотворительною цѣлью (см. „Русскую Старину“ 1902 г., май, стр. 389, примѣч. 5-е) и продажа котораго въ Петербургѣ была поручена Смирдину.

[6]) Александра Филипповича, петербургскаго книгопродавца.

всѣхъ экземпляровъ. Всѣ мои кровные съ признательностію поручаютъ себя вашей памяти. Человѣкъ Божій, тесть мой Гуфелан(д)ъ [1]) здравствуетъ, но болѣе и болѣе слабъ глазами—и прозрѣваетъ въ блаженную вѣчность. Собираемся къ нему на будущій годъ, аще Богъ повелитъ.

Вѣрьте нелестной любви и преданности моей. А. Стурдза.

P. S. Паки и паки прошу: берегите мои сказанія и возвратите мнѣ ихъ во время благопотребно. Книга не подъ печатью, потому что мѣшаетъ этому здѣшняя черта порто-франко. Но вручитель скроменъ и надеженъ. Да возвратится убо ко мнѣ чадо мое чрезъ г. Карузо или инако. А. С.

3.

25-го апрѣля 1836 г. Одесса.

На два письма ваши, отъ 4-го и 13-го апрѣля [2]), я отвѣчаю второпяхъ, любезнѣйшій Василій Андреевичь; но грусть и заботы, неразлучныя съ поѣздкою въ синюю даль, не мѣшаютъ мнѣ чувствовать глубокую къ вамъ благодарность. Искренность и справедливость вашихъ замѣчаній на мою книгу [3]) я умѣю цѣнить, какъ явленіе рѣдкое въ сферѣ взаимныхъ безпрерывныхъ обаяній. Но признаюсь, что, со всѣмъ тѣмъ, я долго колебался: отдать ли сказанія мои, правдивыя и умѣренныя въ сравненіи съ тѣмъ, что ежедневно пишутъ противъ Россіи, отдать ли, говорю, трудъ совѣстный мой на усѣкновеніе [4])! Мысль о христіанскомъ Аристидѣ, какъ вы назвали незабвеннаго Каподистрію, эта мысль, одна, и вами выраженная, побѣдила всѣ сомнѣнія и борьбу отеческаго сердца—авторскаго. Вотъ опять вамъ странствующая рукопись моя: буди по глаголу твоему. Но мнѣ некогда сдѣлать списокъ, и я цѣликомъ вручаю Жуковскому правдивую повѣсть о Каподистріи. Конечно, издавая въ Россіи и по-русски разсказъ о возстаніи Греціи и подвигахъ мученика за нее, мы будемъ говорить предъ публикою болѣе равнодушною, нежели враждебною. Все, что онъ сдѣлалъ для Россіи, останется для нея тайною. Но я исполню священный долгъ, и могу исполнить его и на французскомъ языкѣ, за границею

---

[1]) Извѣстный врачъ, профессоръ и писатель Христоферъ-Вильгельмъ Гуфеландъ (Hufeland, р. 1762 † 1836); на его дочери Елизаветѣ былъ женатъ Стурдза.

[2]) Напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., май, стр. 389—392.

[3]) См. выше, стр. 399, прим. 1-е.

[4]) Жуковскій находилъ, что сочиненіе Стурдзы въ полномъ видѣ по разнымъ причинамъ не можетъ быть отдано въ печать, но что отрывокъ изъ него, начиная съ описанія возстанія Греціи, касающійся до одной Греціи и ея президента, долженъ быть напечатанъ (см. „Русскую Старину“ 1902 г. май, стр. 390).

если вы это одобрите. Отвѣчайте мнѣ въ Берлинъ, чрезъ посредство добраго А. И. Миллера [1]). Между тѣмъ, прошу васъ, прикасайтесь смѣло къ моему тексту. Отсѣкайте лишнія слова, замѣняйте лучшими, не измѣняя сущности событій. Я думаю, что можно и должно, почти въ то же время, издать отрывокъ мой и въ Современникѣ [2]), и особою книжкою. Для меня пріятно, скажу даже, лестно, явиться въ столбцахъ журнала, издаваемаго А. С. Пушкинымъ. Слава великаго подвижника лучами своими сольется съ славою великаго нашего поэта, какъ все святое, выспреннее сочетавается съ изящнымъ. Но всего для меня дороже, чтобы вы, почтеннѣйшій Василій Андреевичь, были издателемъ этого отрывка; а современемъ, быть можетъ, и всего манускрипта, когда у насъ образумятся и поймутъ, что пора нашу молодежь ознакомить съ истинною политическою исторіею Россіи въ наше время. Извините меня въ томъ, что я взваливаю на васъ такія хлопоты. Введеніе къ повѣсти о возстаніи Греціи заключается въ общемъ введеніи къ полному сочиненію. Тамъ указалъ я на происшествія, издали предуготовившія великій взрывъ 1821 года. Въ дополненіе прилагаю здѣсь надгробное слово мое незабвенному, въ которомъ представлены главныя черты прекрасной жизни. Вамъ предоставляю, по недостатку времени, изъ сихъ свѣдѣній слить одно цѣлое; или же трудъ мой хранить у себя завѣтною тайною дружбы, дочитать великому князю; сообщить, если захотите, одному Пушкину, или современемъ, выписавъ назначаемое вами къ напечатанію, возвратить книгу, въ цѣломъ объемѣ ея, мнѣ или сестрѣ, графинѣ Эдлингъ. Я знаю, кому ввѣряю свое чадо. Если дойдетъ до печати, не отвергайте нѣкоторыхъ выраженій библейскихъ, свойственныхъ моему слогу: заботы лукаваго дня, побѣждать благимъ злое и т. д.

Я ѣду отсюда чрезъ Силезію въ Берлинъ для свиданія съ тестемъ [3]) и полученія его благословенія себѣ, дочери и внучкѣ [4]). Но разстаюсь съ матушкою [5]) и стражду внутренно. Изъ Берлина думаю побывать на водахъ, оттуда съѣздить въ Швейцарію всмотрѣться на людей и на снѣжные Альпы; на зиму воротиться въ Берлинъ; а весною, если Богъ благословитъ, направлю путь обратно въ Россію, югомъ или сѣверомъ,

---

[1]) Хорошаго знакомаго Стурдзы, Александра Ивановича Миллера, служившаго въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ (о немъ см. тамъ же, стр. 389—390, прим. 5).

[2]) Какъ это предлагалъ Стурдзѣ Жуковскій въ письмѣ отъ 13-го апрѣля 1836 г. (см. тамъ же, стр. 392).

[3]) Гуфеландомъ.

[4]) Маріи Александровнѣ, вышедшей въ 1838 году замужъ за князя Евгенія Григорьевича Гагарина.

[5]) Мать А. С. Стурдзы была рожденная княжна Мурузи.

не знаю того доселѣ. Напутствуйте меня сердечною мольбою братолюбія христіанскаго и не забудьте увѣдомить меня или сестру объ участи моихъ сказаній, коихъ подлинникъ да хранится у васъ одного. Обнимаю васъ съ чувствомъ нестарѣющей преданности. А. Стурдза.

P. S. Я увижусь съ Сѣверинымъ. Я желаю, чтобы мое имя сопровождало разсказъ о послѣднихъ годахъ жизни Каподистріи.

4.

Октября 23-го (ноября 3-го) 1836 г. Берлинъ.

Пользуюсь случаемъ благопріятнымъ, чтобы о себѣ напомнить вамъ, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ. Письмо мое изъ Берлина, пущенное въ маѣ, конечно до васъ дошло. Теперь, послѣ долгаго странствованія по южной Германіи и Швейцаріи, до самой подошвы Монблана, испивъ горькую чашу (я разумѣю кончину тестя моего, старца Гуфеланда—вашего друга—), мы опять очутились здѣсь и, вѣроятно, проведемъ цѣлую зиму, дѣлясь печалью о невозвратной потерѣ и святыми воспоминаніями съ сестрами жены моей, съ нѣжными дѣтьми отшедшаго ко Господу. Старецъ весною такъ былъ бодръ духомъ и даже тѣломъ, что, по вѣроятностямъ близорукаго ума смертныхъ, можно было смѣло надѣяться провести съ нимъ зиму; зиму, обѣщавшую столько духовной пользы, столько невыразимыхъ чистыхъ наслажденій дочери, и внучкѣ, и мнѣ грѣшному. Все это рушилось! Послѣ 28-дневной тяжкой болѣзни праведникъ предалъ духъ свой Богу 13-го (25-го) августа. Скорбная вѣсть застала насъ въ Бернѣ, къ отрадѣ нашей, подъ братскимъ кровомъ Сѣверина. Онъ и добрая его супруга [1]) пеклись о женѣ моей, плакали съ нею и со мною; однимъ словомъ, они утѣшили насъ, какъ одна лишь искренняя дружба умѣетъ утѣшать. Объ васъ, разумѣется, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, помину было довольно. Близъ Шильонскаго замка мы съ умиленіемъ взглянули въ Верне на домъ, въ которомъ вы провели зиму [2]), любуясь прелестными видами Женевскаго озера и тишиною волшебныхъ береговъ его.

Сѣверину очень хочется побывать на родинѣ. Согласитесь, что, послѣ десятилѣтней разлуки [3]) съ святою Русью, это желаніе его справедливо. Онъ просилъ позволенія прибыть въ Петербургъ съ наступленіемъ зимы. Не знаю, что государь рѣшитъ.

---

[1]) Вторымъ бракомъ Д. П. Северинъ былъ женатъ на баронессѣ Мольтке.

[2]) Въ 1832—33 гг.

[3]) Д. П. Северинъ уѣхалъ изъ Россіи въ 1826 году, бывъ назначенъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи.

Вы найдете при письмѣ моемъ нѣсколько печатныхъ и рукописныхъ словъ о Гуфеландѣ. Послѣдніе стихи его, въ простонародномъ слогѣ, заключающіе въ себѣ главныя правила его Макробіотики [1]). Ко дню его рожденія отпечатали было эти стихи. Ему хотѣлось въ этотъ самый день раздать друзьямъ по экземпляру, шутя. Но тогда старецъ уже лежалъ, поверженный на одръ послѣдняго земнаго искушенія; а все-таки, лежа въ постели, роздалъ своеручно книжечки присутствовавшимъ, сохраняя и въ эту минуту безоблачную тишину и кротость души свѣтлой и вѣрной. Для меня Гуфеландъ былъ идеаломъ христіанина и ученаго. Знаю, что и для васъ такъ же. Потому-то и рѣшился я послать вамъ эти мелочи, но суля лучшее. Ибо въ бумагахъ покойника найдена жизнь его, имъ самимъ написанная [2]). Его послѣднее твореніе, которое онъ самъ назвалъ послѣднимъ, бесѣдуя со мною: Enchiridion medicum, Vermächtniss einer 50-jährigen Erfahrung [3]), въ 6 мѣсяцевъ, печатается третьимъ изданіемъ. Покойный, въ завѣщаніи своемъ, выбралъ себѣ эпитафію изъ Евангелія подъ чугуннымъ крестомъ. По волѣ его же, опуская тѣло въ могилу, пѣли хоромъ любимый гимнъ его: Jesus meine Zuversicht [4])!—О немъ можно сказать то, что гласитъ Св. Писаніе о праведникахъ: прейде благодѣтельствуя!

---

[1]) Извѣстное сочиненіе Гуфеланда „Makrobiotik oder die Kunst das menschliche Leben zu verlängern“ вышло первымъ изданіемъ въ 1796 г.—Напечатанные въ 1836 г. стихи, о которыхъ говорится въ письмѣ Стурдзы, носятъ слѣдующее заглавіе: „Lebensregeln. Eine Makrobiotik in Merkversen“.

Вотъ, для примѣра, два наставленія изъ этого стихотворенія:

Das Wasser ist der beste Trank,
Es macht fürwahr dein Leben lang,
Es kühlt und reiniget dein Blut
Und giebt dir frischen Lebensmuth.

(Переводъ: Вода — лучшее питье; она дѣйствительно дѣлаетъ твою жизнь долгою, она освѣжаетъ и очищаетъ кровь и даетъ тебѣ веселое расположеніе духа).

Willst immer froh und heiter sein,
Denk' nicht: „Es könnte besser sein“,
Arbeite, bet', vertraue Gott,
Und hilf den Nächsten aus der Noth.

(Если ты постоянно хочешь быть радостнымъ и веселымъ, то не думай: „Обстоятельства могли бы сложиться лучше“, работай, молись, довѣрься Богу и помогай ближнему въ нуждѣ).

[2]) Эта автобіографія Гуфеланда напечатана въ журналѣ „Deutsche Klinik“ за 1863 годъ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 106, прим. 2-е).

[3]) Вышло въ свѣтъ въ Берлинѣ въ 1836 году и выдержало нѣсколько изданій.

[4]) Т. е. Іисусъ мое упованіе.

*

Скажите, что дѣлается съ моимъ отрывкомъ [1])? Будетъ ли онъ напечатанъ, или нѣтъ? Во всякомъ случаѣ, сдѣлайте одолженіе, пришлите мнѣ «Современникъ». И при этомъ скажите мнѣ доброе словцо о себѣ, о своемъ житьѣ-бытьѣ. Воскресите меня въ дружеской памяти Д. Н. Блудова. Въ моей онъ живъ, и жить въ ней не перестанетъ. Генералъ-адъютантъ Сумароковъ [2]), и другъ и родственникъ мой, взялся доставить вамъ мое письмо. Если онъ изъявитъ вамъ желаніе прочесть мой историческій трудъ, то повѣрьте ему оный, рукою въ руку, съ тѣмъ, чтобы онъ возвращенъ былъ вамъ. Любите любящія вы и примите сердечный привѣтъ привязанности и дружбы неизмѣнной. А. Стурдза.

5.

(Вѣроятно, въ концѣ 1836 или въ 1837 г.)

Почтеннѣйшій Василій Андреевичъ!

Вручитель сихъ строкъ, старый товарищъ мой по службѣ и другъ, ст(атскій) сов(ѣтникъ) Александръ Ивановичъ Миллеръ, беретъ на себя трудъ принять изъ рукъ вашихъ, и беречь, и доставить потомъ ко мнѣ историческую рукопись мою [3]), давно уже, безъ сомнѣнія, прочтенную вами. Разумѣется, не торопя васъ; но, какъ скоро книга эта сдѣлается не нужною, благоволите пригласить къ себѣ добраго Александра Ивановича и оную ему вручить, все равно, что мнѣ самому. А когда удастся, со свойственною прекрасной душѣ вашей искренностію, изреките судъ строгій надъ трудомъ моимъ, тѣмъ zweckmässiger [4]), что разсказъ мой, лежа въ ящикѣ, можетъ быть мною дополненъ и исправленъ. Не о чемъ мнѣ теперь бесѣдовать съ вами. Изъ-за укромнаго уголка моего, внѣ Одессы, на крутомъ берегу Чернаго моря, я мало заглядываю въ міръ внѣшній и охотнѣе прислушиваюсь къ шуму волнъ голубыхъ съ бѣлымъ узоромъ, нежели къ треволненіямъ большаго, политическаго свѣта. Поручаю вашему вниманію слѣдующія книги, давно, можетъ быть, вамъ извѣстныя:

1) Allgemeine Geschichte der christlichen Religion u(nd) Kirche, von

---

[1]) Воспоминаніями о графѣ Каподистріи.

[2]) Генералъ-адъютантъ (впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта и съ 1856 года графъ) Сергѣй Павловичъ Сумароковъ (р. 1791 † 1875) былъ женатъ на Александрѣ Павловнѣ Марулли.

[3]) См. выше, стр. 399, прим. 1-е.

[4]) Т. е. цѣлесообразнѣе.

Neander [1]); 2) Leçons tirées de la parole de Dieu, par Moulinié [2]); 3) Жизнь св. апостола Павла и Страстную Седмицу, превосходныя творенія архимандрита Иннокентія; 4) Volupté, par S-te Beuve [3]).

Съ душевнымъ почтеніемъ и любовію вамъ преданный А. Стурдза.

6.

19-го августа 1840 г. Пріютъ.

Посылаю къ вамъ, почтеннѣйшій Василій Андреевичь, скудный умственный гостинецъ; но который, по новости предмета, можетъ быть, и займетъ васъ. Прочитавъ эти Письма о должностяхъ св(ященнаго) сана [4]), не угодно ли будетъ передать ихъ Дмитрію Николаевичу [5]) для прочтенія. Добрые помѣщики не признаютъ ли полезнымъ снабдить книжкою моею своихъ приходскихъ, въ особенности молодыхъ сельскихъ священниковъ?

Бью челомъ о нашемъ товарищѣ, почтенномъ, бѣдномъ и глубокоученомъ старцѣ Никовулосѣ [6]), о которомъ Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ [7]) и я ходатайствуемъ, именемъ Общества исторіи и древностей.

Я знаю Никовулоса, и уважаю и люблю его, ровно 18 лѣтъ. Всѣ обстоятельства, въ письмѣ нашемъ изложенныя, точны. Старцу семьдесятъ лѣтъ; ученость его изумительна; благочестіе и злополучіе примѣрны. Помогите намъ и ему. Мы ожидаемъ сестру [8]) обратно во-свояси со дня на день. Пора! Безъ нея мы осиротѣли. Какъ часто въ письмахъ своихъ упоминала она объ васъ. Похоронили же вы моего почтен-

---

[1]) Это сочиненіе извѣстнаго историка церкви Августа Неандера (р. 1789 † 1850) вышло первымъ изданіемъ въ Гамбургѣ въ 1825—1830 гг.

[2]) Сочиненіе швейцарскаго пастора и литератора Charles-Étienne-François Moulinié (р. 1757 † 1836): „Leçons de la parole de Dieu sur les points les plus importants de la foi chrétienne“ вышло въ свѣтъ въ Женевѣ въ 1821—26 гг. въ пяти томахъ.

[3]) Это сочиненіе С.-Бёва вышло въ свѣтъ въ 1834 году.

[4]) Вышли въ Одессѣ въ 1840—41 гг. и затѣмъ выдержали нѣсколько изданій.

[5]) Блудову.

[6]) Одесскій археологъ Александръ Ѳедоровичъ Панагіодоръ-Никовулъ († 1848, на 85 году отъ роду), обладавшій громадными познаніями въ древней греческой литературѣ и археологіи. О немъ см. некрологъ Г. Соколова въ „Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей“, т. III, Одесса. 1853, стр. 518—521.

[7]) Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ (р. 1788 † 1844), тогдашній попечитель Одесскаго учебнаго округа и президентъ Одесскаго Общества исторіи и древностей.

[8]) Графиню Р. С. Эдлингъ.

наго о. Меглинскаго. Для знавшихъ его безвременная смерть праведника составляетъ потерю невозвратимую.

Простите, любезнѣйшій Василій Андреевичъ; не хочу отнимать у васъ время длиннымъ провинціальнымъ письмомъ и заключаю увѣреніемъ въ моей душевной преданности. А. Стурдза.

7.

28-го марта 1849 г. Одесса.

Большое спасибо отъ меня Сѣверину [1]) за пересылку къ вамъ моихъ строкъ о русской Одиссеѣ,—чѣмъ выманилъ онъ у васъ любезное и дорогое письмо отъ 10-го марта н. с. [2]), мною отъ васъ только-что полученное. Я никакъ не чаялъ такой награды за высказанное мною мнѣніе о вашемъ трудѣ. Какъ заштатный писатель и усталый путникъ юдоли земной, не могу довольно надивиться и нарадоваться вашей дѣятельности, умственной и сердечной, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ! Ее-то Вяземскій такъ превосходно изобразилъ въ образцовыхъ своихъ стихахъ [3]). Но, признаюсь, друзья и почитатели ваши, въ томъ числѣ и я, невольно завидуемъ исключительной дружбѣ вашей съ старцомъ Омиромъ. Подъ сѣнію знакомыхъ мнѣ каштановыхъ деревъ, вы бесѣдуете съ величавою тѣнію и стараетесь забыть мрачную существенность современную. Благо же вамъ и русскому слову, которое подъ вашимъ перомъ усвоиваетъ себѣ вѣчно-юную древность міра первобытнаго. Однако и настоящее, и святая Русь не теряютъ своихъ правъ; вы для нея работаете, и, безъ сомнѣнія, возвратитесь въ ея предѣлы. Для этого нужно здоровье супругѣ вашей, предметъ единодушныхъ, небезкорыстныхъ желаній. Вѣдь сатанинскіе визги, о коихъ вы упоминаете, очень пронзительны: они непремѣнно выживутъ васъ оттуда [4]). Первое

---

[1]) Въ письмѣ своемъ къ Д. П. Северину, отъ 17-го (29-го) ноября 1848 г., Жуковскій просилъ его увѣдомить Стурдзу о томъ, что ему будетъ доставленъ изъ Петербурга экземпляръ переведенной Жуковскимъ Одиссеи, и что онъ проситъ Стурдзу сообщить ему свое мнѣніе объ его, Жуковскаго, переводѣ (см. „Русскій Архивъ“ 1900 года, сентябрь, стр. 43).

[2]) Напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., май, стр. 393—396.

[3]) Въ извѣстныхъ стихахъ по случаю празднованія 29-го января 1849 года пятидесятилѣтія литературной дѣятельности Жуковскаго (см. Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. IV , Спб. 1880 , стр. 331—334).

[4]) Въ письмѣ отъ 10-го марта н. с. изъ Баденъ-Бадена Жуковскій писалъ Стурдзѣ, между прочимъ, слѣдующее: „Обстоятельства загнали меня въ Баденъ-Баденъ. Здѣсь, пользуясь уединеніемъ и стараясь заткнуть уши отъ сатанинскаго визга нашего времени, я снова принялся за переводъ Одиссеи“ (см. „Русскую Старину“ 1902 года, май, стр. 395). Въ Баденѣ вскорѣ, дѣйствительно, вспыхнула революція, и Жуковскій переѣхалъ въ Страсбургъ (см. „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 47).

порученіе ваше [1]) при семъ исполняю, сколько могу, справившись предварительно съ греческимъ подлинникомъ Одиссеи, съ латинскимъ буквальнымъ переводомъ и съ огромнымъ комментаріемъ Евстаѳія [2]).

Второй наказъ вашъ: заговорить вслухъ о вашемъ исполинскомъ трудѣ душевно желаю выполнить, но за успѣхъ не ручаюсь. Послѣ дѣльныхъ статей Шевырева [3]) мудрено сказать что-нибудь новое и твердое. Къ тому жъ досуга у меня все менѣе и менѣе, по мѣрѣ упадка зрѣнія и тѣлесныхъ силъ. Вы сами видите, что я двигаюсь на умственныхъ костыляхъ и едва успѣваю додѣлывать то, что мнѣ задано свыше. Церковныя событія на Востокѣ вызвали меня на поле духовной борьбы; кое-какіе переводы отняли у меня немало времени, а остатокъ принадлежитъ домашнимъ заботамъ и попеченіямъ о душѣ. Однимъ словомъ: духъ во мнѣ еще бодръ, но плоть немощна. Солнце на закатѣ косвенными своими лучами обыкновенно набрасываетъ на стезю нашу огромную тѣнь. Слава Богу за то, что добираюсь до ночлега еще не одинокой, но съ милыми мнѣ спутниками. Вы съ такимъ сердечнымъ участіемъ упоминаете о женѣ моей, дочери и внукахъ, что мнѣ очень хочется представить ихъ вамъ, хотя заочно, назвавъ каждаго по имени. Старшему изъ нихъ Григорію [4]) 9 лѣтъ, второму — Анатолію 4 года, третьему—Юрію 3 года. Долго имъ ждать, пока удостоятсяч итать изящныя созданія вашего генія, вашей души; до тѣхъ поръ надѣюсь представить вамъ лично этихъ малютокъ. Но теперь взаимно познакомьте и вы меня съ вашею домашнею общиной, къ которой посылаю издали сердечный привѣтъ.

Еще словцо о вашемъ Рустемѣ и Зорабѣ: давно никакая поэма не подѣйствовала на меня такъ глубоко, такъ умилительно. Восточная поэзія, за исключеніемъ одной священной, не очень нравилась мнѣ. Но вашъ персіанинъ въ русской одеждѣ, вашъ Фирдусси открылъ взору моему міръ совершенно новый, богатый не одними вымыслами фантазіи, но и сокровищами глубокаго чувства [5]). Приписываю кое-что и своею

---

[1]) Сообщить переводъ 97-го и 98-го стиховъ XVI пѣсни Одиссеи, которыхъ Жуковскій, по его словамъ, „не понималъ ни въ подстрочномъ переводѣ, ни въ переводѣ Фосса, ни въ другихъ переводахъ“ (см. „Русскую Старину“ 1902 г., май, стр. 395).

[2]) Евстаѳія, архіепископа солунскаго (XII вѣка), комментарій на всего Гомера, выдержавшій съ XVI вѣка нѣсколько изданій; въ томъ числѣ одно изданіе вышло въ Лейпцигѣ въ 1825—30 гг.

[3]) Рядъ статей С. П. Шевырева о переведенной Жуковскимъ первой части Одиссеи напечатанъ въ „Москвитянинѣ“ 1849 года, Критика и библіографія, № 1, стр. 41—48; № 2, стр. 49—53; № 3, стр. 91—117.

[4]) Этому старшему внуку А. С. Стурдзы разрѣшено было именоваться княземъ Гагаринымъ-Стурдзою.

[5]) До этихъ словъ письмо писано не рукою Стурдзы.

рукою, чтобы вы не сочли меня духомъ безплотнымъ или шепчущимъ издали призракомъ. Берегу свѣтъ очей моихъ, годъ отъ году болѣе мерцающій: а все-таки на Господа надѣюсь, что станетъ еще этого свѣта на свиданіе съ вами въ дольнемъ мірѣ! Желаю вамъ и на чужбинѣ провести свѣтлые дни сіи съ внутреннимъ воззрѣніемъ на Спасителя нашего, если не удастся вамъ побывать въ штутгардскомъ храмѣ, у плащаницы Его! Обнимаю васъ братски. Вамъ преданный А. Стурдза.

P. S. Ищу случаевъ, и авось найду, чтобы доставить къ вамъ печатаемый въ южной Франціи переводъ мой Филарета Московскаго [1]), да: Le double parallèle [2]) и т. д.

Къ письму приложенъ сдѣланный Стурдзою переводъ стиховъ 91—104 XVI пѣсни Одиссеи:

Одиссеи пѣснь XVI-я.

Одиссей, въ видѣ скитальца, выслушавъ опасеніе Телемаха, избѣгающаго даже встрѣчи съ женихами матери своей Пенелопы, негодуетъ на него за робость, какъ видно по связи цѣлаго разсказа, и съ нѣкоторымъ извиненіемъ возражаетъ ему, не безъ упрека, въ слѣдующихъ стихахъ:

ст. 91—104. «О милый мой (если только дозволено мнѣ отвѣтствовать), внимая тебѣ, терзается во мнѣ сердце, слушая то, что вы говорите о томъ, какъ буйно ведутъ себя женихи въ палатахъ наперекоръ тебѣ и твоему сану. Скажи же мнѣ, не самъ ли ты поддаешься имъ? Или чернь, враждуя на тебя въ собраніяхъ народныхъ, увлекается вѣщаніемъ божества? Или ты винишь въ томъ братьевъ своихъ, на которыхъ всякъ полагается, какъ на поборниковъ себѣ, когда возгорится великая народная распря? Пусть бы я былъ, какъ ты, молодцомъ и въ порывѣ твоего гнѣва, или сыномъ знаменитаго Одиссея, или наконецъ имъ самимъ послѣ долгаго странствія (въ чемъ судьбина надежду подаетъ), да нашла бы на мою голову бѣда отъ иноземца,—о сколько бы я надѣлалъ зла этимъ обидчикамъ, зашедши въ чертогъ Одиссея, сына Лаертова!».

Очевидно, что неузнанный Одиссей съ умысломъ здѣсь упоминаетъ о братьяхъ Телемаха, чтобы вѣрнѣе скрыть отъ него—кто онъ таковъ [3]).

---

[1]) Этотъ переводъ словъ митрополита Филарета (Oraisons funèbres и т. д.) вышелъ въ свѣтъ въ 1849 году.

[2]) О брошюрѣ Стурдзы Le double parallèle см. ниже, въ письмахъ отъ 2-го декабря 1849 года.

[3]) Письмо имѣетъ слѣдующій адресъ: A son excellence monsieur B. Joucowsky, conseiller privé de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, chevalier de plusieurs ordres etc. Allemagne, à Baden-Baden, maison Kleinmann. Почтовые штемпели: 1) Одесса 28-го марта 1849; 2) Baden, 21 Apr. 49.

8.

2-го (14-го) декабря 1849 г. Одесса.

Любезнѣйшій Василій Андреевичъ [1]).

При письмѣ молчальника Сѣверина обрадовала меня нечаянная находка—дружеское и вмѣстѣ важное письмо ваше отъ 3-го (15-го) ноября [2]), изъ-подъ каштановыхъ аллей и дубравъ Бадена. Оно не только утѣшило меня, но и вмѣстѣ съ тѣмъ заставило призадуматься; ибо вы задаете мнѣ трудъ, давно уже мною совершенный, но весьма недавно напечатанный въ Аѳинахъ. Имя ему: Le double parallèle, ou l'église en présence de la papauté et de la réforme du XVI siècle [3]). Не будь этого труда, и я тотчасъ принялся бы за дѣло изъ послушанія и любви къ вамъ. Но требуемое вами изложеніе уже написано,—вы увидите, по какому случаю, извѣстно уже въ Россіи и на Востокѣ, хотя доселѣ на Западѣ о немъ помину нѣтъ. Итакъ я отправляю къ вамъ одинъ или два экземпляра черезъ Петербургъ и Франкфуртъ, пока найду здѣсь надежнаго попутчика для пересылки вамъ моихъ задушевныхъ убѣжденій. Мнѣ удалось втѣснить ихъ въ 72 страницы; согласитесь, что это нисколько не огромно въ сравненіи съ обширностію предмета, мною разбираемаго. Изъ этого числа страницъ не болѣе 40 заключаютъ отвѣтъ на вопросы испытующей души христіанской. Благослови Господи скудный трудъ сей, который повидимому оставался донынѣ подъ спудомъ безгласности и безплодія! Ужъ подлинно единъ возвращаяй Богъ; а наше дѣло—сѣять и поливать, и докапываться до сокровища, не унывая. Вы какъ-то предположили во мнѣ, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, нескромное любопытство. Нѣтъ, для кого бы то ни было, чѣмъ бы ни увѣнчалось желаніе вашего добраго сердца, я радъ услужить вамъ, чѣмъ только могу, передавая вамъ голосъ истины въ замѣнъ тѣхъ плѣнительныхъ звуковъ изящнаго, которыми вы такъ щедро и радушно надѣляете насъ, современниковъ, и потомство. Изящное и истина суть родные, стремящіеся къ возсоединенію. Отнимите средостѣніе зла,—и они опять составятъ одно цѣлое. Вы упоминаете о другихъ книгахъ о томъ же предметѣ; превосходнѣе, полнѣе и лучше всѣхъ: Камень вѣры Стефана Яворскаго. Укажу вамъ также на новое сочиненіе: Études philosophiques sur le christia-

---

[1]) Только обращеніе письма писано рукою самого Стурдзы; затѣмъ же текстъ письма писанъ не его рукою.

[2]) Напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., май, стр. 396—397.

[3]) Издано въ Аѳинахъ въ 1847 году.

nisme, par Auguste Nicolas [1]), 4 тома. Совѣтую вамъ въ добавокъ выписать изъ Парижа или изъ Петербурга мой французскій переводъ словъ преосвященнаго Филарета [2]), какъ начатокъ выспренняго ученія нашей Церкви. Если не ошибаюсь, вы уже имѣете мой переводъ 1-ой седмицы Иннокентія [3]) и мои Études religieuses [4]). Не говорю здѣсь о многихъ современныхъ произведеніяхъ русской почвы, коими въ отсутствіе ваше обогатилась наша духовная литература. Кстати о вашемъ отсутствіи; долго ли намъ еще ожидать вашего возвращенія на родину? Вы сами признаетесь, что въ омутѣ мудрено прожить вѣкъ свой; конечно, Господня земля и исполненіе ея, но въ порядкѣ творенія каждому существу назначено свое мѣсто, каждому свѣтилу указана точка восхожденія и заката. Вы расшевелили меня вашимъ письмомъ, и полузрячій другъ вашъ разговорился. Ждите отъ меня писемъ различными путями, а до тѣхъ поръ примите съ любовію то, чѣмъ я богатъ и радъ на первый случай.

Одинъ за другимъ получилъ я оба тома вашей Одиссеи; за первый я уже благодарилъ васъ отъ души, отвѣчая вамъ на спросъ объ одномъ стихѣ, еще въ то время, когда вы трудились надъ XIX пѣснію. Во 2-й томъ я заглядываю урывками, потому что не могу долго читать безъ посторонней помощи. Настаетъ для меня пора учиться разучиваться отъ всего земнаго. Однако помню Одиссею и люблю еще столько, что могу искренно сказать вамъ: вы угадали и превосходно усвоили намъ красоты ея и удачно боролись съ несовершенствомъ русскаго экзаметра, который по свойству языка никогда не поравняется съ греческимъ и латинскимъ. Отозваться о вашемъ трудѣ во всеуслышаніе я потому не рѣшился, что многіе сказали многое объ немъ. Справедливыхъ цѣнителей мнѣ на старости лѣтъ не перещеголять, а порицателей не переспорить.—Опять [5]) обращаюсь къ главному предмету нашей бесѣды. Въ Лейпцигѣ вы найдете нѣмецкій переводъ Писемъ о богослуженіи Восточной Церкви [6]), прекраснаго сочиненія А. Н. Муравьева, verdeutscht Е. Муральдомъ [7]). А изъ Петербурга совѣтую выписать

---

[1]) Служилъ во Франціи по судебному вѣдомству. Это сочиненіе выдержало нѣсколько изданій.

[2]) См. выше, стр. 408, прим. 1-е.

[3]) Première semaine de la quadragésime. Этотъ переводъ изданъ въ Парижѣ въ 1846 г., а затѣмъ въ Петербургѣ въ 1848 году.

[4]) Въ русскомъ переводѣ: „Христіанскія бесѣды историческія и нравственныя“ (Одесса. 1843).

[5]) Съ этихъ поръ и до конца письмо писано рукою А. С. Стурдзы.

[6]) Briefe über Gottesdienst der morgenländischen Kirche (Leipzig. 1838).

[7]) Т. е. переведенныя на нѣмецкій языкъ Эдуардомъ Муральтомъ (въ теченіе многихъ лѣтъ былъ библіотекаремъ Императорской Публичной Библіотеки).

нѣмецкій же переводъ Пространнаго катехизиса Филаретова [1]), который переведенъ мною по-гречески [2]), извѣстенъ уже всѣмъ единовѣрцамъ нашимъ на Востокѣ. По совершенству и полнотѣ свѣтлаго изложенія истинъ спасительныхъ не было и нѣтъ равнаго ему подъ солнцемъ. Православныя литургіи св. І(оанна) Златоуста, св. Василія Великаго и св. Григорія Двоеслова, всѣ три переведены по-нѣмецки и напечатаны нашими русскими священниками. Великопостный канонъ св. Андрея Критскаго въ французскомъ переводѣ только что отпечатанъ въ Вѣнѣ, трудами іерея при посольствѣ о. Михаила Раевскаго [3]) по желанію великой княгини Елены Павловны.

Отъ меня же, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, примите еще въ этомъ пакетѣ, кромѣ: Le double parallèle, мой переводъ литургіи Златоустаго и одинъ оттискъ достопамятнаго, мало кому извѣстнаго доселѣ отвѣта нашихъ патріарховъ на воззваніе Пія IX къ восточнымъ христіанамъ. Изъ него вы усмотрите, каково и подъ ярмомъ злочестивыхъ мнимое невѣжество св. матери нашей, Церкви Православной!.. Вяземскій [4]) въ Византіи съ сыномъ [5]) и невѣсткою—но тоскуетъ по родинѣ. Муравьевъ [6]) снова путешествуетъ по Востоку и пишетъ дѣльное, согрѣвающее души. Читали-ль вы его: Грузію и Арменію [7])—трудъ изящный и основательный?.. Не стану исчислять здѣсь произведенія не менѣе важныя, новѣйшія, духовныхъ лицъ. Пріѣдете во-свояси—такъ зачитаетесь. Не забудьте межъ тѣмъ достать моего перевода 31 слова святителя московскаго, подъ заглавіемъ: Oraisons funèbres, homélies et discours de monseigneur Philarète, métropolite de Moscou, traduits par A. de St(ourdza). Paris et Genève, 1 vol. in 8, chez Cherbuliez et Tronchet, libraires, или же St.-P(étersbourg) chez Bellizard, Hauer, Issacof etc.

Обнимаю васъ заочно братскимъ цѣлованіемъ. Благодать Христова да осѣняетъ присно васъ и вашихъ кровныхъ! А. Стурдза.

---

[1]) Ausführlicher christlicher Katechismus der orthodox-katholischen griechischen Kirche; былъ изданъ въ Петербургѣ въ 1840 году.

[2]) Напечатанъ въ Москвѣ въ 1839 году.

[3]) Впослѣдствіи протоіерея Михаила Ѳедоровича Раевскаго (р. 1811 † 1884), въ теченіе 42 лѣтъ бывшаго настоятелемъ посольской церкви въ Вѣнѣ. Переводъ канона св. Андрея Критскаго былъ изданъ въ 1849 году.

[4]) Князь Петръ Андреевичъ.

[5]) Князь Павелъ Петровичъ Вяземскій въ то время занималъ должность младшаго секретаря посольства въ Константинополѣ.

[6]) Андрей Николаевичъ.

[7]) Вышло въ свѣтъ въ 1848 году.

9.

2-го декабря 1849 г. Одесса.

Любезнѣйшій Василій Андреевичь, не медля нисколько, я приступаю къ исполненію желанія, изъявленнаго вами въ письмѣ отъ 3-го (15-го) ноября. Пишу къ вамъ подробнѣе, отчетливѣе черезъ Петербургъ, и посланіе мое въ отвѣтъ на призывъ дружбы вашей окутано печатными приложеніями. Надѣюсь, что пакетъ мой до васъ дойдетъ посредствомъ посольства нашего во Франкфуртѣ на Майнѣ. А разгадка моихъ распоряженій въ угодность вамъ слѣдующая: по случаю посланія Пія IX къ восточнымъ христіанамъ и отвѣта нашихъ патріарховъ, рѣшился я издать въ Аѳинахъ небольшое обозрѣніе подъ назв(аніемъ): «Le double parallèle, ou l'église en présence de la papauté et de la réforme du XVI siècle». Во второмъ сравненіи все заключено, что вы только желать можете— все стройно изложено, высказано въ какихъ-нибудь 70 страницахъ съ указаніемъ при томъ на источники. Заказъ с в ы ш е опередилъ страннымъ образомъ урокъ, заданный вами мнѣ; такъ что я, не лѣнясь, могу представить вамъ трудъ готовый и, смѣю сказать, зрѣлый!

По сему признаку дивной въ путяхъ Своихъ благодати Христовой смѣю сказать вамъ съ твердымъ упованіемъ слова пророка-царя: Да дастъ ти Господь по сердцу твоему и весь свѣтъ твой исполнитъ. О прочемъ не говорю здѣсь. Ссылаюсь на длинное письмо мое и посылку, путемъ нашей столицы отправляемыя. Но если встрѣтится иной попутчикъ отсюда, то непремѣнно перешлю вамъ свой Параллель прямѣе. Въ Петерб(ургѣ) книжка моя продается у Беллизара. C'est la vérité réduite à sa plus simple expression; et il a fallu que j'eusse 58 ans pour l'emboiter dans ce peu de pages [1]).

Простите, почтеннѣйшій Василій Андреевичь—до радостнаго свиданія въ отчизнѣ земной и—небесной! Любите попрежнему любящаго васъ и преданнаго вамъ сердцемъ А. Стурдза.

За Одиссею спасибо; объ ней пишу подробнѣе въ особой грамотѣ.

10.

13-го (25-го) февраля 1850 г. Одесса.

Получивъ дорогое письмо ваше отъ 3-го (15-го) ноября прошлаго года, любезный и многоуважаемый Василій Андреевичь, я, нисколько не

---

[1]) Это истина, выраженная наиболѣе простымъ образомъ, и, только проживъ 58 лѣтъ на свѣтѣ, я могъ изложить ее на столь маломъ числѣ страницъ.

медля, исполнилъ ваше желаніе и 2-го декабря отозвался вамъ чрезъ посредство Сѣверина, а, спустя два дня, отправилъ въ Петербургъ съ моимъ зятемъ [1]) тотъ самый трудъ, вами заданный, но мною прежде написанный, какъ бы по предчувствію. Это—брошюра на французскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Le double parallèle» и пр.—именно то, что вамъ надобно. Изъ столицы пакетъ мой отправленъ былъ во Франкфуртъ, съ обычнымъ курьеромъ, для пересылки оттуда къ вамъ. Если мой конвертъ не залежался въ Берлинѣ или во Франкфуртѣ, по небрежности канцеляріи,—то надѣюсь, что усердное мое приношеніе давно уже въ вашихъ рукахъ. Между тѣмъ признаюсь, что въ настоящемъ случаѣ безконечное «авось» для меня тягостно. Пишу къ Сѣверину и къ Ѳеофилу Гагарину [2]) во Франкфуртъ съ тѣмъ, чтобы вывѣдать наконецъ участь моей посылки; да и васъ убѣдительно прошу: получили-ль вы ее или нѣтъ,—все-таки увѣдомьте. Хвалится нашъ гордый вѣкъ быстрымъ улучшеніемъ всѣхъ удобностей жизни. Но, видно, подъ словомъ «жизнь» нынче разумѣютъ промышленность и роскошь. Внѣ сего волшебнаго круга всякое сообщеніе мыслей такъ же трудно, какъ бывало въ старину. Почта не берется пересылать пакеты и книги по прямой дорогѣ безъ хлопотъ и мимо заставъ и мытарствъ, которыми затрудняется обмѣнъ душевныхъ и умственныхъ убѣжденій. Какъ бы то ни было, разрѣшите, прошу васъ, немногими строками мое недоумѣніе. Ради и впредь стараться, только бы вы не винили меня по невѣдѣнію въ оплошности, тогда какъ я напротивъ скоръ и ретивъ въ исполненіи завѣтовъ довѣрія и дружбы, для меня драгоцѣнныхъ. Воззваніе мое начертано моимъ сердцемъ и умомъ, хотя и не моею рукою. Я берегу тусклый свѣтъ очей своихъ и доживаю вѣкъ свой въ полувидѣніи всего внѣшняго—и такимъ образомъ разстаюсь съ вещественнымъ міромъ постепенно. Опять милость Божія! Выписали-ль вы мой французскій переводъ словъ Филарета Московскаго изъ Женевы, или изъ Парижа? Простите—братски обнимаю васъ. Преданный вамъ отъ души А. Стурдза.

11.

3-го (15-го) апрѣля 1850 г. Одесса.

Мудрено отвѣчать, какъ хотѣлось бы сердцу благодарному и умиленному, на безцѣнное, задушевное письмо ваше ко мнѣ [3]), почтеннѣйшій

---

[1]) Княземъ Евгеніемъ Григорьевичемъ Гагаринымъ.

[2]) Къ князю Ѳеофилу Григорьевичу Гагарину (р. 1820 † 1853), младшему секретарю посольства во Франкфуртѣ.

[3]) Это письмо, отъ марта 1850 года, напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., іюнь, стр. 579—584.

и любезнѣйшій Василій Андреевичъ. Чего нѣтъ—въ этой полуисповѣди, какъ вы ее называете? А я—и ветхъ, и усталъ, и полузрячъ, и озабоченъ близкимъ переѣздомъ отсюда на праздники въ Манзырь [1]), за Днѣстръ, въ этотъ оазисъ, созданный посреди татарскихъ степей, христіанскими трудами сестры моей [2]), туда, гдѣ все доселѣ дышетъ и отзывается ея благотворнымъ присутствіемъ. Не отпразднуете ли и вы Пасху въ Стутгардѣ, вмѣстѣ съ Горчаковымъ [3])?

Я радъ, что всѣ мои посылочки до васъ дошли и вамъ полюбились. Господь да благословитъ всякое слово истины и жизни, хотя бы исходило изъ устъ, подобно моимъ, недостойныхъ. Лучь небесный не оскверняется прикосновеніемъ къ земному илу. Вы изъявляете желаніе приблизиться къ намъ грѣшнымъ. И какъ бы это было для насъ хорошо, отрадно. А. Н. Муравьевъ, на обратномъ пути изъ Востока, пробылъ здѣсь десять дней—и какъ утѣшительна была для меня его искренняя и поучительная бесѣда. Что, если бы и вы были вмѣстѣ съ нами? Какой цѣлебный обмѣнъ мыслей и чувствъ наполнилъ бы этотъ десятодневъ, въ нынѣшнее время такъ рѣдкій. Муравьевъ созрѣлъ для св. Церкви и св. Руси: его постоянство въ подвигахъ истинно примѣрно. Однако боюсь, что ему дадутъ перезрѣть и что послѣ него отпечаткомъ свѣтлаго у м а и души благочестивой останутся только его дорогія сочиненія. Опять повторяю: мнѣ теперь недосугъ отвѣчать вполнѣ, досыта, на содержаніе вашего письма. Откладывать однакоже не хочу. Прилагаю здѣсь списокъ книгъ о нашей Церкви, разумѣется не полный, чтобы не преступить вашей заповѣди. Примолвлю еще, что вамъ надобно пріобрѣсть для себя и дѣтей: Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ, издаваемыя уже семь лѣтъ сряду въ Москвѣ, подъ надзоромъ митрополита Филарета. И текстъ отцевъ, и прибавленія превосходны. За семь лѣтъ вы заплатите 35 руб. серебромъ, а на восьмой 1850 подпишитесь. Грѣшно православному семьянину не имѣть этого духовнаго сокровища, годъ отъ году возрастающаго. Въ немъ теперь помѣщается св. Ефремъ Сиринъ, котораго вы очень полюбите. Въ прибавленіяхъ найдете извѣстія о проповѣди Евангелія въ русской Америкѣ—столь плодоносной. Совѣтую вамъ также выписать послѣднее въ 3-хъ томахъ изданіе словъ Филарета Московскаго: это рудникъ чистаго и глубокаго богомыслія, коему подобнаго нѣтъ ни на какомъ языкѣ. Сдѣлайте мнѣ и себѣ милость: выпишете еще двѣ книжечки: Іисусъ Христосъ на Голгоѳѣ, или Седмь словъ Спасителя на крестѣ [4])—и вы усладитесь въ глубинѣ

[1]) Майоратное имѣніе князей Гагариныхъ-Стурдзъ.

[2]) Графини Р. С. Эдлингъ († 1844).

[3]) Княземъ А. М. Горчаковымъ, впослѣдствіи канцлеромъ, а въ то время нашимъ посланникомъ въ Штутгартѣ.

[4]) Вышла въ Казани въ 1849 г. и затѣмъ имѣла нѣсколько изданій.

души. Позвольте еще назвать вамъ брошюру епископа Анатолія: Іисусъ Христосъ, оправданіе наше [1])—и двѣ жизни: Тихона Воронежскаго [2]) и св. Димитрія Ростовскаго [3]), послѣднее сочиненіе Горскаго, Много въ нихъ здравой пищи для сердца. Въ Петербургѣ у Гауера и Крашенинникова продается Wegweiser zum Himmelreich, переводъ сказаній Иннокентія, апостола алеутовъ [4]). Но письмо мое сдѣлалось каталогомъ. Мои Письма о должностяхъ св(ященнаго) сана и Ручную книгу правосл(авнаго) христ(іанина) вы, кажется, имѣете.

Невѣдомый археологъ, пославшій вамъ свой трудъ о Воспорѣ Киммерійскомъ—по почтѣ, точно, здѣсь; имя ему: Антонъ Балтазаровичъ Ашикъ, блюститель Керченскаго музея, человѣкъ почтенный [5]). Я объяснилъ ему причину вашего невольнаго молчанія. Отзовитесь ему въ утѣшеніе [6]). Простите, почтеннѣйшій другъ и братъ во Христѣ. Обнимаю васъ заочно, благодарю снова за письмо ваше и привѣтствую васъ радостію великаго дня Воскресенія Господня. А. Стурдза.

Помните ваши обѣщанія. Какъ бы хотѣлось заглянуть въ вашъ переводъ св. Евангелія [7]).

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Брошюра епископа могилевскаго Анатолія († 1872) „Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ наше оправданіе, или покаянное воспоминаніе уничиженія и крестныхъ страданій Спасителя“ вышла въ свѣтъ въ Кіевѣ въ 1848 году.

[2]) Тихонъ I, епископъ воронежскій (Москва. 1844).

[3]) Этотъ трудъ, отчасти принадлежащій извѣстному ученому, ректору Московской духовной академіи, протоіерею А. В. Горскому († 1873), изданъ въ Москвѣ въ 1849 году, подъ заглавіемъ „Святый Димитрій, митрополитъ ростовскій“

[4]) Этотъ переводъ „Указанія пути въ царствіе небесное“ протоіерея Іоанна Вепіаминова (преосвященнаго Иннокентія Камчатскаго) изданъ въ Одессѣ въ 1848 году.

[5]) А. Б. Ашикъ († 1854), съ 1832 по 1852 г. бывшій директоромъ Керченскаго музея. Его трудъ „Воспорское царство съ его палеографическими и надгробными памятниками“, изданный въ Одессѣ въ 1848—49 г.г., былъ давно посланъ Жуковскому, отъ котораго авторъ не имѣлъ никакого увѣдомленія о полученіи книги.

[6]) Написанное, вслѣдствіе этого, благодарственное письмо Жуковскаго къ А. Б. Ашику, отъ 3-го (15-го) октября 1850 г., изъ Баденъ-Бадена, напечатано въ „Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества“, томъ VIII, Спб. 1873, столбцы 567—568. Два письма Стурдзы къ Ашику, по поводу посылки Жуковскому помянутаго труда Ашика, см. тамъ же, столбцы 564—565.

[7]) Этотъ переводъ Жуковскаго изданъ въ Берлинѣ въ 1895 году.

Плоцкая Русская публичная библіотека.

Плоцкъ—сѣверозападная окраина Привислинскаго края—еще послѣ 60 годовъ истекшаго столѣтія насчитывалъ въ себѣ очень ограниченное количество русскаго населенія, состоявшаго исключительно изъ семей чиновниковъ, привлекаемыхъ сюда лишь нѣкоторыми преимуществами службы. Но съ 70 годовъ, когда приливъ русскихъ въ эту далекую окраину Русскаго государства значительно увеличился, среди нихъ начала ощущаться необходимость удовлетворить нѣкоторыя религіозныя, нравственныя и умственныя потребности.

Первымъ и самымъ дорогимъ дѣломъ для русскаго здѣшняго человѣка была забота устройства Православнаго храма, гдѣ бы затерянные среди чуждой религіи и языка русскіе въ молитвѣ ко Всевышнему исполняли религіозный завѣтъ своихъ отцовъ и укрѣпляли бы дѣтей своихъ въ правилахъ Православной вѣры.

Послѣ сооруженія храма въ Плоцкѣ въ 70 годахъ возникаетъ мысль объ устройствѣ Русской публичной библіотеки.

Первая попытка къ осуществленію этой мысли предпринята была бывшимъ совѣтникомъ Плоцкаго Губернскаго Правленія Н. Н. Клириковымъ, но вслѣдствіе отсутствія денегъ дѣло это подвигалось туго, и лишь съ 1881 г. библіотека была открыта. Благодаря теплому содѣйствію бывшаго тогда плоцкимъ губернаторомъ Толстого, для библіотеки было отведено въ стѣнахъ Губернскаго Правленія безплатное помѣщеніе съ отопленіемъ, пожертвованы книги, а также начали поступать русскія періодическія изданія и газеты въ обмѣнъ на „Плоцкія Губернскія Вѣдомости“. Въ 80 годахъ библіотека значительно пополнилась книгами, пожертвованными разными лицами, въ числѣ коихъ были варшавскіе генералъ-губернаторы П. П. Альбединскій и фельдмаршалъ Гурко. Кромѣ того, съ 1884 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ исходатайствована ежегодная правительственная субсидія библіотекѣ въ размѣрѣ 300 руб. При основаніи библіотеки капиталъ ея равнялся лишь 620 руб. 53 коп., между тѣмъ какъ къ 1-му января 1903 года въ библіотекѣ числилось книгъ и періодическихъ изданій 2.102 въ 4.722 томахъ на сумму 6.612 руб. 1 коп. Членовъ состояло 47; мѣсячныхъ подписчиковъ 24. Въ настоящее время эта библіотека—самая обширная и самая лучшая въ гор. Плоцкѣ.

Огромно культурное значеніе этого скромнаго учрежденія! Почти нѣтъ ни одного изъ членовъ русскаго мѣстнаго общества, который бы не пользовался этой библіотекой. Почти каждый вечеръ здѣсь можно въ читальнѣ встрѣтить и русскаго священника, и чиновника, и отставнаго военнаго, и русскаго купца.

Помимо этой библіотеки въ городѣ почти невозможно достать русскую газету или журналъ, за исключеніемъ ограниченнаго количества №№ Варшавскаго Дневника, имѣющаго значеніе оффиціальнаго русскаго печатнаго органа въ Привислиньи. Но при постоянно увеличивающемся приливѣ въ этотъ край русскихъ людей, при возрастающей все болѣе и болѣе въ польской интеллигенціи потребности въ русской книгѣ благодаря возникновенію общихъ государственныхъ, экономическихъ и научныхъ интересовъ, Русская публичная библіотека требуетъ пополненія путемъ выписки большаго количества книгъ и журналовъ, которое при ограниченныхъ средствахъ библіотеки не можетъ быть осуществлено.

Остается разсчитывать на помощь извнѣ, изъ далекой родины, отъ отцовъ, братьевъ, дѣдовъ, родичи коихъ—скромные, незамѣтные труженики въ тиши дѣлаютъ свое маленькое дѣло, способствуя проведенію въ жизнь на этой далекой окраинѣ общегосударственныхъ задачъ и интересовъ. Поэтому всякое пожертвованіе на библіотеку деньгами или книгами, какъ насущная необходимость для русскаго здѣшняго населенія, было бы принято здѣсь съ признательностью. П.

(Чиновникъ особыхъ порученій при плоцкомъ губернаторѣ Полетика).

КНЯГИНЯ Д. Х. ЛИВЕНЪ

и ея переписка съ разными лицами.

II [1]).

Участіе Кн. Ливенъ въ политическихъ вопросахъ.—Ея сочувствіе къ грекамъ.—Письма къ брату А. Х. Бенкендорфу.—Положеніе Россіи и Англіи передъ турецкой войною 1828—1829 г.г.

Письма княгини Ливенъ, относящіяся къ первымъ годамъ, прожитымъ ею въ Англіи, не представляютъ особеннаго интереса; молодая женщина ограничивается въ нихъ передачею разныхъ мелкихъ эпизодовъ своей свѣтской жизни, своихъ свѣтскихъ успѣховъ, даетъ только краткія характеристики лицъ, съ которыми она сталкивалась въ великосвѣтскихъ салонахъ Лондона, и только изрѣдка, вскользь касается политики и внутренней жизни Англіи, которыя мало интересовали ее въ то время, когда она была еще очень молода.

Но четырнадцать лѣтъ, проведенныхъ въ Англіи въ близкомъ соприкосновеніи со всѣмъ, что было въ ней выдающагося, воспитали ея умъ и сужденіе, а съ 1818 г., подъ вліяніемъ ея знакомства и сближенія съ такимъ виднымъ политическимъ дѣятелемъ, каковъ былъ Меттернихъ, она начала интересоваться политикой и съ годами все болѣе и болѣе увлекалась ею.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, обжившись въ Англіи, она привязалась къ этой странѣ и, по мѣрѣ сближенія съ ея государственными людьми, начала интересоваться ея внутренней жизнью, общественными дѣлами и даже

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1903 г.

принимать въ нихъ своими интригами до извѣстной степени активное участіе, поэтому ея переписка пріобрѣтаетъ съ годами значительный интересъ; въ ней постепенно обрисовываются совершенно опредѣленно характеръ и политическіе взгляды, этой умнѣйшей и тактичнѣйшей женщины дипломата, которымъ придавали значеніе такіе, напримѣръ, выдающіеся люди Англіи, какъ лордъ Грей, бывшій въ теченіе десяти лѣтъ членомъ оппозиціи и четыре года главою кабинета, съ которымъ Ливенъ состояла, какъ мы уже знаемъ, съ 1823 г. въ постоянной перепискѣ. Обнародованная въ Лондонѣ въ 1880 г., эта переписка составила три объемистыхъ тома.

Въ двадцатыхъ годахъ истекшаго столѣтія Европа была свидѣтельницею весьма важныхъ политическихъ событій; въ Греціи началась война за независимость, которая привела къ вмѣшательству державъ и къ русско-турецкой войнѣ; въ Португаліи происходила ожесточенная борьба за обладаніе престоломъ, которая также вызвала постороннее вмѣшательство; происходили волненія и въ другихъ странахъ.

Всѣхъ этихъ событій, которыя представляли не мало заботъ для дипломатіи, Ливенъ касалась въ своихъ письмахъ къ брату и къ лорду Грею, не ограничиваясь одною передачею фактовъ, но высказывая въ нихъ свои сужденія и внося въ свои отзывы ту страстность, которая была отличительною чертою ея характера; конечно, она могла ошибаться въ своихъ приговорахъ, но ея заключенія всегда интересны. Высказываемыя ею догадки и предположенія зачастую оправдывались событіями, и это служитъ доказательствомъ того, что она была хорошо освѣдомлена и вѣрно судила о настроеніи общества и правящихъ сферъ.

Достигнувъ того возраста, когда личные успѣхи и увлеченія отошли на второй планъ (въ 1826 году Ливенъ было уже 40 лѣтъ), она, какъ натура страстная и увлекающаяся, предалась всею душою политикѣ, которая отнынѣ сдѣлалась ея страстью до такой степени, что ея политическіе взгляды и симпатіи вліяли даже на ея личныя отношенія и отзывы. Величіе и блескъ Россіи и ея монарха, передъ возвышеннымъ характеромъ котораго она преклонялась, сдѣлались ея кумиромъ, и она не щадила въ своихъ оцѣнкахъ тѣхъ лицъ, которыхъ она ранѣе превозносила, если они, по ея мнѣнію, дѣйствовали во вредъ Россіи.

Такая судьба постигла ея отношеніе къ Меттерниху. Любопытно отмѣтить, что пока онъ былъ предметомъ всѣхъ ея думъ и мечтаній, пока она вела съ нимъ интимную и страстную переписку, она старательно избѣгала всякаго упоминанія о немъ въ своихъ письмахъ,

словно боясь выдать себя и показать, чѣмъ былъ для нея этотъ человѣкъ.

Но когда годы и разлука ослабили ея чувства къ нему, когда послѣ Веронскаго конгресса между ними произошелъ окончательный разрывъ, и она убѣдилась, съ теченіемъ времени, что политика Меттерниха была направлена противъ Россіи, то она стала безпощадна въ своихъ отзывахъ о немъ и не жалѣла яда, чтобы изобразить его въ самыхъ черныхъ краскахъ, и онъ также не могъ безъ злости и горечи упоминать о ней.

Подобная же участь постигла, какъ увидимъ, и ея отношенія къ герцогу Веллингтону; такимъ образомъ въ болѣе зрѣлыхъ годахъ отношеніями Ливенъ къ людямъ и къ политическимъ дѣятелямъ, въ особенности, руководило отношеніе этихъ людей къ Россіи; эта особенность составляла характерную черту Ливенъ, которую необходимо отмѣтить.

Какъ припомнимъ, вскорѣ по воцареніи императора Николая Павловича, супругъ княгини Ливенъ ѣздилъ въ Петербургъ, откуда онъ вернулся горячимъ поклонникомъ молодаго императора.

Вскорѣ по возвращеніи князя, въ августѣ мѣсяцѣ 1826 г., Ливены переѣхали въ Брайтонъ, гдѣ находился въ то время англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Каннингъ, съ которымъ нашъ посланникъ долженъ былъ обсудить подписанный въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года въ Петербургѣ герцогомъ Веллингтономъ, съ одной стороны, Нессельроде и княземъ Ливеномъ, съ другой, протоколъ, который Англія, совмѣстно съ Россіей, намѣрена была представить Портѣ по дѣламъ Греціи.

Для обсужденія этихъ дѣлъ и дальнѣйшаго образа дѣйствій державъ по отношенію къ Греціи и Турціи еще покойнымъ императоромъ Александромъ I была созвана въ Петербургѣ конференція, результатомъ которой и былъ вышеупомянутый протоколъ.

Дѣлая предположенія относительно возможныхъ событій ближайшаго будущаго, Ливенъ писала своему брату 6-го (18-го) января 1827 г. изъ Брайтона:

«Мы находимся тутъ потому, что министръ иностранныхъ дѣлъ здѣсь.

«Такъ какъ Брайтонъ не нравится нашимъ коллегамъ въ такой степени, какъ намъ, и они не предвидѣли, что Каннингъ будетъ тутъ то они не имѣли уважительнаго предлога переселиться сюда; это дѣлаетъ наше пребываніе здѣсь еще болѣе пріятнымъ. Сюда вскорѣ ожидаютъ короля. Такимъ образомъ мы пробудемъ здѣсь до начала засѣданій парламента.

«Испанія дѣлаетъ шаги, одинъ нелѣпѣе другаго; это придаетъ смѣлость португальскимъ инсургентамъ, такъ что войска королевы-пра-

вительницы скоро не будутъ въ состояніи дать имъ отпоръ. Тогда Англія сочтетъ своевременнымъ вмѣшаться въ дѣла Португаліи и, слѣдовательно, должна будетъ воевать съ Испаніей, которая занята въ настоящее время французскими войсками. Такимъ образомъ двѣ націи-соперницы очутятся лицомъ къ лицу, и хотя французскій кабинетъ будетъ держать себя, быть можетъ, вполнѣ корректно, но кто предугадаетъ, къ чему можетъ привести это столкновеніе въ будущемъ? Сознаюсь, что все это только одни мрачныя предположенія съ моей стороны; хотя я рѣдко вижу вещи въ черномъ цвѣтѣ, но въ настоящую минуту все кажется мнѣ подернутымъ черной завѣсой.

«Смерть герцога Іоркскаго (скончался 5-го января нов. ст. 1827 г.) составляетъ для Англіи событіе необычайной важности; ея армія лишилась лучшаго изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ главнокомандующихъ; король потерялъ въ немъ вѣрноподданнаго и преданнаго друга и совѣтника, а главное, Великобританія лишилась въ немъ наслѣдника престола и человѣка всѣми уважаемаго».

«Г. Каннингъ опасно боленъ,—писала княгиня двѣ недѣли спустя (письмо изъ Брайтона 27-го января (8-го февраля) 1827 г.),—и весьма возможно, что онъ не останется живъ. Многіе радуются этому, но я не принадлежу къ числу этихъ лицъ. Это человѣкъ богато-одаренный и честный.

«Онъ вовсе не якобинецъ, это единственный членъ англійскаго кабинета, который относится къ Россіи хорошо, даже очень хорошо. Онъ противникъ австрійской политики и враждебенъ Турціи.

«Съ другой стороны, нельзя не пожалѣть о неосторожности его рѣчей. Человѣкъ, который увлекается тщеславіемъ и успѣхомъ до такой степени, что придаетъ своимъ словамъ значеніе, которое не согласуется съ его намѣреніями, не есть государственный человѣкъ. Я сожалѣю объ этомъ, но мы имѣемъ поводъ любить Каннинга, и поэтому всѣ остальныя соображенія не особенно вліяютъ на меня.

«Засѣданія парламента возобновились; не знаю, что будетъ, если возникнетъ какой-нибудь важный вопросъ, такъ какъ Каннингъ, если онъ даже поправится, долго еще не будетъ въ состояніи заниматься дѣлами.

«Я надѣюсь, что безъ него не будутъ затронуты ни вопросы иностранной политики, ни вопросы, касающіеся католической церкви.

«Въ дипломатіи наступило полное затишье; мой мужъ останется въ Брайтонѣ до выздоровленія Каннинга. Король также пробудетъ здѣсь еще нѣсколько недѣль.

«Прошу васъ передать графу Нессельроде, что мои чувства къ нему неизмѣнны, хотя я и не пишу ему; я чувствую, что мои письма наскучили ему. Скажите ему, что н а с ъ уважаютъ, н а с ъ боятся и что

всѣ признаютъ, что Европѣ приходится имѣть дѣло съ кабинетомъ, который умѣетъ поддержать свое достоинство и свои желанія. Такъ и надобно, чтобы смотрѣли на Россію. Меттернихъ и Каннингъ по-прежнему искренно ненавидятъ другъ друга [1]); первый не можетъ переварить нашей дружбы съ Англіей; это не по вкусу и многимъ другимъ; что касается меня, то я вижу въ этомъ новое доказательство пользы нашего сближенія».

Англійскимъ кабинетомъ управлялъ въ то время малоспособный лордъ Ливерпуль.

Въ концѣ февраля 1827 г. въ Лондонѣ стало извѣстно, что онъ безнадежно боленъ и лежитъ, разбитый параличемъ. Возникалъ вопросъ, кто будетъ первымъ министромъ Англіи?

«Это вопросъ одинаково важный для внутренней и для внѣшней политики Англіи [2]), обѣ партіи ведутъ дѣятельную борьбу, но, по всей вѣроятности, побѣда будетъ не на сторонѣ оппозиціи.

«Вчера Каннингъ возвратился въ Лондонъ, онъ поправляется, но еще слабъ. Мы остаемся здѣсь еще нѣсколько дней, но вернемся въ городъ къ рѣшительному моменту, который, какъ всѣ полагаютъ, настанетъ не позже будущей недѣли. Извѣстія, получаемыя изъ Португаліи, хороши въ томъ смыслѣ, что войска королевы-регентши нанесли пораженіе инсургентамъ и оттѣснили ихъ за границу, но съ другой стороны дурно, что эти инсургенты, отъ которыхъ надѣялись окончательно отдѣлаться, оттѣснивъ ихъ въ Испанію, гдѣ ихъ предполагали обезоружить, появляются вновь с вѣже-обмундированные и вооруженные. Это исторія Антея, который пріобрѣталъ новыя силы всякій разъ, какъ онъ приходилъ въ соприкосновеніе съ матерью-землею. Но эта игра не можетъ продолжаться безконечно; и терпѣнію, какъ и всему вообще, бываетъ конецъ».

«Здѣсь (въ Лондонѣ) всѣхъ интересуетъ [3]) теперь вопросъ о томъ, кто будетъ первымъ министромъ на мѣсто лорда Ливерпуля».

Въ числѣ кандидатовъ называли Пилля, Батюрста, Веллингтона и Каннинга. Пилля и Веллингтона не хотѣли виги, противъ Каннинга былъ король и торіи.

«Мое мнѣніе,—писала Ливенъ,—что его мѣсто займетъ Каннингъ, но, разумѣется, до послѣдней минуты нельзя ничего сказать навѣрное».

---

[1]) Каннингъ, считая главною задачею своей политики миръ и спокойное развитіе культурныхъ силъ Англіи, впервые поставилъ на твердую почву политику невмѣшательства, главнымъ актомъ которой былъ выходъ Англіи изъ Священнаго Союза, что и было причиною непримиримой вражды къ нему Меттерниха.

[2]) Письмо Ливенъ къ брату отъ 17-го февраля (1-го марта) 1827 г.

[3]) Письмо 4-го (16-го) марта 1827 года.

Она судила въ этомъ случаѣ, какъ показало время, правильнѣе нѣкоторыхъ государственныхъ людей Англіи; между прочимъ, Грей, слѣдившій съ интересомъ за борьбою партій, которая происходила въ Лондонѣ, изъ своего деревенскаго уединенія (онъ жилъ въ это время не у дѣлъ въ своемъ имѣніи Гоуикъ), обращаясь къ нашей посланницѣ съ просьбою сообщить ему о перипетіяхъ этой борьбы и о ея предположеніяхъ о томъ, кому будетъ поручено сформировать кабинетъ, писалъ:

«Какой будетъ результатъ ссоры нашихъ кошекъ и собакъ... Кто въ этомъ случаѣ будетъ премьеромъ? Я утверждаю: только не Каннингъ».

Исполняя просьбу лорда, Ливенъ отвѣчала ему 5-го (17-го) марта:

«Я сообщу вамъ, что говорятъ, затѣмъ скажу то, что знаю, и, наконецъ, то, что я думаю».

«Говорятъ, что крайніе торіи питаютъ большія надежды. Они желаютъ удалить Каннинга и самимъ управлять. Лордъ Лодердаль, какъ передаютъ, убѣждаетъ даже торіевъ въ томъ, что у нихъ есть всѣ способности для подобнаго дѣла, въ особенности, если только они изберутъ его (т. е. Лодердаля) своимъ главою.

«Я знаю, что король не сообщалъ еще своихъ желаній на этотъ счетъ никому изъ своихъ министровъ. Вопросъ будетъ обсуждаться въ теченіе праздниковъ Пасхи. Каннингъ относится къ этому спокойно и пассивно; герцогъ Веллингтонъ остается невозмутимымъ и совершенно безпристрастнымъ.

«Я думаю, что управленіе не можетъ идти далѣе впередъ безъ Каннинга, и что онъ останется или главою кабинета, или руководящимъ геніемъ правительства».

Ливенъ не только была всецѣло на сторонѣ Каннинга, но употребила свое вліяніе на короля, чтобы добиться его назначенія.

Различіе взглядовъ Грея и Ливенъ относительно Каннинга вытекало изъ противоположнаго пониманія и оцѣнки его внѣшней политики. Какъ извѣстно, главная заслуга и особенность его иностранной политики заключалась въ томъ, что онъ разорвалъ связи съ традиціями Священнаго Союза, и въ противоположность Кэстльри и Веллингтону отрѣшился отъ рабскаго подчиненія Меттерниху и былъ въ своей политикѣ его противникомъ. Въ этомъ смыслѣ и надобно понимать слова княгини Ливенъ, когда она называетъ Каннинга «искреннимъ другомъ Россіи». Каннингъ оказывалъ нравственную и матеріальную помощь грекамъ и привѣтствовалъ образованіе самостоятельныхъ государствъ въ Южной Америкѣ. Грей не вѣрилъ въ освободительныя начала политической системы Каннинга; для него Каннингъ являлся политическимъ авантюристомъ, узурпаторомъ, присвоившимъ себѣ защиту политической свободы — это наслѣдіе аристократическихъ фамилій Англіи.

Ливенъ же вѣрила въ искренность убѣжденій Каннинга и уважала его способности.

Предсказанія русской посланницы оправдались. 10-го апрѣля того же года король поручилъ Каннингу составить кабинетъ.

Въ своемъ преклоненіи передъ этимъ государственнымъ дѣятелемъ Ливенъ выражается снисходительно о королѣ, котораго она въ глубинѣ души презирала, но которому ставила въ заслугу то, что онъ далъ власть Каннингу.

«Король пользуется прекраснымъ здоровьемъ, онъ наслаждается своимъ красивымъ и оригинальнымъ павильономъ [1]), хорошимъ столомъ, своей трескучей музыкой и своей толстой маркизой [2]), которая уже немного прискучила ему. Мы обѣдали на-дняхъ у него съ министрами, которыхъ онъ не видалъ уже два мѣсяца, даже герцога Веллингтона».

«Когда король назначилъ Каннинга премьеромъ, то Каннингъ предложилъ своимъ бывшимъ сотоварищамъ остаться на ихъ постахъ; въ отвѣтъ на это они всѣ подали въ отставку. Парламентъ одобряетъ назначеніе Каннинга, но торіи-аристократы возмущены этимъ, и всѣ высшіе придворные и правительственные чины выходятъ въ отставку. Герцогъ Веллингтонъ подалъ къ тому примѣръ, отказавшись отъ званія главнокомандующаго.

«Кабинетъ не можетъ быть составленъ окончательно ранѣе, чѣмъ черезъ нѣсколько дней, но изъ кого бы Каннингъ его ни составилъ, онъ уже придалъ своему министерству болѣе умѣренный тонъ, который одобряется большинствомъ.

«Король весьма опечаленъ всѣмъ происходящимъ; твердость, выказанная имъ въ этомъ случаѣ, заслужила ему сочувствіе страны. Я не одобряю крайней нетерпимости, выказанной въ этомъ случаѣ фельдмаршаломъ, и считаю недостойнымъ съ его стороны еще болѣе увеличивать затруднительное положеніе короля и правительства».

Перемѣна министерства дала Ливенъ случай высказать довольно рѣзкое сужденіе о политическихъ дѣятеляхъ Англіи.

«Борьба партій здѣсь въ полномъ разгарѣ, — писала она [3]); — положеніе Каннинга весьма затруднительно. Оппозиція многочисленна, въ ней много людей съ именемъ и богатыхъ, но, къ счастью, нѣтъ людей талантливыхъ; однимъ словомъ, все это люди довольно ограниченные. На его сторонѣ всѣ способные люди, которые держатъ себя доступно, умѣренно и честно. Здѣсь никогда еще не разыгрывалось

---

[1]) Домъ, построенный въ Брайтонѣ.

[2]) Фаворитка короля, маркиза де-Коннингамъ.

[3]) Письма къ А. Х. Бенкендорфу 7-го (19-го) апрѣля и 8-го (20-го) мая 1827 г.

такой комедіи, какъ въ настоящее время. Смѣшно сказать, что въ Англіи существуютъ политическіе дѣятели—это неправда. Здѣсь есть только люди, желающіе сохранить свои мѣста, и другіе люди, желающіе занять ихъ. Въ сущности здѣсь только и существуютъ эти двѣ партіи Они приноравляютъ свои принципы къ обстоятельствамъ, и поэтому нѣтъ никакого повода бояться слова «радикалъ» точно такъ же, какъ нѣтъ причины гордиться названіемъ «крайняго торія». Физіономія человѣка опредѣляется занимаемымъ имъ мѣстомъ, а не сущностью дѣла; въ настоящую минуту мы склоняемся на сторону виговъ, а немного погодя мы и совсѣмъ будемъ вигами. Герцогъ Девонширскій принималъ большое участіе въ этихъ интригахъ и сплотилъ обѣ партіи. Лордъ Морпетъ (Morpeth), столь прославившійся въ Москвѣ своими танцами, будетъ, вѣроятно, играть видную роль. Лордъ Герфордъ ѣдетъ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ [1]). Онъ задается тщеславнымъ желаніемъ окружить себя еще бо́льшимъ блескомъ, нежели герцогъ Девонширскій. Не знаю, какъ это ему удастся. Михаилъ Воронцовъ все еще здѣсь, точно такъ же, какъ Станиславъ Потоцкій. Послѣдній ѣстъ и танцуетъ, а первый дѣлаетъ визиты, толкуетъ объ англійской политикѣ и веселится».

Выходъ герцога Веллингтона изъ состава кабинета, когда главою его былъ назначенъ Каннингъ, вызвалъ, какъ мы видимъ, крайнее неодобреніе Ливенъ; съ этихъ поръ ея отзывы о немъ становятся все болѣе и болѣе враждебны, и нападки учащаются; со временемъ она будетъ произносить имя этого человѣка, котораго она называла нѣкогда «вполнѣ достойнымъ» и «благороднѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ», не иначе, какъ съ насмѣшкою и озлобленіемъ. Она не могла простить ему того, что онъ былъ противникомъ политики Каннинга, принималъ сторону Турціи противъ Россіи и былъ послѣдователемъ враждебной Россіи политики Меттерниха.

Отказавшись отъ званія главнокомандующаго, Веллингтонъ, который самъ былъ однимъ изъ кандидатовъ въ премьеры, повелъ энергичную борьбу съ Каннингомъ и довелъ свою безцеремонность въ этой борьбѣ до того, что онъ осуждалъ тѣ мѣры правительства, за которыя онъ подавалъ голосъ, когда былъ министромъ.

«Герцогъ Веллингтонъ продолжаетъ относиться въ намъ (т. е. къ Россіи) враждебно,—писала Ливенъ 23-го мая (5-го іюня) 1827 г.,—онъ

---

[1]) Маркизъ Герфордъ былъ назначенъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1827 г. чрезвычайнымъ посланникомъ въ Петербургъ для поднесенія императору Николаю I ордена подвязки. Когда былъ поднятъ вопросъ о поднесеніи императору этого ордена, то Каннингъ писалъ лорду Ливерпулю, что лично онъ противъ этого, но что придется послѣдовать примѣру Франціи. (Каннингъ—Ливерпулю 25-го апрѣля 1826 г.)

этимъ очень повредилъ своей репутаціи. Его поведеніе дурно, коварно и принесетъ вредъ странѣ. Цѣль, которую онъ преслѣдуетъ открыто.—Это поставить въ затруднительное положеніе своего противника и свергнуть его. Но Каннингъ останется у власти. Король видимо рѣшилъ поддержать его, и вотъ случай, когда король можетъ многое сдѣлать въ Англіи»

Въ то время, къ которому относятся приведенныя выше письма княгини Ливенъ, борьба за независимость, которую греки вели уже въ теченіе семи лѣтъ, съ перемѣннымъ счастіемъ, имѣя на своей сторонѣ симпатіи Россіи и Западной Европы, вступила въ новый фазисъ.

Послѣ побѣдъ, одержанныхъ надъ турками предводителями греческихъ повстанцевъ, Колокотрони и. Мавромихали, положеніе грековъ сдѣлалось опаснымъ, когда Ибрагимъ-паша, сынъ Ал и-паши ёгипетскаго высадился въ Морeѣ (1825), завоевалъ ее и опустошилъ страшнымъ образомъ. А когда, наконецъ, въ августѣ 1826 г., Решидъ-паша взялъ штурмомъ Аѳины, то великія державы: Англія, Франція и Россія рѣшили вмѣшаться въ дѣла Греціи. Австрія держала сторону Турціи, и Меттерниха, съ самаго Веронскаго конгресса (1822 г.), протестовалъ противъ «безумной» и революціонной политики державъ и, какъ обыкновенно полагаютъ, поощрялъ Порту не обращать вниманія на требованіе греками автономіи и противиться совмѣстному давленію Россіи и западныхъ державъ. При его поддержкѣ турки чувствовали себя достаточно сильными, чтобы не уступить.

Передъ вмѣшательствомъ державы сочли нужнымъ опредѣлить свои дальнѣйшія дѣйствія предварительно международнымъ актомъ, но интриги, коими сопровождалась перемѣна министерства въ Англіи, и послѣдовавшая за этимъ болѣзнь Каннинга задержали обсужденіе вопроса. Однако 24-го іюня (6-го іюля) 1827 г. въ Лондонѣ была, наконецъ, подписана конвенція, въ которой было рѣшено настаивать на немедленномъ заключеніи перемирія между Портою и греками; она была предъявлена Портѣ 4-го (16-го) августа, ровно не дѣлю спустя послѣ кончины Каннинга, который былъ душою этого соглашенія.

Уже въ концѣ іюля Каннингъ былъ при смерти. Его болѣзнь вызвала со стороны Ливенъ, которая такъ высоко цѣнила и уважала его слѣдующія глубоко прочувствованныя строки къ Грею [1]).

«Въ то время, какъ я пишу, быть можетъ, Каннингъ покинулъ этотъ міръ. Я думала, хотя и не увѣрена, въ томъ, что вы, не смотря на различіе политическихъ взглядовъ, пожалѣете о жизни человѣка, столь даровитаго и преждевременно угасшаго. У него было доброе сердце. Его недруги воспоютъ побѣдный гимнъ. Было бы смѣшно, если бы и вы приняли участіе въ этомъ хорѣ».

---

[1]) Письмо отъ 26-го іюля (7-го августа) 1827 г.

На другой день послѣ того, какъ были начертаны эти строки, 27-го іюля (8-го августа), Каннинга не стало.

«Мы лишились Каннинга,—писала Ливенъ брату [1]), сообщая о его кончинѣ,—я говорю «мы» потому, что его утрата въ самомъ дѣлѣ касается насъ лично, помимо тѣхъ крупныхъ интересовъ, которые будутъ затронуты этимъ событіемъ. Я говорю также «мы», какъ русская, такъ какъ онъ былъ искреннимъ другомъ и союзникомъ Россіи. Послѣ него... ну что же поживемъ, увидимъ! Всѣ искренно горюютъ о немъ, даже его враги превозносятъ его теперь, когда его не стало. Въ Англіи нѣтъ другаго столь геніальнаго человѣка. Торговый людъ въ отчаяніи, народъ въ слезахъ, всѣ тѣ, кои не раздѣляютъ взглядовъ Меттерниха, въ отчаяніи. Никто не знаетъ, что будетъ дальше, и всѣ высказываютъ самыя мрачныя предположенія. Весьма вѣроятно, что мы вернемся къ старому режиму, хотя это можетъ вызвать только разстройство.

«Передайте мой привѣтъ графу Нессельроде и скажите ему: «Nun wird die Wirthschaft wieder anfangen» (опять заварится каша)».

Смерть Каннинга,—либеральная или, какъ ее называли Меттернихъ и Веллингтонъ,—«безумная революціонная» политика котораго встрѣтила сочувствіе среди либераловъ Европы и Англіи,—вызвала въ нихъ самыя горестныя чувства.

Вскорѣ послѣ кончины Каннинга, въ половинѣ августа 1827 г., въ Лондонъ пріѣхалъ Каподистрія [2]), избранный правителемъ Греціи. Онъ пріѣхалъ съ цѣлью заручиться поддержкой англійскаго кабинета на томъ трудномъ и отвѣтственномъ посту, на который его призывало рѣшеніе отечественнаго народнаго собранія.

Такое обращеніе къ Англіи со стороны Каподистріи было шагомъ вполнѣ естественнымъ. Не сочувствуя демагогическимъ стремленіямъ своихъ патріотовъ, Каподистрія желалъ найти легальную точку опоры для установленія будущихъ отношеній Греціи къ Турціи въ томъ международномъ актѣ, который былъ подписанъ Россіей, Англіей и Франціей въ Лондонѣ 24-го іюня (6-го іюля) 1827 г. Онъ однако ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Въ Англіи, гдѣ онъ уже не засталъ въ живыхъ Каннинга, Каподистрію встрѣтили холодно, ему дали понять, что здѣсь не желали поддерживать русское вліяніе въ Греціи и что даже отчасти эта цѣль и имѣлась въ виду при заключеніи указаннаго договора, имѣвшаго задачею предупредить войну между Россіей и Турціей. Въ Англіи не вѣрили въ искренность намѣреній Каподистріи. Напрасно Ливенъ старалась убѣдить Грея, что Каподистрія, какъ горячій и просвѣщенный

---

[1]) Письмо отъ 29-го іюля (10-го августа) 1827 г.

[2]) Извѣстный русскій и греческій государственный дѣятель, р. 1776 г., умеръ въ 1831 г.

патріотъ, имѣлъ въ виду прежде всего интересы своего отечества. Грей скептически относился къ увѣреніямъ княгини и выражалъ лишь одно желаніе видѣть Грецію независимою. Питая платоническія симпатіи къ грекамъ и презрѣніе къ туркамъ, Грей былъ противникомъ рѣшительныхъ мѣръ, въ особенности, если бы таковыя исходили отъ петербургскаго кабинета.

По смерти Каннинга не успѣли разыграться интриги, происходившія при назначеніи его главою кабинета, такъ какъ король немедленно ввѣрилъ кабинетъ лорду Годричу, при которомъ герцогъ Веллингтонъ снова занялъ постъ главнокомандующаго.

Управленіе Годрича отличалось нерѣшительностью, и онъ не долго удержался у власти. «Мы не принимаемъ здѣсь никакихъ рѣшеній, нами руководитъ робость и осторожность,—писала Ливенъ 8-го (20-го) октября 1827 г. брату;—нельзя осуждать за это министерство, такъ какъ его положеніе затруднительно. Я надѣюсь на ходъ событій, который восторжествуетъ надъ всякой осторожностью. Министерство будетъ вынуждено предпринять что-нибудь, если турки будутъ по-прежнему поступать, какъ глупцы и ихъ патронъ Меттернихъ также. Я пришла къ убѣжденію, что Меттернихъ—человѣкъ умный, умеръ, ибо въ его поведеніи нѣтъ ни капли ума.

«Кабинетъ и всѣ его члены держатся такихъ политическихъ принциповъ, которые вполнѣ соотвѣтствуютъ нашимъ желаніямъ, ибо они ненавидятъ Австрію.

«Мысль о Португаліи преслѣдуетъ министровъ даже во снѣ; въ настоящее время они ни о чемъ болѣе не думаютъ, они боятся относительно ея какой-нибудь коварной продѣлки Меттерниха.

«Герцогъ Веллингтонъ относится ко мнѣ холодно. Онъ не можетъ простить мнѣ того, что я предпочла министра, дружески расположеннаго къ грекамъ, министру, сочувствовавшему туркамъ. Король возвратилъ герцогу его постъ, но не свою благосклонность, ибо со времени назначенія главнокомандующимъ онъ видѣлъ короля не болѣе получаса.

«Королю не нравятся его дружественныя отношенія къ крайнимъ торіямъ. Въ настоящее время герцогъ ведетъ особенную дружбу съ австрійскимъ посланникомъ».

Во время министерства Годрича державы, руководствуясь постановленіями лондонскаго договора, предъявили Турціи требованіе предоставить Греціи самостоятельность, на началахъ вассальной зависимости, а когда султанъ отвѣчалъ на это требованіе высокомѣрнымъ отказомъ и Ибрагимъ-паша, получивъ подкрѣпленіе изъ Египта, получилъ приказаніе разорить Морею, то союзный флотъ вступилъ въ Наваринскую бухту и адмиралы предложили Ибрагимъ-пашѣ прекратить его враждеб-

ныя дѣйствія. Его отказъ повелъ къ битвѣ, въ которой турецко-египетскій флотъ былъ совершенно истребленъ.

При извѣстіи о гибели турецкаго флота, которое произвело на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе, въ Англіи мнѣнія раздѣлились; одни выражали желаніе, чтобы адмиралу Кодрингтону былъ сдѣланъ строгій выговоръ за то, что онъ нарушилъ миръ съ Турціей; другіе хотѣли, чтобы Россія одна дала Греціи независимость; иные склонялись къ тому, чтобы дозволить союзному флоту продолжать начатыя имъ дѣйствія.

Въ лондонскомъ обществѣ многіе говорили открыто, что совпаденіе прибытія русскаго адмирала съ началомъ непріязненныхъ дѣйствій не было случайностью и что политика Россіи клонилась къ тому, чтобы поссорить окончательно Великобританію съ Турціей и этимъ воспользоваться. Это логически приводило къ заключенію, что избіеніе грековъ, вызвавшее вмѣшательство союзнаго флота, было дѣломъ интригъ Россіи; наконецъ, иные утверждали, что воинственное настроеніе Турціи поощрялось въ тайнѣ Австріей.

Къ числу этихъ лицъ принадлежала княгиня Ливенъ, которая съ восторгомъ привѣтствовала извѣстіе о побѣдѣ, одержанной надъ Турціей.

«Да здравствуетъ Наварино!—восклицала она [1]),—мы въ восторгѣ, англійское правительство нѣсколько напугано, а французское недовольно. Что касается Австріи, то, само собою разумѣется, она взбѣшена и взволнована. Англійская публика кичится этимъ дѣломъ; потопленіе и сожженіе судовъ и убійства—во вкусѣ англичанъ. Народъ не задумывается о причинахъ этого событія. Оппозиція выражаетъ неудовольствіе и спрашиваетъ: по какому праву это сдѣлано.

«Мы играемъ въ руку Россіи, которая одна извлечетъ изъ этого выгоду, говоритъ она; наши министры неспособны, мы думаемъ, что Россія проведетъ ихъ». Другіе говорятъ: «Мы хотѣли бы знать, по крайней мѣрѣ, что́ достанется на нашу долю. Для Англіи безуміе сражаться изъ-за чувствъ; что намъ греки? Турки всегда были нашими вѣрными союзниками».

«Король согласенъ со мною, что наваринское сраженіе дѣло рукъ Меттерниха. Онъ довѣряетъ императору (Николаю) и вѣритъ въ его честность».

Грей, узнавъ о Наваринской битвѣ, выразилъ свое сожалѣніе по поводу этого событія. Въ этомъ отношеніи онъ раздѣлялъ взглядъ торіевъ, называвшихъ наваринское дѣло «прискорбнымъ событіемъ».

Въ то время какъ въ Англіи кабинетъ Годрича колебался, не зналъ, какой держаться политики, и хотѣлъ отложить рѣшеніе до тѣхъ поръ, пока не будутъ получены отъ Кодрингтона болѣе точныя извѣстія,

[1]) Письмо А. Х. Бенкендорфу 4-го (16-го) ноября 1827 г.

Франція выразила согласіе на то, чтобы Россія заняла Придунайскія княжества и оказала давленіе на Порту.

«Наши дѣла въ Парижѣ идутъ отлично,—пишетъ Ливенъ 5-го (17-го) декабря 1827 г.,—наши друзья и враги поражены этимъ; очевидно, что и тѣ и другіе порядкомъ боятся насъ.

«Я писала вамъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ о толкахъ насчетъ вѣроятныхъ послѣдствій Наваринскаго сраженія. Съ тѣхъ поръ эти толки постоянно возрастали. О Греціи говорятъ мало, всѣ говорятъ о Россіи, и только о Россіи, и по открытіи парламента на насъ посыпется цѣлый градъ брани; т. е. министрамъ придется выслушать, что они глупы, такъ какъ они вѣрятъ нашимъ словамъ и нашимъ увѣреніямъ. Все это входитъ въ тактику оппозиціи, а министры спрягаютъ тѣмъ временемъ глаголъ «дрожать».

«Лордъ Грей, самый грозный изъ членовъ оппозиціи, пощадитъ насъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ. Я дѣлаю все возможное, чтобы привлечь его на нашу сторону: всѣ мои доводы сводятся къ той истинѣ, что «вы не можете помѣшать нашему могуществу; примкните же къ намъ, выказавъ полное довѣріе къ прямотѣ императора; это—струна, на которой вы всегда можете играть съ успѣхомъ; поэтому нѣтъ повода къ боязни.

«Меттернихъ упалъ въ мнѣніи общества такъ низко, какъ нельзя было ожидать. Его интриги въ Константинополѣ не составляютъ уже ни для кого тайны, и онъ проявилъ въ нихъ такъ много злобы и коварства и сдѣлалъ столько промаховъ, что никто не пытается даже защищать его».

Это письмо еще не было отправлено, какъ въ Лондонѣ произошелъ министерскій кризисъ: нерѣшительный и безхарактерный Годричъ подалъ въ отставку. Его паденіе было для Англіи ближайшимъ послѣдствіемъ Наваринскаго сраженія и ускорилось тѣмъ, что король долженъ былъ дать награды за дѣло, которое кабинетъ не одобрялъ.

Адмиралъ Кодрингтонъ получилъ за него отъ императора Николая Георгіевскій крестъ при собственноручномъ любезномъ письмѣ.

«Адмиралъ Кодрингтонъ писалъ герцогу Кларенскому и отозвался въ своемъ письмѣ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ о храбрости русскихъ солдатъ и очень дружески объ адмиралѣ Гейденѣ. Герцогъ говорилъ мнѣ,—писала Ливенъ [1]),—что братъ и соотечественникъ не могъ бы выразиться теплѣе. Между нами, герцогъ Кларенскій гордится Наваринскимъ сраженіемъ, но въ душѣ онъ сочувствуетъ туркамъ. Трудно повѣрить, до какой степени раздѣляютъ его образъ мыслей. Дѣло въ томъ, что они не имѣютъ яснаго представленія о восточномъ вопросѣ».

Послѣ выхода въ отставку Годрича въ началѣ 1828 г. король по-

[1]) Письмо А. Х. Бенкендорфу отъ 5-го (17-го) января 1828 г.

ручилъ сформировать кабинетъ герцогу Веллингтону, старому знакомому австрійскаго канцлера. Власти достигли такимъ образомъ, по выраженію Меттерниха, «любезные торіи».

«Какъ я слышу,—писалъ Грей княгинѣ Ливенъ 4-го (16-го) января,—Эстергази (австрійскій посланникъ) сошелъ съ ума отъ радости. Онъ бѣгаетъ по городу, подобно бѣшеной кошкѣ».

«Герцогъ Веллингтонъ—первый министръ,—писала, въ свою очередь, Ливенъ брату 8-го (20-го) февраля 1828 г.,—герцогъ Веллингтонъ преданъ Австріи. Онъ предпочитаетъ плутни князя Меттерниха честности императора Николая. Прекрасно, но наше положеніе таково, что мы можемъ не тревожиться этимъ. Онъ обязанъ въ точности выполнить конвенцію; онъ долженъ подчиниться этому».

Тотъ фактъ, что лордъ Дудлей, подписавшій лондонскую конвенцію, оставался министромъ иностранныхъ дѣлъ, былъ ручательствомъ, что дѣло пойдетъ не такъ, какъ хотѣлось друзьямъ турокъ. Величайшая уступка, сдѣланная этимъ господамъ, заключалась въ томъ, что въ королевской рѣчи, произнесенной при открытіи парламента, Наваринская битва была названа «событіемъ совершенно неожиданнымъ для его величества» и было сказано, что онъ «глубоко сожалѣлъ о томъ, что это несчастіе постигло морскія силы бывшаго союзника Англіи».

Между тѣмъ, положеніе дѣлъ обострилось вслѣдствіе появленія гатти-шерифа султана, призывавшаго правовѣрныхъ къ оружію, хотя онъ объявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что готовъ вести переговоры, но не иначе, какъ при посредствѣ Австріи.

«Въ этомъ разгадка загадки,—писала Ливенъ [1]),—Меттернихъ, хочетъ быть хозяиномъ положенія. Но глупы будутъ тѣ, кои поддадутся его интригамъ.

«Единственно, что для меня ясно, это то, что австрійскій кабинетъ интригуетъ. Онъ хочетъ руководить политикой Дивана, чувствуя себя обиженнымъ тѣмъ, что въ этомъ случаѣ обошлись безъ него; онъ хочетъ отомстить за это и вернуть свое утраченное значеніе».

Послѣ появленія гатти-шерифа посланники великихъ державъ выѣхали изъ Константинополя, и Россія потребовала, чтобы союзники выполнили Лондонскую конвенцію, заявивъ, что, въ противномъ случаѣ, она будетъ дѣйствовать одна. Французское правительство сразу выразило намѣреніе дѣйствовать энергично и блокировать Константинополь. Въ англійскомъ кабинетѣ мнѣнія раздѣлились. Веллингтонъ упорно возставалъ противъ какихъ бы то ни было враждебныхъ дѣйствій по отношенію къ «бывшему союзнику», и Кодрингтонъ, по его настоянію, былъ отозванъ.

---

[1]) Письмо къ Грею 21-го ноября (3-го декабря) 1827 г.

Хотя княгиня Ливенъ и писала, что образъ дѣйствій Англіи ее «не тревожитъ», но на самомъ дѣлѣ онъ волновалъ ее; вмѣстѣ съ тѣмъ ея враждебное отношеніе къ герцогу Веллингтону усиливалось и проявлялось не только по поводу событій на Востокѣ, но и относительно разныхъ вопросовъ внутренней политики Англіи, которые стояли на очереди во время его управленія кабинетомъ. Русская посланница не прощала Веллингтону того, что онъ былъ противъ политики и видовъ императора Николая, и не упускала случая нанести ему ударъ; она возбуждала противъ кабинета страсти, самолюбія, соперничества, льстила противникамъ министра, старалась отвлечь отъ него друзей, посѣять раздоръ въ той партіи, которая его поддерживала; однимъ словомъ, ослѣпленная своей злобою, она вышла изъ того безразличія, которое приличествовало ея дипломатическому положенію.

По словамъ князя Эстергази, участіе, которое она принимала въ интригахъ противъ англійскаго кабинета, сослужило хорошую службу цѣлямъ русской политики.

«Она дѣйствовала съ величайшей наглостью,—писалъ Чарльзъ Гревиль въ іюнѣ слѣдующаго года,—воспользовавшись своимъ вліяніемъ у короля, чтобы вредить министерству Веллингтона. Ея антипатія къ Веллингтону постоянно возростала съ тѣхъ поръ, какъ они поссорились въ то время, когда Каннингъ достигъ власти; она была тогда очень невѣжлива (malhonnête) съ герцогомъ, чтобы добиться расположенія новаго министра въ интересахъ своего двора, которому она сослужила въ этомъ случаѣ хорошую службу,—какъ говорилъ Эстергази».

Интригуя противъ Веллингтона и опасаясь противодѣйствія съ его стороны видамъ Россіи и какъ бы желая разсѣять свои опасенія на этотъ счетъ,—Ливенъ писала брату 8-го (20-го) февраля 1828 г.:

«Англія не можетъ предпринять ничего враждебнаго противъ насъ; какой предлогъ могла бы она найти къ тому? Мы не дадимъ ей этого предлога. Да и что она можетъ сдѣлать? Ничего. Сомнительно, чтобы англійскій народъ принесъ жертвы, хотя бы ради вопроса чести: со времени открытія парламента въ общественномъ мнѣніи замѣчается сильный поворотъ въ нашу пользу, всѣ ораторы говорили за насъ... Всѣ съ горячностью говорили въ благопріятномъ для насъ смыслѣ, всѣ восторгаются терпѣніемъ, снисходительностью и умѣренностью императора, всѣ довѣряютъ его слову, и, кромѣ того, англійское правительство не могло забыть, что въ 1792 г. министерство Питта было свергнуто вигами за то, что оно хотѣло поддержать Турцію противъ Россіи [1]).

[1]) Ливенъ ошибается: министерство Питта не было свергнуто въ 1792 г., но въ мартѣ мѣсяцѣ 1791 г., во время русско-турецкой войны, Питтъ предлагалъ Пруссіи и Голландіи вступиться вмѣстѣ съ Великобританіей и принудить Россію заключить миръ. Парламентъ поддержалъ его, но это предло-

За послѣднее время у насъ оказалось нѣсколько достойныхъ друзей; самый полезный изъ нихъ—принцъ Леопольдъ. Трудно повѣрить, съ какой горячностью онъ защищаетъ наши интересы. Мы имѣемъ и другихъ друзей въ кабинетѣ, но ихъ держитъ въ страхѣ деспотъ Веллингтонъ. Онъ даетъ понять, что онъ глава, а какъ долго онъ будетъ имъ, сказать трудно.

«Какъ бы то ни было, Россія сильна довѣріемъ, которое внушаетъ ея монархъ, и его волей, которая поддерживается всѣмъ ея могуществомъ. Мы можемъ благодарить Бога за то, что Онъ послалъ намъ такого монарха».

«Я хотѣла бы уснуть,—продолжаетъ она,—и узнать, проснувшись, что наши войска уже выступили въ походъ и что они быстро идутъ впередъ»... Возлагая всѣ свои надежды на императора, Ливенъ находила, что честь и достоинство Россія требовали дѣйствовать быстро и энергично, чтобы Европа не могла помѣшать этому своими «интригами и соображеніями».

«Гатти-шерифъ султана и вызовъ, брошенный имъ Европѣ, не произвели на фельдмаршала ни малѣйшаго впечатлѣнія,—писала еще Ливенъ [1]),—онъ не хочетъ войны, поэтому войны не будетъ. Его упорство и его глупость могутъ причинить не мало зла; тѣмъ хуже для Англіи».

Настойчивость, съ какою Ливенъ постоянно возвращается къ вопросу о событіяхъ на Востокѣ, и страстность, съ которою она говоритъ объ этомъ, были до нѣкоторой степени отголоскомъ той борьбы, которая происходила въ правительственныхъ сферахъ Англія передъ турецкой войною, и рисуетъ состояніе умовъ въ этой странѣ въ тотъ тревожный для дипломатіи моментъ.

«Здѣсь никто не понимаетъ, какихъ взглядовъ держится правительство; одни находятъ его слишкомъ либеральнымъ, другіе—слишкомъ преданнымъ политикѣ Меттерниха, но всѣ недовольны, и всѣ относятся къ нему съ недовѣріемъ.

«Австрія торжествуетъ; настала ея очередь руководить дѣлами; наше положеніе тягостно, но хвастовство никогда не можетъ застращать меня. Я ожидаю событій спокойно; достоинство Россіи въ рукахъ императора, слѣдовательно, оно—въ хорошихъ рукахъ».

«Англія труситъ; она боится идти съ нами, боится быть противъ насъ и считаетъ самымъ безопаснымъ держаться золотой середины, положеніе благородное—для насъ оно безвредно, это главное».

женіе испугало всѣхъ, и Питтъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія взялъ назадъ угрозу о вмѣшательствѣ, что подорвало его репутацію въ Англіи и за границею.

[1]) Письмо А. Х. Бенкендорфу 16-го (28-го) февраля 1828 г.

«Англичане, ожидавшіе чудесъ отъ твердости Веллингтона, убѣждаются мало-по-малу въ томъ, что онъ дѣйствуетъ во всемъ выжидательно [1]).

«Его очень тревожитъ положеніе Франціи; общественное мнѣніе взволновано, оно требуетъ, чтобы правительство приняло участіе въ войнѣ.

«Австрія подталкиваетъ Веллингтона, но я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы онъ зашелъ черезчуръ далеко.

«Важное рѣшеніе, принятое нашимъ императоромъ, было громовымъ ударомъ для Веллингтона, на общество оно произвело волшебное дѣйствіе и вызвало только два чувства: съ одной стороны страхъ, съ другой—удовольствіе. Повторяю, на нашей сторонѣ всѣ развитые люди, въ томъ числѣ слѣдуетъ особенно упомянуть о лордѣ Голландѣ. Онъ кается въ своихъ прежнихъ ошибкахъ, ничего не хочетъ слышать о Турціи и только выражаетъ желаніе, чтобы она была изгнана изъ Европы. Онъ былъ бы доволенъ, если бы императоръ дошелъ до Константинополя и поступилъ бы съ нимъ по своему усмотрѣнію, чтобы Россія имѣла портъ на Средиземномъ морѣ,—онъ преклоняется передъ императоромъ, и ставитъ его умъ выше всѣхъ его качествъ и стыдится жалкой политики Англіи».

«Я несказанно рада, что война съ Персіей окончилась [2]); вы не можете себѣ представить, сколько страха она возбуждала здѣсь. Они (англичане) уже представляли себѣ, что мы дошли до Индіи.

«Мы все-таки еще имѣемъ нѣсколько друзей въ англійскомъ кабинетѣ (одинъ изъ нихъ лордъ Пальмерстонъ, братъ г. Темпля, повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ) и несравненно болѣе въ обществѣ; король также расположенъ къ намъ. Онъ питаетъ лично весьма дружественныя чувства къ императору и вполнѣ довѣряетъ его честности.

«Многіе обращались ко мнѣ здѣсь съ вопросомъ, могутъ ли волонтеры участвовать въ нашемъ походѣ. Лордъ Грей, напримѣръ, очень бы хотѣлъ, чтобы его сынъ отправился въ нашу армію.

«Я по истинѣ горжусь тѣмъ, что я русская, и испытываю отъ этого каждый день новое удовольствіе, такъ какъ со мною только и говорятъ о предпринятомъ нами дѣлѣ, а наша роль въ немъ такъ прекрасна и ясна. Но мнѣ приходитъ зачастую на умъ одно сравненіе. До сихъ поръ мы сражались съ турками, имѣя небольшія арміи и мечтая о большихъ завоеваніяхъ; нынѣ же мы имѣемъ большую и великолѣпную

---

[1]) Письмо къ А. А. Бенкендорфу 16-го (28-го) марта 1828 г.

[2]) 28-го февраля 1828 г. Россіей былъ заключенъ миръ съ Персіей.

армію и не преслѣдуемъ никакихъ честолюбивыхъ цѣлей. Это есть истинное величіе».

Франція, рѣшившая принять участіе въ войнѣ, нѣсколько замедлила посылкою войскъ въ Грецію, подъ давленіемъ англійскаго правительства.

«Донесенія французскихъ дипломатовъ, полученныя изъ Петербурга, нѣсколько напугали насъ,—писала Ливенъ 7-го (19-го) мая,—а Веллингтонъ и К⁰ радостно закаркали. Но вслѣдъ затѣмъ была получена декларація, что Россія, оставленная союзниками, будетъ одна настаивать на выполненіи договора, «сообразуясь только со своими собственными интересами и будетъ дѣйствовать такъ, какъ она найдетъ нужнымъ».

«Веллингтонъ въ очень дурномъ настроеніи духа, и не мудрено, ему придется уступить, это единственный для него выходъ. Лордъ Пальмерстонъ (кабинетъ министръ или н а ш ъ министръ) сказалъ мнѣ: «Въ сущности, для тѣхъ, кто, подобно мнѣ, вѣритъ слѣпо вашему императору, или для тѣхъ, кто не довѣряетъ ему, остается одно—а именно высказать ему довѣріе и дѣйствовать сообразно съ этимъ».

«Въ какое глупое положеніе поставили себя Англія и Австрія! Ихъ интриги велись весьма искусно; онѣ вышли изъ хитро сплетенной ими паутины, покрытыя славою. Но одного слова императора было достаточно, чтобы разсѣять ихъ по вѣтру. Какое внушительное для Европы зрѣлище представитъ императоръ во главѣ своего войска, которое онъ двинулъ съ великой и благородной цѣлью».

«Герцогу Веллингтону,—замѣчаетъ саркастически русская посланница,—пришлось сдѣлаться либераломъ подобно тому, какъ Сганарель сдѣлался врачемъ въ комедіи Мольера [1]).

Палата общинъ не довольствуется болѣе обскурантными теоріями. Во всѣхъ дѣлахъ внутренней политики правительство должно руководствоваться въ своихъ мѣропріятіяхъ просвѣщенными принципами, иначе оно не удержится у власти,—между тѣмъ Веллингтонъ жаждетъ прежде всего остаться первымъ министромъ»; а Ливенъ, съ своей стороны, выражала желаніе «свернуть ему шею» [2]).

Въ Англіи говорили «будто г-жа Ливенъ дѣйствительно сказала что-то королю о перемѣнѣ министерства и что король отвѣчалъ ей, что если бы его посланникъ въ Петербургѣ вздумалъ критиковать дѣйствія императора во внутренней политикѣ, то онъ немедленно отозвалъ бы его» [3]).

Личныя отношенія Ливенъ и Веллингтона въ это время были та-

---

[1]) Врачъ по неволѣ.

[2]) Письмо къ А. Х. Бенкендорфу, 16-го (28-го) марта 1828.

[3]) Croker Papers, 423.

ковы, что, встрѣчаясь въ обществѣ, они старательно избѣгали разговора о вопросѣ, который болѣе всего интересовалъ обоихъ, и слово «Турція» никогда не произносилось ими. «Если я когда-нибудь нарушу молчаніе,—говорила Ливенъ,—я увѣрена, что мы подеремся».

Лордъ Веллингтонъ платилъ ей тѣмъ же, хотя онъ и считалъ долгомъ появляться въ ея салонѣ и даже иногда подолгу бесѣдовалъ съ нею наединѣ.

Объ отношеніи Веллингтона къ Ливенамъ и къ Россіи лордъ Пальмерстонъ писалъ 23-го марта (4-го апрѣля) 1828 г. своему брату въ Петербургъ:

«Очевидно, герцогъ хотѣлъ разрыва съ Россіей, онъ относится къ ней, лично, весьма непріязненно. Онъ жестоко ссорился съ Ливенами и не доволенъ пріемомъ, который былъ оказанъ ему въ Петербургѣ. Много разныхъ мелочей возстановили его противъ Ливеновъ. Г-жа Арбетнотъ и лэди Джерси, которыя имѣютъ на него вліяніе, ненавидятъ Ливенъ... Г-жа Ливенъ поступила неосторожно въ прошломъ году, когда во главѣ кабинета сталъ Каннингъ, и слишкомъ явно выражала свое удовольствіе по поводу отставки герцога; она была въ извѣстной степени даже невѣжлива по отношенію къ нему».

Мѣсяцъ спустя, 26-го апрѣля (8-го мая) онъ писалъ снова:

«Герцогъ относится съ особеннымъ нерасположеніемъ къ Россіи, я полагаю, болѣе изъ личнаго чувства, нежели изъ видовъ политики».

«Относительно нашего дѣла (въ парламентѣ) до сихъ поръ не было сказано ни слова,—писала Ливенъ брату 7-го (19-го мая) 1828 г. Но палаты должны, наконецъ, высказаться.

«Король, въ общемъ, относится къ намъ хорошо; если бы онъ могъ, то онъ сдѣлалъ бы все для насъ, но Веллингтонъ упрямъ, какъ оселъ. Однако онъ уступаетъ, когда ему угрожаетъ потеря мѣста. Между прочимъ, я писала вамъ, кажется, что я никогда не говорю съ нимъ о нашихъ дѣлахъ, изъ опасенія, что мы вцѣпимся другъ другу въ волосы. Едва успѣла я тогда окончить письмо, какъ между нами произошла страшнѣйшая сцена, которую я тотчасъ записала; если я найду это описаніе, то я пришлю его вамъ. Оно покажетъ вамъ его доброжелательство къ Россіи и всю логичность его разсужденія. Онъ и въ этомъ случаѣ говоритъ какъ по обыкновенію: «это такъ потому, что я это говорю».

Самостоятельный и твердый образъ дѣйствій русскаго императора заставилъ смолкнуть его враговъ [1]). Княгиня Ливенъ торжествовала.

---

[1]) Пальмерстонъ, въ вышеупомянутомъ письмѣ къ брату отъ 8-го мая, говоря о настроеніи членовъ кабинета, писалъ: „Элленборо еще болѣе враждебенъ (Россіи), нежели герцогъ; Абердинъ преданъ Австріи; а Батурстъ про-

*

«Веллингтонъ, писала она, полновластный министръ, Веллингтонъ врагъ Россіи—сталъ вдругъ сговорчивъ. Что за причина? Онъ стучался во всѣ двери, направо и налѣво—и никто не выказалъ желанія напасть на насъ. Его покинулъ даже его добрый другъ Меттернихъ, ибо, чтобы предпринять что-либо, нужны средства, Англія же не дастъ ему ни одного шиллинга. Всѣ члены оппозиціи на нашей сторонѣ.

«При томъ осложненія, угрожающія Португаліи, несравненно опаснѣе для Англіи, нежели восточныя дѣла. Все это свалилось на герцога сразу и онъ, подобно арлекину, сдѣлаетъ пируетъ и то, что было черно вчера, будетъ бѣлымъ сегодня. Это достойно сожалѣнія, можно сказать низко, но это великолѣпно. Всѣмъ нашимъ врагамъ одинъ за другимъ пришлось смириться; противъ насъ хотѣли образовать грозную коалицію; нынѣ Европа на колѣняхъ передъ нами.

«Образъ дѣйствій англійскаго кабинета достоинъ смѣха. Онъ всячески доказалъ свою непослѣдовательность и нелѣпость. Веллингтонъ во всеуслышаніе возставалъ даже противъ мысли о посылкѣ къ намъ уполномоченнаго.

«Никогда,—утверждалъ онъ торжественно, — никогда мы не поддержимъ незаконныя дѣйствія Россіи присутствіемъ нашего посланника.

«Но Меттернихъ послалъ Гомбурга и вдругъ, трахъ! отсюда посылается Гейтесберри!!

«Jamais» (никогда) Веллингтона намъ знакомо, его словарь французскаго языка долженъ быть безподобенъ.

«Веллингтонъ съумѣлъ пріобрѣсти вліяніе англичанъ, но въ чемъ кроется его сила, я не знаю. Съ недѣлю послѣ перемѣны министерства всѣ были сильно возбуждены противъ этого кабинета, который хочетъ управлять государствомъ. Если послушать ихъ, то кабинетъ не могъ удержаться и двухъ дней.

«Веллингтонъ только посмѣялся надъ этимъ, онъ принялъ вызывающій видъ, и всѣ испугались. При всемъ своемъ ничтожествѣ, онъ хитеръ, онъ льститъ крайнимъ торіямъ; а еще болѣе льститъ либераламъ.

«По истинѣ народъ нетрудно обмануть; это невольно приходитъ на умъ, когда видишь, что нація, которую всѣ считаютъ такой благоразумной и разсудительной, становится игрушкой такого посредственнаго министра.

«Образъ дѣйствій Веллингтона, который, не смотря на то, что онъ былъ членомъ кабинета, подписавшаго лондонскій договоръ и заявилъ

тивникъ Россіи и Австріи. Всѣ они были бы очень рады отдѣлаться отъ конвенціи, которую они ненавидятъ. Герцогъ находится, какъ я полагаю, въ перепискѣ съ Меттернихомъ, чтобы вести свою прежнюю игру, медлить и колебаться".

себя продолжателемъ политики Каннинга, уклонился отъ всякаго вмѣшательства въ пользу Греціи, а равно его дѣйствія въ португальскомъ вопросѣ не только вызвали неудовольствіе въ Англіи, но также неодобреніе и критику за границею; его политика изолировала Великобританію и ослабила ея голосъ въ европейскомъ концертѣ».

III.

Впечатлѣніе, произведенное на Европу первыми успѣшными дѣйствіями Россіи въ Турціи.—Сочувствіе Англіи.—Неудачный исходъ кампаніи 1829 г.—Перемѣна политики Англіи.—Скорбь Ливенъ.—Недоброжелательство Веллингтона къ Россіи.—Интриги Меттерниха.

Первыя успѣшныя дѣйствія русской арміи на Балканскомъ полуостровѣ, взятіе Гирсова и Кюстенджи и паденіе Браилова, послѣ чего вся Добруджа фактически была въ рукахъ русскихъ, произвели въ Европѣ впечатлѣніе благопріятное для Россіи.

«Герцогъ Веллингтонъ держитъ себя теперь со мною болѣе вѣжливо и дружественно,—писала Ливенъ 10-го (22-го) августа 1828 г. Быть можетъ, онъ пойдетъ въ этомъ новомъ направленіи такъ же далеко, какъ и въ противоположномъ. Я не берусь рѣшить, поступаетъ ли онъ такъ по убѣжденію или же онъ вынужденъ къ тому обстоятельствами.

«Король относится къ намъ лучше, чѣмъ когда-либо. Онъ долго говорилъ со мною на-дняхъ, и вся сущность разговора сводилась къ похваламъ императору. «Я вполнѣ довѣряю ему во всѣхъ отношеніяхъ, сказалъ онъ, и говорю тѣмъ, кто старается вселить мнѣ недовѣріе къ нему: Обѣщаю вамъ, что я перестану довѣрять императору Николаю, когда онъ обманетъ меня, а до тѣхъ поръ позвольте мнѣ попрежнему вѣрить ему. Король былъ въ восторгѣ отъ того, какъ императоръ высказался о дѣлахъ Брауншвейга [1]). Онъ очень озабоченъ этими дѣлами и въ разговорѣ со мною провелъ параллель между образомъ дѣйствія императора и Меттерниха и, обратясь къ нѣкоторымъ лицамъ, стоявшимъ тутъ же, сказалъ громко по-англійски: «Ничто не можетъ быть великолѣпнѣе и честнѣе, какъ образъ дѣйствій императора Николая, и ничего не можетъ быть такъ низко и подло (rascally), какъ поведеніе Меттерниха». Спросите своихъ друзей, что̀ означаетъ слово «rascally» по-англійски, и вы поймете, что онъ выразился очень рѣзко. Веллингтонъ стоялъ тутъ же и, вѣроятно, слышалъ это замѣчаніе».

---

[1]) Герцогъ Брауншвейгскій Карлъ, принявшій власть въ 1823 г., относился враждебно къ конституціи, данной Брауншвейгу опекуномъ его, принцемъ-регентомъ, въ 1820 г., чѣмъ вызвалъ противъ себя неудовольствіе подданныхъ; броженіе, происходившее въ странѣ, разрѣшилось въ сентябрѣ 1830 г. бунтомъ. Герцогъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ.

Ливенъ отмѣчала съ удовольствіемъ всякій знакъ сочувствія къ Россіи, особенно знаменательный во время войны.

«Въ день рожденія короля,—писала она 14-го (26-го) августа,—во дворецъ не былъ приглашенъ Эстергази (австрійскій посланникъ), который заболѣлъ отъ досады, видя предпочтеніе, оказываемое Россіи, между тѣмъ какъ Австрію игнорируютъ».

«Вы не можете себѣ представить, до какой степени здѣсь всѣ недовольны похвальбами французскихъ газетъ по поводу экспедиціи въ Морею,—читаемъ въ другомъ письмѣ [этъ 10-го (22-го) августа].—Но Англія по истинѣ достойна того презрѣнія, съ какимъ всѣ относятся къ ней».

«Въ мартѣ мѣсяцѣ [1]) герцогъ Веллингтонъ сказалъ нѣсколькимъ дипломатамъ въ Лондонѣ: «Если Франція пошлетъ въ Морею хотя бы одного солдата, я объявлю Франціи войну». А въ іюлѣ онъ согласился на посылку туда 20.000 человѣкъ!»

«Что сдѣлала Англія для Греціи? [2]) или, лучше сказать, что она сдѣлала во вредъ Греціи? Въ концѣ концовъ могущественная и богатая Англія не дастъ ни одного шиллинга, ни одного человѣка и будетъ вынуждена предоставить всю честь другимъ. Двоедушіе и безсиліе составляютъ отличительныя свойства англійскаго правительства, прямота и сила составляютъ отличительныя черты нашего правительства».

Торжество, доставленное нашей посланницѣ первыми успѣхами русскаго оружія, было, къ сожалѣнію, непродолжительно; кампанія 1828 г. была начата, какъ извѣстно, съ недостаточными силами. Попытка взять Шумлу—ключъ къ Балканамъ, оказалась не по силамъ русской арміи, жестоко изнуренной болѣзнями. Ея усилія были отчасти вознаграждены взятіемъ Варны [28-го сентября (10-го октября)], которая сдалась послѣ продолжительной осады.

За день до этого событія Ливенъ, до глубины души опечаленная ходомъ событій и жаждавшая извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій, писала брату [27-го сентября (9-го октября) 1828 г.]:

«Вокругъ меня все мрачно. Наши дѣла идутъ плохо. Весьма естественно было предположить, что такъ какъ англійское правительство уступило только подъ вліяніемъ страха, то оно сдѣлается непреклоннымъ, какъ только удача перестанетъ сопутствовать намъ. Къ несчастію, это и случилось теперь. Мнѣ кажется, что я вижу тяжелый сонъ, когда я слышу, что нашъ великій императоръ и наша армія вынуждены остановиться передъ горстью варваровъ и что Европа начинаетъ сомнѣваться въ могуществѣ Россіи. Я не понимаю, что это значитъ.

---

[1]) Письмо къ Грею 6-го августа 1828 г.

[2]) Письмо къ А. Х. Бенкендорфу 10-го (22-го) августа.

«Веллингтонъ возвратился къ своему прежнему недоброжелательству, или, лучше сказать, недоброжелательство, которое онъ скрывалъ только по необходимости, проявляется теперь безъ стѣсненія. Какъ бы то ни было, мы можемъ быть довольны тѣмъ, что положеніе дѣлъ въ Англіи таково, что она не можетъ думать о войнѣ. Однако, я убѣждена, что если бы не дѣла въ Ирландіи [1]), то она обнажила бы мечъ противъ насъ въ тотъ самый день, когда было получено извѣстіе, что императоръ рѣшилъ блокировать Дарданеллы. Тѣмъ болѣе, что общественное мнѣніе въ этомъ случаѣ на нашей сторонѣ».

«Хотя бы только это затруднительное положеніе разрѣшилось благополучно для насъ, т. е. если бы мы могли вынудить Константинополь къ сдачѣ голодомъ и заставить султана просить у насъ мира, все было бы хорошо; но если побѣда не будетъ на нашей сторонѣ, то намъ надобно опасаться, каждую минуту, мщенія Англіи за то, что, по ея мнѣнію, мы провели ее въ этомъ случаѣ.

«Пріѣздъ маленькой королевы португальской въ Англію [2]) дѣлаетъ положеніе еще болѣе запутаннымъ. Какъ бы то ни было, ея пріѣздъ съ одной стороны есть оскорбленіе для Австріи, а съ другой—большое замѣшательство для Англіи. Въ этомъ отношеніи это весьма кстати. Австрія относится къ намъ по-прежнему гнусно; ея восторгъ (по поводу неудачи русскихъ войскъ) бѣситъ меня, тѣмъ болѣе, что мы никогда не дѣлали ей ни малѣйшей непріятности.

«Король по-прежнему живо интересуется всѣмъ происходящимъ у насъ и вѣритъ только благопріятнымъ для насъ извѣстіямъ.

Двѣ недѣли спустя [13-го (25-го) октября 1828 г.] Ливенъ писала брату, что она имѣла продолжительное свиданіе съ Веллингтономъ наединѣ и что онъ говорилъ съ нею «очень сдержанно и дружелюбно».

«Говоря о блокадѣ Дарданеллъ, онъ сказалъ, что императоръ имѣлъ полное право объявить ее; что онъ (Веллингтонъ) не обращаетъ вниманія на газеты и на крики публики, что на него нападутъ въ парламентѣ, но что онъ съумѣетъ отстоять то, что онъ сказалъ мнѣ. Онъ высказалъ мнѣ большое сожалѣніе по поводу неудачи нашихъ военныхъ дѣйствій, присовокупивъ, что «къ войнѣ надобно всегда относиться

---

[1]) Въ Ирландіи происходила въ это время агитація въ пользу эмансипаціи католиковъ.

[2]) Малолѣтняя королева, донна Марія, выѣхала изъ Бразиліи ранѣе, нежели было получено извѣстіе о томъ, что престолъ захватилъ ея дядя, донъ Мигуель. Объ этомъ узнали, когда судно, на которомъ она плыла, было въ Гибральтарѣ, и тогда ея приближенные рѣшили отвезти ее въ Англію, а не въ Вѣну, какъ предполагалось вначалѣ. Она прибыла 12-го (24-го) сентября въ Фальмутъ, гдѣ ее привѣтствовали королевскимъ салютомъ и встрѣтили находившіеся въ Англіи португальскій и бразильскій посланники.

серьезно, и что очевидно мы начали кампанію съ слишкомъ слабыми силами». Затѣмъ онъ коснулся своего положенія и сказалъ, что никогда еще положеніе перваго министра Англіи не было такъ прочно. Я посмѣялась немного надъ его товарищами-министрами. Онъ согласился со мною, смѣясь, что онъ составилъ кабинетъ изъ людей ограниченныхъ (странное самолюбіе!).

«Онъ много говорилъ со мною о дѣлахъ Португаліи. Онъ возмущенъ пріѣздомъ королевы, считая это дѣломъ интриги.

«Все то, что̀ говорятъ о насъ австрійцы, въ высшей степени оскорбительно, но отъ этого кабинета и отъ «сеидовъ» Меттерниха можно ожидать всего. Возвращаясь къ посѣщенію Веллингтона, скажу, что оно произвело на меня впечатлѣніе, какъ будто онъ старался провести меня, говоря о дѣлахъ въ такомъ спокойномъ и примирительномъ тонѣ. Я убѣждена въ его недоброжелательствѣ къ намъ.

«Въ Англіи общество и пресса относятся къ намъ весьма недоброжелательно. Если бы кампанія, которую мы ведемъ, была успѣшна, то всѣ были бы на нашей сторонѣ и недоброжелатели были бы вынуждены смолкнуть, но при настоящемъ положеніи дѣлъ толкамъ нѣтъ конца».

Когда, послѣ неудачи подъ Шумлою, русскія войска были вынуждены снять осаду Силистріи и перейти обратно Дунай, то Меттернихъ хотѣлъ воспользоваться этимъ неблагопріятнымъ исходомъ нашей кампаніи 1828 г. и принудить Россію заключить миръ съ Турціей. Онъ обратился съ этимъ предложеніемъ къ англійскому кабинету и рѣшилъ добиться содѣйствія Пруссіи, склоняя Англію сдѣлать въ томъ же смыслѣ предложеніе Франціи. Но Пруссія отказалась дѣйствовать противъ Россіи; Франція также не хотѣла воспользоваться ея затруднительнымъ положеніемъ.

Княгиня Ливенъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Грею раскрываетъ фальшивую игру меттерниховой политики.

«Осенью 1828 года, прежде чѣмъ сдалась Варна, австрійскій кабинетъ, преувеличивая—какъ ему это угодно было назвать—наши бѣдствія, обратился къ англійскому правительству съ предложеніемъ войти въ соглашеніе съ Франціей съ цѣлью принудить Россію заключить миръ. Австрійскій кабинетъ предполагалъ, что русская армія дезорганизована, рессурсы ея истощены, и потому было бы весьма полезно воспользоваться существовавшимъ положеніемъ дѣлъ. Австрія бралась привлечь на свою сторону Пруссію и поручила Англіи сообщить указанный планъ Франціи и вести съ нею объ этомъ переговоры. Герцогъ Веллингтонъ соглашался съ мнѣніемъ Меттерниха, что моментъ былъ самый удобный, и поэтому немедленно открылъ переговоры съ французскимъ кабинетомъ. Но французское правительство отвѣтило, что оно никогда не вступитъ въ обязательства, имѣющія въ виду предпи-

сывать законы Россіи. Сверхъ того, король прибавилъ, что его честь не позволила бы ему поддерживать даже мысль о подобномъ проектѣ, и въ такое время, когда армія императора терпѣла временныя неудачи—Пруссія дала отвѣтъ, что она никогда не станетъ дѣйствовать вопреки интересамъ Россіи. Вотъ каковы,—прибавляетъ Ливенъ,—настоящіе факты этого дѣла, и я воздерживаюсь стъ комментаріевъ, но вы не можете сомнѣваться, что̀ я думаю по этому поводу».

16-го (28-го) ноября 1828 г. Ливенъ писала брату, злорадствуя по поводу отпора, оказаннаго Англіи французскимъ правительствомъ:

«Англія относится къ намъ нисколько не лучше, чѣмъ прежде; на нее постоянно старается повліять Австрія, но благодаря этому она обожглась совершенно для нея неожиданно. Въ тотъ моментъ, когда насъ постигло «бѣдствіе», какъ здѣсь принято говорить, Австрія хотѣла соорудить походъ, чтобы погубить насъ, а великодушная и благородная Англія сочла моментъ для этого самымъ благопріятнымъ, но въ Парижѣ были совершенно иного мнѣнія и дали ей серьезный отпоръ; вмѣстѣ съ тѣмъ она видитъ, что мы возрождаемся изъ пепла, и ей совѣстно, что она такъ обманулась. По крайней мѣрѣ, впредь она не повѣритъ такъ легко, что у насъ нѣтъ болѣе арміи для веденія войны, и не будетъ съ такой готовностью слѣдовать безразсудной ненависти Меттерниха къ Россіи.

«Съ Веллингтономъ я болѣе не пускаюсь въ разсужденія, даю ему высказаться и слушаю его; такимъ образомъ я имѣла возможность обнаружить его враждебность къ намъ и его преданность Меттерниху. Иной разъ онъ дѣлаетъ попытку заставить меня высказаться, выражая сожалѣніе по поводу того, что мы не продолжаемъ кампанію зимою. «Какъ это жаль (говоритъ онъ), вы могли бы уничтожить турокъ; вамъ бы слѣдовало идти вдоль по берегу къ Андріанополю» и тому подобное. Затѣмъ онъ увѣряетъ меня, что армія Витгенштейна была уничтожена подъ Шумлою. Въ августѣ онъ ручался головою, что намъ никогда не взять Варны.

«Англійское правительство считаетъ себя сильнымъ потому, что никто не нападаетъ на него. Герцогъ Веллингтонъ сказалъ мнѣ на-дняхъ, со своей обычной хвастливостью: «я самый популярный изъ всѣхъ бывшихъ въ Англіи министровъ; повѣрьте мнѣ, я очень силенъ».

«Какой печальный сегодня день,—писала Ливенъ 19-го ноября (1-го декабря) 1828 г.;—я припоминаю, что князь Меттернихъ писалъ мнѣ въ тотъ день, когда имъ было получено извѣстіе о кончинѣ императора Александра: «Романъ оконченъ—начинается исторія». Это было сказано остроумно и правильно.

«Я въ отчаяніи по поводу того, что мы сняли осаду Силистріи [1]).

[1]) Письмо къ А. Х. Бенкендорфу 3-го (15-го) декабря 1828 г.

Это произведетъ самое неблагопріятное для насъ впечатлѣніе во всѣхъ столицахъ Европы, въ особенности здѣсь, гдѣ дерзость газетъ не имѣетъ границъ; я бы дорого дала, чтобы однимъ прыжкомъ перепрыгнуть къ веснѣ такъ, чтобы мы могли заставить весь свѣтъ заговорить о насъ въ другомъ тонѣ».

Не смотря на то, что англійскій кабинетъ съ его главою былъ въ высшей степени враждебенъ Россіи, король по-прежнему былъ «любезенъ и внимателенъ» къ русской посланницѣ и «доброжелателенъ» къ ея монарху. «Онъ много говорилъ со мною объ императорѣ,—писала Ливенъ,—и видимо весьма доволенъ вниманіемъ его величества, который прислалъ ему модель одной изъ пріемныхъ комнатъ въ Скагліолѣ. Онъ помѣстилъ ее на почетное мѣсто въ своей продолговатой галлереѣ. Малахитовая ваза, присланная ему нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ нашей доброй императрицей, составляетъ главное украшеніе лучшей изъ его гостиныхъ. Онъ, очевидно, очень старался помѣстить эти предметы на видъ; по истинѣ нельзя было быть любезнѣе».

«Въ Лондонѣ всѣ взволнованы неожиданной отставкой вице-короля Ирландскаго [1]). Разумѣется, это событіе первостепенной важности; католики смотрѣли на него, какъ на своего защитника, и его отъѣздъ надѣлаетъ много шума, если только не будетъ имѣть еще худшихъ послѣдствій.

«Маленькая португальская королева очаровательное дитя, какъ всѣ члены австрійскаго дома, но гораздо красивѣе ихъ.

«Король говоритъ о ней съ величайшимъ участіемъ и восхищается ею. Повидимому, португальскіе эмигранты выражаютъ желаніе быть отправлены въ Терцейру [1]), но англійское правительство этого не разрѣшаетъ имъ. Это очень странно, такъ какъ въ Терцейрѣ всѣ преданы доннѣ Маріи».

Съ наступленіемъ зимы 1828 г., въ декабрѣ мѣсяцѣ, Россія стала усиленно готовиться къ дальнѣйшему продолженію военныхъ дѣйствій въ Турціи, предполагая возобновить ихъ съ начала весны. Меттерних, желая помѣшать торжеству Россіи, снова предложилъ свое посредничество, но потерпѣлъ по-прежнему неудачу.

«Я припоминаю,—писала по этому поводу Ливенъ 19-го (31-го) декабря 1828 г.,—что лордъ Кастльри имѣлъ обыкновеніе называть иногда Меттерниха «политическимъ арлекиномъ», и это выходило недурно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Лордъ Англезе былъ отозванъ вслѣдствіе разногласія во взглядѣ съ герцогомъ Веллингтономъ по отношенію къ католикамъ Ирландіи. Wellington Letters, v. 244.

[2]) Одинъ изъ Азорскихъ острововъ.

Россія и папскій престолъ.

1580—1601 гг.

IX [1]).

Отправленіе папою Климентомъ VIII аббата Комуловича въ Москву.—Инструкція, ему данная къ разнымъ иностраннымъ дворамъ.—Свиданія Комуловича съ кн. Острожскимъ и Замойскимъ.—Экспедиція Яжловицкаго въ Крымъ.—Неудача въ желаніи Комуловича поднять Польшу противъ Турціи.

Ближайшіе преемники Сикста V не имѣли времени помышлять объ организаціи похода противъ турокъ, такъ какъ въ короткій промежутокъ съ 1590 по 1592 гг. на папскомъ престолѣ смѣнилось три папы: Урбанъ VII, Григорій XIV и Иннокентій IX.

Продолжателемъ политики Сикста V явился Климентъ VIII [2]), бывшій архіепископъ неаполитанскій Ипполитъ Альдобрандини, который, какъ мы знаемъ, былъ посланъ Сикстомъ V въ Польшу послѣ кончины Стефана Баторія. Неизвѣстно, былъ ли онъ въ то время посвященъ папою въ его планы относительно Московскаго государства, но съ его вступленіемъ на папскій престолъ сношенія Ватикана съ Москвою замѣтно оживились, хотя въ началѣ Климентъ VIII не зналъ, какія надежды можно было возлагать на юнаго московскаго царя. Всѣ доходившіе до него слухи о набожномъ и благочестивомъ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ внушали ему сомнѣніе на счетъ его воинственныхъ наклонностей,

[1]) См. „Русскую Старину“, апрѣль 1903 г.

[2]) Занималъ папскій престолъ съ 1592—1605 гг.

онъ не зналъ, что думать о немъ, наводилъ справки и писалъ, между прочимъ, кардиналу Мадруччи, своему легату при австрійскомъ дворѣ:

«Говорятъ, будто Ѳеодоръ глупъ и предпочитаетъ звонъ церковныхъ колоколовъ сигнальному рожку».

По всей вѣроятности, легатъ отвѣчалъ въ успокоительномъ тонѣ, такъ какъ Климентъ VIII, котораго очень занимала мысль о походѣ противъ турокъ и который проявлялъ усиленную дипломатическую дѣятельность, разсылая эмиссаровъ во всѣ страны Европы и Азіи, рѣшилъ отправить своего посла и въ Москву.

Выборъ палъ этотъ разъ не на италіанца, а на славянина, аббата Комуловича, который былъ ранѣе визитаторомъ латинскихъ церквей въ Европейской Турціи.

Это былъ человѣкъ не столь ловкій и изворотливый, какъ Поссевинъ, но одаренный здравымъ смысломъ, характера открытаго, безкорыстный и честный; онъ умѣлъ заставить себя слушать, пріобрѣсти вліяніе и вести переговоры. Вся дѣятельность этого неутомимаго и энергичнаго аббата была направлена къ тому, чтобы свергнуть иго турокъ и оттѣснить ихъ въ глубь Азіи.

По пути въ Москву, Комуловичъ долженъ былъ побывать съ этой же цѣлью въ Трансильваніи, Придунайскихъ княжествахъ и Польшѣ.

Въ исходѣ 1593 г. всѣ приготовленія къ его путешествію были окончены. О цѣли его поѣздки никому не было извѣстно, даже его спутникамъ она была открыта только по выѣздѣ ихъ изъ Италіи. Напрасная предосторожность: такъ какъ еще 24-го сентября (2-го октября) венеціанскій посланникъ, Паоло Парута, провѣдавъ тайну до мельчайшихъ подробностей, донесъ дожу, что аббатъ Александръ Комуловичъ будетъ, вѣроятно, скоро посланъ въ Москву. Самъ царь,—писалъ онъ,—недостаточно «здравъ разумомъ», чтобы вести переговоры, но разсчитываютъ, «что бояре и вельможи» заинтересуются походомъ противъ турокъ, такъ какъ слышно, что они сильно желаютъ войны.

Комуловичъ выѣхалъ изъ Рима въ ноябрѣ, не подозрѣвая того, что дожъ былъ уже предупрежденъ объ его поѣздкѣ; между тѣмъ, онъ долженъ былъ остановиться въ Венеціи, не для того, чтобы вести переговоры съ дожемъ, но чтобы войти въ тайныя сношенія съ албанцами, которые, горя желаніемъ свергнуть турецкое иго, обращались съ просьбою о поддержкѣ къ венеціанскому дожу, къ королю испанскому, къ императору австрійскому и къ папѣ. Комуловичу велѣно было сблизиться съ ними, обнадежить ихъ въ поддержкѣ папы и подать имъ мысль отправить для переговоровъ посольство въ Римъ.

Изъ блестящей, жизнерадостной Венеціи аббатъ отправился въ Трансильванію съ ея высокими, мрачными горами, вѣковыми лѣсами и почти всегда пасмурнымъ небомъ. Извѣстно, какъ дорожилъ этой

провинціей Стефанъ Баторій, мечтавшій сдѣлать ее оплотомъ противъ Турціи.

Въ январѣ 1594 года, когда туда прибылъ Комуловичъ, воеводою трансильванскимъ былъ Сигизмундъ Баторій, племянникъ покойнаго короля польскаго. Внутренніе раздоры, волновавшіе это княжество, создали ему весьма затруднительное положеніе; въ этой маленькой странѣ существовали политическія партіи, между которыми происходила ожесточенная борьба; одни были на сторонѣ Австріи, другіе на сторонѣ Турціи; были и такіе честолюбцы, которые хотѣли свергнуть Сигизмунда и занять его мѣсто. Что касалось самого Сигизмунда, то онъ предавался у себя, въ горахъ, такимъ же мечтамъ, какія папа лелѣялъ въ Ватиканѣ, и такимъ образомъ, въ то самое время, какъ Комуловичъ выѣхалъ изъ Рима для пропаганды крестоваго похода, туда прибылъ отъ имени Сигизмунда съ подобнымъ же проектомъ испанскій іезуитъ Альфонсъ Карилло, духовникъ и другъ молодаго трансильванскаго воеводы.

Въ виду чрезвычайнаго возбужденія умовъ, царствовавшаго въ Карлсбургѣ, главномъ городѣ Трансильваніи, Комуловичу было необходимо дѣйствовать весьма осторожно. Поэтому онъ окружилъ себя величайшей тайною и имѣлъ у князя всего только двѣ секретныя аудіенціи. Сигизмундъ открылъ ему свои планы: поддерживая для вида дружескія отношенія къ султану, онъ предполагалъ сформировать къ веснѣ многочисленное войско, ввѣрить начальство надъ нимъ Балтазару Баторію и, опираясь на союзъ съ австрійскимъ императоромъ, напасть на турокъ.

Неудивительно, что когда Комуловичъ изложилъ князю планы папы Климента VIII, то онъ встрѣтилъ съ его стороны полное сочувствіе.

Вопросъ о походѣ противъ Турціи обсуждался также на сеймѣ, открывшемся въ началѣ февраля, но, болѣе осторожно и сдержанно, дабы не слишкомъ напугать приверженцевъ турокъ.

На одномъ изъ послѣднихъ совѣщаній было рѣшено держаться образа дѣйствій соотвѣтствующаго видамъ папскаго престола, а 14-го (23-го) числа того же мѣсяца, отецъ Карилло, только-что возвратившійся изъ Италіи, отправился въ Прагу съ черновымъ проектомъ договора.

Прощаясь съ Комуловичемъ, Сигизмундъ извинялся, что онъ не имѣлъ возможности чаще бесѣдовать съ нимъ; но Комуловичъ и безъ того торжествовалъ, и его пылкому воображенію уже рисовалось христіанское войско на пути къ Византіи, и онъ мечталъ, что въ слѣдующемъ году, послѣ рѣшительной кровавой битвы, турки будутъ изгнаны изъ Европы.

Однако радость его была непродолжительна. Уже въ началѣ марта кардиналъ Андрей Баторій, принимавшій участіе во всѣхъ перегово-

рахъ, отправилъ Клименту VIII письмо, въ которомъ, разсыпаясь въ похвалахъ Комуловичу и увѣряя папу въ своемъ искреннемъ къ нему расположеніи и преданности, онъ высказывалъ большія опасенія.—Война съ Турціей была,—по его словамъ,—очень опасна, и на императора австрійскаго нельзя было положиться.

Между тѣмъ относительно Трансильваніи распространились самые тревожные слухи; противъ князя образовалась сильная оппозиція; два двоюродные брата воеводы, Балтазаръ и Стефанъ, стали во главѣ недовольныхъ, которые требовали отреченія Сигизмунда. Князь подавилъ возстаніе, обагривъ страну потоками крови; Балтазаръ и главные руководители возстанія были обезглавлены; другіе, менѣе виновные, сосланы; ихъ имущества конфискованы въ пользу казны. Въ концѣ года, когда спокойствіе въ странѣ было возстановлено, сеймъ оказался сговорчивымъ и одобрилъ союзъ съ Австріей.

Когда слухъ о кровавыхъ казняхъ, совершенныхъ по повелѣнію Сигизмунда, дошелъ до Рима, то въ Ватиканѣ были поражены жестокостью молодаго воеводы,—ему было въ то время не болѣе 22 лѣтъ, однако выраженное имъ желаніе имѣть у себя представителя папскаго престола, въ качествѣ руководителя и совѣтника, было удовлетворено.

Аббатъ Комуловичъ уѣхалъ изъ Трансильваніи незадолго до вышеупомянутыхъ кровавыхъ событій. Въ исходѣ марта онъ переѣхалъ границу Молдавіи и отправился въ Яссы, гдѣ провелъ два дня, въ секретныхъ совѣщаніяхъ съ молдавскимъ воеводою.

Папское посланіе, предъявленное ему Комуловичемъ, произвело на воеводу огромное впечатлѣніе; онъ обѣщалъ присоединиться къ лигѣ противъ турокъ и далъ аббату отъ себя письма къ казакамъ, къ польскому канцлеру и къ московскому царю. Готовность, выраженная молдавскимъ воеводою, была не безъ разсчета; онъ самъ желалъ получить отъ папы помощь противъ татаръ, поэтому пріѣздъ Комуловича былъ для него весьма кстати. Но нѣсколько недѣль спустя, изъ переписки съ воеводою, Комуловичъ убѣдился, что на него нельзя было разсчитывать; человѣкъ нерѣшительный и непостоянный, онъ могъ каждую минуту измѣнить своимъ союзникамъ, не былъ въ состояніи принять никакого твердаго рѣшенія.

Переговоры, веденные Комуловичемъ въ Трансильваніи и Молдавіи, все-таки увѣнчались успѣхомъ; онъ еще не доѣхалъ до Польши, какъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1594 г. между Сигизмундомъ Баторіемъ и воеводами молдавскимъ и валахскимъ было заключено соглашеніе, въ силу котораго эти три маленькія государства рѣшили дѣйствовать совмѣстно противъ ненавистнаго имъ турецкаго султана. Это извѣстіе произвело на Диванъ потрясающее впечатлѣніе. Положеніе Турціи было критическое: турецкое войско, сосредоточенное въ Венгріи, требовало уплаты

жалованья, угрожая въ противномъ случаѣ неповиновеніемъ начальству; чтобы поднять духъ войска, султанъ Мурадъ рѣшилъ сыпать золото пригоршнями и приказалъ развернуть знамя пророка; оно было торжественно перенесено изъ Дамаска въ Константинополь, откуда отрядъ въ тысячу янычаръ сопровождалъ его въ Венгрію; при видѣ этого знамени, турки воодушевились.

Тогда императоръ австрійскій Рудольфъ II и король польскій Сигизмундъ, въ виду предстоявшей войны, которая могла принять грандіозные размѣры, заключили союзъ для совмѣстной борьбы съ турками.

Договоромъ, заключеннымъ 16-го (25-го) января 1595 г., были признаны права Сигизмунда Баторія на Трансильванію, и договоръ этотъ былъ распространенъ на Молдавію и Валахію.

Такимъ образомъ, стараніями Комуловича осуществилось желаніе папы Климента VIII, который мечталъ о союзѣ Трансильваніи, Молдавіи и Валахіи съ австрійскимъ императоромъ. Но на этомъ и окончились дипломатическіе успѣхи Комуловича; всѣ его дальнѣйшія попытки привлечь къ участію въ лигѣ казаковъ, Польшу и Москву были неудачны.

До него ни одинъ папскій посолъ не появлялся среди храбрыхъ, воинственныхъ, но своевольныхъ казаковъ, съ которыми даже императоръ Рудольфъ велъ переговоры, какъ съ самостоятельною державою, когда онъ склонялъ ихъ въ 1594 г. поднять оружіе противъ турокъ.

Въ инструкціяхъ, данныхъ Комуловичу изъ Рима, ему было приказано, не открывая своихъ намѣреній въ Польшѣ, обѣщать казакамъ 12 тысячъ флориновъ, какъ только они вступятъ на турецкую землю. Подобныя рѣчи дѣйствительно могли лучше всего быть поняты на берегахъ Днѣстра и Дона.

Въ исходѣ марта Комуловичъ прибылъ въ Каменецъ. Казаки были въ это время въ походѣ; ихъ отсутствіе дало ему возможность ознакомиться съ той почвою, на которой ему предстояло дѣйствовать. Въ его инструкціяхъ было сказано, между прочимъ, что князь Константинъ Острожскій хорошо знаетъ казаковъ и можетъ быть ему полезенъ своими совѣтами.

Поэтому Комуловичъ отправился къ нему, вручилъ ему посланіе Климента VIII и подтвердилъ обѣщаніе папы поддержать у австрійскаго императора его просьбу о денежной помощи. Старикъ, хитрый какъ лисица, искусно лавировалъ между Римомъ и Византіей, но преслѣдовалъ въ дѣйствительности только свои эгоистическія цѣли. Онъ отвѣчалъ Комуловичу увѣреніями въ своемъ искреннемъ желаніи уничтожить Турцію; изъ его словъ выходило, что вотъ-вотъ онъ двинется противъ турокъ и татаръ лично, во главѣ своего войска; онъ немед-

ленно разослалъ гонцовъ, чтобы собрать свѣдѣнія о томъ, гдѣ находились казаки.

Прекрасное впечатлѣніе, вынесенное Комуловичемъ изъ перваго свиданія съ княземъ Острожскимъ, было непродолжительно; онъ подмѣтилъ вскорѣ, что старикъ легко переходитъ изъ одной крайности въ другую. «Этотъ человѣкъ,—писалъ онъ,—не есть избранникъ Божій».

Сношенія съ Острожскимъ на этомъ окончились. Переговоры Комуловича съ Замойскимъ также не привели ни къ какому результату. Его осторожность ни къ чему не послужила; хотя онъ дѣлалъ видъ, что пріѣхалъ только посовѣтоваться съ канцлеромъ и заявилъ ему, что папа не хочетъ создавать никому затрудненій, что мысль о лигѣ возникла сама собою, но канцлеръ упорно ограничивался одними уклончивыми отвѣтами. Отсутствіе короля было для него въ этомъ случаѣ удобнымъ предлогомъ, но подъ рукою онъ не скрывалъ своего неудовольствія по поводу пріѣзда Комуловича и отзывался о немъ, какъ о турецкомъ шпіонѣ.

Озлобленный противъ Замойскаго, Комуловичъ рѣшилъ искать другаго союзника и увлечь Польшу въ войну помимо ея воли.

Случай къ тому представился неожиданно. Татары, подданные турецкаго султана, совершили кровавый набѣгъ на Подолію и Венгрію. Жители этихъ мѣстностей оказали имъ весьма слабое сопротивленіе, и кардиналъ Андрей Баторій, описывая эти бѣдствія своему коллегѣ кардиналу Санъ-Джіорджіо, вспоминалъ съ грустью о Стефанѣ Баторіи и горевалъ о томъ, что его нѣтъ на свѣтѣ, чтобы защитить Польшу. «Надобно строго наказать татаръ,—писалъ онъ,—и отрѣзать имъ путь къ отступленію». Комуловичъ ухватился за эту мысль и рѣшилъ осуществить ее при помощи Николая Яжловицкаго (Jazlowiecki), старосты Снятинскаго, который сочувствовалъ его планамъ и внушалъ ему самыя горячія симпатіи.

Яжловицкій пользовался въ Польшѣ славою храбраго и опытнаго воина, былъ человѣкъ весьма вліятельный и заклятый врагъ Замойскаго. На сеймѣ 1587 г., гдѣ особенно рѣзко проявилось соперничество партій, Замойскій одержалъ верхъ надъ партіей Зборовскихъ, къ которой принадлежитъ Яжловицкій, и королемъ польскимъ былъ избранъ тогда его кандидатъ, шведскій королевскій принцъ. Люди рѣдко прощаютъ подобнаго рода побѣды.

Комуловичъ, во время своихъ поѣздокъ, имѣлъ случай познакомиться и бесѣдовать съ Яжловицкимъ. Подкупленный его прямотою и откровенностью, его воинственными наклонностями, его желаніемъ сразиться съ турками, онъ рѣшилъ воспользоваться имъ для великихъ цѣлей христіанскаго мира и поспѣшилъ заключить съ Яжловицкимъ настоящій договоръ.

Какъ припомнимъ, папа назначилъ двѣнадцать тысячъ флориновъ, казакамъ на военныя издержки, если они пойдутъ противъ турокъ; начальникомъ этой экспедиціи могъ быть Яжловицкій, слѣдовательно, не было ничего легче, какъ организовать за деньги вооруженныя банды.

Въ архивахъ князя Боргезе, въ Ватиканѣ, хранится латинскій текстъ договора, заключеннаго Комуловичемъ и Яжловицкимъ,—двумя заклятыми врагами турокъ. Вотъ переводъ этого любопытнаго документа.

«Данъ 30-го августа 1594 г. по Р. Х. въ Сарафіи (Sarafia). Мы, Николай Яжловицкій, староста Снятинскій, узнавъ отъ достопочтеннаго отца Александра Комуловича, аббата Нонскаго, что святѣйшій отецъ Климентъ VIII, папа римскій и намѣстникъ Христа, хочетъ ограничить набѣги татаръ, которые наносятъ страшный вредъ христіанскимъ арміямъ, вознамѣрились исполнить благочестивое желаніе его святѣйшества и поэтому предлагаемъ свои услуги и съ помощью Божіей обѣщаемъ въ слѣдующіе три мѣсяца либо разорить земли татаръ, либо атаковать и преслѣдовать ихъ войска по возвращеніи ихъ изъ Венгріи, возлагая упованіе на Бога и на благословеніе нашего святѣйшаго отца.—А если его святѣйшество пожелаетъ продолжать войну и дастъ необходимыя на это средства, то мы готовы на все и постараемся помѣшать татарамъ атаковать снова христіанское войско или придти на помощь туркамъ. Въ свидѣтельство чего подписуемся съ приложеніемъ собственной нашей печати и т. д.».

Читая этотъ документъ можно подумать, что онъ написанъ самодержцемъ, располагавшимъ по своему усмотрѣнію войною и миромъ.

По заключеніи этого договора, Комуловичъ сдѣлалъ немедленно первый взносъ въ десять тысячъ флориновъ. Яжловицкій, съ своей стороны, сдержалъ слово; позабывъ свою злобу, онъ представилъ планъ похода Замойскому, который, какъ канцлеръ, не далъ ему ни совѣта, ни разрѣшенія начинать походъ, но, какъ польскій дворянинъ, пожелалъ предпріятію всякаго успѣха и даже обѣщалъ, что въ немъ приметъ участіе одинъ изъ его племянниковъ. Племянникъ Замойскаго въ походѣ не участвовалъ, но письмо, данное къ нему канцлеромъ, сослужило Яжловицкому службу. Вооружившись этимъ документомъ, староста созвалъ своихъ сотоварищей по оружію, навербовалъ наемныхъ солдатъ и вошелъ въ сношеніе съ малороссійскимъ гетманомъ Наливайкою и полковникомъ Лободою, которые привели ему до шести тысячъ казаковъ съ береговъ Днѣпра. Какъ только маленькое войско было сформировано, Яжловицкій поспѣшилъ выполнить свой смѣлый планъ: идти форсированнымъ маршемъ, напасть врасплохъ на Крымъ, воспользоваться отсутствіемъ татаръ, ушедшихъ къ Карпатамъ и разорить дотла это разбойничье гнѣздо.

Предпріятіе окончилось весьма печально. Въ окрестностяхъ Бѣлгорода Лобода и Наливайко измѣнили свой планъ и направились съ главными силами своего отряда вмѣсто Крыма въ Валахію. Эту перемѣну, нанесшую роковой ударъ Яжловицкому, приписываютъ письму, полученному Наливайкою отъ Рудольфа. Вмѣсто того, чтобы напасть на татаръ, Яжловицкому пришлось отступить, такъ какъ съ жалкими остатками войска продолжать походъ было невозможно. Староста вернулся домой въ полномъ отчаяніи; расходы на снаряженіе войска поглотили все его состояніе; обремененный долгами и удрученный горемъ, онъ сошелъ вскорѣ преждевременно въ могилу.

За нѣсколько мѣсяцевъ до этой трагической развязки Комуловичъ возобновилъ въ Краковѣ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1594 г., свои дипломатическіе переговоры съ поляками. Замойскій втайнѣ относился къ нему по-прежнему враждебно, но Комуловичъ не падалъ духомъ и выработалъ вмѣстѣ съ нунціемъ Маласпина проектъ лиги, который онъ намѣревался представить на утвержденіе сейма.

Оба представителя папы были того мнѣнія, что Польша, одна, не могла вести войны ни съ турками, ни съ татарами; доказательствомъ того служила безнаказанность набѣговъ крымскаго хана; а для того, чтобы Польша примкнула къ лигѣ, о которой мечталъ Сикстъ V, ей необходимо было дать денегъ хотя бы только для того, чтобы увлечь ее въ общее движеніе. Когда не было денегъ, не было и польскаго войска; «пусть папа раскошелится, пусть онъ дастъ для начала хоть сто тысячъ флориновъ, а въ будущемъ обѣщаетъ больше, тогда сеймъ вотируетъ, быть можетъ, лигу противъ Турціи», таковъ былъ въ двухъ словахъ отвѣтъ поляковъ.

Другою мѣрою, лестною для національнаго самолюбія, могло быть назначеніе въ Польшу легатомъ кардинала, который былъ бы уполномоченъ говорить отъ имени папы въ рѣшительномъ тонѣ, какъ объ этомъ неоднократно писалъ въ Римъ Комуловичъ.

Открытіе сейма въ Краковѣ было назначено на 28-е января (6-го февраля) 1595 г. Въ пригласительныхъ письмахъ, разосланныхъ сенаторамъ, говорилось о войнѣ съ Турціей въ такихъ выраженіяхъ, которыя вызвали одобреніе со стороны нунція; король высказывалъ желаніе начать войну; но Замойскій и нѣкоторые другіе магнаты предпочитали сохранить оборонительное положеніе, и такъ какъ папа не подкупилъ голоса, то предсказанія благоразумныхъ людей сбылись: сеймъ высказался за поддержаніе мира съ Турціей. Комуловичъ не могъ повліять на робкихъ и боязливыхъ депутатовъ, а слѣдовательно, и на рѣшеніе сейма, такъ какъ неотложная надобность заставила его ускорить свой отъѣздъ на сѣверъ.

X.

Мнимое завѣщаніе Іоанна Грознаго.—Австрійскіе эрцгерцоги, какъ претенденты на русскій престолъ.—Положеніе дѣлъ въ Швеціи.—Прибытіе Комуловича въ Москву.—Отношенія Россіи къ Турціи.—Характеристика Ѳеодора Іоанновича.—Переговоры Комуловича.—Прибытіе въ Москву австрійскаго посла.—Возвращеніе Комуловича въ Польшу.—Отправленіе папою Климентомъ VIII посольства въ Польшу.—Кончина Ѳеодора Іоанновича и вступленіе на престолъ Бориса Годунова.—Польское посольство въ Москвѣ.—Заключеніе перемирія на 20 лѣтъ.—Отношенія между Россіею, Польшею и папскимъ престоломъ.

Конечной цѣлью поѣздки Комуловича была Москва. Но прежде, нежели отправиться туда, онъ долженъ былъ согласовать свои дальнѣйшія дѣйствія съ видами австрійскаго императора, который преслѣдовалъ по существу одинакія цѣли съ папою, хотя велъ въ то же время съ московскими боярами тайные переговоры относительно престолонаслѣдія.

Мы уже упоминали о томъ, что въ 1586 г. два австрійскихъ эрцгерцога мечтали о коронѣ Мономаха. Два года спустя, въ 1588 г., въ Прагѣ появился нѣкто Лука Паули, сынъ нѣмецкаго плѣннаго, который сообщилъ императору Рудольфу II, что бояре, съ Борисомъ Годуновымъ во главѣ, недовольные правленіемъ Ѳеодора, желали видѣть на престолѣ эрцгерцога Максимиліана, который имѣлъ на него право въ силу необнародованнаго завѣщанія Іоанна Грознаго.

Рудольфъ II, повѣривъ Паули, сообщилъ о томъ австрійскимъ и испанскимъ габсбургскимъ принцамъ и послалъ въ Москву своего уполномоченнаго Николая Варкоча, поручивъ ему розыскать таинственное завѣщаніе.

Разумѣется, Варкочъ ничего подобнаго не нашелъ, но донесъ императору, по возвращеніи изъ Москвы, что въ Россіи относятся къ нѣмцамъ очень сочувственно. Изъ словъ Бориса Годунова, сказанныхъ ему въ одну изъ послѣднихъ аудіенцій, можно было даже понять, по его увѣренію, что какъ только Максимиліанъ вступитъ на польскій престолъ, онъ получитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и московскую корону. Самъ Ѳеодоръ Іоанновичъ, по словамъ Варкоча, не желалъ инаго наслѣдника, кромѣ эрцгерцога.

Когда Максимиліанъ, послѣ пораженія, нанесеннаго ему Замойскимъ, долженъ былъ отказаться отъ своихъ видовъ на Польшу, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ оставилъ и надежду на московскій престолъ, но вскорѣ новые набѣги татаръ на Венгрію и надобность въ деньгахъ возбудили въ немъ желаніе отыскать завѣщаніе Іоанна Грознаго.

Въ 1593 г. Варкочъ вторично отправился на поиски за этимъ за-

вѣщаніемъ, которые также не привели ни къ чему; зато онъ привезъ извѣстіе, что московскіе бояре выразили желаніе, чтобы въ Москву былъ присланъ какой-нибудь юный 14—18 лѣтній эрцгерцогъ, котораго они возведутъ на престолъ, если царь Ѳеодоръ скончается, не оставивъ мужскаго потомства. Что касалось лиги противъ турокъ, то въ Москвѣ обѣщали дать на походъ денегъ съ тѣмъ, чтобы въ апрѣлѣ 1594 г. въ Кремль съѣхались для совѣщаній по этому поводу уполномоченные Австріи, Испаніи и папы.

Желаніе московскихъ бояръ вполнѣ соотвѣтствовало видамъ Ватикана и давало Комуловичу, посланному для переговоровъ въ Москву, надежду на успѣхъ. Неожиданныя смуты, возникшія въ это время въ Швеціи, заставили его ускорить свой отъѣздъ изъ Праги.

По смерти шведскаго короля Іоанна III, ему наслѣдовалъ его сынъ Сигизмундъ, избранный, послѣ кончины Стефана Баторія, королемъ польскимъ. Тогда дядя его, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, сдѣлалъ попытку захватить корону, и такъ какъ Сигизмундъ не хотѣлъ отказаться отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на Швецію, то это повело къ многолѣтней борьбѣ, которая окончилась въ 1604 г. побѣдою Карла.

Въ 1594 г. борьба была въ самомъ разгарѣ. Въ это время разнесся слухъ, что московскій царь хотѣлъ заключить миръ со Швеціей. Это повергло польскаго нунція въ большое затрудненіе: помѣшать заключенію мира значило погубить лигу, а содѣйствовать ему значило повредить Сигизмунду, такъ какъ силы Карла Зюдерманландскаго были бы удвоены, если бы ему не угрожала опасность со стороны Москвы.

Нунцій придумалъ слѣдующій выходъ изъ затруднительнаго положенія: онъ рѣшилъ содѣйствовать всѣми силами заключенію мира между царемъ и Сигизмундомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добиться того, чтобы въ мирномъ договорѣ не было упомянуто имени герцога Карла; такимъ образомъ, этотъ договоръ былъ бы безмолвнымъ признаніемъ законныхъ правъ Сигизмунда, а, въ случаѣ его сверженія съ престола, онъ могъ бы считаться недѣйствительнымъ. Устроить это было поручено Комуловичу, который и поспѣшилъ отправиться въ Москву, чтобы не упустить благопріятнаго къ этому момента.

Онъ везъ царю изумрудный крестъ, украшенный греческой надписью, и четки изъ горнаго хрусталя. Въ инструкціяхъ, полученныхъ Комуловичемъ изъ Рима, ему повелѣвалось прежде всего заботиться о лигѣ и о церковной уніи, а затѣмъ поддержать требованія австрійскаго императора, который просилъ царя удержать татаръ, опустошавшихъ своими набѣгами Венгрію, и помочь ему деньгами. За это Рудольфъ II обѣщалъ, съ своей стороны, признать его царскій титулъ и не мѣшать ему завоевать Константинополь.

Кромѣ того, Комуловичу велѣно было дать царю совѣтъ порвать связь съ восточнымъ патріархомъ, подданнымъ султана, покупавшимъ свою митру у мусульманъ. Это соотвѣтствовало тайнымъ помысламъ Бориса Годунова, который хотѣлъ, чтобы у православной церкви былъ свой собственный самостоятельный глава, патріархъ, который могъ бы благословить его впослѣдствіи на царство.

Подробности переговоровъ, происходившихъ въ Москвѣ, неизвѣстны, но зная, какими принципами руководствовался въ своей политикѣ тогдашній правитель Московскаго государства, можно догадываться о томъ, въ какомъ духѣ они велись.

Послѣ царствованія Іоанна IV, Россія нуждалась въ покоѣ и мирѣ; надобно было дѣйствовать искусно, чтобы удержать сдѣланныя имъ завоеванія, не подавая повода къ войнѣ. Годуновъ, правившій именемъ Ѳеодора Іоанновича, не только не думалъ отказываться отъ Казани и Астрахани, но укрѣплялъ линію Дона и Терека и подготовлялъ исподоволь присоединеніе Грузіи, что могло повести со временемъ къ войнѣ съ Турціей.

Между тѣмъ въ 1584 г. въ Константинополь былъ отправленъ посолъ, объявить султану о вступленіи на престолъ Ѳеодора Іоанновича, напомнить ему о добрыхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между Іоанномъ III и Баязетомъ, Василіемъ и Сулейманомъ, Іоанномъ IV и Селимомъ, возобновить торговые договоры и обратить вниманіе султана на вѣротерпимость царей, доказательствомъ коей служили мечети, сооружаемыя въ самомъ центрѣ страны, въ Касимовѣ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1592 г., царь Ѳеодоръ и Годуновъ выразили султану свое удовольствіе по поводу того, что имъ удалось отклонить воинственныя предложенія императора австрійскаго, папы, Испаніи, Польши и Персіи, которые поклялись уничтожить полумѣсяцъ; турки отвѣчали въ томъ же тонѣ, посылали въ Москву своихъ чаушей, но, не довѣряя словамъ, требовали болѣе вѣскихъ доказательствъ дружбы со стороны Московскаго государства.

Съ татарами Годуновъ поладилъ очень скоро: «готовится страшная война, писалъ онъ имъ; соединенныя силы западныхъ державъ пойдутъ на Константинополь, мнѣ предлагаютъ въ добычу Крымъ, но я заранѣе отказываюсь отъ него и предпочитаю быть съ вами въ добрыхъ отношеніяхъ». Благодаря этой хитрости, ему удалось заключить въ 1593 г. съ татарами миръ.

Такова была офиціальная политика Годунова, а въ тайнѣ онъ посылалъ Рудольфу деньги и драгоцѣнные мѣха и поощрялъ его къ войнѣ противъ турокъ.

Съ недавними соперницами Россіи, со Швеціей и Польшей, Годуновъ старался поддержать мирныя отношенія. Шведы, которые

страдали въ то время отъ внутреннихъ междоусобій, раздѣляли эти миролюбивыя стремленія. Обѣ державы не спѣшили обнажить мечъ, хотя ихъ войска стояли наготовѣ и могли каждую минуту вступить въ бой; но это была лишь демонстрація, имѣвшая цѣлью ускорить переговоры и добиться болѣе выгодныхъ условій мира, который и былъ, наконецъ, заключенъ 9-го (18-го) мая 1595 г. на почвѣ взаимныхъ уступокъ. Особой статьей этого договора была обезпечена русскимъ свобода сношеній съ западными державами черезъ Швецію, при чемъ эта привилегія распространялась и на купцовъ, врачей и ремесленниковъ.

Успокоенный относительно шведской границы, Годуновъ не нарушалъ также перемирія, заключеннаго въ 1591 г. съ Польшей, хотя въ тайнѣ онъ возбуждалъ противъ нея Австрію.

Въ то время, какъ онъ велъ въ главныхъ чертахъ, такимъ образомъ, внѣшнюю политику Россіи, въ его головѣ созрѣвали замыслы на будущее, вполнѣ оправдываемые неспособностью и недолговѣчностью слабаго и болѣзненнаго Ѳеодора Іоанновича, у котораго не было прямого наслѣдника.

Полная несостоятельность Ѳеодора, какъ правителя, засвидѣтельствована современниками. Одинъ изъ нихъ, Флетчеръ, такъ описываетъ препровожденіе времени царя. Уже въ четыре часа къ нему являлся духовникъ съ крестомъ и образами, чтобы благословить его помолиться вмѣстѣ съ нимъ и призвать на него благословеніе святыхъ, память которыхъ чтилась въ тотъ день. Затѣмъ царь посылалъ освѣдомиться о здоровьѣ царицы, которая помѣщалась въ отдѣльныхъ покояхъ, потомъ они отправлялись вмѣстѣ къ заутрени. Въ девять часовъ утра они шли въ другую церковь къ обѣднѣ; богослуженіе не мѣшало бесѣдѣ и дѣла смѣшивались съ молитвою. Вскорѣ послѣ обѣдни подавался обѣдъ, послѣ котораго полагался отдыхъ или, лучше сказать, трехчасовой глубокій сонъ. Остальное время дня, за исключеніемъ вечерни, посвящалось невиннымъ развлеченіямъ; карлики и шуты увеселяли царя и царицу пѣснями и танцами; вышивальщицы и золотыхъ дѣлъ мастера показывали имъ свои произведенія; для разнообразія устраивался время отъ времени бой медвѣдей. День оканчивался ужиномъ и молитвами, которыя читались снова духовникомъ.

Неудивительно, что при такомъ образѣ жизни Ѳеодоръ не могъ исполнять обязанностей своего царскаго сана. Къ тому же здоровье его мало-по-малу слабѣло. Единственная его дочь скончалась въ колыбели, а его братъ Димитрій погибъ таинственнымъ образомъ въ Угличѣ въ 1591 г. Династія Рюриковичей угасала. На ступеняхъ престола стоялъ на стражѣ Годуновъ, котораго самые недальновидные люди подозрѣвали въ желаніи овладѣть короною.

Какой результатъ могли имѣть при этихъ условіяхъ переговоры съ

папскимъ посломъ? Лично ему былъ оказанъ въ Москвѣ самый превосходный пріемъ; купцамъ, которые, какъ водится, сопровождали Комуловича, были предоставлены всевозможныя льготы; не были забыты и обычные соболя, которые ему было поручено отвезти папѣ, но эти любезности ни къ чему не обязывали. Неизвѣстно, обсуждался ли съ нимъ вопросъ о вѣрѣ и о единеніи съ Римомъ, но въ этомъ можно усомниться, такъ какъ подобный вопросъ вызвалъ бы, конечно, сильное противодѣйствіе со стороны русскихъ; къ тому же возбуждать его было неудобно въ такой моментъ когда Годунову былъ нуженъ патріархъ, который провозгласилъ бы его царемъ.

Что касается политики, то переговоры ограничились простымъ обмѣномъ мыслей: Годуновъ выразилъ обычное желаніе, чтобы въ Москву съѣхались послы западныхъ державъ для обсужденія вопроса о лигѣ; относительно Швеціи, онъ высказалъ Комуловичу свои намѣренія, но это не помѣшало ему заключить съ нею миръ въ томъ смыслѣ, какъ онъ хотѣлъ.

Николай Варкочъ, посланный въ Москву императоромъ Рудольфомъ вслѣдъ за Комуловичемъ, могъ похвастать бо́льшимъ успѣхомъ; онъ добился для своего монарха денежной субсидіи въ 150 тысячъ флориновъ, которые были выданы, впрочемъ, не деньгами, а драгоцѣнными мѣхами; эти мѣха были выставлены напоказъ во дворцѣ въ Прагѣ и проданы ганзейскими купцами.

Такъ какъ донесеніе Варкоча съ отчетомъ о его поѣздкѣ утрачено, то нѣтъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы утверждать, что̀ именно говорилось въ Москвѣ между нимъ и боярами по животрепещущему вопросу о престолонаслѣдіи и посылки въ Кремль эрцгерцога, о чемъ ему разрѣшено было начать переговоры. Комуловичъ, выѣхавшій изъ Москвы 13-го (22-го) мая въ Вильно, не подозрѣвалъ, вѣроятно, этихъ тайнъ.

По пріѣздѣ въ Вильно, ему представилось новое, трудное и обширное поприще дѣятельности. Нунцій возложилъ на него обязанность объѣхать обширную Литовскую эпархію, которая оставалась пять лѣтъ безъ пастыря.

Населеніе этой мѣстности было грубо и невѣжественно, дѣти некрещены, приходы не имѣли священниковъ или священники не знали мѣстнаго нарѣчія.

Комуловичъ энергично принялся за дѣло и прежде всего счелъ нужнымъ позаботиться объ образованіи духовенства, на что, по его просьбѣ, было ассигновано десять тысячъ флориновъ. Значительная сумма была также ассигнована на возобновленіе собора, пришедшаго въ ветхость, и на увеличеніе благолѣпія богослуженія. Вообще Комуловичъ оставилъ о себѣ въ Вильнѣ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ дѣя-

тельномъ, энергичномъ и безкорыстномъ. Къ сожалѣнію, донесенія, которыя посылались имъ въ Римъ, также утрачены, а въ нихъ, безъ сомнѣнія, заключалось не мало любопытныхъ свѣдѣній.

Не смотря на свою плодотворную дѣятельность въ Литвѣ, Комуловичъ пробылъ тамъ недолго; ему пришлось, по повелѣнію папы, въ скоромъ времени отправиться опять въ Москву.

Не смотря на неудачу всѣхъ предыдущихъ переговоровъ, Климентъ VIII не оставлялъ мысли объ организаціи похода противъ Турціи, и съ этой цѣлью имъ былъ посланъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1595 г. въ Польшу кардиналъ Кастани, который проявилъ большую дѣятельность въ Краковѣ и Варшавѣ и дважды посылалъ своего секретаря Ваноцци къ всемогущему польскому канцлеру. Италіанскій дипломатъ былъ пораженъ всѣмъ видѣннымъ въ Польшѣ.

Замосцье, основанное канцлеромъ недавно, приняло уже видъ изящнаго укрѣпленнаго города, въ немъ появилась великолѣпная церковь, академія, школы, библіотека, наполненная рѣдкими книгами и рукописями, замокъ съ обширными конюшнями; городъ былъ обнесенъ рвомъ и валами. Самъ канцлеръ произвелъ на него весьма благопріятное впечатлѣніе: высокаго роста, стройный, онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, свободно говорилъ по-латыни и отзывался о папѣ и королѣ съ большимъ почтеніемъ. Ваноцци широко воспользовался польскимъ гостепріимствомъ; пиры продолжались не менѣе четырехъ часовъ; подъ звуки музыки подавались изысканныя блюда и дорогія вина; сервировка стола сверкала золотомъ и серебромъ.

Аудіенціи, данныя Ваноцци Замойскимъ, не уступали продолжительностью пирамъ, но не имѣли желаемаго результата.

— Польша, говорилъ Замойскій, не можетъ одна помѣриться силами съ Турціей, а для того, чтобы организовать лигу, пришлось бы возвратиться къ планамъ Сикста V.

Новый же проектъ папы былъ основанъ на союзѣ Польши и Австріи, на которую канцлеръ не возлагалъ никакихъ надеждъ.

Не успѣвъ ничего добиться въ Польшѣ, папа рѣшилъ сдѣлать еще одну попытку въ Москвѣ и какъ только Комуловичъ окончилъ объѣздъ своей Литовской епархіи, на него была возложена новая миссія къ царю Ѳеодору Іоанновичу.

18-го (27-го) мая 1596 г. нунцій Маласпина препроводилъ ему въ Вильну паспортъ, тысячу флориновъ на путевыя издержки и письмо короля Сигизмунда III къ Ѳеодору Іоанновичу.

Ему велѣно было ходатайствовать въ Москвѣ о томъ, чтобы были прекращены набѣги татаръ, выяснить вопросъ о намѣреніи царя принять участіе въ лигѣ противъ Турціи; и въ случаѣ его не желанія примкнуть къ ней, могутъ ли Польша и Швеція, начавъ войну съ

Турціей, быть увѣрены, въ томъ, что имъ не угрожаетъ опасность со стороны Москвы; если царь выразитъ желаніе участвовать въ лигѣ, то Комуловичу велѣно было сказать ему, что съѣздъ пословъ, по дальности разстоянія, не можетъ происходить въ Кремлѣ; онъ долженъ былъ напомнить ему обѣщанія относительно Швеціи и такъ какъ мирный договоръ съ нею еще не былъ ратификованъ, то склонить царя нарушить договоръ, въ случаѣ, ежели шведы возстанутъ противъ Сигизмунда III, и, наконецъ, коснуться вопроса объ уніи, принятой на Брестскомъ соборѣ.

Комуловичъ такъ же, какъ и въ первую поѣздку, долженъ былъ дѣйствовать во всемъ согласно съ видами Австріи и даже ѣхать вмѣстѣ съ посломъ Рудольфа, Авраамомъ Доною. Къ счастью для Комуловича, они не поѣхали вмѣстѣ, и онъ избѣгнулъ такимъ образомъ непріятностей, которыя постигли австрійскаго посланника въ Литвѣ; а съ нимъ случилось слѣдующее приключеніе.

Въ Польшѣ разнесся слухъ, будто Дона везетъ Ѳеодору знаки королевскаго достоинства; сношенія австрійскаго императора съ Москвою придавали этимъ слухамъ нѣкоторую долю вѣроятія. Такъ какъ въ Польшѣ издавна вѣрили въ мнимое желаніе московскихъ царей возложить на свою главу корону западной державы, то Сигизмундъ III повѣрилъ и этому слуху и отдалъ строгое приказаніе задержать посланнаго, который и былъ арестованъ въ Юрьевѣ, не смотря на предъявленныя имъ охранныя граматы; ему пришлось употребить не мало энергіи, чтобы добиться разрѣшенія продолжать путь.

Въ исходѣ августа 1597 г. снова распространился тревожный слухъ: литовскій канцлеръ Сапѣга утверждалъ, что Дона уже поднесъ Ѳеодору корону, что новый король изгналъ изъ Москвы польскихъ купцовъ, произвелъ смотръ войскамъ и послалъ на границу значительныя силы.

Эти свѣдѣнія были ложны, но они такъ взволновали умы, что папскому легату, кардиналу Кастани, и варшавскому нунцію съ трудомъ удалось успокоить поляковъ. Ихъ положеніе было тѣмъ болѣе затруднительно, что въ то время, какъ всѣ волновались, король упорно молчалъ; нунцій думалъ, что Дона обманулъ его, и жаловался, что онъ не посвященъ въ эти тайные происки. Наконецъ, король далъ аудіенцію Сапѣгѣ и нунцію и заявилъ имъ, что онъ твердо рѣшилъ не допускать коронованія Ѳеодора, но что онъ будетъ дѣйствовать осторожно.

Въ Польшѣ успокоились окончательно только по возвращеніи Доны изъ Москвы, когда оказалось, что всѣ эти слухи были невѣрны.

Впрочемъ, и Комуловичъ испыталъ въ пути не менѣе треволненій, нежели австрійскій посланникъ. Онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ виленскимъ каноникомъ Бульпато, и съ ними случилось недоразумѣніе въ Оршѣ, куда они прибыли въ исходѣ марта 1597 г. Комуловичъ ѣхалъ изъ Литвы, а

на вопросъ, откуда онъ ѣдетъ, говорилъ, что онъ ѣдетъ по порученію папы; русскіе не допускали мысли, чтобы посланный папою могъ ѣхать изъ Вильны; не довѣряя его словамъ, они отнеслись къ нему крайне нелюбезно, даже грубо и, не смотря на полученныя изъ Москвы приказанія, едва не уморили несчастнаго дипломата въ Оршѣ голодомъ, на что онъ жаловался самому царю въ письмѣ изъ Смоленска.

«Болѣзнь задержала меня въ Вильно,—писалъ онъ,—но я нахожусь въ постоянной перепискѣ съ папою; я везу посланіе отъ Климента VIII съ «полнымъ титуломъ», какого Поссевинъ не могъ добиться отъ Григорія XIII. Если бы поляки это подозрѣвали, то они не пропустили бы меня».

Маленькая хитрость, къ которой прибѣгнулъ Комуловичъ, упомянувъ о титулѣ, не имѣла ожидаемаго успѣха; ему былъ оказанъ въ Кремлѣ самый холодный пріемъ. Его не только держали, по обыкновенію, въ совершенномъ одиночествѣ, но русскіе были съ нимъ даже сдержаннѣе, нежели въ первый его пріѣздъ. Дона утверждалъ даже, что такъ какъ Комуловичъ ѣхалъ изъ Вильны и не могъ предъявить никакихъ оффиціальныхъ документовъ, то его сочли въ Москвѣ просто-на-просто шпіономъ.

Сжалившись надъ нимъ, Дона замолвилъ за него слово, и тогда только положеніе несчастнаго аббата сдѣлалось болѣе сносно. Поляки приписывали враждебное отношеніе къ Комуловичу со стороны русскихъ Брестской уніи, въ коей его считали однимъ изъ самыхъ усердныхъ дѣятелей.

Помимо этихъ маловажныхъ подробностей, о пребываніи Комуловича въ Москвѣ въ 1597 г., не сохранилось никакихъ свѣдѣній; имѣются только два письма Ѳеодора къ Клименту VIII, на основаніи которыхъ можно судить о результатѣ его миссіи.

Царь высказываетъ въ этихъ письмахъ непоколебимое желаніе, чтобы послы западныхъ державъ съѣхались на совѣщаніе въ Москву; дальность разстоянія, по его словамъ, ничего не значила; свои права на эту уступку царь доказывалъ тѣмъ, что онъ отвлекъ татаръ отъ Венгріи, и что онъ постарался двинуть персовъ противъ турокъ.

Денежная субсидія, данная имъ Рудольфу, подорвала дружественныя отношенія царя къ султану, писалъ Ѳеодоръ Іоанновичъ; тѣмъ не менѣе, онъ обѣщалъ быть щедрымъ и впредь, лишь бы императоръ согласился на съѣздъ посланниковъ. Относительно Швеціи царь выказывалъ по-прежнему воинственные замыслы: «Она не соблюдаетъ условій договора,—писалъ Ѳеодоръ;—намъ не возвращены наши города и крѣпости; война между нами неизбѣжна, кровь будетъ пролита, и за нее будутъ отвѣтственны клятвопреступники».

Въ этомъ же родѣ были даны отвѣты Аврааму Донѣ, при чемъ царь

горько жаловался на Рудольфа II, говоря, что онъ болѣе склоненъ получать отъ него деньги и мѣха, нежели организовать съѣздъ пословъ въ Кремлѣ. Въ общемъ, если не считать денегъ, данныхъ императору по ходатайству Варкоча, то все это были только одни громкія слова и обѣщанія.

Также малоуспѣшны были хлопоты кардинала Кастани въ Польшѣ; удрученный этимъ, онъ писалъ 27-го марта (5-го апрѣля) 1597 г. въ Римъ, что онъ выѣзжаетъ вскорѣ обратно въ Италію.

Въ концѣ того же года Комуловичъ возвратился въ Варшаву, гдѣ онъ пробылъ до сейма 1598 г. Вторичная поѣздка въ Москву разсѣяла послѣднія заблужденія славянскаго дипломата, такъ недавно еще мечтавшаго о союзѣ двухъ славянскихъ державъ.

Неудача переговоровъ, возложенныхъ на Авраама Дону, не заставила императора австрійскаго отказаться отъ своихъ плановъ. Дона не имѣлъ полномочій для организаціи лиги противъ турокъ, потому ему не удалось выхлопотать денежной субсидіи; русскіе не хотѣли дать денегъ до тѣхъ поръ, пока обѣ стороны не подпишутъ договоръ, и не сдавались ни на какія убѣжденія.

Поэтому Рудольфъ II рѣшилъ еще разъ отправить въ Кремль посла, давъ ему болѣе обширныя полномочія. Выборъ палъ снова на Дону.

Этотъ разъ его инструкціи были измѣнены: въ Австріи отказались отъ мысли посадить на престолъ Мономаха эрцгерцога; тамъ поняли, наконецъ, что московская корона предназначалась для другихъ, и Австрія помирилась съ этимъ. «По всѣмъ дѣйствіямъ и поступкамъ Бориса Годунова», говорилось въ инструкціяхъ, въ составленіи которыхъ, вѣроятно, принималъ участіе самъ Дона, можно понять, что этотъ бояринъ надѣется достигнуть престола самъ или посадить на него своего сына и въ виду этого желаетъ заключить союзъ съ Австріей. Донѣ было разрѣшено сказать ему, по секрету, что если престолъ перейдетъ къ нему или къ его сыну, то онъ можетъ разсчитывать на дружбу Габсбурговъ.

Но обычная медлительность Австріи была причиною, что этотъ дальновидный шагъ не былъ сдѣланъ своевременно. Курьеръ, посланный съ письмомъ къ Годунову, былъ задержанъ по пути поляками; второму курьеру, посланному вслѣдъ за нимъ, удалось переѣхать границу, и онъ сообщилъ изъ Пскова важную новость о кончинѣ Ѳеодора Іоанновича и о вступленіи на престолъ Бориса Годунова.

Такимъ образомъ инструкціи, данныя Донѣ, оказались несвоевременны; въ виду совершившагося въ Москвѣ событія, приходилось дѣйствовать иначе.

Достигнувъ власти, Борисъ Годуновъ выказалъ себя во многихъ

отношеніяхъ человѣкомъ болѣе передовымъ, нежели его современники, монархи другихъ славянскихъ державъ.

Онъ смотрѣлъ съ завистью на Западъ и на его цивилизацію. Не имѣя возможности сооружать школы, такъ какъ противъ этого было духовенство, опасавшееся свѣта просвѣщенія, онъ рѣшилъ выполнить планъ, подсказанный Іоанну Грозному Поссевиномъ, и который былъ впослѣдствіи принятъ Петромъ Великимъ, а именно: онъ рѣшилъ послать за границу молодыхъ людей для обученія наукамъ. Нѣсколько человѣкъ было послано имъ въ Любекъ, въ Англію, Францію и Австрію; но эта первая попытка окончилась полной неудачей; ни одинъ изъ этихъ молодыхъ людей не возвратился на родину. Кромѣ того, онъ вызвалъ изъ-за границы рабочихъ, ремесленниковъ, купцовъ, военныхъ врачей и послѣднимъ оказывалъ особое вниманіе и почести. Англійскіе и нѣмецкіе купцы пользовались при немъ такими привилегіями, какихъ не имѣли русскіе торговцы, а военныхъ наѣхало изъ-за границы такъ много, что изъ нихъ были составлены цѣлыя роты.

Въ глазахъ такого горячаго поклонника всего иностраннаго дипломатическія сношенія должны были имѣть особенно важное значеніе. И дѣйствительно, Борисъ Годуновъ дорожилъ ими, тѣмъ болѣе, что честолюбіе заставляло его искать для своихъ дѣтей брачныхъ союзовъ среди представителей западныхъ королевскихъ фамилій. Но зато сношенія съ Римомъ не имѣли цѣны въ его глазахъ, онъ не видѣлъ отъ нихъ никакой матеріальной пользы, а въ религіозные споры предпочиталъ не вмѣшиваться. Польскіе іезуиты очень скоро имѣли случай убѣдиться въ этомъ.

Получивъ отъ Бориса Годунова извѣщеніе о вступленіи на престолъ, король польскій, согласно обычаю, отправилъ въ Кремль, во второй половинѣ 1600 г., посольство, чтобы поздравить его отъ имени короля. На это посольство были возложены и нѣкоторыя болѣе важныя порученія. Во главѣ его находился литовскій канцлеръ, Левъ Сапѣга. Его имя само по себѣ было цѣлой политической программой. Онъ зналъ Москву, куда онъ ѣздилъ при вступленіи на престолъ Ѳеодора Іоанновича, и имѣлъ совершенно ясные и опредѣленные взгляды на всѣ вопросы, которые ему предстояло обсуждать. По рожденію кальвинистъ, онъ принялъ въ 1586 г. католическую вѣру и сталъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ ея послѣдователей; поэтому онъ горячо привѣтствовалъ Брестскую унію и былъ бы радъ, если бы она распространилась на всю Россію. По желанію Сапѣги, вмѣстѣ съ нимъ было послано въ Москву два іезуита, изъ коихъ одинъ былъ прекрасный проповѣдникъ.

За мѣсяцъ до отъѣзда въ Москву эти іезуиты отправились въ имѣніе Сапѣги, въ Бѣлоруссію, гдѣ они подготовлялись къ своей мис-

сіонерской дѣятельности среди русскихъ. Канцлеръ и его семейство, служа примѣромъ благочестія, присутствовали каждый разъ при богослуженіи и слушали проповѣди. День рождества Пресвятой Богородицы былъ отпразднованъ въ Могилевѣ съ особенной торжественностью, послѣ чего они отправились въ путь и 7-го (16-го) октября прибыли въ Москву, гдѣ ихъ ожидало большое разочарованіе.

Не смотря на всѣ старанія іезуитовъ и на поддержку со стороны Сапѣги, они не могли не только приступить къ своей миссіонерской дѣятельности и къ обсужденію вопросовъ, касавшихся религіи, но даже вступить въ какое-либо общеніе съ русскими. Они были обречены на полное одиночество. Борисъ Годуновъ отнесся къ нимъ подозрительно; такъ что имъ пришлось отказаться отъ всякой внѣшней дѣятельности и ограничиться исполненіемъ своихъ духовныхъ обязанностей среди членовъ посольства, какъ писалъ объ этомъ о. Мартинъ генералу Аквавивѣ изъ Полоцка 30-го марта (8-го апрѣля) 1601 г., присовокупляя съ грустью, что все сказанное Поссевиномъ въ его «Moscovia» совершенно вѣрно, что русскіе питаютъ къ католикамъ непримиримую ненависть, что они глубоко предубѣждены противъ папы и упорно держатся своихъ взглядовъ, не поддаваясь никакимъ убѣжденіямъ.

Всѣ попытки къ сближенію съ русскими, сдѣланныя самимъ Сапѣгою, окончились также неудачно. Онъ привезъ въ Москву проектъ договора, состоявшій изъ двадцати трехъ или четырехъ пунктовъ, который напоминалъ, во многихъ отношеніяхъ, обширный планъ Баторія, клонившійся къ сліянію поляковъ съ русскими. Сапѣгою былъ поднятъ въ Москвѣ вопросъ не только о свободѣ торговли, выдачѣ преступниковъ, покупкѣ и продажѣ имѣній, объ облегченіи браковъ между русскими и поляками, о сооруженіи церквей и территоріальныхъ уступкахъ, но въ то же время обсуждался вопросъ о новомъ порядкѣ престолонаслѣдія, который долженъ былъ привести неизбѣжно къ польскому владычеству. Во всемъ этомъ ясно проглядывала задняя мысль Сигизмунда; онъ хотѣлъ слить Московское государство съ Литвою и подготовить путь къ новой Люблинской уніи. Но съ Борисомъ Годуновымъ подобные замыслы не могли имѣть удачи; достигнувъ власти, онъ только и думалъ о томъ, какъ бы упрочить на вновь пріобрѣтенномъ престолѣ свою династію.

Въ Кремлѣ польское посольство было принято холодно. За послами былъ учрежденъ бдительный надзоръ, ихъ изводили безконечными проволочками; они долго не могли получить аудіенціи. Борисъ отговаривался болѣзнію. Сапѣга очень скоро понялъ уловку Годунова, онъ угрожалъ Польшѣ союзомъ съ Швеціей, а Швеціи союзомъ съ Польшей, съ цѣлью добиться съ той и съ другой стороны наиболѣе выгодныхъ условій при заключеніи мира. Поляки скоро убѣдились въ томъ, что

программа, намѣченная ими, была слишкомъ обширна и что не стоило затрогивать многіе вопросы; поэтому они требовали слѣдующіе три пункта: свобода торговли, включая въ это пріобрѣтеніе недвижимой собственности; сооруженіе латинскихъ церквей въ особыхъ случаяхъ; наконецъ, уступка Польшѣ нѣкоторыхъ земель.

Но и эти, значительно ограниченныя требованія показались боярамъ чрезмѣрными. Они отвѣчали на нихъ уклончиво, тѣмъ болѣе, что Сапѣга упорно отказывался дать Годунову царскій титулъ. Видя, что поляки хотѣли расширить сношенія съ Москвою, Борисъ Годуновъ поставилъ себѣ задачею воспрепятствовать этому, и чѣмъ больше поляки старались добиться этого, тѣмъ менѣе онъ выказывалъ готовности поддержать ихъ.

Что касалось сооруженія латинскихъ церквей, то Годуновъ отвѣчалъ Сапѣгѣ отказомъ, точно такъ же, какъ Іоаннъ IV—Поссевину. Онъ боялся, по его словамъ, чтобы это нововведеніе не вызвало ереси среди народа. Это нравилось его приближеннымъ. Разсказываютъ даже, будто однажды, когда онъ громко защищалъ православіе, одинъ бояринъ, вставъ, сказалъ, что это говоритъ не земной монархъ, а что его устами говоритъ небесный ангелъ. Мысль о добровольной уступкѣ нѣкоторыхъ земель была отвергнута съ негодованіемъ. Бояре предпочли бы обезпечить себя отъ возможности войны въ близкомъ будущемъ, выяснивъ вопросъ о Ливоніи, принадлежавшей Польшѣ, которою хотѣли овладѣть шведы, и которую были бы не прочь пріобрѣсти русскіе.

Польскіе дипломаты имѣли случай убѣдиться въ томъ, что въ московскомъ правительствѣ произошла большая перемѣна. Царь Борисъ уже не походилъ на прежняго сговорчиваго и услужливаго боярина Годунова. Онъ даже былъ уже не тотъ человѣкъ, какъ въ первые дни своего царствованія. Онъ былъ всецѣло поглощенъ заботою объ упроченіи своей династіи и, желая обезпечить престолъ своему сыну, относился безпощадно ко всему и ко всѣмъ; всѣ тѣ, кто возбуждали въ немъ малѣйшее подозрѣніе, безжалостно приносились въ жертву, его жестокость изумляла даже людей, жившихъ въ царствованіе Іоанна Грознаго. Впрочемъ, Борисъ остался вѣренъ старинной дружбѣ, связывавшей его съ Сапѣгою; онъ отнесся къ нему гораздо снисходительнѣе, нежели онъ отнесся бы ко всякому другому, и не хотѣлъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, которыя бояре совѣтовали ему употребить, чтобы побѣдить упорство канцлера.

7-го (16-го) марта 1601 г. Левъ Сапѣга, сообщая изъ Можайска польскому нунцію Рангони свои московскія впечатлѣнія, писалъ, что онъ уѣхалъ изъ Москвы глубоко разочарованный, и вынесъ изъ своего пребыванія въ Кремлѣ самыя тягостныя личныя воспоминанія. Вниманіе, оказанное ему Годуновымъ, было отрицательнаго свойства. Съ нимъ не обходились сурово, но онъ жаловался на то, что его держали въ тѣсномъ

заключеніи, и писалъ, что единственнымъ его утѣшеніемъ въ Москвѣ была мысль о Богѣ. «Я принялъ на себя эту миссію,—писалъ онъ,—единственно съ цѣлью сблизить московитовъ съ Польшею и Литвою и заключить прочный миръ для того, чтобы распространить здѣсь истины вѣры и человѣколюбія, но меня никто не хотѣлъ слушать. Всѣ наши старанія рушились вслѣдствіе упорства и невѣжества русскихъ, и я не имѣю никакой надежды, что этотъ народъ вступитъ когда-нибудь въ лоно истинной церкви, хотя для Бога нѣтъ ничего невозможнаго».

Въ русскихъ источникахъ не говорится о плохомъ обхожденіи, которому подвергались послы, но упоминается о томъ, что между ними и боярами происходили горячіе и оживленные споры, доходившіе до брани. Не смотря на это, все же было заключено на двадцать лѣтъ перемиріе, утвердившее statu quo.

Для ратификаціи договора отправились въ Вильно въ январѣ мѣсяцѣ 1602 г. бояринъ Михаилъ Салтыковъ и дьякъ Аѳанасій Власьевъ. Вопросъ о титулахъ вызвалъ здѣсь вновь нескончаемыя пререканія: Годуновъ настаивалъ на царскомъ титулѣ, а Сигизмундъ III на титулѣ короля польскаго и шведскаго. Относительно этого обѣ стороны ни до чего такъ и не могли договориться; каждый остался при своемъ.

Русскіе послы во многихъ отношеніяхъ вызвали удивленіе нунція Рангони. Ихъ дорогая и великолѣпная одежда не соотвѣтствовала ихъ грубымъ манерамъ. Когда гордые польскіе шляхтичи, страстно любившіе бурные сеймы и шумные выборы, говорили имъ о прелести свободы, то они пожимали плечами, плевали на полъ въ знакъ презрѣнія и отвѣчали: «какая тамъ свобода! какая тамъ свобода!»

Между тѣмъ политическая атмосфера Польши была до того проникнута мыслью о необходимости союза съ Москвою, планы Баторія были такъ заманчивы, что самъ Замойскій, этотъ старый испытанный въ бояхъ воинъ, увлекался мечтою о великой славянской монархіи; онъ не думалъ уже о войнѣ съ Москвою, но мечталъ о брачномъ союзѣ и, какъ утверждаетъ нунцій Рангони, проводилъ мысль о бракѣ овдовѣвшаго въ то время Сигизмунда съ дочерью Бориса Годунова. Если бы этотъ планъ осуществился, то потомокъ Вазы и дѣвушка татарскаго происхожденія, соединясь брачными узами, рѣшили бы вѣковую задачу, надъ которой столь многіе дипломаты трудились безплодно.

Несговорчивый въ дѣлахъ политики и въ дѣлахъ религіи, Годуновъ умѣлъ быть любезенъ и даже предупредителенъ, когда не затрогивали его насущныхъ интересовъ. Два папскихъ посла, прибывшіе въ Москву вслѣдъ за Сапѣгою, проѣздомъ въ Персію были приняты любезнѣе его: съ ними обошлись несравненно лучше, чѣмъ съ польскими іезуитами.

Поводомъ къ посылкѣ этихъ пословъ въ Персію послужило слѣдующее обстоятельство:

Было время, когда папы неоднократно, но безуспѣшно предлагали персидскимъ шахамъ заключить союзъ для борьбы противъ турокъ; теперь же персидскій шахъ, по свой собственной иниціативѣ, предложилъ европейскимъ державамъ соединиться и идти противъ общаго врага.

Въ 1599 г. имъ было отправлено съ этой цѣлью посольство въ Польшу, Германію, Англію, Испанію, Венецію и Римъ. Климентъ VIII счелъ долгомъ не уклоняться отъ переговоровъ и послалъ въ Персію для совѣщаній съ шахомъ Аббасомъ своихъ представителей: свѣтскаго донъ Діего Энрикезъ Миранду и духовнаго Франческо Дакоста. Самый удобный путь на Востокъ былъ черезъ Москву. Какъ припомнимъ, Поссевинъ выхлопоталъ у Іоанна IV для миссіонеровъ право свободнаго проѣзда въ Персію, чѣмъ ни одинъ изъ нихъ до тѣхъ поръ не воспользовался. Пробывъ въ Москву 15-го (25-го) августа 1601 г. съ письмомъ отъ императора Рудольфа, Миранда и Дакоста были представлены Борису австрійскимъ посланникомъ, какъ миссіонеры, ѣхавшіе въ Персію для проповѣди Евангелія.

Португальцы провели въ Москвѣ около десяти дней и не нахвалились Годуновымъ и его сыномъ. На аудіенціи они пришли въ восторгъ отъ величественной осанки монарха и отъ его внушительной наружности.

Годуновъ далъ имъ вторую аудіенцію, посылалъ къ нимъ ежедневно своихъ приближенныхъ освѣдомляться объ ихъ здоровьи и принялъ личное участіе въ устройствѣ ихъ путешествія до Астрахани, дабы исполнить этимъ, какъ онъ говорилъ, желаніе папы и императора, своего брата. Португальцы были очарованы его любезнымъ и милостивымъ пріемомъ.

«По истинѣ, — писалъ Дакоста изъ Москвы нунцію Рангони 28-го августа (6-го сентября) 1601 года,—царь не могъ сдѣлать бо̀льшаго, и никто не выказалъ намъ столько благоволенія и почести, какъ этотъ монархъ и его сынъ. Нашъ святѣйшій отецъ долженъ благодарить его за то, что онъ принялъ насъ, по его просьбѣ, такъ милостиво и съ такой отмѣнной любезностью».

Миранда шелъ еще дальше и видѣлъ въ любезности царя несомнѣнное доказательство его расположенія къ папѣ.

Это заключеніе было сдѣлано, конечно, слишкомъ поспѣшно: въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, бояринъ Годуновъ не выказывалъ особеннаго желанія сблизиться съ Римомъ; достигнувъ власти, царь Борисъ также уклонялся отъ сношеній съ папою: религія мало интересовала его. Внѣшніе знаки любезности и даже услуги, оказанныя папскимъ посламъ, доказывали только хитрость опричника, достигшаго царскаго престола.

Изъ сдѣланнаго обзора отношеній, существовавшихъ между пап-

скимъ престоломъ и Москвою въ XVI вѣкѣ, вытекаетъ, что политикою папскаго престола руководилъ принципъ единства церкви; ея идеаломъ могъ быть только союзъ Востока съ Западомъ, а главною цѣлью, которую преслѣдовала папская дипломатія послѣ завоеванія Константинополя султаномъ Магомедомъ II въ 1453 году, была война съ турками. Преемники папы Урбана II, который поднялъ Европу противъ ислама и послалъ въ Святую землю закованныхъ въ латы рыцарей, видѣли, что Турція угрожала христіанскому міру, захватывала у него земли, преслѣдовала его вѣру, и они призывали монарховъ и европейскіе народы къ защитѣ креста противъ полумѣсяца; поэтому, всякій разъ когда обстоятельства сближали Кремль съ Ватиканомъ, былъ ли то бракъ Зои съ Іоанномъ III или перемиріе, заключенное Іоанномъ IV съ Стефаномъ Баторіемъ, переговоры о текущихъ событіяхъ никогда не заслоняли неизмѣнной заботы папъ о религіозномъ единеніи Московскаго государства съ Римомъ, и о союзѣ съ нимъ противъ турокъ.

И такъ какъ въ этомъ бо́льшею частью была замѣшана Польша, то, понятно, что папы старались упрочить миръ между нею и Москвою, чтобы противопоставить Турціи тѣсно сплоченное и, по возможности, однородное войско. Хотя они болѣе сочувствовали полякамъ, но ихъ не пугало и главенство въ союзѣ Россіи, ни ея поступательное движеніе къ Константинополю, лишь бы была возстановлена духовная связь Москвы съ Римомъ.

Въ Кремлѣ вѣковыя традиціи, пустившія въ странѣ глубокіе корни, замѣняли принципъ. Русская церковь, подчиненная съ самаго начала византійскому патріарху, носила восточный отпечатокъ. Глава государства, хотя онъ не считался фактически главою церкви, вмѣшивался самовластно въ сферу дѣятельности духовенства, рѣшалъ авторитетно вопросы, превосходившіе его компетентность, и распоряжался, по своему благоусмотрѣнію, духовной іерархіей. Вести переговоры съ папою, признать его главенство, значило бы унизить свою свѣтскую власть и даже унизить себя въ глазахъ невѣжественной толпы. Надъ этими опасеніями могли бы восторжествовать только высшія богословскія соображенія, но московскіе цари были имъ чужды. Они, вмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ своего народа, вѣрили слѣпо въ то, во что̀ вѣрили ихъ отцы, и смотрѣли на католиковъ, какъ на еретиковъ, даже какъ на язычниковъ; далѣе этого ихъ кругозоръ не шелъ.

Мысль о походѣ противъ турокъ также не могла увлечь бывшихъ данниковъ монголовъ. Ихъ не прельщали кровавые лавры, они не помышляли объ отомщеніи за предковъ Софіи Палеологъ или объ освобожденіи братушковъ отъ турецкаго ига. Воинственный призывъ, раздававшійся на Западѣ, вызывалъ со стороны Москвы только обманчивыя обѣщанія и платоническое одобреніе. Въ то время московскіе цари были все-

цѣло поглощены одною заботою: собрать разрозненные клочки русскихъ земель, образовать обширную монархію на развалинахъ удѣльныхъ княжествъ, возвратить потомкамъ Владиміра Святаго блескъ и величіе первыхъ дней и создать такимъ образомъ ту могучую Россію, которая обнимаетъ своими исполинскими руками Европу и Азію, и будущее величіе которой они, быть можетъ, не предугадывали.

Такимъ образомъ, когда папы вступали въ переговоры съ московскими царями, при этомъ сталкивались два совершенно различныхъ міра, у которыхъ не было ничего общаго въ идеяхъ, стремленіяхъ и средствахъ. Каждый изъ нихъ жилъ своей особой жизнью, лелѣялъ свой идеалъ, былъ окруженъ иной атмосферой. Пропасть, отдѣлявшая Ватиканъ отъ Кремля, была тѣмъ болѣе глубока, чѣмъ менѣе папы и цари знали другъ-друга. Въ совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ, къ которымъ присоединялись закоренѣлые предразсудки, заключалась главнымъ образомъ тайна тѣхъ проволочекъ, недоразумѣній и препонъ, коими отмѣчены сношенія Россіи съ папскимъ престоломъ въ XVI в., хотя въ Римѣ не теряли изъ вида нарождавшейся на Сѣверѣ обширной имперіи и старались поддержать съ нею постоянныя сношенія съ цѣлью такъ или иначе подчинить ее своей духовной власти.

В. Тимощукъ.

Изъ дневника П. Г. Дивова.[1]

1807 годъ.

Января 25-го. Маркизъ N. (Месмонъ?) показалъ мнѣ письмо, въ которомъ министръ Будбергъ сообщаетъ ему, что государь поручилъ графу Потоцкому редактированіе «Сѣверной газеты», въ виду того, что Будбергу некогда заняться ею.

Января 26-го. На другой день графъ Потоцкій самъ пріѣзжалъ ко мнѣ переговорить объ этомъ и просилъ моего содѣйствія.

Я отвѣтилъ ему, что беру на себя всѣ матеріальныя хлопоты, но, впрочемъ, не отказываюсь и доставлять ему матеріалы, какіе будутъ у меня въ рукахъ.

Января 29-го. Я ѣздилъ объясняться съ министромъ, который сказалъ мнѣ, что графъ Потоцкій самъ предложилъ свои услуги, но что по отношенію меня все остается по-прежнему. Я спросилъ его, нужно ли сохранять тѣ статьи, которыя не будутъ пропущены цензурою. Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, если только въ нихъ не сообщаются факты. Я передалъ его превосходительству предложеніе совѣтника Леванды принять на себя редактированіе «Сѣверной газеты» на русскомъ языкѣ. Министръ обѣщалъ испросить на это соизволеніе его величества.

Сегодня разнесся слухъ, что его величество отправляется къ арміи. Многіе очень осуждаютъ это, а я говорилъ открыто, что по моему мнѣнію будетъ очень хорошо, если его величество поселится въ Вильно, ибо это ускоритъ военныя дѣйствія, въ которыхъ ему не слѣдуетъ однако принимать непосредственнаго участія.

Января 30-го. Говорятъ по секрету о пораженіи, понесенномъ генераломъ Эссеномъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, январь 1903 г.

*

Февраля 3-го. Получено извѣстіе о пораженіи французской арміи подъ Прейсишъ-Эйлау. Это извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе въ обществѣ. Но кто могъ бы повѣрить, что графиня Ливенъ, воспитательница великихъ княженъ, сдѣлала все возможное, чтобы умалить значеніе этой побѣды, попросивъ Бенкендорфа, только-что пріѣхавшаго изъ арміи, говорить объ этомъ дѣлѣ, какъ о самой пустяшной побѣдѣ.

Причиною озлобленія лифляндской партіи противъ генерала Беннигсена было увольненіе графа Буксгевдена. Очень жаль, что человѣкъ, спасающій Россію отъ величайшаго бѣдствія, такъ плохо вознаграждается тѣми, коимъ слѣдовало бы однимъ изъ первыхъ превозносить его до небесъ.

Февраля 8-го. Говорятъ, что его императорское величество, желая разстроить интригу лифляндцевъ противъ храбраго генерала Беннигсена, приказалъ послать полковника Бенкендорфа, пріѣхавшаго съ этой цѣлью изъ арміи, съ наградами, назначенными за сраженіе при Прейсишъ-Эйлау. Я былъ несказанно обрадованъ этимъ.

Февраля 16-го. Я получилъ приказаніе выпустить въ свѣтъ «Сѣверную газету».

Февраля 21-го. Я былъ у министра Будберга, чтобы сказать ему, что въ архивахъ не находится документовъ относительно Каролинскихъ острововъ, и, пользуясь случаемъ, просилъ его сказать мнѣ свое мнѣніе о Меркелѣ. Онъ рветъ и мечетъ противъ этого писателя и отказался поддержать его просьбу о назначеніи его редакторомъ одного періодическаго изданія, выходящаго въ Ригѣ. Видя его озлобленіе, я хотѣлъ дать понять ему, что мнѣ извѣстна причина его непріязни. Поэтому я сказалъ: «Говорятъ, будто онъ написалъ сочиненіе, направленное противъ лифляндскаго дворянства». Онъ прервалъ меня съ жаромъ, и сказалъ:

— Это сочиненіе меня не касается; дворянство можетъ само постоять за себя, но это писатель безнравственный, онъ смѣется надъ религіей; я даже намѣренъ преслѣдовать его, если онъ не откажется отъ своихъ принциповъ; только въ такомъ случаѣ я сдѣлаю что-нибудь для него.

Я обѣщалъ передать это Меркелю.

Отъ Будберга я поѣхалъ къ князю Чарторыйскому, которому разсказалъ о затрудненіи съ Меркелемъ. Онъ пожелалъ мнѣ успѣха въ возвращеніи этой заблудшей овцы на путь истинный, затѣмъ мы говорили о разныхъ текущихъ событіяхъ, и я сказалъ ему, что графъ Морковъ пишетъ мнѣ, что онъ поздравилъ императора съ тѣмъ, что у него есть хорошая шпага въ лицѣ Беннигсена и хорошее перо въ лицѣ редактора «Замѣчаній на посланіе Бонапарта Сенату». Князь спро-

силъ меня, гдѣ графъ, не уѣхалъ ли онъ въ Летичевъ. Я отвѣчалъ: нѣтъ, онъ въ Москвѣ. Мнѣ показалось, что эта близость его къ столицѣ не нравится князю Чарторыйскому.

Марта 3-го. Въ тотъ же день статсъ-секретарь Юдинъ передалъ мнѣ отъ имени его величества, что я напрасно покровительствую Меркелю, что онъ объяснялся по этому поводу съ государемъ и показалъ ему одно мѣсто въ сочиненіяхъ Меркеля, въ которомъ онъ осмѣиваетъ религію. Признаюсь, я не ожидалъ отъ Будберга такой низости и хотя онъ преслѣдуетъ Меркеля яко бы изъ-за его нападковъ на религію, но въ сущности онъ мститъ ему за книгу, написанную противъ лифляндцевъ.

Марта 9-го. Я былъ у генерала Сухтелена, съ которымъ мы бесѣдовали о текущихъ событіяхъ. Озлобленный противъ Будберга, генералъ отозвался о немъ не особенно лестно, въ особенности о служащихъ въ его канцеляріи, какъ напр. о Жерве и Шредерѣ, утверждая, что они подкуплены Франціей. Онъ показалъ мнѣ записку, перехваченную будто бы въ Тешенѣ послѣ Аустерлицкаго сраженія, въ которой всѣ наши министры, занимавшіе свои посты въ 1803 г., изображены не въ особенно лестныхъ краскахъ. Эту записку приписываютъ Лесепсу; затѣмъ мы говорили о нашихъ укрѣпленіяхъ, и я совѣтовалъ ему приступить къ сооруженію согласно утвержденному плану укрѣпленій въ Пинскѣ, въ Брестѣ и Ковно.

Въ тотъ же день я имѣлъ довольно продолжительную бесѣду съ секретаремъ капитула россійскихъ орденовъ Чижовымъ по поводу коммиссіи законовъ, которая составлена исключительно изъ лицъ, совершенно не знающихъ русскаго языка. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ уже обратилъ на это вниманіе вмѣстѣ съ нѣкоторыми лицами, коихъ не назначили въ эту коммиссію, и сообщилъ по секрету, что по пріѣздѣ изъ Японіи Резанова они, т. е. Чижовъ, Безакъ, Познякъ, Богдановъ, Стражевъ, люди все порядочные, не подкупные, заботясь о благѣ страны, рѣшили взяться за это дѣло энергично. Я сказалъ Чижову, что я присоединюсь къ нимъ и надѣюсь, что дѣло удастся уладить въ желаемомъ смыслѣ.

Марта 11-го. Появился указъ, коимъ объявлено о распущеніи милиціи и о преобразованіи ея въ дѣйствующую армію въ составѣ 200 тысячъ человѣкъ.

Марта 16-го, суббота. Императоръ уѣхалъ въ армію. Да направитъ Господь его путь и да внушитъ онъ ему все, что можетъ послужить къ благу его народа и къ славѣ его подданныхъ.

Мая 25-го. Отслуженъ молебенъ по случаю взятія Анапы; публики было весьма мало.

Іюня 8-го. Отслуженъ молебенъ и стрѣляли изъ пушекъ по слу-

чаю побѣды, одержанной подъ Гейльсбергомъ, но радость была омрачена печальнымъ извѣстіемъ, что наше правое крыло опрокинуто при Фридландѣ и что Бонапартъ овладѣлъ Кёнигсбергомъ. Эта ужасная вѣсть опечалила дворъ до того, что назначенный обѣдъ былъ отмѣненъ.

Іюля 5-го. Императоръ пріѣхалъ въ ночь съ 4-го на 5-е. На слѣдующій день былъ отслуженъ молебенъ, но публика не выказала особенной радости. Это сближеніе съ Наполеономъ, послѣдовавшее послѣ того, какъ его такъ жестоко поносили, и то обстоятельство, что императоръ принялъ орденъ Почетнаго Легіона и далъ Наполеону Андреевскую ленту, огорчило стариковъ военныхъ такъ, что молебствіе прошло довольно холодно.

Августа 9-го. Его величество далъ аудіенцію тайному совѣтнику Чацкому, арестованному кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Кутузовымъ, по подозрѣнію въ возмущеніи умовъ въ Волынской губерніи въ пользу французовъ. До назначенія аудіенціи Чацкому былъ данъ высочайшій рескриптъ, коимъ онъ признанъ невиннымъ; по словамъ Чацкаго, его величество извинился передъ нимъ на этой аудіенціи за происшедшее недоразумѣніе, приписавъ его тогдашнимъ обстоятельствамъ и сказавъ, что онъ позаботится о наказаніи губернатора Панкратьева, который донесъ на него. Очень хорошо, что императоръ не поддался внушеніямъ князя Чарторыйскаго, который ходатайствовалъ черезъ Новосильцева о примѣрномъ наказаніи губернатора для удовлетворенія Чацкаго, который хотѣлъ отомстить Панкратьеву.

Августа 15-го. Въ ночь съ 14-го на 15-е число скончался скоропостижно графъ Васильевъ, министръ финансовъ; я былъ этимъ глубоко опечаленъ, въ интересахъ государства, и употребилъ всевозможное стараніе, чтобы на его мѣсто былъ назначенъ Голубцовъ, дабы въ министерство не проникли любители новизны.

Августа 22-го. Объявлено объ увольненіи въ отпускъ Будберга для возстановленія его здоровья и о назначеніи временно управляющимъ дѣлами графа Салтыкова; но это объявленіе, сдѣланное не въ должномъ порядкѣ, носитъ печать времени и тѣхъ людей, коимъ поручено, къ сожалѣнію, управленіе дѣлами.

Августа 31-го. Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ графъ Николай Румянцевъ, коему я послалъ поздравительное письмо. Онъ ничего не отвѣтилъ мнѣ.

Сентября 3-го. Графъ Румянцевъ поручилъ мнѣ написать статью о датскихъ дѣлахъ для помѣщенія ея въ «Петербургской газетѣ». Зная вкусъ графа, я изобразилъ англичанъ самыми черными красками. Онъ сказалъ мнѣ, что я понялъ его, но такъ какъ его ве-

личество полагаетъ, что слѣдуетъ быть сдержаннымъ, то я долженъ исключить слишкомъ рѣзкія мѣста, что̀ я и сдѣлалъ.

Сентября 5-го. Поговариваютъ о разныхъ перемѣнахъ въ администраціи и въ особенности о сосредоточеніи власти въ лицѣ князя Лопухина, это совершенно не въ духѣ тѣхъ лицъ, кои создали министерства.

Сентября 13-го. Говорятъ о столкновеніи, происшедшемъ между главнымъ казначеемъ Голубцовымъ и довѣреннымъ лицомъ императора Поповымъ [1]), вслѣдствіе того, что Поповъ вздумалъ вмѣшиваться въ дѣла финансовъ. Императоръ приказалъ Попову составить отчетъ за 1806 г., вмѣстѣ съ Голубцовымъ; послѣдній отказался отъ этого, сказавъ, что онъ и одинъ справится съ этимъ. На другой день, послѣ этого столкновенія, государь помирилъ обоихъ сановниковъ, но Голубцовъ все же одержалъ верхъ.

Сентября 15-го. Говорятъ, будто бывшій генералъ-прокуроръ Беклешовъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы хлопотать объ уничтоженіи министерствъ; что онъ представилъ проектъ, въ которомъ онъ совѣтуетъ императору сосредоточить все управленіе внутренними дѣлами въ рукахъ одного лица, а именно князя Лопухина. Говорятъ, будто императоръ отклонилъ этотъ проектъ и поручилъ графу Кочубею написать на него опроверженіе. Однимъ словомъ, говорятъ, что императоръ доволенъ учрежденіемъ министерствъ.

Сентября 30-го. Его величество уѣхалъ въ Витебскъ въ сопровожденіи Сперанскаго и Жерве. Этотъ странный выборъ секретарей такъ же неправиленъ, какъ и все остальное. Разсказываютъ, что наканунѣ государь сдѣлалъ строгій выговоръ Новосильцову, по поводу одной статьи, помѣщенной въ «Петербургской газетѣ», въ которой оправдывается дуэль, происшедшая между двумя гвардейскими офицерами. Новосильцову сдѣлалось дурно, и придворные предсказываютъ его паденіе.

Октября 5-го. Я ѣздилъ къ главному казначею Голубцову и бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ дѣлахъ и объ интригахъ, которыя ведутся противъ него, не назвавъ однако никого. Онъ сказалъ мнѣ по этому поводу, что ему извѣстно, что Гурьевъ старается занять его мѣсто и что его столкновеніе съ Поповымъ, личнымъ секретаремъ императора, было не болѣе какъ продѣлкою съ его стороны. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ, что государь высказалъ въ разговорѣ съ нимъ желаніе увеличить налоги для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ; и что онъ представилъ его величеству все неудобство обременять страну налогами, въ особенности послѣ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ ею для мили-

[1]) Василіемъ Степановичемъ.

ціи; его величество промолчалъ, но на другой разъ снова высказалъ въ разговорѣ мысль о необходимости увеличить налоги; тогда главный казначей сказалъ ему, что онъ исполнитъ приказаніе его величества, и съ этой цѣлью былъ учрежденъ комитетъ, въ составъ котораго вошли: Гурьевъ министръ удѣловъ, гр. Румянцевъ министръ иностранныхъ дѣлъ, гр. Завадовскій министръ народнаго просвѣщенія и главный казначей. Дай Богъ, чтобы этотъ новый налогъ не вызвалъ ропота.

Октября 10-го. Его величество вернулся изъ своей поѣздки въ Витебскъ весьма довольный порядкомъ, найденнымъ въ войскахъ.

Октября 17-го. Я представилъ гр. Румянцеву записку, по поводу сообщеннаго въ газетахъ извѣстія о возстановленіи во Франціи масонскихъ ложъ, высказавъ въ ней, что этотъ предметъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія правительства, что не слѣдуетъ никогда разрѣшать ложи въ Россіи, ибо Франція могла бы воспользоваться этимъ, чтобы внести раздоръ въ Россію.

Октября 25-го. Статскій совѣтникъ Жерве пріѣзжалъ ко мнѣ во второмъ часу по порученію гр. Николая Румянцева сказать, что его императорское величество поручаетъ мнѣ напечатать тайно декларацію противъ Англіи. Я въ восторгѣ отъ этого, но сожалѣю, что это не было сдѣлано въ 1801 г., по смерти императора Павла.

Ноября 9-го. Мнѣ было приказано явиться ко двору, чтобы получить приказанія министра внутреннихъ дѣлъ. Его превосходительство объявилъ мнѣ, въ присутствіи прочихъ министровъ, что его величество повелѣлъ мнѣ составить церемоніалъ похоронъ грузинской царицы Даріи, скончавшейся сегодня, и которая будетъ похоронена на счетъ казны.

Ноября 15-го. Совершено погребеніе царицы. Въ домъ покойной грузинской царицы собрались къ $10^1/_2$ часамъ ихъ величества, обѣ императрицы, императоръ, духовенство, придворные и великія княгини. Послѣ краткой литіи тѣло было поставлено на траурную колесницу. Отъ Владимірской до Александро-Невскаго монастыря стояли шпалерами войска, коими командовалъ великій князь. Когда выносили тѣло, ихъ величества были вынуждены обождать и поэтому вернулись въ переднюю, гдѣ они простояли довольно долго; никто изъ присутствовавшихъ не подумалъ предложить имъ кресла. Войдя въ переднюю, я поспѣшилъ сдѣлать это. Императрица Елисавета сказала вдовствующей императрицѣ: сядемте; она отвѣчала, что не хочетъ садиться; въ это время доложили, что кареты поданы.

Ноября 23-го. Въ городѣ поговариваютъ о томъ, что наши войска будутъ посланы въ Индію, и что съ этой же цѣлью будетъ разрѣшенъ пропускъ нѣсколькимъ тысячамъ французскаго войска.

1808 годъ.

Января 14-го. Я узналъ сегодня о назначеніи гр. Аракчеева военнымъ министромъ и очень этому былъ радъ, считая его способнымъ занимать этотъ постъ.

Января 20-го. Гр. Румянцевъ приглашалъ меня къ себѣ, чтобы сказать мнѣ, что его величество, восхищаясь слогомъ Сперанскаго, поручилъ ему перевести англійскую декларацію и замѣтки изъ «Moniteur»'а. Я былъ очень радъ этому, но пожалѣлъ о томъ, что эту декларацію не хотятъ напечатать по-русски.

Февраля 3-го. У меня былъ Вейдемейеръ и сообщилъ по секрету, что приказано написать декларацію о вступленіи нашихъ войскъ въ Финляндію. Мнѣ показалось, что это порученіе было для него очень затруднительно, и я предложилъ ему выдать изъ архива печатный экземпляръ декларации, сдѣланной главнокомандующимъ гр. Пушкинымъ въ 1788 г.

Февраля 11-го. Графъ Румянцевъ пригласилъ меня, чтобы поручить мнѣ напечатать декларацію противъ Швеціи, которую онъ мнѣ прочелъ. Я нашелъ, что она хорошо написана, безъ лишнихъ словъ.

Февраля 12-го. Гр. Румянцевъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а генералъ Будбергъ уволенъ въ отставку, но въ ущербъ для дѣла императоръ предоставилъ ему (Румянцеву) также завѣдывать министерствомъ торговли (коммерціи).

Февраля 20-го. Получено извѣстіе о взятіи Гельсингфорса, при чемъ шведы потеряли около 100 человѣкъ, русскіе столько же.

Марта 3-го. Во вторникъ по обыкновенію обѣдалъ у меня генералъ Пфуль. Перекинувшись со мною нѣсколькими незначительными фразами, онъ сказалъ, что предположено преобразовать армію по плану, представленному имъ императору. Я сказалъ ему, что мнѣ это извѣстно, и я слышалъ, что гр. Аракчеевъ серьезно занятъ этимъ, и что самъ императоръ составляетъ планъ реорганизаціи арміи, который Аракчеевъ выдаетъ за свой трудъ. Я совѣтовалъ ему не говорить объ этомъ. Къ тому же, сказалъ я, можно быть увѣреннымъ, что дѣло удастся, коль скоро тѣ лица, отъ коихъ оно зависитъ, убѣждены, что полезное нововведеніе есть ихъ собственное изобрѣтеніе.

Марта 13-го. Я послалъ министру иностранныхъ дѣлъ послѣднія записки о шведской войнѣ, а именно объ атакѣ Свеаборга генераломъ Грейгомъ и принцемъ Нассаускимъ. По поводу первыхъ графъ сказалъ мнѣ, что онъ говорилъ обо мнѣ императору, и что его величество отвѣчалъ ему, что ему некогда читать ихъ, но что ихъ слѣдуетъ сообщить гр.

Аракчееву. Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ меня (если правда, что это было сказано).

Марта 16-го. Генералъ Спренгпортенъ возвратился изъ Финляндіи, ничего не успѣвъ сдѣлать съ гр. Буксгевденомъ, къ которому онъ былъ назначенъ въ совѣтники.

Я послалъ гр. Румянцеву планъ Карлскроны и секретную записку о безнравственности представленій кукольнаго театра, на которомъ изображается искушеніе св. Антонія.

Марта 19-го. Гр. Румянцевъ пригласилъ меня къ себѣ, чтобы прочитать новую декларацію противъ Швеціи, и велѣлъ мнѣ напечатать ее. Я поблагодарилъ за подарокъ, сдѣланный Россіи, къ которой онъ хотѣлъ присоединить Финляндію. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ надѣется, что все пойдетъ хорошо.

Получено извѣстіе о взятіи Вазы.

Марта 21-го. Оберъ-полицеймейстеромъ назначенъ генералъ Балашовъ на мѣсто Эртеля.

Апрѣля 19-го. Французамъ-эмигрантамъ дано знать черезъ полицію, чтобы они не носили ордена св. Людовика. Это распоряженіе вызвало осужденіе со стороны людей наиболѣе умѣренныхъ.

Апрѣля 24-го. Получено извѣстіе о сдачѣ Свеаборга со всѣмъ флотомъ, состоявшимъ изъ 100 шлюпокъ и 7 фрегатовъ. Это извѣстіе доставило всѣмъ большое удовольствіе.

Апрѣля 27-го. Императоръ повелѣлъ отслужить молебствіе въ Исаакіевскомъ соборѣ и петербургскому гарнизону отдать честь статуѣ Петра Великаго.

Въ этотъ день ожидали большихъ наградъ, но только одинъ Мухановъ произведенъ въ оберъ-шталмейстеры.

Апрѣля 30-го. Скончалась дочь императора, великая княжна Елисавета; она не перенесла прорѣзыванія зубовъ. Мнѣ было приказано составить церемоніалъ погребенія, но на другой день гр. Румянцевъ объявилъ мнѣ волю императора, чтобы не было никакого церемоніала.

Мая 6-го. Графъ пригласилъ меня и маркиза Месмона и сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ относительно нѣсколькихъ статей «Сѣверной Газеты» и велѣлъ намъ приносить по вторникамъ черновики статей для просмотра.

Іюня 21-го. Я бывалъ по обыкновенію каждыя двѣ недѣли у гр. Румянцева и представлялъ ему для просмотра статьи для «Сѣверной Газеты». Г. Месмонъ счелъ себя въ правѣ искажать смыслъ оффиціальныхъ сообщеній; видя, что графъ какъ будто одобряетъ его дѣйствія, онъ передѣлалъ цѣлую реляцію графа Буксгевдена, уже просмотрѣнную и одобренную его величествомъ, и до такой степени исказилъ всѣ сообщаемые въ ней факты, что напр. въ томъ мѣстѣ, гдѣ сказано, что гр.

Денисовъ разбилъ и обратилъ въ бѣгство 1.500 человѣкъ, онъ написалъ 15.000. Я написалъ графу, что такъ дѣло не можетъ вестись, что я прошу его приказать чиновникамъ его канцеляріи посылать маркизу Месмону всѣ документы, по которымъ онъ могъ бы держать корректуру, и предписать ему не дѣлать самовольныхъ поправокъ.

Іюля 16-го. У молодой императрицы былъ первый вечерній пріемъ, на который было приглашено 25 кавалеровъ; всѣ очень хвалили ея любезное обхожденіе, но говорили, что это новое явленіе при дворѣ (такъ какъ у императрицы въ теченіе семи лѣтъ не было пріемовъ) вызоветъ неудовольствіе вдовствующей императрицы.

Іюля 18-го. Въ городѣ говорятъ о предстоящей войнѣ, и будто на большомъ совѣтѣ, происходившемъ 17-го числа этого мѣсяца, графъ Строгановъ энергично говорилъ противъ Франціи, и большинство членовъ присоединилось къ его мнѣнію; одинъ только гр. Румянцевъ и морской министръ Чичаговъ были другаго мнѣнія. Въ тотъ же день вечеромъ, въ Эрмитажѣ, царская фамилія, вопреки обыкновенію, не оказала никакой любезности французскому посланнику; императоръ не сказалъ ему ни слова; однимъ словомъ, сильно поговариваютъ о новомъ разрывѣ съ Франціей. Министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Румянцевъ неожиданно уѣхалъ вечеромъ въ Парижъ. На время его отсутствія портфель министра порученъ его товарищу гр. Салтыкову; а всѣ дѣла, касающіяся торговли, повелѣно вносить на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Униженіе, испытываемое нами по поводу этой посылки, довершитъ всѣ тѣ униженія, какія мы уже испытали.

Сентября 1-го. Наканунѣ отъѣзда императора для свиданія съ Наполеономъ, я былъ у гр. Салтыкова, на котораго возложено управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ на время отсутствія гр. Румянцева. Я прочиталъ ему статьи, написанныя для «Сѣверной Газеты»; мнѣ показалось, что онъ очень боится возбудить неудовольствіе французовъ, и я предложилъ ему, для его успокоенія, составлять нашу газету исключительно изъ статей, заимствованныхъ изъ французскихъ газетъ, на что онъ согласился. Затѣмъ мы говорили о текущихъ событіяхъ, и я сообщилъ ему о броженіи умовъ, обнаружившемся въ Могилевской губерніи, гдѣ главари этого движенія, желая замаскировать свои замыслы, стараются придать дѣлу такой видъ, какъ будто это крестьяне возстаютъ противъ дворянъ. Я попросилъ его сообщить объ этомъ князю Куракину и уѣхалъ опечаленный сознаніемъ, что у него (гр. Салтыкова) нѣтъ той смѣлости характера, какая требуется отъ человѣка, который руководитъ дѣлами при настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Сентября 8-го. Я былъ у графини Ильинской, съ которой мы бесѣдовали о ея семейныхъ дѣлахъ. Затѣмъ она сказала мнѣ, что она

не одобряетъ поѣздку государя, и что великій князь, который былъ у нея наканунѣ своего отъѣзда, сказалъ ей откровенно, что онъ этимъ весьма огорченъ. По этому поводу она совѣтовала великому князю, чтобы онъ остерегался козней Бонапарта, который ихъ надуетъ точно такъ же, какъ онъ надулъ короля испанскаго и прочихъ монарховъ. Его высочество отвѣтилъ, что онъ раздѣляетъ мнѣніе относительно двоедушія Наполеона и что онъ надѣется, что его братъ будетъ съ нимъ остороженъ.

Сентября 8-го. Я совѣтовалъ гр. Салтыкову помѣстить въ газетахъ статью по поводу отъѣзда государя, но онъ на это не рѣшился.

Сентября 11-го. Былъ въ казначействѣ за жалованіемъ Родофиникина и своимъ собственнымъ и уѣхалъ оттуда глубоко огорченный тѣмъ, что чиновники этого важнаго учрежденія не сдержаны въ своихъ рѣчахъ относительно нашего затруднительнаго финансоваго положенія и необходимости прибѣгнуть къ нѣкоторымъ денежнымъ операціямъ. Я понялъ, что мы находимся на краю пропасти вслѣдствіе злоупотребленія ассигнаціями.

Сентября 13-го. Генералъ Кноррингъ сообщилъ мнѣ о томъ, что императоръ, по внушенію нѣкоторыхъ лицъ, хотѣлъ перейти въ Финляндіи отъ оборонительнаго къ наступательному образу дѣйствій и что только благодаря ему этотъ планъ былъ оставленъ. Онъ прочелъ мнѣ замѣтку о нашихъ силахъ, написанную императоромъ собственноручно, въ которой говорилось, что мы располагаемъ 37 т. человѣкъ войска Затѣмъ онъ обѣщалъ мнѣ дать прочесть свою записку по этому предмету, какъ только гр. Ливенъ возвратитъ ее.

Сентября 14-го. На обѣдѣ у статсъ-секретаря Драхенфельса, на который я былъ приглашенъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми служащими въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретарь Броневскій сказалъ мнѣ, говоря о министрѣ иностранныхъ дѣлъ графѣ Румянцевѣ, что «этотъ человѣкъ способенъ на измѣну, судя по тому, какъ онъ поступаетъ недобросовѣстно, скрывая отъ императора всѣ дѣла, которыя вызываютъ его неодобреніе; что онъ сообщилъ французскому посланнику шифрованныя депеши; что онъ всячески заботится объ интересахъ Наполеона въ ущербъ Россіи и, наконецъ, что онъ достоенъ эшафота»[1]).

Октября 14-го. Вчера вечеромъ великій князь возвратился изъ Эрфурта, а сегодня ожидали императора, но онъ не пріѣхалъ.

По пріѣздѣ великаго князя, разнесся слухъ, что императоръ будетъ объявленъ королемъ польскимъ и будетъ короноваться въ Варшавѣ.

---

[1]) Характеристика эта вполнѣ невѣрная; интересна какъ выраженіе тогдашняго настроенія общества и ненависти его къ Наполеону. Ред.

Октября 16-го. Получено извѣстіе, что графъ Румянцевъ послѣдовалъ за Наполеономъ въ Парижъ, и что графъ Толстой, отказавшійся отъ ордена Почетнаго Легіона, не вернется болѣе къ своему посту.

Октября 17-го. Былъ первый съѣздъ ко двору послѣ возвращенія императора. Во дворецъ съѣхалось весьма мало лицъ.

Октября 22-го. Получено извѣстіе о кончинѣ ген.-лейт. князя Долгорукова, убитаго на рекогносцировкѣ. Государь этимъ чрезвычайно огорченъ и приказалъ отмѣнить спектакль, назначенный въ тотъ день при дворѣ. Это былъ весьма способный молодой генералъ, подававшій большія надежды.

Ноября 6-го. Генералъ Кнорринъ назначенъ главнокомандующимъ арміи въ Финляндіи на мѣсто графа Буксгевдена.

Ноября 8-го. Я былъ у графа Салтыкова, который сказалъ мнѣ, что графъ Румянцевъ не вернется и что онъ вызываетъ Бореля и Полякова въ Парижъ. Я замѣтилъ на это, что графъ не спѣшитъ вернуться изъ-за турецкихъ дѣлъ, опасаясь дѣйствій англо-турецкаго флота, направленныхъ противъ Крыма; онъ, вѣроятно, очень доволенъ тѣмъ, что его тутъ не будетъ въ первый трудный моментъ.

Ноября 18-го. Императорская гвардія и всѣ военные, находящіеся въ столицѣ, дали праздникъ въ честь императора въ домѣ Кушелева. Была разыграна маленькая пьеса, устроена прекрасная иллюминація и балъ, который продолжался до 3 часовъ.

Говорятъ о назначеніи генерала Спренгпортена финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Я замѣтилъ, что это было очень не по сердцу генералу Кнорингу, который временно исполнялъ должность графа Буксгевдена, и который благодаря своимъ связямъ съ графинею Ливенъ и со всей лифляндской кликой старался погубить Спренгпортена въ умѣ императора, изображая его человѣкомъ опаснымъ на томъ посту, который ему хотятъ поручить.

Ноября 19-го. Князь Барятинскій, назначенный посланникомъ въ Мюнхенъ, съ которымъ я видѣлся ежедневно въ архивѣ, гдѣ онъ усердно занимается чтеніемъ документовъ, сказалъ мнѣ, что «всѣ министры готовы подать въ отставку, такъ какъ всѣми ими овладѣло чувство глубокаго разочарованія». Я отвѣчалъ ему, что это вполнѣ понятно, потому что ими овладѣла несчастная страсть къ нововведеніямъ и къ ниспроверженію существовавшаго въ администраціи порядка. Такъ какъ они встрѣчаютъ препятствія къ осуществленію своихъ желаній со стороны императора, который относится къ этимъ новшествамъ недовѣрчиво, то это ихъ и разочаровало. Надобно пожалѣть лишь о томъ, что эти господа не стараются содѣйствовать общему благу, а каждый стремится дѣйствовать по-своему, и это еще болѣе увеличиваетъ существующую между ними рознь.

Ноября 29-го. Графъ Салтыковъ сказалъ мнѣ по секрету, что надобно узнать, можетъ ли австрійскій посланникъ идти во время церемоніала впереди германскихъ принцевъ и что этотъ вопросъ слѣдуетъ рѣшить какъ можно скорѣе, во избѣженіе какого-нибудь недоразумѣнія во время бракосочетанія великой княгини Екатерины Павловны.

Финляндская депутація имѣла счастье обѣдать во дворцѣ съ царской фамиліей.

Декабря 1-го. Ожидаютъ пріѣзда короля и королевы прусскихъ.

Декабря 7-го. Я передалъ графу Ал. Салтыкову замѣтку относительно появившейся въ Москвѣ публикаціи, въ которой какой-то французскій дворянинъ предлагаетъ русскимъ помѣщикамъ отдавать ему на воспитаніе своихъ дѣтей.

Декабря 26-го. День въѣзда въ Петербургъ короля и королевы прусскихъ. 46 батальоновъ солдатъ было разставлено шпалерами отъ Зимняго дворца до Калинкина моста по Вознесенскому и по набережной Фонтанки. Короля привѣтствовали залпами изъ орудій, поставленныхъ при въѣздѣ въ городъ. Король ѣхалъ верхомъ, имѣя по лѣвую руку императора; за ними всѣ русскіе генералы и его свита. Затѣмъ слѣдовала придворная карета, запряженная восьмеркою лошадей, въ которой сидѣла королева и двѣ дамы ея свиты. Передъ ея каретою ѣхалъ экипажъ съ дежурными адъютантами, а позади ея слѣдовали три пустыя кареты. По пріѣздѣ во дворецъ королеву встрѣтили внизу у лѣстницы придворные кавалеры и дамы; обѣ императрицы встрѣтили ее на верху. Въ тотъ же день вечеромъ былъ съѣздъ въ Эрмитажѣ и обѣдъ у вдовствующей императрицы.

Декабря 27-го. Обѣдъ у королевы, вечеромъ спектакль въ Эрмитажѣ.

Декабря 28-го. До обѣда королю и королевѣ представлялись всѣ военные, гражданскіе и придворные чины. Обѣдъ былъ сервированъ въ Эрмитажѣ; вечеромъ былъ концертъ и ужинъ въ покояхъ королевы.

Декабря 30-го. Мнѣ было приказано явиться ко двору и поручено написать брачный контрактъ великой княгини, чѣмъ я былъ занятъ до 2-го января.

Современное стихотвореніе на кончину императрицы Маріи Ѳеодоровны [1]).

Внезапно ясный день заходитъ,
И мракъ объемлетъ цѣлый свѣтъ!
Се вѣсть ужасна переходитъ
Изъ устъ въ уста: Маріи нѣтъ!
Маріи нѣтъ, и вопль раздался:
Царица-мать на небесахъ!
Но образъ Ангельскій остался
Запечатлѣнъ во всѣхъ сердцахъ.

Тамъ, слышу я, соединяютъ
Всѣ сироты печальный гласъ:
О горе намъ! Они вѣщаютъ—
Не стало Матери у насъ!
Здѣсь вижу нища и убога:
Они въ слезахъ идутъ во храмъ
И просятъ всеблагого Бога
Дать утѣшенье ихъ сердцамъ.

Ахъ! въ первый разъ еще Маріи
Не внятенъ вопль несчастныхъ сталъ.
Увы! не чувствуетъ Россіи
Она глубокую печаль.

Какъ Ангелъ кроткій, благотворный,
Она вкушаетъ сладкій сонъ,
Оставя навсегда міръ дольный
И украшонный Ею тронъ.

Но кто жъ Царица, кто замѣнитъ
Потерю тяжкую для насъ?

---

[1]) Стихотвореніе это написано воспитанницею Московскаго училища ордена Св. Екатерины Варварою Ивановною Чалѣевою, скончавшеюся въ 1830-хъ годахъ въ своемъ родномъ имѣніи „Савино“ Костромской губерніи.

Кто нашу грусть, печаль умѣритъ?
Увы! отрадной лучъ погасъ.

Въ тебѣ, въ тебѣ мы зрѣли Матерь,
Всѣ наши блага на земли;
Подъ сѣнію Твоей Создатель
Далъ намъ вкусить счастливы дни!

Давно ль Ты насъ подъ кровъ призвала,
Благотворитель намъ была,
И разумъ намъ образовала,
И жизнь намъ новую дала?

Давно ль въ священномъ вертоградѣ
Сама Ты посѣщала насъ?
Давно ль за всѣ труды наградой
Намъ былъ Твой взоръ, привѣтный, гласъ?

И что жъ теперь! не узримъ болѣ —
Свою Царицу, нѣжну Мать!
И въ безутѣшной нашей долѣ
Къ кому теперь, къ кому взывать?

Мы будемъ жить лишь вспоминаньемъ
Твоихъ безчисленныхъ щедротъ,
Минувшихъ дней очарованьемъ...
Вотъ что осталось для сиротъ.

И имя славное Маріи,
Переходя изъ устъ въ уста,
Священно будетъ для Россіи,
Доколѣ бьются въ насъ сердца.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

сочиненіяхъ по исторіи Сибири у Миллера, Словцова и Андріевича также отрывочны и неполны. Эта крайняя скудость объясняется не только отсутствіемъ необходимыхъ подготовительныхъ работъ, но даже полнымъ неимѣніемъ сборниковъ историческихъ матеріаловъ, которые бы освѣщали тюменскую жизнь XVII вѣка.

Разсматриваемый нами сборникъ матеріаловъ приходитъ на помощь этому печальному положенію.

Всѣ документы сборника взяты изъ архива министерства юстиціи; тутъ помѣщены: Дозорная книга 1626 г.; она принадлежитъ къ числу «переписныхъ» и имѣетъ главнымъ предметомъ не описаніе земель, а перечень населенія по дворамъ, лавокъ и пр.; къ «дозорнымъ» эту книгу приближаютъ тѣ ея части, гдѣ описываются городскія укрѣпленія и подгородныя угодья. Въ ней мы находимъ подробное описаніе главныхъ частей старинной Тюмени: «города», «острога», ямской слободы за Тюменкой, Преображенскаго монастыря, перечисленіе церквей и казенныхъ зданій. Дозорная книга 1700 г. даетъ подробное описаніе всего тюменскаго населенія въ этомъ году, съ перечисленіемъ, сколько пашни, скота, покосовъ, хлѣбнаго и денежнаго жалованья было у различныхъ слоевъ служилаго населенія Тюмени. Сравненіе обѣихъ дозорныхъ книгъ уясняетъ до нѣкоторой степени ростъ этого города за три послѣднія четверти XVII стол.

Списокъ тюменскій городовой 1696 г. представляетъ собою прекрасное дополненіе къ дозорной книгѣ 1700 г.: въ немъ содержится не только подробное описаніе тюменскихъ укрѣпленій въ 1696 г., но исторія ихъ постройки и ремонта съ начала XVII в., и даются точныя свѣдѣнія о главныхъ тюменскихъ пожарахъ въ этомъ столѣтіи. Этотъ «списокъ» очень важенъ для внѣшней исторіи города.

Строельная книга тюменскаго яма 1630 г. — древнѣйшій документъ этого рода и подробно изображаетъ условія службы «ямскихъ охотниковъ», «прибранныхъ» въ ямскую гоньбу за безоброчную пашню и денежное жалованье.

Разгонная книга 1633—1634 годовъ представляетъ собою иллюстрацію «гонебной» повинности тюменскихъ ямщиковъ и даетъ понятіе о характерѣ движенія черезъ Тюмень и о степени его развитія.

Послужной списокъ тюменскихъ служилыхъ людей 1680 г. принадлежитъ къ послужнымъ спискамъ общаго типа: онъ даетъ понятіе о всей службѣ и о служебныхъ отличіяхъ тюменскихъ служилыхъ людей.

Для исторіи экономической жизни значительную важность представляютъ таможенныя книги, изъ которыхъ читатель познакомится почти со всѣми видами пошлинъ, которыя ложились тяжелымъ бременемъ на населеніе и сильно замедляли быстроту торговаго обращенія.

Расходные денежные документы 1684 г., давая понятіе о казенныхъ неокладныхъ расходахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ для потомковъ разныя бытовыя подробности. Такое же значеніе имѣютъ и хлѣбныя и соляныя книги 1670—1679 гг., изъ которыхъ видно, кому, за что и при какихъ обстоятельствахъ выдавались хлѣбъ, соль, какъ неокладной, не предусмотрѣнный расходъ. Наконецъ, пивныя и винныя книги 1700 г. даютъ понятіе объ условіяхъ, которыми сопровождались приготовленіе и торговля этими напитками, о количествѣ выпитаго и степени отвѣтственности за недоимки и разныя упущенія.

Подлинный текстъ документовъ переданъ съ современной намъ пунктуаціей и орѳографіей; старинное правописаніе оставлено лишь въ тѣхъ собственныхъ именахъ, относительно которыхъ не могло быть никакого недоразумѣнія; въ фамиліяхъ оставлено старинное начертаніе. Нѣкоторые примѣры орѳографіи подлинниковъ и полнаго отсутствія пунктуаціи [1]) документовъ показываютъ, насколько затруднительно было бы не только чтеніе, но и воспроизведеніе буквальнаго въ орѳографическомъ и синтаксическомъ отношеніяхъ текста.

Въ концѣ книги помѣщены: статья прив.-доц. П. М. Головачева «Составъ населенія и экономическій бытъ Тюмени въ XVII в.», планъ Тюмени и два вида Благовѣщенскаго собора.

Въ виду симпатичной цѣли изданія (весь сборъ предназначенъ на просвѣтительныя и благотворительныя дѣла), и интереса впервые напечатанныхъ документовъ, — ему нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія.

Н. К-ш-ъ.

---

[1]) Приводимъ примѣръ: «А всего въ мѣсяцѣ августѣ съ русскихъ товаровъ и съ лошадей и съ рыбы и съ двора и съ бани и со всякой мелочи десятой и со служивыхъ людей порублевой пошлины и съ вѣсчаго товара вѣсчія пудовой пошлины и съ судна посаженнаго и явчія головщины и со скота пошерстнаго и роговаго собрано 577 р. 17 алтынъ съ деньгою» (стр. 123).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1903 г.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

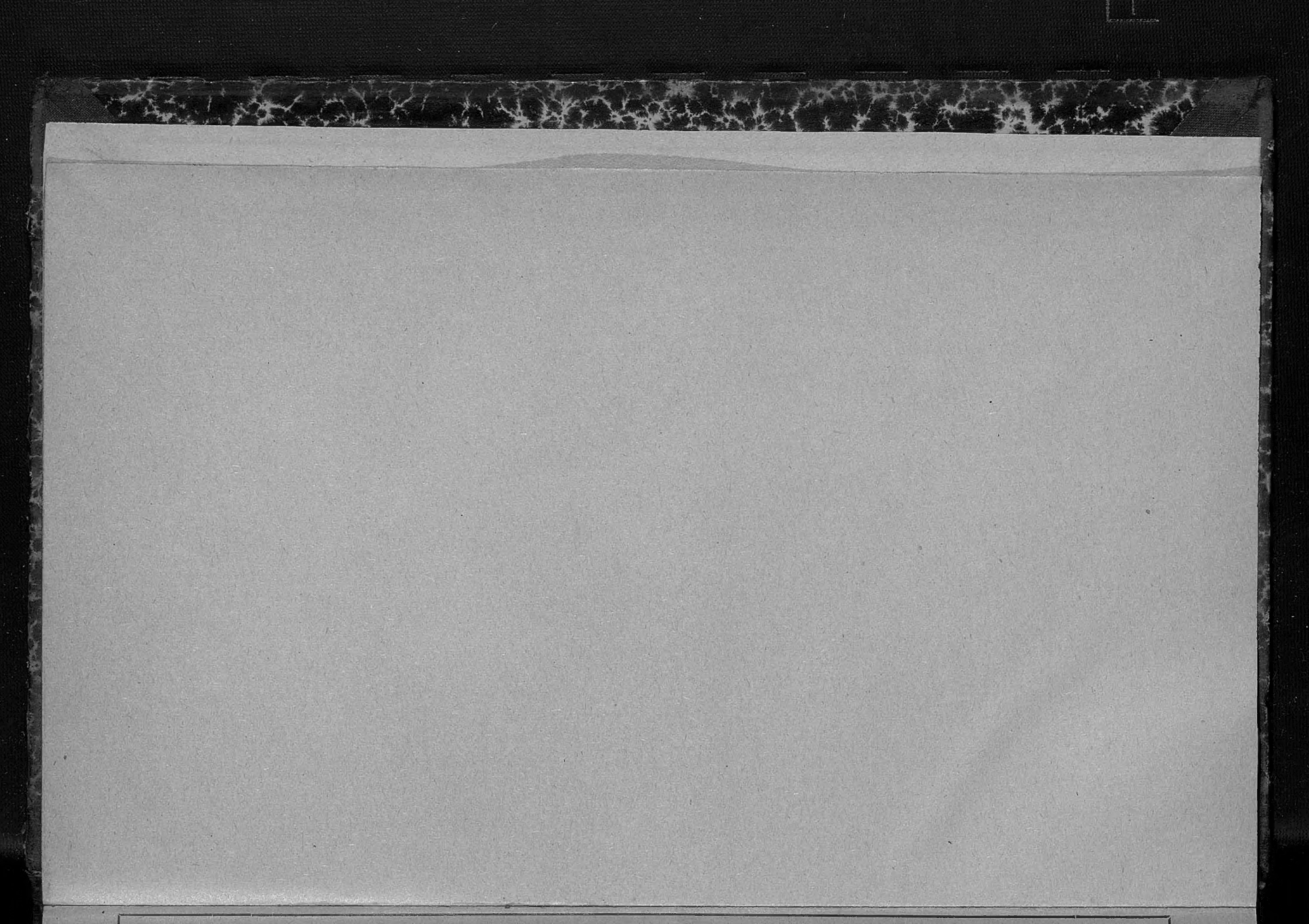
Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.



[illegible]

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.